КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА, В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. Г. ДЕЙЧА

СБОРНИК № 1

*ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА*

Гиз. № 5901. Главлит. № 18643. Москва. Напеч. 4000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая типография, Москва, Пятницкая, 71.

В. Игнатов. В. Засулич. Г. Плеханов. П. Аксельрод. Л. Дейч.

ГРУППА „ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА“.

ОТ КОМИТЕТА.

Название предлагаемых Сборников уже само говорит об их характере и назначении.

Как бы кто ни относился к задачам, поставленным себе группой «Освобождение Труда», никто, полагаем, не будет отрицать, что она внесла нечто новое в происходившее в те времена в России революционное движение, что с ее возникновением начался поворот в иную сторону, в другом направлении. Затем даже лица, считающие ошибочными избранные этой группой программу, тактику, способ борьбы, все же должны признать, что она имела значение в истории нашего освободительного движения. Они не могут также не признать, что во главе этой группы, ее идейным выразителем, был Г. В. Плеханов. Уже ввиду одних этих фактов, несомненность которых не может никто отрицать, нельзя довольствоваться теми немногими заметками в статьях, очерках и историях, которые до последнего времени появились в печати по поводу нашей первой марксистской группы.

Но кроме противников группы «Освобождение Труда», имеются также и ее доброжелатели, считающие ее деятельность, наоборот, полезной. Эти лица, несомненно, хотят ближе, подробнее познакомиться со всем, что касается названной группы,—ее жизни и деятельности, роли, в особенности теперь, когда минуло (25 сентября 1923 г.) сорок лет со времени ее возникновения, что, к слову, прошло почти совершенно незамеченным в России.

Пора приступить к всестороннему ознакомлению с этой группой. Это тем более необходимо, что не только ее непосредственные члены, но также и лица, близко примыкавшие к ней, все чаще и чаще выбывают из строя, чем, понятно, теряется возможность получить имевшиеся у них воспоминания и материалы о ней или о предшествовавшем ее возникновению времени.

К тому же в нашем распоряжении находятся архивы трех бывших основателей этой группы, заключающие в себе очень ценный материал, который—настолько значительных размеров, что при опубликовании его, положим, в уже существующих у нас исторических журналах потребовалось бы слишком много времени.

Отчасти по указанным, но также еще и по другим причинам мы решили приступить к изданию ряда специальных сборников, которые главным образом будут заполняться посмертными произведениями Г. В. Плеханова и В. И. Засулич, их перепиской между собою и с другими членами группы, а также с близкими и знакомыми им лицами.

Мы намерены затем в этих Сборниках помещать воспоминания не только о членах этой группы, но и о лицах, соприкасавшихся с ними и имевших к ним деловые политические отношения, а то и о революционерах других направлений, действовавших в ту же эпоху и так или иначе соприкасавшихся с членами нашей группы.

Кроме этих, так сказать, сырых материалов, мы будем уделять место статьям и заметкам, трактующим о вопросах, входивших в круг интересов группы «Освобождение Труда», ее программы, практических задач и стремлений. В этих сборниках мы намерены помещать и обозрения литературных произведений, посвященных главным образом жизни и деятельности бывших членов этой группы и близко к ним стоявших лиц. Наконец, в отделе «разное» будем сообщать о всяких не входящих в указанные рубрики фактах и обстоятельствах.

В заключение скажем несколько слов по поводу себя самих,— о «Комитете по увековечению имени Г. В. Плеханова».

Он возник тотчас после смерти Георгия Валентиновича, по инициативе Л. Г. Дейча и с согласия Розалии Марковны Боград-Плехановой: он предложил некоторым из наиболее близких им обоим, а также и умершему Плеханову лицам — Л. И. Аксельрод, В. И. Засулич, Э. М. Зиновьевой-Дейч, А. И. Любимову и еще четырем товарищам—образовать названный Комитет, целью которого должно было стать содействие широкому распространению взглядов Плеханова, а также создание всякого рода просветительных учреждений, носящих имя умершего. Перечисленные лица охотно приняли это предложение, но, по разным не зависевшим от нас обстоятельствам,—между прочим, четыре

товарища—В. И. Засулич, А. И. Любимов, Н. В. Васильев, Батурский один за другим вскоре скончались, а другие четыре разбрелись в разные стороны,—до настоящего времени, т.-е. в течение без малого шести лет, Комитет не обнаруживал своего существования.

Таким образом настоящий Сборник служит первым проявлением его деятельности. Будем надеяться, что дальнейшие поставленные нами себе задачи постепенно также удастся осуществить в будущем.

За Комитет: *Л. И. Аксельрод* (*Ортодокс*),

Р. М. Боград-Плеханова,

Л. Г. Дейч.

ОТ РЕДАКЦИИ.

При составлении содержания настоящего первого Сборника мы, по возможности, руководствовались хронологической последовательностью, т.-е. из имеющихся в нашем распоряжении разных манускриптов мы выбрали для него те статьи, воспоминания и пр., в которых трактуется о наиболее отдаленных событиях, предшествовавших возникновению группы «Освобождение Труда», затем о сопровождавших его, и остановились на конце 80-х годов; только в письмах Засулич и Степняка пришлось захватить начало 90-х годов, так как было бы неудобно отложить несколько последних до следующего Сборника.

В этом же духе мы предполагаем составлять и следующие Сборники, из чего, конечно, не следует, что мы не будем возвращаться к предшествовавшим периодам, если у нас появится новый о них материал.

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ.

Значительная, если не преобладающая, часть материалов настоящего, как и следующих Сборников, была привезена мною из-за границы и потом дослана была Роз. Мар. Плехановой. В осуществлении этой, оказавшейся таким образом не безрезультатной, поездки приняли живое участие т.т. М. С. Ольминский и Н. А. Семашко, которым за это я чрезвычайно признателен. Выражаю также свою благодарность т.т. П. Н. Лепешинскому и Н. Н. Крестинскому за оказанное и ими мне при этом содействие.

Эту признательность ко всем названным товарищам разделяют со мною члены Комитета по увековечению имени Плеханова, а также, я уверен, все те, которым дорога память об умерших основателях группы «Освобождение Труда» и которым интересно опубликование ценных материалов, могущих правильно осветить наше революционное прошлое.

28/XII—1923 г.

ЛЕВ ДЕЙЧ.

Л. Г. ДЕЙЧ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА».

(Конец 1883 г. и начало 1884 г.)

I.

Неимоверные трудности встретили мы со всех сторон при нашем выступлении, в чем отчасти сами были виноваты: в течение двух предшествовавших лет мы доказывали тогдашней нашей революционной среде,—в России и, в особенности, за границей,—что необходимо объединиться с единственно действовавшей тогда нелегальной организацией, что нецелесообразно, вредно дробить наши силы и т. д. Все поэтому привыкли считать нас если не официальными, зарегистрированными членами партии «Народной Воли», то кандидатами в таковые, и со дня на день ждали печатного сообщения о состоявшемся нашем присоединении к народовольцам. Вместо этого в конце сентября 1883 г. появилось объявление о нашем разрыве с «Вестником Народной Воли» и о выступлении в качестве новой группы.

Толкам и пересудам по этому поводу не было конца.

В своих письмах к Лаврову Тихомиров, между прочим, осведомлял его, будто «во всей загранице» нет «хорошо относящегося к ним человека». Это была, конечно, неправда, посредством которой лидер народовольцев стремился вооружить старого Лаврова против нас, что, к слову, ему вполне удалось. В действительности, не только «хорошо относившихся» к нам людей, но и больших друзей было у нас «во всей загранице» достаточное количество. Правда, были у нас и недоброжелатели, лица, которым мы,—главным образом. Георгий Валентинович

и я,—были несимпатичны. Но это вызвано было почти исключительно тем, что мы не вели с ними компании,—не проводили времени в кафе в бесконечных разговорах за «консомациями» и т. д. Но сколько-нибудь значительных споров, а тем более ссор и столкновений ни у Георгия Валентиновича, ни у меня до возникновения нашей группы не было ни с кем из молодых эмигрантов.

Тем не менее, повторяю, недоброжелатели у нас имелись, и им, конечно, пришлось вполне по сердцу известие о нашем расхождении с народовольцами. Как бы то ни было, но среди эмигрантов мы ни на какую поддержку рассчитывать не могли.

Не лучше,—хотя и по другим причинам,—обстояло наше дело в России—среди революционной молодежи и рабочих, не говоря уже о нашей интеллигенции, а также передовой части либерального общества, без сочувствия и поддержки которой тогда считалась почти совершенно невозможной какая-либо нелегальная, подпольная деятельность.

Хотя «грозный», еще недавно казавшийся «всесильным» и неуловимым «Исполнительный Комитет Народной Воли», державший, по словам Маркса и Энгельса, в плену «Гатчинского узника», фактически был тогда уже совершенно разбит, но об этом еще не знала наша передовая интеллигенция, не перестававшая поэтому возлагать свои упования на террористов, которые, по выражению поэта Минаева, добудут «хоть куцую конституцию».

С этой стороны мы, как сторонники научного социализма, могли встретить еще более отрицательное к себе отношение, чем со стороны эм грантов.

Несколько больше шансов было у нас по отношению к революционной молодежи, так как некоторая часть ее начала уже тогда охладевать, разочаровываться в благотворности сосредоточивания всех сил на терроре, «на облаве на царя». Но отчасти мы сами оттолкнули от себя наиболее зрелую молодежь тем, что в предшествовавшие годы в своих сношениях с нею как через возвратившегося осенью 1881 г. в Россию Стефановича, так и в непосредственной переписке убеждали ее примкнуть к «Народной Воле». По этому поводу мне, между прочим, вспоминается полученное нами зимой 1881—1882 г.г. из Петербурга письмо от одного представителя чернопередельцев так называемого «второго призыва», т.-е. новой, возникшей после разгрома, под влиянием

П. Б. Аксельрода, организации, о которой подробно сообщает в своих воспоминаниях О. К. Буланова. Автор этого письма,—не помню, кто именно, Шефтель или Загорский,—в страстных выражениях просил нас не агитировать за присоединение к «Народной Воле», не уничтожать существующей небольшой группы, члены которой почти исключительно занимаются пропагандой и агитацией среди молодежи и рабочих. Но мы, настроившиеся под влиянием в приподнятом тоне изложенных писем Стефановича об успехах «Исполнительного Комитета», не вняли этим чуть ли не мольбам и, так сказать, собственными руками уничтожили имевшуюся у нас в Петербурге довольно прочную зацепку. После этого мы потеряли всякую непосредственную связь со столицами, следовательно, и вообще с революционной молодежью и рабочими,—среди последних у нас абсолютно ничего не было, ни единой, самой незначительной связи, как говорится—хоть шаром покати.

И при столь «благоприятной конъюнктуре» мы, маленькая группка в 4—5 человек, вздумали свернуть в новое русло русское революционное движение, имевшее за собою уже тогда довольно продолжительное прошлое, прочно установившиеся взгляды, приемы, традиции. Чуть ли не гомерическим хохотом разражались поэтому некоторые «почтенные» эмигранты, слыша про наши намерения.

«Переводными брошюрками и компиляциями немецких произведений «освободители труда» задумали осчастливить Россию,—все в ней на новый, социал-демократический путь перевести», смеялся, помню, один ныне здравствующий видный эмигрант-народник.

«Вы не революционеры, а студенты социологии»,—укоризненно восклицал самый авторитетный тогда старожил, друг Бакунина, Н. И. Жуковский.

И мы не могли не признавать, что для этого насмешливого, отрицательного отношения к нашим стремлениям имеется немало оснований, почему,—как я уже упомянул в предыдущей статье,—сам Георгий Валентинович сравнивал нередко наши намерения со сборами крыловской синицы море сжечь.

Известно далее, как почтенный Петр Лаврович отнесся к нашему выступлению: он сделал нам очень строгое внушение, так как этим мы, будто бы, «расстраиваем организа-

цию общественной армии», что, мол, «дозволительно только врагам и т. д.» [1]).

Здесь, между прочим, замечу, что живи мы во время нашего расхождения с народовольцами в Париже и пожелай привлечь Лаврова на свою сторону, то, ввиду эклектического склада его ума, нам этого не трудно было бы достигнуть, но именно вследствие этого свойства, несмотря на признаваемые нами его достоинства и заслуги, мы не хотели иметь его в числе сочленов нашей группы.

Совсем не так смотрела на него тогдашняя революционная молодежь: ей Лавров представлялся непреклонным, стойким, последовательным борцом, отдавшим все свои силы и знания интересам трудящихся масс. Для нее поэтому тот факт, что Лавров, действовавший в течение трех с чем-то лет заодно с нами, перешел, однако, на сторону народовольцев и выступил с резким осуждением занятой нами позиции, служил ярким доказательством ошибочности, если не зловредности, наших стремлений.

Что такой именно вывод делала наша молодежь, я имел возможность убедиться не только находясь в эмиграции, но также очутившись затем в России, а потом в Сибири и на Каре. Следовательно, резко отрицательное отношение к нам старого Лаврова было далеко не безразличным обстоятельством для успеха группы «Освобождение Труда», в особенности в течение первых лет ее возникновения.

Перечисленные обстоятельства, однако, не были еще самыми тяжелыми, в которых мы оказались в качестве новой группы: наиболее печальным было то, что у нас совершенно отсутствовали материальные ресурсы, т.-е. тот рычаг, без которого невозможна какая-либо практическая деятельность.

Чтобы осуществлять поставленную себе прежде всего задачу—издавать «Библиотеку Современного Социализма», нам необходимо было иметь свою наборню: [2]) вполне оборудованную мною и хорошо функционировавшую более двух лет типографию, как я уже сообщил, мне пришлось предоставить моему преемнику, народовольцу Полину, так как она устроена была

[1]) «Вестник Народной Воли» № 2; цит. из сочин. Плеханова. Петрогр. 1920, III, I, стр. 160.

[2]) «Наборнями» в Швейцарии назывались наши, русские, «типографии», так как в них производился только набор данных произведений; печатание же их совершалось в швейцарских типографиях, имевших печатные машины.

мною для печатания произведений «Исполнительного Комитета»[1]), средств же для приобретения новой у нас совершенно не было. Таким образом мы оказались, как говорится, при печальном интересе,—в положении, аналогичного которому я совершенно не в состоянии припомнить в течение прошедшей предо мной полувековой истории нашего революционного движения.

Вполне естественно поэтому, что временами, в особенности на первых порах, у нас у всех являлись опасения, удастся ли нам не только осуществить все наши задачи, но продержимся ли мы хотя бы сколько-нибудь продолжительное время, не осрамимся ли окончательно на радость нашим недоброжелателям с народовольцами и бывшим нашим союзником, П. Л. Лавровым, во главе. Такие наши опасения явствуют из печатаемых ниже моих писем к П. Б. Аксельроду, и мне же, которому почти единственному нужно было измышлять способы, как нам извернуться, приходилось ободрять и обнадеживать товарищей, хотя решительно никаких реальных данных, кроме ни на чем конкретном не основанных желаний, в сущности, у меня не было, а одного этого, как известно, недостаточно. Тем не менее мы не осрамились, и группа «Освобождение Труда» продержалась не один год, а два десятка лет. Как это произошло, я изложу насколько возможно подробнее, так как, несмотря на протекшие с тех пор сорок с чем-то лет, до сих пор об этом никто еще не сообщал, хотя, по словам т. М. Ольминского, «об этой группе написано не мало»[2]).

II.

Напомню, о чем я уже сообщил в очерке, посвященном В. Н. Игнатову, что главным образом ему мы обязаны были тем, что смогли выступить как самостоятельная группа.

Собственных средств у него тогда уже почти совсем не было: наибольшую часть доставшегося ему от отца наследства он предоставил в распоряжение общества «Земля и Воля», затем «Чер-

---

[1]) См. «Материалы и т. д.», а также «О сближении и т. д.» в «Прол. Рев.» 1922 и 1923 г.г.

[2]) См. его предисловие к книге «От группы Благоева к Союзу Борьбы». Признаюсь, мне непонятно указанное его заявление: мне, напр., совершенно неизвестно это «не мало написанное» о нашей группе.

ного Передела», остатки же от него пошли на его лечение, а также на специальные предприятия, задуманные Стефановичем. Но от последней суммы тысяча двести франков остались в качестве неприкосновенного фонда, предназначенного им для освобождения Стефановича и для оказания ему материальной поддержки во время его пребывания в предварительном заключении и затем—на каторге [1]). Вследствие моего предложения он согласился эти деньги, составлявшие тогда около 500 р., внести в кассу группы «Освобождение Труда». С этими-то незначительными средствами мы и приступили к осуществлению поставленных нами себе задач. Если читатель вспомнит, что мы не только не имели своей типографии, но также, что у большинства из нас не было решительно никаких средств к существованию и мы перебивались мелкими займами,—он, полагаю, согласится, что наше положение было крайне незавидным,—куда хуже губернаторского. Однако необходимо было начать, располагая только этой ничтожной суммой.

Разыскивая типографию, в которой можно было бы напечатать брошюру Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба», а также «Объявление» о нашем выступлении, я узнал, что старый эмигрант Трусов, владелец русской наборни в Женеве, не прочь был продать значительную часть имевшегося у него шрифта, вместе с корректурным станком, за сравнительно подходящую цену—2.500 фр. Но она вдвое превосходила бывшее в нашем распоряжении количество денег; к тому же, чтобы выпустить указанные выше произведения, необходимо было еще располагать средствами на плату наборщику, на бумагу, квартиру, за печатание в типографии, так как мы, эмигранты, имели только наборни. На все перечисленное и многое другое, связанное с выпуском и распространением печатных произведений,—брошюрование, почта и пр.,—требовались еще немалые средства. Поэтому, хотя и представлялся исключительно благоприятный случай приобрести у Трусова наборню, но у нас не было возможности воспользоваться им. Это являлось тем более огорчительным, что, как нам было известно, народовольцы собирались приобрести у Трусова продаваемый им типографский материал для увеличения количества имевшегося в их распоряжении

[1]) См. «Прол. Рев.» № 9 (21), 1923 г.

шрифта. Поэтому необходимо было торопиться как можно скорее сделать эту покупку.

Я метался из стороны в сторону, обращался к разным лицам, но все мои усилия оказались напрасными: тут отчасти сказалось недружелюбное к нам отношение женевской эмиграции, но, если бы даже его не было, все же едва ли возможно было бы среди преимущественно крайне нуждавшихся наших изгнанников достать сразу две или хотя бы одну тысячу франков,—сумму вообще колоссальную для того времени, к тому же при полной невозможности для нас определить даже приблизительно время ее возврата.

Я и Георгий Валентинович ломали головы, где бы раздобыть необходимые деньги. Единственная надежда была на младшего Игнатова, Илью Николаевича: у него, как мы предполагали, должны были иметься некоторые средства, так как он, находясь в ссылке, не мог истратить полученное им наследство. Но из всех нас до его приезда за границу знал его по «Земле и Воле», к которой он примыкал, один лишь Георгий Валентинович, мы же с Верой Ивановной и Розалией Марковной видели его только во время краткого его с братом Василием пребывания в Женеве. Но Плеханов вообще не любил, да и не умел тогда добывать деньги на общественные надобности. Поэтому без особенного удовольствия он согласился на наше предложение отправиться к Игнатовым, находившимся где-то в горах в Швейцарии.

С понятным нетерпением ждали мы его возвращения, но, увы: он ничего не привез,—Илья Николаевич заявил ему, что в данное время не имеет никакой возможности достать нужную нам сумму.

Мы были чуть не в отчаянии, так как с этой неудачей теряли последнюю имевшуюся у нас надежду.

Долго ломали мы вновь головы и, наконец, я решил написать Василию Николаевичу, хотя прекрасно знал, что, будь у него малейшая возможность достать требовавшуюся сумму, он давно сделал бы это. Все же я счел нужным изложить ему подробно положение дела, имея, конечно, в виду не столько его, сколько младшего его брата и предполагая, что Георгий Валентинович, вследствие неумения вытягивать средства у лиц, обладающих ими, быть может, не представил им достаточно наглядно создавшегося для нас положения. Я мало, если не сказать—вовсе не

рассчитывал на успех моего обращения и сделал его больше для исполнения, так сказать, долга, обязанности, что все пришедшее на ум испробовал.

Оказалось, что В. Н. Игнатов вскоре прислал мне 1.500 фр., вероятно, урезав себя самого, но наше положение было таково, что отказываться от этих денег мы не могли. Благодаря им, мы стали владельцами упомянутых типографских принадлежностей, при чем Трусов согласился сократить цену до 2.000 фр. и получить эту сумму в рассрочку, в несколько приемов.

Но и с этими деньгами все же не было возможности покрыть все указанные выше расходы, сопряженные с выпуском «Объявления» о нашем выступлении и первых выпусков «Библиотеки Современного Социализма.» Однако оставим на время наше материальное положение и обратимся к указанным литературным произведениям Г. В. Плеханова.

Не раз приходилось читать, будто редакция «Вестника Народной Воли», вследствие принципиальных, теоретических разногласий с Плехановым, отвергла его статью «Социализм и политическая борьба», а потому он вынужден был издать ее отдельной брошюрой и поэтому будто бы не состоялось наше соединение с народовольцами. Эту ошибку делает даже бывший член группы «Освобождение Труда», П. Б. Аксельрод, а его, по недоразумению, поддерживает редакция «Пролетарской Революции» [1]). В действительности, как я уже сообщил в предыдущем очерке, Тихомиров с Ошаниной просили Георгия Валентиновича лишь вычеркнуть из этой статьи *резкие выражения*, вроде «партия «Народная Воля» является самой беспринципной из всех бывших партий», или допустить примечание редакции о ее несогласии с этими фразами. Но Георгий Валентинович ни на то, ни на другое не согласился, требуя, чтобы во втором случае ему было предоста-

---

[1]) К моему замечанию в статье по поводу воспоминания П. Аксельрода, что наши теоретические разногласия с народовольцами не имели существенного значения, уважаемая редакция «Прол. Рев.» заявила в выноске, что «с этим утверждением вряд ли можно согласиться». Странно, почему не заявила она этого, когда в № 8 (20) «Прол. Рев.» я подробно это доказывал. Однако, если ни доводы Плеханова в его обширном фельетоне («Искры» № 54), ни мои подробные статьи еще не убедили почтенных членов этой коллегии, то, быть может, она изменит свой безусловно ошибочный взгляд на этот вопрос после того, как ознакомится с печатаемыми в наст. Сбор. материалами из наших архивов. Поддерживаемый ред. «Прол. Рев.» ошибочный взгляд впервые был пущен в ход Л. Шишко, не знавшим многих, только теперь появляющихся в печати архивных документов.

влено в той же книжке место для возражения на редакционную заметку. Только на это Тихомиров не согласился, что совершенно понятно, в противном случае с ним случилось бы то же, что с унтер-офицерской женой, которая, как известно, сама себя высекла.

Ни против единого из теоретических положений, развитых Плехановым в этой статье, не возражал Тихомиров, доказательством чему могут служить печатаемые письма его к Лаврову.

С другой стороны, Георгий Валентинович вовсе не считал существенными употребленные им в этой статье резкие выражения по адресу народовольцев: это явствует из того, что он без всяких споров согласился на наше предложение вычеркнуть их, когда мы решили издать его статью в качестве первого выпуска «Библиотеки Современного Социализма».

В том виде, как она появилась в последней, ее, несомненно, охотно принял бы и Тихомиров.

Почему же, спросит, быть может, читатель, Плеханов не сделал того же, когда его об этом просила редакция «Вестника Народной Воли»? После того, как Тихомиров с К-о отказались от нашего предложения поместить заявление о нашем присоединении, Георгий Валентинович сам желал, чтобы, под тем или другим предлогом, его статья была отвергнута. В этом сказались отчасти мои и других товарищей доводы.

Прежде чем перейду к нашему «Объявлению», остановлюсь на избранном нами названии нашей группы, так как оно тоже породило недоумение и насмешки. Георгий Валентинович предложил нам назваться «Русской социал-демократической группой», но мы, все остальные, нашли это неудобным главным образом из практических соображений,—ввиду опасений оттолкнуть от себя, в особенности на первых порах, революционную молодежь, крайне тогда предубежденную против социал-демократов. Кроме того, нам вовсе не хотелось копировать немецких социалистов, у которых мы находили мало революционности; наоборот, став марксистами, мы желали сохранить проявленный нашей передовой молодежью революционный дух, что, как известно, очень—вернее, даже чересчур—высоко ценили наши учителя—Маркс и Энгельс.

Насколько могу припомнить, Георгий Валентинович немедленно, без сколько-нибудь значительных возражений, согласился с нами и предложил несколько других названий, из которых мы оста-

новились на «Освобождении Труда», хотя его также находили не особенно удачным. До чего трудно было выбрать название, видно отчасти из моих писем к П. Б. Аксельроду, которого я просил придумать более подходящее, но и он ничего не предложил[1]).

Наконец, обращаясь к написанному Г. В. Плехановым же «Объявлению» об издании «Библиотеки Современного Социализма», я считаю небезынтересным указать на следующее: имеющаяся в нем выноска, в которой объяснено, почему не состоялось наше присоединение к народовольцам, сделана была мною, а не Георгием Валентиновичем. Между тем, даже он сам, в то время не одобривший эту выноску, несмотря на феноменальную память, по прошествии многих лет совершенно забыл это [2]).

III.

Справившись, как мы видели, кое-как с вопросом об устройстве своей типографии,—главным образом, повторяю, благодаря В. Н. Игнатову [3]),—мы приступили к разрешению не менее сложного и важного вопроса о том, как нам связаться с Россией, в которой, как я уже выше сказал, у нас не было никаких решительно зацепок,—ни единого своего человека. Между тем, само собою понятно, без этого не было ни малейшего смысла в нашей заграничной деятельности.

Необходимо было во что бы то ни стало приобрести связи в России, хотя бы для того, чтобы было к кому направлять печатаемые издания предпринятой нами «Библиотеки Современного Социализма»: не могли же мы довольствоваться тем, что их смогут читать недружелюбно к нам относившиеся эмигранты и немногие в то время молодые русские студенты в заграничных высших учебных заведениях. Правда, я по возможности не упускал случая снабжать каждого возвращавшегося в Россию, раз только

---

[1]) Теперь, 40 лет спустя, очевидно позабыв все это, он неверно толкует мотивы нашего нежелания назваться социал-демократами, а за ним вслед, как ниже укажу, В. Ваганьян вздумал по этому поводу в чем-то ужасном обвинить меня.

[2]) Между прочим, этим примечанием П. Аксельрод также был недоволен, но по другим, чем Плеханов, соображениям (см. мое к нему письмо от 30/IX 1883 г.).

[3]) Об этом, как и о многом другом, П. Б. настолько основательно забыл, что в своих воспоминаниях приписал мне, а не Игнатову, «материальное обеспечение группы «Освобождение Труда» на первых порах»; Василия Николаевича он даже не причислил к членам нашей группы, а лишь к лицам, «примыкавшим» к ней.

он соглашался, небольшим количеством вышедших брошюр,— Плеханова, а затем Фр. Энгельса—«Развитие научного социализма» в переводе В. И. Засулич, — заделываемых в переплетах самых легальных книг, но этого было, конечно, недостаточно. С такими же оказиями мы посылали без определенных адресов, а вообще—революционной молодежи в России обширные письма, в которых, изложив наши задачи, просили об оказании материальной поддержки нашему предприятию, а также о присылке уполномоченных для более подробных переговоров с нами. Но все эти попытки завязать сношения с Россиею оказались тщетными,—«ни ответа ни привета» мы оттуда не получали.

Единственным способом создать требовавшуюся нам связь с Россией являлась специальная отправка туда нашего единомышленника в качестве делегата. Но сколько-нибудь подходившего для этой миссии лица мы не могли подыскать в Женеве. Только, много времени спустя, Аксельрод из Цюриха сообщил мне, что он обрел там такого человека в лице незадолго перед тем эмигрировавшего бывшего чернопередельца Гринфеста, о котором упоминает в своих воспоминаниях И. Н. Гецов. Я попросил П. Б. направить этого молодого человека к нам, чтобы мы могли предварительно сколько-нибудь познакомиться с ним, что вскоре и произошло. Ввиду значительной роли, которую сыграл этот первый делегат группы «Освобождение Труда», считаю нужным посвятить ему две—три страницы.

Не знаю, каково было полученное Гринфестом, которого мы почему-то переименовали в «Финстера», образование,—вероятно, не выше среднего, а, может быть, и того меньше. Но на нас он произвел впечатление человека, знакомого с популярной тогда среди нашей революционной молодежи литературой, довольно бойкого, предприимчивого и практичного. Правда, в качестве первого делегата только что народившейся в Швейцарии марксистской группы Финстер не совсем подходил: прежде всего, он, повидимому, не обладал достаточными способностями и знаниями, чтобы развивать и защищать перед интеллигентными противниками наши взгляды, затем немаловажным дефектом являлось тогда, как, впрочем, и много лет спустя, то, что у него не было сколько-нибудь значительного революционного прошлого: он только работал в подпольной типографии «Черного Передела» в Минске, откуда скрылся, узнав, что жандармы напали на ее след, но ни в тюрьмах, ни в ссылке не бывал.

При столь ничтожном революционном его «стаже», средних его дарованиях и развитии, наши противники, узнай они о том, что мы его отправляем в Россию в качестве делегата, наверно, покатывались бы со смеха. И, в самом деле, как раз в это же время народовольцы отправляли в Россию знаменитого Германа Лопатина, к тому же не с миссией представлять вновь возникшую группку, а в качестве делегата давно завоевавшего всемирную известность «всесильного Исполнительного Комитета». Блестящий Лопатин, друг Маркса, Энгельса и Лаврова, много раз бежавший из тюрем, ссылок, Сибири, и—никому не известный молодой —Финстер! «По Сеньке шапка»—вероятно, говорили бы наши недруги со смехом. «Задаваясь комической целью «развивать какое-то классовое сознание» у несуществующего в России, по признанию всех наших авторитетов, пролетариата, стремясь заменить вооруженного бомбой героя «мозолистой рукой рабочего», вполне естественно посылать в качестве своего посла такую крупную силу»,—не только иронизировала бы вся «здравомыслившая» эмиграция, но, несомненно, заранее и торжествовала бы, ввиду неизбежно предстоявшей нам полной неудачи и компрометации. Оно и понятно: ну, куда же этому юноше защитить вычитанные из немецких «брошюр» совершенно «неприменимые для нашей страны» взгляды! Такие фразы мне самому приходилось впоследствии слышать от некоторых лиц.

В действительности, подобно тому как в наших взглядах, задачах, стремлениях, так и в отправке Финстера, в качестве нашего первого вестника, конечно, не было решительно ничего смешного, комического: во-первых, у нас не было выбора, и мы поневоле должны были довольствоваться тем, что перед «всей революционной Россией», в качестве первого посла от женевских «освободителей труда», предстанет невзрачный юноша; во-вторых, мы вовсе не возлагали на него чрезмерных надежд.

Главной целью его поездки была организация контрабандной переправы через границу наших изданий. Правда, одна уже эта задача была далеко не из легких, так как для ее осуществления требовалось уменье привлечь людей, найти связи, достать средства, но, насколько мы успели за короткое время пребывания Финстера в Женеве узнать его, она была ему доступна.

Но далеко не легко оказалось для нас снарядить Финстера: принимая во внимание предстоявший ему нелегальный переход через границу, разъезды по России, устройство контрабандного

пути и пр., необходимо было снабдить его несколькими стами франков, которых у нас, конечно, не было. Не будучи в состоянии раздобыть эти деньги, пришлось прибегнуть к хранившимся для Трусова, согласно заключенному мною с ним контракту, следовавшего ему взноса, рискуя, в случае невозможности пополнить его к наступавшему в скором времени сроку, оказаться неаккуратным плательщиком.

Между тем, пока шли сборы и подготовка Финстера к отъезду, мы, знакомясь с ним ближе, все более убеждались, что можем рассчитывать на получение от его поездки бо̀льших результатов, чем первоначально мы предполагали. Довольно подробно обсуждая с ним могущие встретиться ему в России всевозможные обстоятельства и комбинации, мы старались помочь ему заранее подготовиться, как ему в них ориентироваться. Но более всего побуждали мы его стремиться создать где-нибудь в России хотя бы незначительный кружок если не единомышленников наших, то хоть сочувствующих нашему намерению издавать популярную литературу по социализму. Кроме того, мы просили его агитировать за посылку к нам делегата, с которым мы могли бы обстоятельно потолковать о наших взглядах, задачах и стремлениях.

В достаточной степени подготовленный,—«подкованный на полторы ноги», как кто-то сострил, и снабженный, кроме необходимой суммы денег, небольшим транспортом марксистских брошюр [1]), а также и письмами [2]) без адресов к молодежи,—Финстер зимой отправился в Россию.

Мы, конечно, не удовольствовались одной этой поездкой: мы не переставали разыскивать и другие возможности поскорее связаться с действовавшими в России кружками. Таких зацепок в описываемое время представилось несколько, но на всех я останавливаться не буду,—сообщу лишь о четырех из них. Первое место следует предоставить «Дрезденскому юноше», как мы прозвали Осипа Ефимовича Слободского, тогда студента поли-

---

[1]) Он взял с собою по нескольку экземпляров следующих брошюр: «Манифест Коммунистической Партии»—Маркса и Энгельса, «Наемный труд и Капитал»—Маркса, «Программу работников» — Лассаля, «Социализм и политическая борьба» — Плеханова и «Развитие научного социализма»—Энгельса; все эти брошюры были изданы нами, членами гр. «Освобождение Труда», первые три—в «Социально-революционной библиотеке», последние две—в «Библиотеке Современного Социализма».

[2]) Письма эти были от Георгия Валентиновича, Павла Борисовича и меня.

техникума в Дрездене,—этот псевдоним его часто попадается в корреспонденции членов группы «Освобождение Труда».

С момента возникновения последней, в самый тяжелый период ее жизни «Дрезденский юноша» оказал ей много неоценимых услуг, а следовательно, вообще марксистскому движению в России. Получая, сравнительно, небольшие средства от зажиточных родителей, живших в Херсонской губ., он всегда уделял некоторую их часть на наши предприятия. Но, кроме этой, очень, конечно, существенной для нас материальной поддержки, «Дрезденский юноша» также не упускал всякой «оказии» для пересылки в Россию наших изданий и связывания нас с приезжавшими за границу его товарищами и знакомыми. Между прочим, вспоминаю, что, когда я находился на Каре, мне доставляли большое удовольствие попадавшиеся в письмах ко мне членов группы «Освобождение Труда» упоминания о «Дрезденском юноше», оказавшем им такие-то услуги. Не будь поддержки столь отзывчивых молодых людей, каким явился Слободской и другие, положение моих заграничных друзей, несомненно, было бы еще значительно более тяжелым после моего ареста. Но я забегаю вперед.

«Дрезденский юноша» являлся не только отзывчивым молодым человеком, но,—что еще важнее,—непоколебимо твердым, убежденным марксистом в течение сорока лет: теперь он коммунист, работающий, кажется, в Внешторге.

Следующим за ним по значению для нас был «Кенигсбергский студент»—Лев Ильич Городище, тогда студент-медик, которого свел со мною письменно Финстер, как-то познакомившийся с ним при своем проезде через Кенигсберг в Россию.

Сын также довольно состоятельных родителей из Киева, Городище взялся переправить в сундуке с двойными стенками через знакомого немца-рабочего некоторое количество наших изданий для Финстера. Но в пограничной таможне была раскрыта эта «контрабанда»; тогда задержанный немец, чтобы добиться освобождения, согласно предварительному условию с Городищем, указал на него, как на лицо, снабдившее его этим сундуком, будто бы не сообщив о заделанной в него литературе. Ввиду того, что в заранее определенный день «Кенигсбергский студент» не получил от этого немца условленной телеграммы, а следовательно, был задержан, ему, во избежание ареста, пришлось скрыться, после чего он эмигрировал к нам в Швейцарию.

Это был очень элегантный, изящный юноша, с прекрасными манерами, умный, довольно развитой и красноречивый, к тому же,—что сразу было заметно,—обладавший стойким, сильным характером. Но при этих крупных его качествах вскоре обнаружилась имевшаяся у него одна лишь отрицательная черта, тем не менее в сильнейшей степени ослаблявшая указанные положительные его свойства: он был чрезвычайно себялюбив, слишком много заботился о своем благополучии и о будущей карьере. По приезде в Женеву,—что было незадолго до моего оттуда последнего выезда,—он оказывал мне некоторые услуги, но главное свое внимание направлял на изучение французского языка, за каковое занятие он принялся с редкой настойчивостью. Затем, когда я был арестован во Фрейбурге, он, несмотря на свою «нелегальность» в Германии, поселился там, чтобы оказывать мне содействие в предполагавшемся устройстве моего побега: тогда он проявил большую выдержанность и решимость [1]. Повидимому, он также не жалел и денежных средств на оказание всякого рода поддержки как нашей группе, так в частности и мне.

Очутившись впоследствии в русских тюрьмах и затем в Сибири, я поэтому вспоминал также и этого «Кенигсбергского» юношу. Вначале товарищи из-за границы изредка передавали и от него поклоны; потом, сообщив однажды, что он переехал в Париж, где целиком погрузился в медицину, они никогда более уже не упоминали о нем: оказалось, что он совершенно отстранился от всего русского, отрекся от социализма и стал известным в Париже врачом, имеющим богатейшую практику [2].

Совсем иным человеком, к тому же с противоположной «карьерой», был третий юноша — Людвиг Янович, впоследствии шлиссельбуржец, приехавший в Женеву, если память мне не изменяет, по настоянию встретившегося с ним где-то в России Финстера. Своей скромностью Янович сразу произвел на всех нас очень приятное впечатление. Много, помню, рассказывал

---

[1]) Между прочим, это его я имел в виду, сообщая в книге «16 лет в Сибири», что проф. Тун в местном соборе имел свидания с моими товарищами; он же поселился в доме насупротив тюрьмы, чтобы путем сигналов переговариваться со мною, и, наконец, его задержали на Фрейбургском вокзале в ночь увоза меня оттуда для выдачи русскому правительству.

[2]) Бывая там, я с ним видался, но между нами нет ничего общего: это типичный реакционер по убеждениям и по психологии.

он о настроении революционной молодежи, сообщал о господствовавшем в ее среде разброде, о неоправдавшихся надеждах и разочарованиях передового общества, предсказывал успех нашему стремлению издавать социалистические произведения, в которых была огромная потребность в России, но говорил, что для этого необходимо отправить туда кого-либо покрупнее Финстера,—тогда, по его словам, мы могли иметь большой успех. Всего, что он нам сообщил, я, конечно, не помню. Янович явился для нас первым добрым вестником, лучом надежды, что наши усилия не пропадут напрасно. Понравилась нам также главная цель его приезда за границу—познакомиться с современным социализмом и с западно-европейским рабочим движением, за изучение чего он вплотную принялся. Также обрадовало нас его обещание оказать нам материальную поддержку в указанный им срок. И, действительно, через полгода он прислал несколько сот рублей, которые получил от состоятельных родных: в этом, как и в других отношениях, Янович оказался одним из очень немногих, сдержавших свое обещание.

IV.

Раньше его приезда и, кажется, еще до того, как мы делегировали Финстера, к нам однажды заявилась с хорошей рекомендацией изящная, очень миловидная девушка, двадцати—двадцати одного года — Варвара Ивановна Бородаевская, собиравшаяся чуть ли не на следующий же день обратно в Петербург.

Стремясь, как я уже упомянул, использовать каждого возвращавшегося в Россию, мы выразили сожаление по поводу того, что она так поздно явилась к нам, иначе мы попросили бы ее оказать нам услугу, для подготовки которой требуется несколько дней. Милая барышня, несмотря на имевшееся у нее очень «спешное дело», согласилась остаться до указанного нами срока, когда переплетчик мог заделать в имевшиеся у нее ноты, альбомы, гравюры и пр. по несколько экземпляров наших изданий. А пока это совершалось, мы занялись «просвещением» симпатичной и, конечно, очень отзывчивой молодой девушки, впервые от нас услыхавшей о занимавших нас вопросах,—до встречи с нами она жила на Ривьере, в Ницце, Италии вместе со своей подругой, графиней Рейбиндер; словом, среди богатой и родовитой вояжерской публики. Но в Петербурге, по ее рас-

сказам, она вращалась среди литераторов, и лучшим ее другом или женихом,—в точности не помню,—был А. С. Пругавин, втянувший и ее в изучение раскола. В столице у нее были многочисленные и разнообразные связи, знакомства, и нам она могла оказать значительную помощь.

Как внешностью, манерами и рассказами, так и своей готовностью подвергнуться риску, перевозя наши издания, а также обещаниями быть нам и впредь полезной, Бородаевская очень всем понравилась. Повидимому, и мы произвели на нее благоприятное впечатление. Несмотря на резкий контраст, получавшийся при сравнении убогих условий нашей жизни с теми, в которых она вращалась, ее, однако, что-то привлекало к нам; она ежедневно просиживала у нас часами, внимательно расспрашивала о наших взглядах, задачах и пр. Узнав о затруднительном нашем материальном положении, эта симпатичная девушка обещала сделать все, от нее зависящее, чтобы вскоре по приезде в Петербург прислать нам некоторые суммы: сама она не располагала средствами, но, имея обширные связи, не сомневалась в том, что ей удастся раздобыть для столь полезных, как наши произведения, несколько тысяч,—может быть, и больше, но она не желала подать излишних надежд, чтобы потом у нас не было разочарования и недовольства, но за 4—5 тысяч она почти может ручаться.

Мы, как говорится, уши развесили,—готовы были благословлять судьбу за то, что, сжалившись над нами, она послала нам добрую фею в лице прелестной юной девушки с черными волосами, правильными чертами и смуглым цветом кожи.

Долго затем наша адептка сама уже откладывала день своего отъезда, чтобы понабирать у нас побольше всяких подпольных премудростей; наконец, она собралась в дорогу, свернув, однако, в Цюрих, чтобы там познакомиться еще и с Павлом Борисовичем Аксельродом.

После ее отъезда Георгий Валентинович с иронической, ехидной улыбкой спросил меня, сколько, по моему мнению, денег пришлет Бородаевская. Отгадав смысл этого вопроса, я сказал, что несколько десятков рублей. «Нет,—воскликнул он с большим изумлением,—наверно, несколько сот!» Как тотчас же выяснилось, он предполагал, задавая этот вопрос, что я скажу тысячу или больше, что он собирался оспаривать, почему и был удивлен, услыхав о десятках. Я, таким образом, лишил его воз-

можности посмеяться по поводу моего будто бы увлечения красивой барышней, а потому и преувеличенных моих надежд.

Впоследствии оказалось, что девица, не желавшая обещанием больших сумм разочаровать нас, все же обманула даже мои совсем уже скромные ожидания, так как она вовсе ничего не присылала и никаких «связей» не доставила, ограничившись лишь одной открыткой с каким-то видом, в которой уведомила о благополучном своем приезде.

Я не сомневался в ее добрых и искренних намерениях все свои обещания исполнить, но, когда она очутилась в кругу знакомых литераторов, то подпала под их влияние, а они, узнав о наших взглядах, понятно, не отнеслись к ним сочувственно.

Плеханов потом много острил по поводу нашего легковерия. Тем не менее, несмотря на вполне напрасно потерянное всеми нами и мною в особенности время на беседы с этой барышней, мы не были на нее в претензии, так как в первые недели возникновения нашей группы, когда мы были окружены враждебной атмосферой, симпатичная девушка своим внешним видом, сочувственным отношением и обещаниями всевозможных благ все же внесла в нашу полную всяких лишений жизнь разные надежды [1]).

V.

Как уже было мною сообщено в прошлом очерке [2]), года за полтора до описываемого здесь времени я пришел к заключению, что народовольчество отживает свой недолгий век и наступает благоприятный для нас, марксистов, период. Мне казалось, что неизбежным следствием надвигавшейся тяжелой реакции в России явится увеличение притока соотечественников за границу, а вместе с этим, как это было уже в начале 70-х г.г., вновь усилится роль «заграницы»; она снова превратится в источник, из которого опять начнут черпать свою теоретическую и практическую подготовку новые нарождающиеся революцион-

---

[1]) В 1919 г. я встретился в Петрограде с Бородаевской-Ясевич, ставшей совершенно неузнаваемой старухой и довольно известной исследовательницей раскола. Вскоре затем она скончалась от нужды и лишений,—я подробно сообщил о ней в «Вестнике Литературы».

[2]) См. «О сближении и разрыве», «Прол. Рев.» № 8 (20), 1923 г.

ные кадры. Я только не думал, что эти мои предположения так скоро осуществятся, как это произошло.

Уже осенью того же знаменательного года оказался небывалый приток из России учащейся молодежи во все университетские города Швейцарии, что вызвано было закрытием медицинских курсов в Петербурге. К этим жаждавшим знаний девицам вскоре присоединились многие евреи, вследствие ограничения приема их в учебные заведения.

До возникновения нашей группы эмигранты почти вовсе не обращали внимания на учившуюся в западно-европейских городах русскую молодежь, так как последняя вообще не интересовалась «политикой» и в большинстве своем избегала революционеров из опасения скомпрометироваться. К тому же эмигранты тогда не представляли для нее никакого живого интереса. Поэтому, за редкими исключениями, как учащиеся, так и изгнанники жили своими замкнутыми кружками: на происходившие у нас рефераты и лекции являлось только по два—три лично знакомых с кем-либо из нас студентов и студенток; преобладавшее же большинство их никогда не посещало наших собраний. Господствовавший среди эмигрантов взгляд на учившуюся за границей молодежь был крайне отрицательный: многие считали, что туда отправляется наиболее консервативный, добивающийся лишь карьеры элемент, на который не стоит обращать внимания. Только с возникновением группы «Освобождение Труда» изменился этот несправедливый взгляд на заграничную учащуюся молодежь.

Почти с первых же дней мы решили стараться, по возможности, привлечь на свою сторону учащихся. Для этого мы надумали прочитать ряд лекций, сперва в Женеве, где жило большинство из нас, затем и в других университетских городах. Так как учащиеся обыкновенно не знали ни о времени, ни о месте, где происходили подобные собрания, устраиваемые эмигрантами, потому что о них нигде не публиковалось, то впервые мы стали вывешивать в университете и в студенческих кухмистерских объявления о предстоявших в наших эмигрантских собраниях рефератах.

Наши ожидания почти сразу оправдались: уже на первую лекцию, прочитанную старым Н. И. Жуковским, участником движения начала 60-х г.г., об этом отдаленном времени, явилось больше, чем прежде, студентов и студенток.

После него Вера Ивановна Засулич, как привлекавшаяся по Нечаевскому делу, должна была сообщить о нем, но, ввиду собравшейся еще более многочисленной публики, она,—и без того крайне застенчивая,—до того сконфузилась, что не в состоянии была произнести ни слова,—лекция ее так и не состоялась.

Следующим докладчиком был С. М. Кравчинский (Степняк), рассказавший о возникновении и деятельности общества «чайковцев», в число членов которого он входил. Его выступление сошло довольно удачно. В один из дальнейших вечеров я рассказал о революционном движении на юге — о бунтарях, Чигиринском деле и первых террористических актах; публика, повидимому, нашла мои сообщения небезынтересными. Но рекорд побил Г. В. Плеханов.

В ряде обстоятельных лекций, потребовавших четыре вечера, он подробно изложил всю историю общества «Земля и Воля». После первого же его выступления слух об изумительно интересной, захватывающей слушателей лекции его распространился по другим швейцарским городам, а поэтому на следующие его доклады специально приехали некоторые учащиеся из Берна и др. городов. Был такой наплыв слушателей, какого до того никогда не видали в Швейцарии. В конце последнего его доклада произошел довольно неприятный инцидент.

Драгоманов со своими приверженцами, вследствие разных столкновений со всей почти русско-польской эмиграцией, прервал с последней всякие сношения и в течение без малого трех лет не посещал наших собраний. Но слух о неимоверном успехе докладов Плеханова привлек и его. Из присущего Драгоманову враждебного отношения ко всем русским революционерам, а также, вероятно, вследствие недовольства, что Георгий Валентинович, видимо, привлек на свою сторону общие симпатии, он по окончании последней лекции попросил слова. Похвалив сперва форму и общее содержание всех докладов, Драгоманов, очевидно, с целью подорвать доверие к объективности лектора, задал Плеханову ряд ехидных вопросов. Но вдруг председатель собрания—нервный и эксцентричный Н. И. Жуковский—вскочив, заявил, что Драгоманов своими вопросами провоцирует докладчика. Поднялся сильнейший скандал,—потребовали смену председателя. С трудом удалось установить порядок. Получивший затем для ответа слово Георгий Валентинович в высшей степени тактично и умело, нисколько не задевая Драгоманова, возразил

ему, чем еще более увеличил превосходное впечатление и без того произведенное его лекциями.

В течение нескольких недель потом только и разговора было, что об его лекциях. Молодежь была в полном восторге, совершенно очарована Плехановым. Успех получился колоссальный, благодаря чему фонды наши сильно поднялись. Георгия Валентиновича стали усиленно приглашать для прочтения рефератов в другие города — в Берн, Цюрих, — но, обремененный массой литературных занятий, он не мог вскоре исполнить этих просьб. Мы, конечно, старались, насколько было возможно, утилизировать создавшееся благоприятное отношение к нам молодежи.

* * *

Тогда минуло ровно десять лет с тех пор, как учившаяся в Цюрихе в начале 70-х г.г. русская молодежь, сблизившись с эмигрантами и набравшись всяких социалистических взглядов, образовывала революционные кружки, которые, как известно, возвращались затем в Россию, где уходили в народ.

Но об этом изумительном периоде в 1883 г. даже старые эмигранты уже забыли. Только мы вспомнили о том времени: мы также надумали создать за границей кружки, но не наспех, не отрывая их от высших учебных заведений, а постепенно подготовляя их к деятельности в будущем, в качестве вполне сознательных, убежденных марксистов.

Во время лекции Плеханова мы познакомились с наиболее развитыми и интересовавшимися социализмом представителями, вернее, представительницами съехавшейся из других городов молодежи, которым предложили, по возвращении в свои учебные заведения, образовать среди слушателей кружки саморазвития, обещав оказывать в этом необходимое содействие.

Мысль эта очень понравилась и вскоре была осуществлена. Мы выработали программу занятий, указали соответствующую литературу и пр. Но, кроме теоретической подготовки, мы также советовали членам этих кружков оказывать по возможности и непосредственное содействие нашему направлению как распространением марксистской литературы, пользуясь для этого всякой представлявшейся возможностью, так и сборами средств, путем устройства платных лекций, концертов и т. п.

Я привел лишь в самых общих чертах надуманный нами план привлечения учащейся за границей молодежи в так назы-

ваемые «кружки содействия». Впоследствии, как известно, не только в швейцарских городах, но повсюду в Западной Европе возникли сети этих организаций, которые продержались в течение нескольких десятилетий, вплоть до февральской революции. Считаю поэтому излишним распространяться о том, какую огромную роль сыграли заграничные кружки содействия в нашем освободительном движении,—об этом хорошо известно всем сколько-нибудь причастным к революции людям, но далеко не все знают, что начало этим организациям положено было впервые группой «Освобождение Труда» зимой 1883—1884 г.г.

Из возникших тогда кружков наибольшую пользу оказали нам цюрихский и бернский кружки. Первый возник по инициативе и под непосредственным воздействием П. Б. Аксельрода, жившего, как известно, в этом городе и пользовавшегося огромным авторитетом в русской колонии.

Не обладая ораторскими способностями, П. Б., тем не менее, с ранних, юношеских лет умел, как немногие, более его одаренные красноречием люди, влиять устным словом в тесных кружках и на отдельных лиц. Он брал—и теперь, вероятно, продолжает [1])—слушателя убежденностью, искренностью, правдивостью высказываемых им взглядов. То, что он признавал правильным и полезным знать другому, он всегда умел передать так просто, живо, интересно и вместе углубленно, что редко находились у него оппоненты, серьезные противники. В этом отношении, как пропагандист, Аксельрод всегда являлся неоценимым человеком; роль его поэтому в нашем,—как отчасти, и в западно-европейском, — социалистическом движении очень значительна.

Созданный им в начале 80-х г.г. кружок состоял,—насколько могу припомнить, — не только из учащейся молодежи, но и из наехавших туда эмигрантов. В числе последних была, между прочим, небезызвестная Фелиция Шефтель, участница демонстрации на Казанской площади в 1876 г. Вместе с мужем, также поселенцем, ей удалось бежать из гиблого Березова, в котором они провели несколько лет.

Кроме этих, так сказать, обстреленных уже членов, в состав цюрихского кружка входило еще несколько уже бывалых социалистов, имевших «революционный стаж». Мы, таким образом,

[1]) Я не видел его в течение 13 лет уже.

в лице членов этой группы сразу приобрели довольно сознательных единомышленников и товарищей, которые, помню, горячо стремились содействовать успеху поставленных нами себе задач. Они старались измышлять разные способы, как раздобыть требовавшиеся нам, относительно, большие средства, кого делегировать от их в Россию,—уехавший Финстер входил в эту группу,—с кем и как отправлять побольше наших изданий в Россию и т. д. Мы, кажется, наметили двух—трех человек из этого кружка в качестве кандидатов в члены группы «Освобождение Труда».

В другом роде был тогда бернский кружок, во главе которого стояла местная студентка Вера Семеновна Иванова, с которой мы познакомились на лекциях Плеханова.

Очень искренняя, прямая, энергичная, эта студентка быстро приобрела среди товарок уважение и огромное влияние: она являлась между ними чем-то вроде командира. Все в ее кружке, состоявшем преимущественно из женщин—и, кажется, только из одного студента—находились под ее влиянием.

Лишь незадолго до нашего с нею знакомства она впервые заинтересовалась социализмом и, как человек настойчивый, упорный, серьезно принялась за ознакомление с этим учением, не оставляя, однако, в стороне и медицинских своих занятий. Сочлены ее последовали ее примеру. В смысле теоретического развития этот кружок, несомненно, стоял значительно ниже цюрихского, но конкретно, добыванием материальных средств,—благодаря главным образом энергии Веры Ивановой,—бернские студентки, помнится мне, оказались полезнее.

В Берне же в описываемое время жила Анна Марковна Макаревич-Кулешова [1]), бывшая, как и мы с В. И. Засулич, в середине 70-х г.г. членом кружка «Киевских бунтарей». Эмигрировав вскоре затем за границу, она, благодаря выдающимся своим способностям, ораторскому искусству и красивой внешности, быстро приобрела большую известность во многих западноевропейских странах. Как прекрасная агитаторша, свободно владевшая несколькими языками, Кулешова имела среди масс огромный успех, за что несколько раз подвергалась арестам в Париже и в Италии. Как и все русские революционеры в те времена, она по воззрениям являлась анархисткой, но не

---

[1]) Урожденная Розенштейн.

сколько лет спустя, под влиянием разных личных обстоятельств, видимо, разочаровалась в целесообразности своей агитации и, посоветовавшись со мною, поступила в Берне на медицинский факультет. Она также приехала в Женеву на лекцию Плеханова и тоже была им очарована.

Нам, старым ее друзьям, оказалось не трудным привлечь ее на свою сторону: очень умная, изумительно богато одаренная от природы, Кулешова вскоре затем стала сознательной, убежденной марксисткой. Мы привлекли ее в число членов нашей группы, которой она оказала много ценных услуг, но еще неизмеримо бо́льшую пользу принесла Кулешова Италии.

Окончив медицинский факультет по настоянию врачей, ввиду состояния ее здоровья, не в Берне, а в Милане, Кулешова занялась там проповедью марксизма: до этого все итальянские революционеры были анархистами. Под влиянием Кулешовой стали марксистами наиболее выдающиеся представители итальянской молодежи, в числе которой, между прочим, оказался Турати, впоследствии известный лидер итальянских оппортунистов. К сожалению, Кулешова, ставшая его женой, также заняла эту ошибочную позицию.

VI.

Без малейших преувеличений можно сказать, что идейное и моральное влияние вновь появившейся группы «Освобождение Труда» росло если не по дням и часам, то с каждым месяцем. Это сказывалось по многим признакам и фактам. К насмешливому, ироническому отношению некоторых старых «почтенных» эмигрантов присоединилось тревожное, трусливое и заискивающее: они как бы чувствовали, что надвигается опасность, развивается ненавистное им, как анархистам, народникам, народовольцам и ткачовцам, марксистское направление, которое, чего доброго, действительно поведет за собою новое поколение. Они поэтому сочли необходимым начать борьбу с группой «Освобождение Труда» на идейной арене.

Единственно сколько-нибудь, как говорится, «вязавший лыко», умевший поговорить, поспорить и вместе пользовавшийся общим почетом не только среди русских, но также и между французами лицом, был не раз уже упоминавшийся Жуковский.

Очень умный и от природы одаренный человек, сангвиничный, подвижной, Николай Иванович обладал способностью обо всем решительно говорить с апломбом, почему и считался превосходным оратором и полемистом [1]). Его-то наши противники уговорили выступить против нас с рефератом. Тема, докладчик, а также предположение, что с нашей стороны в качестве оппонента явится Плеханов, привлекли много публики, ожидавшей горячей схватки.

Усевшись на видном месте и разложив на столике принесенную связку книг и бумагу, Плеханов вооружился карандашом и устремил взгляд на докладчика: было очевидно, что он решил внимательно следить за лекцией. «Жук», как все звали Николая Ивановича, хорошо знавший острый язык Плеханова, от которого ему не раз в сильнейшей степени доставалось, а также его колоссальную эрудицию и, наоборот, свои крайне ограниченные знания, видимо растерялся, сробел; затем, вместо жестокой разноски, стал рассыпаться в похвалах по адресу Маркса и его последователей. Публика была в полном недоумении. По окончании доклада, не вызвавшего никаких возражений со стороны Плеханова, послышались выражения негодования и возмущения по поводу явной измены из-за трусости столь отважного до этого полемиста. А тут к тому же Георгий Валентинович начал иронизировать, говоря: «вышло совсем, как с Мальбруком, собравшимся в поход,—чего же это вы, Н. И., вместо обещанного опровержения стали вдруг нас расхваливать?».

— Да что с вами поделаешь: вижу, вы разложили книги, бумагу,—значит может произойти битва русских с кабардинцами, ну, я и изменил намерение, — признался самый сильный столп эмиграции.

Таким образом, вместо обещанного всем «поражения марксистов», получилась явная боязнь их затронуть. С этих пор никто из женевских полемистов уже не пытался вступить в открытый бой с Плехановым, но, как нам сообщали, некоторые «почтенные» эмигранты стали приглашать молодежь на частные, закрытые совещания, на которых вполне распоясывались, разнося отсутствовавших ненавистных марксистов. Понятно, что в глазах

---

[1]) См. о нем в моей брошюре «Русские революционные эмигранты», Петроград, 1920.

сколько-нибудь благоразумных и беспристрастных людей такими приемами немного выигрывали эмигрантские «полемисты».

Между тем, Плеханов, одержав не мало блестящих побед в Женеве, направился, наконец, в турнэ по Швейцарии. Он побывал в Берне и Цюрихе, где имел столь же колоссальный успех, как и в Женеве: молодежь не находила слов для выражения своего восторга, но и пожилые люди заявляли, что им никогда еще не приходилось слышать такого талантливого, остроумного и находчивого лектора и полемиста.

Я должен еще отметить, что, насколько могу припомнить, это турнэ было чуть ли не первым в то время,—до этого никто другой не предпринимал поездок в другие города с лекциями. Потом, как известно, такие посещения иногородних стали обычным приемом за границей и имели огромное влияние на развитие нашего революционного движения, в особенности после возникновения (в 1901 году) знаменитой «Искры». Но возвратимся к первым шагам группы «Освобождение Труда».

Несомненный успех, которого не могли не признавать даже заклятые наши враги, однако, в очень слабой степени влиял на улучшение наших материальных условий: мы все же терпели большую нужду, с трудом изворачивались, занимая и «перехватывая», где представлялась возможность, в надежде, что вдруг откуда-нибудь явится к нам человек, который за наши заслуги отсчитает нужную нам сумму. Правда, никто из нас не уподоблялся Фурье, назначившему, как известно, часы, когда он ожидал такого посетителя, все же случалось, что, встретив вблизи своей квартиры прилично одетого человека,—признавался нам Георгий Валентинович,—он подумывал: а вдруг этот господин идет к нам с тем, чтобы отсчитать изрядную сумму: «вот, мол, берите и пишите, просвещайте нашу публику,—дело ваше верное!».

Мы много смеялись по поводу таких его выдумок, но в душе все же допускали,—чем чорт не шутит, почему и не явиться такому чудаку?

Он, действительно, явился, но не отсчитал «изрядной суммы», а следовательно, и не благословил Плеханова на избранном им новом пути. Это был очень богатый помещик, большой чудак, написавший обширнейшую книгу, которая представляла бессвязную смесь из всех областей знаний. Вот это-то курьезное произведение очевидный графоман вместо денег предложил

Георгию Валентиновичу для «Библиотеки Современного Социализма», что, конечно, под деликатными предлогами Плеханов отклонил.

Только несколько лет спустя,—уже когда я давно находился на Каре,—нашлись целых два «мецената», снабдившие Георгия Валентиновича средствами на издание сборника и журнала «Социал-Демократ», а при мне больше являлись лица с намерениями и обещаниями снабдить нас средствами.

Все же, несмотря на вечно постигавшие нас разочарования и бывшее тогда у нас поэтому «хроническое безденежье», подчас вызывавшее неприятные ощущения, в общем все мы, женевцы, в особенности Георгий Валентинович, чувствовали себя совсем недурно. Он, по обыкновению, вечно сыпал остротами, заставляя других покатываться со смеха, когда всякому другому на его месте было бы совсем не до шуток.

При и без того крайне тяжелых материальных условиях и полной необеспеченности семья его в то время еще увеличилась появлением на свет второй дочери [1]). Ввиду маленькой, тесной квартирки это приращение не являлось особенно удобным обстоятельством, так как плач младенца не мог способствовать серьезным, умственным занятиям Георгия Валентиновича, даже при его привычке к ним. Поэтому он иногда приходил ко мне со своей книгой, но, несмотря на присущую ему «дисциплину», мы все же пускались в беседы. Тем не менее, и при этих неблагоприятных условиях Георгий Валентинович успевал много делать.

Кроме всяких выступлений на собраниях, переговоров и хлопот, связанных как с задачами нашей группы, так и с обеспечением семьи, Плеханов в описываемое время готовил статью для «Юридического Вестника» и две брошюры для «Библиотеки Современного Социализма»: одну по еврейскому вопросу, а другая должна была явиться популяризацией «Капитала». Тогда же он усиленно занимался английским языком и по обыкновению много читал по разным отраслям знаний. Не мало также времени отнимали у него мы с Верой Ивановной, приходившие ежедневно к Плехановым обедать, после чего неизменно часа два, а то и больше, проводившие в беседах и спорах, иногда довольно горячих, по различным вопросам, всегда, однако, мирно кончавшихся.

[1]) Ее, к слову, назвали, по революционному моему псевдониму, Евгенией.

Был, впрочем, в описываемое время один случай, когда я с Георгием Валентиновичем довольно серьезно повздорил, после чего дулись друг на друга в течение нескольких дней, и понадобилось вмешательство Розалии Марковны для нашего примирения, — о причине этой размолвки сообщу ниже.

Но еще куда неприятнее и безнадежнее было тогда положение другого редактора «Библиотеки Современного Социализма», П. Б. Аксельрода: семья у него была еще многочисленнее, а рессурсов и видов меньше, чем у Плеханова. Эти тяжелые условия в сильной степени отражались на его настроении и трудоспособности, что, в свою очередь, оказывало неблагоприятное влияние на результаты его занятий.

Задумал П. Б. Аксельрод написать для рабочих брошюру «Что такое социализм», но она долго ему не давалась главным образом вследствие только что указанных причин, но также и потому, что у него не было привычки писать популярно, да он и вообще не легко справлялся с писаниями. Как бы то ни было, когда присланную им рукопись названной брошюры мы прочитали вслух, то единогласно нашли ее неудовлетворительной. Пришлось поэтому отправить ее обратно ему с указаниями необходимых в ней изменений и поправок, хотя мы и знали, что это его очень огорчит. Вновь полученная в исправленном виде брошюра все же имела еще не мало изъянов, и в таком виде ее нельзя было отдать в набор, почему мы вторично возвратили ее, что привело П. Б. чуть не в отчаяние.

Между тем, вследствие этих проволочек, наша типография оставалась без материала, наборщики нуждались в рукописях, о чем, конечно, знал П. Б., и что, понятно, его крайне расстраивало. Получалось очень тяжелое положение. У нас вообще было недостаточно литературных сил, как, впрочем, и исполнителей всяких других необходимых для группы функций.

Единственным заправским, к тому же уже тогда выдающимся по таланту и эрудиции писателем являлся только Георгий Валентинович. При других условиях он один был бы в состоянии снабжать достаточным количеством рукописей нашу небольшую наборню, но, как я уже сообщил, его дергали в разные стороны, отрывали от литературных и других работ, да, кроме того, в то время у него еще не было, употребляя его же выражение, «писательского ража», и он не особенно охотно брался за перо, предпочитая возможно больше времени посвящать теоретическим

занятиям: только несколько лет спустя, набравшись достаточных знаний, у него явилась способность и охота быстро справляться с той или иной задуманной им темой, «не готовясь к ней, как к диссертации».

Вера Ивановна, вследствие присущей ей скромности и застенчивости, еще не решалась браться за самостоятельную литературную работу и довольствовалась переводной работой. Но, помнится мне, уже тогда Георгий Валентинович склонил ее приняться за изучение истории Интернационала с тем, чтобы написать о нем популярную книжку, что, как известно, она, по независевшим от нее обстоятельствам, лишь отчасти исполнила.

От сильно тогда разболевшегося В. Н. Игнатова, взявшегося, было, также за компиляцию, нечего было требовать скорой присылки рукописи. А я, если бы даже являлся «литературной силой», то и тогда не мог бы ничего написать, потому что был занят всякой кропотливой, скучной технической возней и заботой, словом, был «и швец, и жнец, и на дуде игрец», а Анна Марковна Кулешова занята была целиком медициной. Все сознавали, что необходимо увеличить число членов нашей группы, что́ мы охотно сделали бы, но нигде за границей не было ни единого, сколько-нибудь подходившего для этого, согласного с нашими воззрениями кандидата. Мы до такой степени являлись поэтому снисходительными, нетребовательными, что, несмотря на имевшееся у Георгия Валентиновича представление о С. М. Кравчинском, как «о чем-то вроде прудониста» [1]), он, однако, согласился на мое предложение привлечь Степняка в нашу группу; но, как я уже сообщил в посвященной мною ему брошюре, Кравчинский от этого отказался, заявив, что хочет остаться «ни в тех, ни в сех, — быть вольным казаком». К слову, С. Кравчинский и жена его Фанни Марковна являлись единственной во всей эмиграции четой, довольно сочувственно относившейся к нашему выступлению и навсегда оставшейся со всеми нами в самых дружеских отношениях [2]).

Но вдруг зимой все того же знаменательного года приехала в Швейцарию освобожденная, кажется, из краковской или из

---

[1]) См. его письмо к Лаврову, № 12.

[2]) Как будет видно из переписки с ними Веры Ивановны и Георгия Валентиновича, исключительно благодаря во-время оказанной Степняком значительной материальной поддержки в конце 80-х г.г. удалось спасти Плеханова от грозившей ему смерти.

львовской тюрьмы, очень миловидная, умная и образованная бывшая петербургская курсистка, подруга Розалии Марковны,— Ванда Цезарина Войнаровская.

Познакомившись с нею, Георгий Валентинович нашел ее наделенной исключительными свойствами: обладающей большими теоретическими интересами, в особенности к научному социализму, значительным развитием, умом, тактом и пр. Ввиду всех этих ее добродетелей, он настаивал на том, чтобы мы предложили ей вступить в нашу группу. Но я и Вера Ивановна, лишь изредка встречаясь с этой белокурой красавицей и не вступив с ней ни разу в беседу, тем не менее, вовсе не приходили в восторг от ее ума, развития и характера: нам она казалась не совсем правдивой, искренней, что мы и высказали обоим Плехановым, так как Розалия Марковна также, помнится мне, чрезвычайно расхваливала свою сокурсницу. Георгия Валентиновича, знавшего, что Вера Ивановна и я совсем незнакомы с Войнаровской, рассердило наше отрицательное отношение к предложенной им кандидатке. Вот по этому-то поводу и произошла у нас упомянутая выше размолвка, после которой я согласился, что раньше произнесения своего окончательного мнения о кандидатуре Войнаровской мне необходимо ближе с нею познакомиться, но, ввиду нижеследующего, мне это не удалось [3]).

VII.

Выше я только упомянул о нашей типографии, но ничего не сообщил ни об ее устройстве, ни о работавших в ней лицах. Между тем, и в этом отношении нами были введены некоторые новшества, приемы, не применявшиеся в существовавших раньше за границей русских типографиях.

Издание всякого русского произведения там обходилось значительно дороже, чем таких же размеров рукописи на каком-либо западно-европейском языке, что обусловливалось в полутора раза большей платой, которую получали наборщики за набор

---

[1]) Забегая вперед, скажу здесь, что уже без меня она была принята, однако оказалась совсем неподходящим для группы «Освобождение Труда» членом. Побыв некоторое время с моими друзьями, она перешла к польским социал-демократам, где заняла выдающееся положение, являясь представительницей их в Интернационале.

славянского манускрипта. Вместе с тем наборщики во всех русских типографиях за границей являлись наемными рабочими, поставленными во всех отношениях в условия, тождественные с существовавшими в промышленных предприятиях: они обязаны были набирать все, что им приказывали, конечно, не имели права подавать свои голоса за или против поступившей к ним рукописи и т. д.

У нас наборщики являлись нашими товарищами-единомышленниками, работавшими по убеждению, принимавшими участие в обсуждении всех решительно связанных с судьбой нашей группы вопросов. Будучи фактически членами ее, они, понятно, не должны были находиться в значительно более привилегированном положении, чем мы, остальные участники — редакторы, сотрудники и т. д. Между тем, получая по высокому тарифу за славянскую рукопись, хороший наборщик мог, в среднем, заработать в месяц 250 — 300 фр., а то и больше; в это же время автору набранных ими произведений едва ли удавалось раздобыть всякими посторонними способами половину этих средств, а то и значительно меньше, так как издавна установился за границей странный взгляд, будто революционер за нелегальную литературу не должен получать гонорара. Случалось иногда, что сам же автор платил по полуторному тарифу за набор своего произведения, и в то время, когда он с семьей буквально голодал, наборщики имели от этого бедняка очень значительный заработок.

Кажется, впервые мы, марксисты, ввели некоторое приближение литературной работы к типографскому труду: мы перестали платить наборщикам по повышенному тарифу, а предлагали им довольствоваться прожиточным минимумом, т. е. они получали 75—80, а то и по 100 фр. в месяц,—смотря по состоянию наших средств, независимо от того, были ли они заняты все время или нет. Но тогда же мы стали и авторам давать определенную полистную плату (помнится мне, по 75 фр. за лист самостоятельного произведения и по 25 фр. за перевод).

После введения этой реформы, еще при моем заведывании первой типографией, у нас решительно никаких недоразумений и неудовольствий с наборщиками не происходило, что вполне естественно, ввиду того, как я уже упомянул, что они являлись нашими единомышленниками. Скажу здесь о каждом из них по нескольку слов.

Первым наборщиком, приглашенным мною в оборудованную для народовольцев типографию, принадлежавшей раньше группе «Община», был мой товарищ по южному бунтарскому кружку и Чигиринскому делу — И. В. Бохановский, которого вместе со мною и Стефановичем, как известно, М. Ф. Фроленко вывел из тюрьмы, после чего мы втроем уехали за границу. Когда мы, бывшие чернопередельцы, собирались сообща с народовольцами издавать «Вестник Народной Воли», для чего требовалось увеличить число наборщиков, я, при посредстве П. Б. Аксельрода, пригласил к нам в Женеву эмигрировавших тогда в Цюрих бывших наборщиков находившейся в Минске подпольной типографии «Черного Передела» — Гецова и Левкова. Но, когда, вследствие несостоявшегося нашего присоединения к народовольцам, мы решили обзавестись собственной наборней, то Левков пожелал работать с нами, а Гецов — с народовольцами.

О своем прошлом, а также этого товарища, довольно подробно сообщает Гецов в интересных воспоминаниях. Мне остается только прибавить здесь, что Левков, избравший себе часто попадающийся на изданиях «Библиотеки Современного Социализма» и в переписке членов нашей группы псевдоним «Рольник», был очень деликатным, отзывчивым и идейно преданным членом. Он довольно хорошо разбирался в марксизме, принимал близко к сердцу интересы нашей группы и, насколько это было возможно, стремился соблюдать экономию. Хотя, как наборщику, получавшему месячный оклад, ему, в сущности, были выгодны нередко случавшиеся перерывы в работе вследствие неполучений своевременно рукописей, его, наоборот, такие «каникулы» всегда чрезвычайно огорчали, и он напоминал мне, чтобы я понуждал авторов торопиться с присылкой их произведений. Затем, при происходивших у нас «хронических безденежьях», Рольник ни единым словом не выражал мне ни малейшего неудовольствия и вместе со всеми нами терпеливо переносил сопряженные с этим лишения. Словом, повторяю, он являлся не просто наборщиком, а хорошим, сознательным товарищем, с которым у нас установились вполне приятельские отношения.

Также и Гецов, оставшийся в типографии «Вестника Народной Воли», идейно примыкал к нам, и в течение всей дальнейшей своей жизни, вплоть до настоящего времени, остается убежденным марксистом, членом социал-демократической партии в Америке, где он проживает в течение 30-ти с чем-то лет (в Нью-Иорке).

О третьем работнике, вышедшем из находившейся в Минске чернопередельческой типографии — Гринфесте или Финстере я уже выше сообщил, что он также целиком примкнул к нам; затем, вернувшись обратно в Швейцарию, он тоже вступил в местную социал-демократическую партию, неизменным членом которой остался вплоть до своей смерти, наступившей в начале настоящего столетия (в Цюрихе).

Как видим, не только все пять основателей группы «Освобождение Труда», но и наборщики ее, а также первый делегат, отправившийся от нас в Россию, являлись бывшими чернопередельцами. Следовательно, все функции, связанные с деятельностью нашей первой марксистской группы, исполняли лица, раньше входившие в названную народническую организацию. «Этого,—говорил Плеханов,—не следует упускать из виду тем, которые утверждают, будто «Черный Передел» не оставил после себя никаких следов».

* * *

Обратимся теперь к давно уехавшему в Россию с важной миссией Финстеру. Насколько могу припомнить, не скоро стал он подавать о себе вести, что, понятно, нас сильно тревожило, но, как затем оказалось, это было неизбежно по разным причинам.

Уже из первого его письма явствовало, что он вполне оправдывал имевшиеся у нас насчет его поездки надежды. Подробно описанные им встречи, беседы и впечатления совершенно совпадали с рассказами Яновича и других приезжих. Но, главное, оказывалось, что некоторые из его новых знакомых заинтересовались нашей группой и, видимо, готовы были поддержать ее. Финстер сетовал на то, что у него не было достаточного количества наших первых произведений, чтобы раздавать хотя бы по одному экземпляру на каждый из посещенных им городов. Он сообщал, что, вообще, замечается увеличение интереса к загранице и, в частности, к издаваемым нами произведениям, так как многие все более и более разочаровываются в народовольчестве. Нашлись поэтому не только отдельные лица, но и небольшие кружки, соглашавшиеся взять на себя оплату довольно значительных расходов, связанных с изданиями, а в особенности, с дорогой контрабандной переправкой наших произведений: его снабдили средствами для организации пути, и ему это удалось осуществить. Остановка оказывалась только за получением от нас транспорта.

Он поэтому просил как можно скорее отправить его, так как, по его словам, от этого зависел весь успех нашего дела. Провал небольшого транспорта наших изданий, отправленного Кенигсбергским студентом Городищей, — о чем я уже выше сообщил,— по словам Финстера, причинил ему много огорчений; ввиду этого он настоятельно просил меня позаботиться, чтобы эту вторую отправку изданий вновь не постигла бы неудача.

Письмо это, конечно, чрезвычайно обрадовало всех нас. Но немедленно, как он настаивал, мы не могли исполнить его заказа, так как это было сопряжено с некоторыми расходами, а у нас в тот момент было почти полное безденежье; так, например, хорошо помню, что я не в состоянии был внести за квартиру, в которой помещалась типография, ничтожной платы, — в точности не помню ее размера, но, вероятно, не больше франков 20 — 25 (приблизительно 8 — 10 руб.).

Предстояло еще несколько настоятельных расходов и срочных взносов по займам; так, между прочим, для иллюстрации того, как нам приходилось изворачиваться, сообщу об одном из последних.

Как-то, еще осенью, когда мне были крайне необходимы деньги, я обратился письменно к моей приятельнице Анне Марковне Кулешовой с просьбой во что бы то ни стало достать такую-то сумму на определенный срок, хотя, повторяю, у нас никогда не было ни малейших шансов на выполнение таких обязательств, тем не менее, помню, мы ни разу не нарушили их. Кулешова ответила, что единственной для нее возможностью исполнить мою просьбу является заем у одной ее товарки, которая, собираясь скоро в Россию, как ей известно, хранит в неприкосновенности как раз требующуюся мне сумму. Моя приятельница поэтому спрашивала меня, могу ли я взять на себя обязательство вернуть полученные деньги, если буду предупрежден о предстоявшем отъезде этой студентки за столько-то дней,—в точности не помню сколько.

Вынужденный настоятельной необходимостью, я взял на себя это обязательство, хотя, повторяю, не имел решительно никаких впереди видов.

Проходили недели за неделями, а Кулешова ни словом не упоминала о наступающем сроке. Я поэтому совершенно забыл об этом грозном обязательстве, когда вслед за требованием Финстера выслать ему большой транспорт книг, что было сопряжено с значительной затратой, я вдруг получил от Кулешовой письмо, выражавшее крайнее изумление по поводу моего мол-

чания относительно ее просьбы о возвращении следуемых денег: оказалось, что она передала об этом через Георгия Валентиновича, во время его пребывания в Берне, а он, будучи охвачен многочисленными впечатлениями, находясь в атмосфере возбужденной молодежи, при нескольких к тому же переездах из одного города в другой, совершенно выпустил из головы это важное поручение.

Я был этим сильно огорчен и, конечно, напустился на Г. В., который и без того признавал свою оплошность. Срок отправки денег предстоял чуть ли не через 4 — 5 дней, и все мои старания достать их не только в Женеве, но и в других городах, в которых у нас имелись единомышленники и сочувствовавшие нам лица, оказались совершенно тщетными. Я приходил чуть не в полное отчаяние, так как мне не хотелось поставить Кулешову в неловкое положение перед мало знакомой ей сокурсницей, которую к тому же родные за чем-то экстренным вызывали домой.

Между тем от Финстера вновь пришло письмо с еще более настойчивой просьбой поторопиться с присылкой изданий, так как на границе у него все уже налажено, и он ждет со дня на день транспорта. Понятна, полагаю, каждому затруднительность моего тогда положения.

В это время приехавший незадолго перед тем из Цюриха кенигсбергский студент Городище пришел мне несколько на помощь: он выразил готовность на свой счет перевезти наш транспорт через швейцарско-германскую границу, а оттуда отправить его по почте в указанный Финстером последний пункт на русской границе, на что требовалось приблизительно франков 150 — 200.

Это было очень любезно с его стороны; все же его предложение не выводило меня вполне из затруднительного положения: оставалась еще невозмещенной полученная мною через Кулешову сумма. Видя полную невозможность достать ее в Женеве, а также получить ее по письменным моим об этом просьбам из других городов, я решил поехать с транспортом, чтобы, будучи по пути в Берне, лично попытаться достать там требовавшиеся деньги для уезжавшей студентки, хотя на это у меня не было решительно никаких шансов.

Кроме этой цели, у меня было еще несколько причин, вследствие которых я считал нужным предпринять эту поездку. Между прочим, руководители выше упомянутых незадолго перед тем возникших в Берне в Цюрихе групп содействия давно уже про-

сили меня приехать к ним, чтобы познакомиться и потолковать со всеми их членами о задачах нашей организации, рассказать о русском революционном движении и т. п. Я и сам находил полезной мою поездку, так как после огромного идейного и морального посева, который сделал Георгий Валентинович своими выступлениями, мне казалось возможным собрать осязаемую, материальную жатву, и, как вскоре оказалось, я не ошибся. Были еще некоторые обстоятельства, требовавшие моей поездки.

В конце февраля я отправился в Берн с тем, чтобы, познакомившись с местной нашей группой, достать деньги и, расплатившись с сокурсницей Кулешовой, поехать в Цюрих для скорейшей отправки транспорта.

Не только оправдались мои надежды, но я совершенно неожиданно получил, сверх нужной для возмещения займа суммы, еще довольно значительные относительно деньги. Сперва местная группа, которой я уже из Женевы сообщил о требовавшихся мне деньгах для расплаты, вручила мне сумму, превосходившую заем уезжавшей; потом, когда я навестил одну хорошую мою знакомую, большую приятельницу Кулешовой, она спросила меня, не нужны ли мне деньги, так как у нее имеется свободных несколько сот рублей, которые она тут же выложила на стол. Так как, уезжая из Женевы, я оставил Рольника с типографией, а также друзей своих — Плехановых и Веру Ивановну без всяких средств, я, конечно, обрадовался этому совершенно неожиданному предложению, но прежде чем принять его, спросил, когда должен буду возвратить эти деньги. Она сказала, что могу пользоваться ими до тех времен, когда мы, разбогатев, не будем нуждаться в таких ничтожных суммах. Я, конечно, согласился на это условие.

Явились в Берне еще и другие предложения и дела, сулившие нам в будущем разные материальные блага, но я на них останавливаться не буду, так как тороплюсь сообщить о более важных обстоятельствах, случившихся в эту мою поездку и приведших, как известно, к моему провалу.

VIII.

Расплатившись как раз в требовавшийся в срок с уезжавшей студенткой и обещав членам нашей бернской группы остаться подольше у них на обратном пути, что, по моему предположению,

должно было вскоре произойти, я, сопровождаемый всякими теплыми пожеланиями со стороны группы симпатичной женской молодежи, проводившей меня на вокзал, отправился в Цюрих.

В те времена, ввиду действовавшего в Германии закона против социалистов, как известно, центральный орган социал-демократической партии, редактировавшийся тогда Эд. Бернштейном, издавался в Цюрихе, откуда контрабандным путем он переправлялся через границу. Отправлять непосредственно из Швейцарии на русско-германскую границу наш транспорт было чрезвычайно рискованно. Я решил поэтому воспользоваться имевшимся у экспедитора германской социал-демократической газеты, небезызвестного Мотелера, контрабандным путем.

В первый же вечер моего приезда в Цюрих мы с Аксельродом отправились к Мотелеру; но, выслушав мою просьбу, он сказал, что незадолго перед тем произошел «провал границы», поэтому он лишен возможности помочь мне в переправе наших изданий; по его словам, приходилось отложить это дело на неопределенное время, пока не удастся им вновь наладить контрабандный путь.

Это сообщение меня очень опечалило: Финстер в последнем письме уведомлял, что его продолжительное пребывание в небольшом пограничном поселке, где каждое новое лицо на виду, чрезвычайно опасно; это было вполне верно: излишняя проволочка грозила ему арестом, а следовательно, провалом всего предприятия,—потерей возможности связаться с Россией, доставлять туда наши издания и пр. Поэтому нельзя было мешкать в ожидании неизвестно сколько времени, пока социал-демократы устроят надежную переправу.

В Цюрихе же жил студент-медик Ефрон, который, как мне было известно, неоднократно переправлял каким-то способом через швейцарско-германскую границу русские революционные произведения, что всегда охотно делал. Но, когда я обратился к нему, он также предложил подождать несколько недель, ввиду происходивших у него в то время выпускных экзаменов.

Судьба, видимо, подстроила все так, чтобы я сам перевез через границу наши издания. Я, однако, не сразу решил взять на себя эту опасную миссию.

В другом пограничном с Германией городе—в Базеле, у меня имелся знакомый швейцарец социал-демократ, который также не раз помогал нам в деле перевозки через границу русских революционных произведений: всего недели за две—три до

описываемого здесь времени я дал члену польской организации «Пршедсвит», Яблонскому, рекомендательное письмо к этому швейцарцу, и, как мне было известно, польский товарищ благополучно провез свои брошюры.

Ввиду настояний П. Б. Аксельрода и жены его Надежды Исааковны не подвергать себя риску, а предоставить ей заботу, при содействии моего базельского социал-демократа, о перевозе через границу и дальнейшей отправке наших изданий, я, хотя на это согласился, но для полной уверенности, что по ее неопытности в таких предприятиях не будет совершен какой-нибудь крупный промах, все же решил отправиться в Базель вместе с нею и, на всякий случай, захватил с собою заграничный паспорт, под которым в Цюрихе жил муж Фелиции Шефтель. Мои друзья одобрили это мое решение, но, как вскоре увидим, то был первый промах, приведший к печальному финалу.

Предназначавшиеся для перевозки произведения были нами разложены в двух больших дорожных сундуках, так что они заняли в каждом половину объема, затем поверх них мы положили в одном—мужское белье и платье, а в другом—женские вещи, чтобы при осмотре в таможне этого багажа он не возбудил подозрения.

* * *

Из Цюриха мы выехали 9-го марта. Найдя вскоре по приезде в Базель моего швейцарца, мы от него узнали, что перевозка через границу русских произведений не представляет никакого риска, так как среди немецких таможенных чиновников он имеет хорошего знакомого, который в его присутствии поверхностно осматривает багаж.

Мы втроем отправились на вокзал, находящийся уже на германской территории, где швейцарец отрекомендовал нас своему знакомому немцу, который, действительно, лишь слегка осмотрев наши вещи, наклеил полагающиеся ярлычки на сундуках.

Первый и вместе самый важный акт, таким образом, прошел вполне благополучно. Затем предстояло доехать до какого-нибудь ближайшего германского города, там остановиться и, заделав брошюры в посылки, отправить их по почте на присланный Финстером адрес в какой-то город, расположенный вблизи русско-германской границы, а там он уже сам должен был позаботиться о переправе транспорта в Россию через контрабандистов.

Надежда Исааковна выразила готовность отправиться в Германию с этим багажом, но я воспротивился этому, так как в предстоявшем акте не предвидел никакой опасности; к тому же было еще одно важное обстоятельство, побуждавшее меня поехать туда.

Незадолго перед тем, «Дрезденский юноша» написал мне об имевшемся у него «вполне верном плане» получить довольно крупную сумму для нашей группы. Для обсуждения сообща со мною этого плана он готов был приехать из Дрездена в Швейцарию. Занятый вышеизложенными хлопотами, я отложил ответ ему до выяснения дела с отправкой транспорта. Теперь, когда оказалось, что осмотр багажа прошел вполне благополучно, мне пришла мысль соединить отправку брошюр из германского города со свиданием с «Дрезденским юношей»: таким образом достигалась экономия времени и издержек.

Согласившись с этими доводами, Надежда Исааковна все же сказала:

— А вдруг что-нибудь с вами случится?

— Что же может случиться? — спросила я.

Она, конечно, не могла этого отгадать, да и никто не мог бы. Я уехал—и три часа спустя уже находился в темной камере фрейбургской тюрьмы. Как и почему это произошло, мною давно уже подробно описано в книге, озаглавленной «16 лет в Сибири».

* *
*

Мой арест, конечно, произвел большой переполох в ходе дел, — на несколько месяцев он совершенно выбил товарищей из колеи, заставив сосредоточить все их внимание на разных способах для освобождения меня,—легальным ли путем, выпуском ли под большой залог или подготовкой побега из тюрьмы. Все это вызвало за границей сильнейшую агитацию, реальным результатом которой явился чрезвычайно обильный приток материальных средств в кассу группы «Освобождение Труда», что затем дало последней возможность продолжать свою издательскую деятельность. В этой агитации и сборах денег большую инициативу и активность проявили кружки содействия, а также и многие посторонние лица, часто вовсе не разделявшие наших взглядов, а то и относившиеся, как народовольцы с Лавровым, вполне отрицательно [1]).

---

[1]) См. письмо Плеханова к Лаврову.

Но, несмотря на обильный приток средств и проявленное многими лицами моим друзьям сочувствие, устранение меня от разных предприятий группы «Освобождение Труда», несомненно, нанесло большой ущерб всем нашим планам. В этом моем заявлении нет ни малейшего преувеличения, самовозвеличения и т. п.: это только констатирование общепризнанного факта.

Я и отчасти Финстер являлись среди членов нашей группы практиками, организаторами, подобно тому, как Плеханов да отчасти Аксельрод были ее теоретиками, редакторами. Насколько это было тогда возможно, я стремился создать в России рабочую организацию, для чего, «после некоторой подготовки почвы», намеревался отправиться туда, о чем заранее сообщил моим друзьям [1]). Признавая целесообразность этого плана, Георгий Валентинович высказывал лишь опасение, чтобы я не провалился, почему советовал не торопиться с отъездом [2]).

Теперь очевидно всякому, что основание группы «Освобождение Труда» в ту пору не было злостной затеей, надуманной несколькими непризнанными народовольцами-эмигрантами. Это явствует хотя бы из того, что ей удалось преодолеть наиболее неблагоприятные условия, какие только можно себе представить. Затем все чаще появляющиеся сообщения и воспоминания о том десятилетии неопровержимо показывают, что в разных местах, независимо один от другого, возникали в России кружки, разделявшие те же взгляды, ставившие себе те же задачи, как и мы. Известно, напр., что группа Благоева, возникшая в Петербурге

---

[1]) См. мои письма к Аксельроду.

[2]) Не могу сообразить, откуда В. Ваганян почерпнул, что «Дейч и не представлял себе те грандиозные перспективы создания политической партии рабочего класса, которые к этому времени были совершенно ясны и очевидны для Плеханова». (См. «Под Знам. Марксизма» № 8—9, 1923 г., стр. 51—52.)

Где вычитал это сей всеведущий исследователь, знающий многое такое о Плеханове, что неизвестно было самому Г. В. От этого свойства сего правдивого «ученого», надо признать, очень мало выигрывают его глубокомысленные исследования. Насколько мне известно, никаких «грандиозных перспектив и т. д. в то время» у Плеханова не было да и не могло быть, по той простой причине, что он не был утопистом и всегда высмеивал «грандиозные перспективы», которые сравнивал с маниловскими мостами и т. п. И вот столь глубокий и проницательный знаток Плеханова, его планов и невысказанных взглядов берется его комментировать!

Каковы в действительности были наши, в том числе Георгия Валентиновича, предположения насчет пропаганды и организации рабочих в описываемое время, я сообщу в другой раз.

вскоре после нашей, не подозревала о наших стремлениях, как, в свою очередь, и мы не имели ни малейшего представления о ее существовании. Далее, в те же годы началось широкое рабочее движение, связанное с организованной Моисеенко Орехово-Зуевской стачкой и т. д.

Из всего этого ясно, что, хотя мы и были совершенно оторваны от России, тем не менее вполне верно уловили ход естественного ее развития, а в этом, как известно, и должна состоять роль сознательных, последовательных марксистов.

* * *

Заканчивая на этом мои сообщения, напомню, что, по прошествии 20 лет со времени возникновения группы «Освобождение Труда», на II съезде, в Лондоне, мне, по поручению товарищей, пришлось заявить о прекращении ее существования. И мне же теперь, по прошествии 40 лет, пришлось рассказать о первых сделанных ею шагах.

Дальнейшая ее деятельность будет видна из печатаемых ниже и имеющих впредь появиться писем и воспоминаний на страницах настоящих Сборников.

27/XII 1923 г.

Г. В. ПЛЕХАНОВ.

А. Н. РАДИЩЕВ (1749—1802).

(посмертная рукопись [1]).)

I.

В своей «Philosophie der Geschichte» Гегель, закончив обозрение истории древнего Востока и переходя к Западу, говорил: «В Греции мы чувствуем себя как бы на своей родине». Эти его слова вспоминаются мне теперь, когда от мистиков я перехожу к Александру Николаевичу Радищеву.

Миросозерцание Радищева, хотя и не тождественно с миросозерцанием передового человека нашего времени, — по весьма понятной причине, тождество является здесь, очевидно, невозможностью — однако связано с ним узами близкого родства. Идеи, на которых он воспитался, были теми идеями, под знаменем которых совершился плодотворный общественный переворот конца XVIII века и которые частью до сих пор сохранили свое значение, а частью послужили теоретическим материалом для выработки нынешних наших понятий.

Если мы, вслед за Гегелем, назовем освободительное движение XVIII столетия величественным восходом солнца, то мы должны будем сказать, что, в противоположность мистикам, А. Н. Радищев принадлежал к числу немногочисленных русских людей, оценивших это достопамятное явление и искренно поклонявшихся ему. Скажу больше: он был самым выдающимся между ними.

Обстоятельства сложились, как мы видели, весьма неблагоприятно для умственного развития Новикова. Напротив, Ра-

---

[1]) Ненапечатанная глава XIII из «Истории русской общественной мысли».

дищев вырос в обстановке, значительно облегчившей для него усвоение наиболее прогрессивных теорий того времени. С французским языком, не зная которого невозможно было тогда сделаться образованным человеком, он освоился еще с детскихъ лет. Правда, в родительском доме язык этот преподавал ему не совсем надежный учитель: он оказался дезертиром. Но вскоре юный ученик беглого сына Марса перевезен был в Москву, к родственнику своему по матери, М. Ф. Аргамакову. Там его французским учителем был человек более образованный. К тому же, кроме этого учителя, у Радищева были и другие: ему давали уроки некоторые профессора университета, куратором которого состоял тогда М. Ф. Аргамаков. Во время коронации Екатерины II Аргамакову удалось записать своего маленького родственника в пажи, вследствие чего тот увезен был в Петербург. В 1765 г. Екатерина приказала отправить в Лейпцигский университет двенадцать молодых людей для изучения наук. Радищев попал в их число [1]).

Для надзора за молодыми людьми назначен был некий маиор Бокум. Этот «гофмейстер» обкрадывал сданных под его надзор студентов, кладя в карман значительную часть денег, отпускавшихся на их содержание, а, вдобавок, обращался с ними в высшей степени грубо. Требуя от них безусловного повиновения, он велел построить особую клетку, чтобы сажать туда провинившихся. Все это, разумеется, не могло нравиться его жертвам. У них возникло сильное неудовольствие, началась «история».

«Мы не столько помышляли о нашем учении,—рассказывал впоследствии Радищев, — как о способах освободиться от такого несносного ига. Подобно как в обществах, где удручение начинает превышать пределы терпения и возникает отчаяние, так и в нашем обществе начинались сходбища, частые сетования, предприятия и все, что при заговорах бывает: взаимные о вспомоществовании обещания, неумеренность в изречениях. Тут отважность была восхвалена, а робость молчала, но скоро единомыслие протекло всем души». Короче, произошло то, что мы называем теперь *студенческими беспорядками*. По при-

[1]) Товарищами Радищева были, по словам его сына Николая, Янов, Челищев, Кутузов, Рубановский, кн. Несвицкий, Ф. Ушаков, М. Ушаков, Насакин, кн. Трубецкой, Олсуфьев. Потом на место умерших кн. Несвицкого, кн. Трубецкого и Ф. Ушакова присланы были Козодавлев и Волков.

говору своих товарищей, один из студентов дал пощечину Бокуму, а тот, с своей стороны, обрушился на непокорных молодых людей, как на уголовных преступников.

Положение их стало так тяжело, что они *помышляли уже о бегстве в Америку*. К счастью, *их выручил русский посланник* в Саксонии кн. А. М. Белосельский, значительно укротивший педагогическое рвение корыстолюбивого и сердитого их воспитателя [1]).

«Истории» мешают студентам «помышлять об учении». Это понятно. Однако, вызывая дух протеста, они *иногда* побуждают учащихся задумываться о таких вопросах, которые при других, на первый взгляд более благоприятных, условиях совершенно остались бы вне их поля зрения. Во всяком случае, мы можем с уверенностью сказать, что столкновения с Бокумом не только не отняли у русских студентов в Лейпциге интереса к тем предметам, которые они должны были изучать согласно официальной программе своих занятий, но также и ко многим другим.

Так, например, по инструкции, написанной самой Екатериной, они должны были обучаться латинскому, немецкому, французскому и, по возможности, славянскому языкам, моральной философии, римскому праву, «а наипаче праву естественному и всенародному». Но, помимо этих предметов, Радищев по собственному желанию много занимался естествознанием, особенно химией и медициной.

Как всегда бывает там, где существуют хотя бы весьма небольшие группы молодежи, усердно работающей над выработкой своего миросозерцания, между нашими лейпцигскими

---

[1]) С. Г. Сватиков, кажется, считает это столкновение заграничных русских студентов со своим казенным опекуном за первую нашу студенческую историю. Это не совсем точно. Въ 1763 г. вдова Стефаненкова пожаловалась префекту Киевской Духовной Академии на четырех студентов философии, которые будто бы украли у нее дрова. Префект распорядился круто: двух обвиняемых он приказал высечь розгами, а других двух лишил «кондиций». Потерпевшие принесли на него жалобу Киевскому митрополиту, прося учинить им «удовольствие» за бесчестие и побои, за них вступились все остальные студенты философского класса, которые после бурного объяснения с префектом, назвавшим их бунтовщиками, грозили коллективным выходом из Академии (см. статью М. В. Довнар-Запольского «Семен Иванович Гамалея», «Масонство в его прошлом и настоящем», т. II, стр. 28. С. И. Гамалея был в числе пострадавших от энергичного префекта). Неизвестно, чем кончились эти студенческие беспорядки, но очень возможно, что и они были не первыми в своем роде.

студентами нашелся человек, которому досталась роль духовного руководителя своих товарищей. Это был Федор Васильевич Ушаков.

Все, что мы знаем о нем, дает основание думать, что он отличался выдающимися умственными способностями, ненасытной любознательностью и большой силой характера. Когда решена была Екатериной посылка Радищева и других молодых людей за границу, Ушаков состоял уже на службе, однако стал добиваться и добился позволения ехать с ними. Не столь юный, как его товарищи, он был лучше их подготовлен к слушанию университетского курса на немецком языке, а также к серьезному чтению. В выборе книг и предметов для своих самостоятельных занятий они руководились его указаниями. Ф. В. Ушаков умер в Лейпциге 23 лет от роду, не успев окончить университетский курс. Как это ни странно, однако, его ранняя смерть дала некоторым нашим исследователям приятный повод бросить камнем в освободительную философию XVIII века.

Дело вот в чем. Ушаков умер, по словам А. Н. Радищева, написавшего его биографию, от болезни, которая была «неизбежным следствием неумеренности и злоупотребления телесных услаждений».

Радищев утверждал, что к неумеренности приучило Ушакова обращение «в большом свете». К этому утверждению Радищева профессор Незеленов назидательно прибавил:

«Нравы тогдашнего европейского общества, гармонировавшие с материалистической философией времени, подействовали соблазняющим образом не только на Ушакова, но и на Радищева. В жизнеописании своего погибшего товарища Радищев высказывает и свои взгляды на любовь, на молодость; эти взгляды оказываются такими же чувственными, как воззрения Ушакова [1]).

Нельзя не согласиться с тем, что нравы «большого света» во всей тогдашней Европе вообще,—а *особенно в Екатерининской России*,—могли приучить молодого человека к «злоупотреблению телесных услаждений».

Наши придворные привычки и наши крепостные гаремы могли служить образцовой школой «неумеренности». Но было бы очень трудно понять, при чем тут материалистическая фи-

---

[1]) «Литературные направления в Екатерининскую эпоху». Стр. 323—324.

лософия, если бы мы не знали, что отношения материалистов к потребностям здорового человеческого организма издавна истолковывались как проповедь разврата. Аскетическая мораль смотрит на эти потребности как на нечто, равняющее людей «со скотами». Нам уже известно, что именно в таком смысле высказывался «Утренний свет» Новикова, говоря о половой любви. Материалисты всех оттенков решительно отвергают такой взгляд, утверждая, что удовлетворение *нормальных* потребностей человеческого тела не заключает в себе ничего, достойного осуждения. Но отсюда крайне далеко до проповеди чрезмерных телесных услаждений. И если представители «большого света» в ту или другую историческую эпоху,—например, в Англии во время реставрации и у нас при Екатерине II,—ссылались иногда на материалистическую философию для оправдания своей неумеренности в известных «услаждениях», то дело тут, конечно, не в философии, а только в нравах большого света и в общественных условиях, эти нравы порождающих. Что касается, в частности, Ушакова, то весьма легко убедиться, что его взгляд на любовь отнюдь не отличается тем характером «чувственности», какой вздумал навязать ему благонравный профессор Незеленов.

II.

К этому полезно прибавить, что, по своим основным философским понятиям, Ушаков вовсе не был материалистом. Правда, неоспоримо, что, не будучи материалистом, он в то же время почти целиком усвоил себе материалистическое учение о человеке. Материалистом выступает он перед нами также в своем взгляде на половую любовь и вообще на человеческие «страсти».

«Нравоучители, противу страстей восстающие, — говорит он в написанной им небольшой статье «О любви»,—рассуждают о человеках вообще по человеку, в их воображении сотворенному, или, углубяся в отдаленнейшую[1]) метафизику, доказывают весьма велегласными словами, что все несходствующее с совершеннейшею совершенностью (которую не объясняют) и существенным порядком вещей, которого не знают, есть противу добродетель, порок и зло».

---

[1]) Т.-е. — отвлеченнейшую. *Г. П.*

Ушаков отвергает такое понятие о «противудобродетели». По его мнению, добродетелью следует называть все то, «что удовольствие и благосостояние всех, а как сие невозможно, по крайней мере, многих людей соделывает». Сообразно с этим, «противудобродетелью», пороком, злом он считает все то, что вредит человеческому благосостоянию и удовольствию. Лишь с точки зрения таких понятий находит он возможным рассматривать вопрос о половой любви.

Удовлетворение потребностей человеческого тела само по себе не имеет к добродетели ни положительного, ни отрицательного отношения.

Оно становится источником добра или зла только в тех случаях, когда осложняется известными психическими переживаниями, под влиянием которых люди совершают те или другие,—полезные или вредные для их ближних,—действия. В естественном состоянии,—т.-е. *ранее* возникновения общества, половая любовь оставалась чисто физиологическим актом. Но с возникновением общества дело изменилось именно в том смысле, что физиологическая страсть между мужчиной и женщиной стала дополняться такими чувствами, которые могут толкать людей на полезные для общества поступки, или же, наоборот, на действия вредные для него. Поэтому *с указанной поры* стало уместным рассматривать любовь с точки зрения добродетели.

Ушаков говорит, что *мужчины* всегда стараются сделаться такими, какими хотят видеть их *женщины*, а не наоборот, не *женщины*—такими, какими следует быть им, по мнению *мужчин*. Благодаря этому, «любовь в обществе не на телесных токмо и чувственных основывающаяся чувствованиях, но тысячью чувствованиями производимая, любовь сия, зависящая от предрассуждений, от обыкновений и состояния... становится добродетелью или пороком, располагаяся по воспитанию женщин, тот или другой вид приемлющему». А воспитание женщин не остается неизменным. В античном мире оно было таково, что женщины побуждали мужчин к полезным для общества поступкам: «мать слезы проливала, когда сын ее без лавр возвращался, дева прославившемуся сердце свое дарила». Не то теперь. Теперь женщина воспитывается в играх и забавах, «вся разума ее округа внешним ограничивается блеском», а ее нравственные чувства искажаются постоянным жеман-

ством и притворством. Она «злословна для того, что неведуща, честолюбива для того, что не имеет должного к себе почтения и коварна для того, что живет всегда в принуждении и беспрестанно безделицами упражняется». Она стремится неограниченно управлять своими обожателями. Но Ушаков настоятельно советует мужчинам не поддаваться вредному для общества влиянию женского пола. «Достойна ли она (женщина — *Г. П.*), — спрашивает он, — чтобы быть ее жертвою, в угождение ее наполнять голову свою замысловатыми безделицами, оставить любовь истины, дабы ей понравиться, посвятить ей время свое, коего потеря всегда невозвратна». Далее следует довольно подробное указание на те опасности, которым подвергается мужчина со стороны красивой кокетки, а в заключение молодой автор апеллирует к гражданским чувствам своих читателей. Сетей, расставляемых для него женским кокетством, может, по словам Ушакова, избежать только тот, «кто старается познать истинное определение человека, кто украшает разум свой полезными и приятными знаниями, кто питается противными сим страстями, кто величайшее услаждение находит в том, чтобы быть отечеству полезным и быть известным свету».

В «Кандиде» Бернара Шоу, помощник пастора Мореля, Александр Милль, говорит стенографистке Прозерпине Гернэт: «О, если бы вы, женщины, умели так же легко находить ключ к силе мужчины, как находите его к его слабостям, тогда не было бы вовсе женского вопроса» [1]).

Как видите, Александр Милль говорит то же самое, что задолго до него высказал русский студент в Лейпциге, Ф. В. Ушаков.

Женщины вредно влияют на мужчин, действуя на их слабости, и женский вопрос заключается в том, чтобы избавить мужчин от их вредного влияния. Александр Милль не договорил своей мысли: мы не слышим от него, каким же образом можно побудить женщин искать ключа не к слабостям, а к силе мужчины. Позволительно предположить, что, по его мнению, такая задача должна быть решена *воспитанием*. Что касается Ушакова, то мы уже не предположительно, а с уверенностью можем сказать, что только в *воспитании* видел он средство избавления

---

[1]) Действие I, явление 3-е.

женщины *от недостатков и пороков*, свойственных ей в «наш век», т.-е. ключ к решению женского вопроса. Но,—и это очень характерно,—его взгляд на воспитание отличался широтой, которая придана была ему изучением тогдашних материалистов. Под воспитанием Ушаков понимал *всю совокупность воздействия общественной среды на отдельных личностей*. Он и рад был бы привить современной ему женщине те гражданские чувства, которые проявляли, по его словам, античные матери и «девы», да не видел возможности сделать это иначе, как переустроив наше общество на античный лад. А так как подобное переустройство никак не могло быть легким делом и так как для этого дела, во всяком случае, нужны были усилия передовых граждан, то Ушаков и советовал этим последним, пока что, не поддаваться женским чарам. Об этом совете можно, пожалуй, сказать очень многое. Одного нельзя сказать о нем: того, чтобы он был продиктован чувственностью.

Изложенное мною содержание статьи Ушакова «О любви» дает нам представление о том, какие серьезные в теоретическом и важные в практическом отношении вопросы занимали руководителя русской молодежи, учившейся в Лейпциге. О глубине его теоретических запросов свидетельствует и другая его статья, посвященная вопросу *о праве и цели наказания*.

«Розыскания» об этом праве разделяются на три части: *в первой* Ушаков рассматривает, на чем это право *основывается;* во второй—кому оно принадлежит; в третьей у него идет речь о смертной казни.

Держась теории общественного договора, Ушаков на первый вопрос отвечает, что право наказания коренится в соглашении членов общества: они не могут не защищать своих прав от покушений злонамеренных лиц, а «кто желает цели, тот желает и средства». Второй вопрос решается им в том смысле, что право наказания принадлежит единичному или коллективному государю. Наконец, смертная казнь осуждается Ушаковым как мера, не соответствующая своей собственной цели.

Читатель сам видит, что в этом «розыскании» русский студент шел по следам передовых просветителей Запада. В одном месте Ушаков прямо ссылается на «творца книги о преступлениях и наказаниях». Но и там, где нет прямых ссылок, вполне ясно, что он с большим усердием изучал новое

тогда сочинение Беккария [1]). (Кроме влияния Беккария заметно также влияние французских просветителей [2]).)

Разбирая мнения тех криминалистов, которые учили, что, наказывая преступника, общество восстановляет справедливость путем воздаяния злом за зло, Ушаков выдвигает такие доводы, которые и теперь могут иметь цену при анализе пресловутой теории непротивления злу насилием.

Он говорит, что человек, который имел несчастие сломать одну из своих ног, поступил бы бессмысленно, если бы вздумал, воздавая злом за зло, сломать себе и другую. Но положение общества подобно положению отдельного человека. Общество есть юридическое лицо. Все его действия должны стремиться к его благосостоянию, «а награждать злом за зло есть то же, что невозвратное зло себе соделать. Желать себе зла противно существу общества и таковое действие предполагает безумие, но безумие права не составляет». В этих словах целиком содержится истина, свойственная много нашумевшему в наши дни учению гр. Л. Н. Толстого: если общество в своем обращении с преступниками преследует цель воздаяния злом за зло, то оно, несомненно, только увеличивает сумму совершающегося в его недрах зла. Но Ушаков не довольствуется этой неоспоримой истиной и не говорит, что общество не должно прибегать к силе для защиты своих интересов. По его мнению, общество обязано отнять у преступника возможность вредить своим ближним. Но в то же время оно обязано принять меры к его нравственному исправлению. Ему необходимо пользоваться обоими этими средствами, чтобы уменьшить сумму совершающегося в его недрах зла. Нельзя не признать, что хотя Ушаков и не дает нам здесь полного решения вопроса о том, каким образом само *зло*,—в данном случае насилие над преступным членом общества,—может быть сделано источником *добра*, однако, ход его «розыскания» гораздо правильней, нежели ход рассуждения гр. Толстого.

Следует, впрочем, заметить, что при исследовании вопроса о том, какими средствами могло бы достигаться исправление преступника, Ушаков высказывает мысли, способные показаться нам теперь не только наивными, но еще и жестокими в

---

[1]) Исследование «Dei delitti e delle pene» вышло в 1764 г.

[2]) У которых очень много заимствовал сам Беккарйя.

своей наивности: он возлагает свои исправительные упования на одиночное заключение. «Посаженный в тюрьму преступник, видя себя покрытого бесчестием и срамотою, у всех в презрении, один среди всех и преданный себе самому, прибегает к раскаянию, яко к единой несчастных отраде, которая поистине сильнее, нежели думают».

Передовые французские просветители гораздо шире ставили вопрос об исправлении преступной воли. Они говорили, что источником преступления является противоречие интересов *отдельного лица* интересу общества. Для устранения этого противоречия, — а вместе с ним и наклонности к преступным деяниям, — нужно так организовать общество, чтобы его интерес совпадал с интересами отдельных лиц [1]). Правда, только немногие из французских просветителей полагали, что можно притти к полному совпадению этих двух родов интереса. Но они доказывали, что нужно, по крайней мере, всеми силами стремиться к нему, и тем самым придавали своей теории *реформаторский* характер. *Эта* сторона теории почему-то не отразилась на рассуждениях Ушакова о праве наказания. В сравнении с передовыми французскими просветителями, — например, с Гельвецием, — он представляется здесь человеком довольно умеренного образа мыслей.

Он говорит: «Опыты всех веков и настоящее государств состояние доказывают невозможность равенства имений. А неравенство оных производит, с одной стороны, нищету, а с другой — роскошь». То же самое говорил и Гельвеций.

Но, признавая невозможность имущественного равенства, Гельвеций утверждал, что законодатель должен стараться уменьшать имущественное неравенство, а Ушаков об этом

---

[1]) Кондорсэ писалъ: «Le perfectionnement des lois, des institutions publiques, suite des progrès de ces sciences, n'a-t-il point pour effet de rapprocher, d'intensifier l'intérêt commun de chaque homme avec l'intérêt commun de tous? Le but de l'art social n'est-il pas de détruire cette opposition apparente? et le pays, dont la constitution et les lois se conformeront le plus exactement au voeu de la raison et de la nature, n'est-il pas celui ou la vertu sera plus facile, ou les tentations de s'en écarter seront les plus rares et les plus faibles? Quelle est l'habitude vicieuse l'usage contraire à la bonne foi, quel est même le crime dont on ne puisse montrer l'origine, la cause première, dans la législation, dans les institutions, dans les préjugés du pays ou l'on observe cet usage, cette habitude, ou ce crime s'est commis?»

(Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain. — Dixième époque. Des progrès futurs de l'esprit humain.)

не говорит ни слова. Его молчание можно, пожалуй, объяснить тем, что *экономические* отношения не входили в область предпринятого им *юридического* исследования. Однако, если бы он часто задумывался об экономике, то и в этом исследовании высказался бы о ней, хотя бы и мимоходом. Это было бы тем более уместно, что, как сам он замечает, крайняя бедность всегда близка к преступлению. Ведь совершенно ясно, что если крайняя бедность способствует росту преступности, то борьба с этой последней требует, между прочим, и экономических мероприятий. Но этого вывода Ушаков не делает, и вот почему его интересное юридическое исследование дает основание думать, что собственно экономические вопросы не привлекали к себе его внимания.

Этот замечательный человек, усердно трудившийся над своим образованием, несмотря на жестокую болезнь, и, подобно всем передовым французам XVIII века, сильно увлекавшийся гражданской добродетелью героев Плутарха, не только мирился с неравенством «имений», но, ввиду этого неравенства, ввел в свое учение о наказании весьма знаменательную поправку:

«Человек с разумом или человек, сладострастное житие имевший, — писал он, — гораздо наказание живее восчувствует, нежели невежда или телосильный и крепкий, к нужде и нищете привыкший, то заключаю: если таковые люди за одинаковые преступления одинаково наказуются, один наказан будет жесточее другого и казнь вине не будет соразмерна». А это значит, что для преступников, обладающих «разумом» или имевших «сладострастное» житие, законодатель должен придумать *более мягкое наказание*. С этим вряд ли согласились бы передовые французы XVIII века. Совершенно не касаясь тут вопроса о том, способна ли темница содействовать нравственному исправлению преступника, можно согласиться, что человеку, «сладострастное житие имевшему», труднее переносить в тюрьме *материальные* лишения, нежели бедняку, с детства привыкшему к ним. Но что касается *нравственных* страданий, то ни откуда не следует, что бедняк переносит их с большею легкостью, нежели человек, пользовавшийся благами материального богатства. В этом случае справедливо было бы сказать, что *более* испорченный преступник не доступен для таких нравственных страданий, которые переживает в тюрьме

преступник менее испорченный. Но степень нравственной испорченности не определяется ни степенью материального благосостояния, ни даже «разумом». Тут привходит очень много других факторов. Как мы уже знаем [1]), передовые французы XVIII века были убеждены, что нравственный уровень людей привилегированного сословия *ниже уровня народной нравственности*. Если бы Ушаков держался этого взгляда своих передовых современников, то он умозаключил бы, что бедняков следует наказывать не так строго, как людей, «сладострастное житие имевших». Но если он и разделял этот взгляд [2]), то в своем «розыскании о праве наказания» он о нем не вспомнил. Поэтому у него получился вывод, менее соответствовавший учениям идеологов третьего сословия, чем старым предрассудкам дворянства, представители которого и в XIX веке нередко говаривали у нас, что мужику острог не страшен, так как и в остроге он питается лучше, чем у себя дома.

III.

Разбор сочинений Ушакова может показаться излишним. Но на самом деле он помогает нам уяснить себе миросозерцание тех русских людей XVIII века, которые больше всех других увлекались освободительной французской философией. Ушаков был центральной фигурой между русскими студентами в Лейпциге. Те взгляды, до которых доработался он, имели большое влияние на понятия, определившие собой последующую деятельность многих его товарищей. Радищев, написавший «житие» Ушакова и сохранивший для нас его разобранные выше статьи, был согласен с ним в очень многом, если не во всем. Разбирая взгляды Ушакова, мы в то же время узнаем воззрения Радищева.

Наиболее характерной чертой этих воззрений является бо̀льшая или меньшая близость их к теориям передовых французских мыслителей. Поэтому мы должны заботливо отмечать все отступления от этих теорий, замечаемые нами как в

---

[1]) См. главу VII. «Западная общественная мысль и ее влияние на Россию».

[2]) Вспомним сделанную им характеристику воспитания светской барышни. Кокетка высшего круга изображена у него существом, до последней степени испорченным, и ему трудно было отрицать, что женщина, воспитанная в трудовой крестьянской обстановке, должна быть выше ее в нравственном отношении.

воззрениях самого Радищева, так и во взглядах его старшего товарища, Ушакова.

Мы видели, что в своей статье о праве наказания Ушаков шел по следам французских просветителей. Но мы видели, кроме того, что, идя по их следам, он не всегда становился в точно такое же отношение к важнейшим общественным вопросам, в какое становились они. Так, подобно Гельвецию, признавая неизбежность имущественного неравенства, он гораздо легче мирился с ним, нежели Гельвеций. Высказывая ту мысль, что надо смягчать участь преступников, принадлежавших к богатому классу, он обнаружил не то настроение, какое господствовало во французской интеллигенции. Короче, он *отставал* от передовых французов своего времени. И не трудно понять, как это случилось. Во Франции горячее дыхание приближавшегося общественного переворота гораздо сильнее давало себя чувствовать, нежели в отдаленной России или даже в Германии, где учились отправленные Екатериной за границу русские студенты. Вследствие этого, «крайности»,—как выражаются у нас многие благонамеренные исследователи,—до которых доходили передовые мыслители Франции, отпугивали от себя и германских профессоров, и их слушателей—как немецких, так и русских [1]).

Вот пример. Один сановный русский путешественник [2]), проездом через Лейпциг, указал нашим студентам на книгу Гельвеция «De l'Esprit», к которой он, по словам Радищева, толикое имел пристрастие, что почитал ее выше всех других («да других, может быть, и не знал», ехидно прибавляет Радищев). По совету знатного путешественника, Ушаков, а за ним все его русские друзья «читали сию книгу, читали со вниманием и в оной мыслить научилися». Однако, научившись мыслить по сочинению Гельвеция и целиком усвоив себе огромное большинство второстепенных его теоретических положений, они отказались принять лежавший в основе этих последних *материалистический сенсуализм*. Ушаков нашел даже нужным опроверг-

---

[1]) Правда, во взгляде на женский вопрос Ушаков показал большую широту мысли. Замечательно, что и в XIX веке передовая русская интеллигенция всегда широко смотрела на этот вопрос.

[2]) В. В. Каллаш высказывает предположение, что это был граф Ф. Орлов. (Полное собрание сочинений А. Н. Радищева, изданное под редакцией В. В. Каллаша. Москва, 1907 г., том I, стр. 120. *Прим. ред.*)

нуть Гельвеция. От него осталось пять «писем», посвященных критическому разбору первых глав книги «De l'Esprit». Оригинального в этом разборе нет ровно ничего: возражая Гельвецию, Ушаков берет свои доводы у разных немецких философов, всегда отличавшихся гораздо более сильной склонностью к компромиссу со старыми воззрениями на мир, нежели французские. Но для истории русской общественной мысли имеет не мало значения то обстоятельство, что совсем не оригинальные возражения, сделанные Ушаковым Гельвецию, оставили глубокий след в уме Радищева и с особенной силой пришли ему на память в самое тяжелое для него время, когда он, живя в своей сибирской ссылке, чувствовал нужду в религиозных утешениях и проклинал память французского мыслителя, по книге которого он в молодости учился мыслить [1]).

В написанном им тогда сочинении «О человеке и его смертности и бессмертии» повторяются почти все те же философские доводы, с какими Ушаков еще в Лейпциге выступал против материалистического сенсуализма Гельвеция. Мы рассмотрим главнейшие из этих доводов, когда перейдем к этой поре жизни Радищева. Но до нее в нашем изложении пока еще далеко.

В ноябре 1771 г. Радищев вернулся в Россию. Он уехал на родину с горячим желанием посвятить ей все свои силы. В написанном им «Житие Ф. В. Ушакова» он говорит, обращаясь к своему другу, будущему мистику А. М. Кутузову: «Вспомни нетерпение наше видеть себя паки на месте рождения нашего, вспомни о восторге нашем, когда мы узрели межу, Россию от Курляндии отделяющую. Есть ли кто бесстрастный, ничего иного в восторге не видит, как неумеренность или иногда дурачество, для того не хочу я марать бумаги: но есть-ли кто понимает, что есть исступление, скажет, что не было в нас такого и что не могли бы мы тогда жертвовать и жизнью для пользы отечества, тот, скажу, не знает сердца человеческого». Родина не нашла такого приложения для его молодых сил, при котором нужна была бы значительная доля восторженного героизма.

Вместе с А. М. Кутузовым и другим своим товарищем по пребыванию за границей он был определен на службу в Сенат,

---

[1]) В письме к графу А. Р. Воронцову из Иркутска от 26 ноября 1791 г. упоминается «Helvetius de memoire maudite».

в звании протоколиста. Сын его Николай сообщает, что немного радости принесла эта служба Радищеву: «Незнание русского языка, товарищество с приказными и обхождение высших чиновников, не отличавших их от прочих приказно-служителей, сделали им сей род служения противным». Вследствие этого сначала Кутузов, а потом Радищев перешел в военную службу. Он причислен был, в чине капитана, к штату тогдашнего петроградского главнокомандующего гр. Брюсса, при котором отправлял должность обер-аудитора. По словам его сына, эта новая служба была самой приятной эпохой в жизни А. Н. Радищева. Это возможно. Однако факт тот, что при петроградском главнокомандующем Радищев прослужил только три или четыре года и вышел в отставку.

В 1776 г. мы опять видим его на службе. Теперь он выступает перед нами в роли асессора коммерс-коллегии. Роль эта, конечно, тоже не имела в себе ничего героического. Но пословица не без основания говорит: не место красит человека, а человек место.

Как только бывшему лейпцигскому студенту удалось вникнуть в дела коммерс-коллегии, он выступил на борьбу за правду. Первым нам известным поводом для этого послужило дело «пеньковых браковщиков», обвинявшихся в упущениях по должности. Президент, вице-президент и все остальные сослуживцы Радищева считали их виновными. Один он, — бывший тогда самым младшим членом коллегии,—составил себе противоположное мнение об этом деле и не преминул его высказать. Это вызвало целый переполох. Перепуганный вице-президент коллегии долго убеждал Радищева замолчать, чтобы не ввести во гнев президента, гр. А. Р. Воронцова. Радищев твердо стоял на своем, и дело дошло до его личного объяснения с президентом. К удивлению перепуганных чиновников, этот последний признал его доводы убедительными, и «браковщики» были оправданы. С этих пор А. Р. Воронцов обратил внимание на своего умного и смелого подчиненного, а потом в годы тяжелых, обрушившихся на него преследований оказывал ему весьма серьезную поддержку [1]). Вообще, все, что мы знаем о служеб-

[1]) Гр. А. Р. Воронцов переписывался с Радищевым во время пребывания его в Сибири. В одном из писем к нему ссыльного Радищева находится приведенное мною выше проклятие по адресу Гельвеция.

ной деятельности Радищева, рисует нам его, как умного, деятельного и совершенно бескорыстного чиновника. Иначе и быть не могло. Он привез с собой из-за границы на родину совсем не такой идеал, какой нужен служакам, заботящимся о своем обогащении и о служебных отличиях. Но само собой разумеется, что этому идеалу мало соответствовала даже и усердная, бескорыстная служба. Радищев стремился к литературной работе и уже вскоре после возвращения в Россию принялся за перевод весьма известного в свое время сочинения Мабли «Observations sur l'histoire de la Grèce». Его перевод появился в 1773 году под названием: «Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастия греков. Сочинение г. аббата де-Мабли». Издан был он «Обществом, старающимся о напечатании книг», которое основал Новиков в самом начале 1773 г.[1]). Аббат Мабли принадлежал к числу тех французских писателей, произведения которых ревностно изучались русским студенческим кружком Ф. В. Ушакова в Лейпциге. Какие взгляды почерпал этот кружок в названных произведениях, показывает, между прочим, следующее пояснительное примечание Радищева к слову *«самодержавство»*, которым он перевел французское слово деспотизм. «Если мы уделяем закону часть наших прав и нашея природные власти, то дабы оная употреблена была в нашу пользу, о сем мы делаем с обществом безмолвный договор. Если он нарушен, то и мы освобождаемся от нашей обязанности. Неправосудие государя дает народу, его судьи тоже и более, над ним право, какое ему дает закон над преступниками. Государь есть первый гражданин народного общества».

Одновременно с переводами наш автор занимался поэзией. Однако уже вскоре после выхода на русском языке книги Мабли, А. Н. Радищев надолго прервал свою литературную деятельность.

Н. П. Павлов-Сильванский видел главную причину такого перерыва в резком столкновении юношеских идеалов Радищева

---

[1]) В. Семенникову удалось открыть, что, кроме указанного перевода сочинения Мабли, названное Общество представило Академии Наук для напечатания другой перевод Радищева: «Офицерские упражнения». Но эта книга вышла, опять в издании Новикова, лишь в 1777 г. (См. статью В. Семенникова.—«Раннее издательское общество, Н. И. Новикова». «Русский Библиофил» 1912 г., № 5, стр. 40, 1-е примечание.)

с некрасивой действительностью. Он указывал, что в своем «Житии Ф. В. Ушакова» Радищев, вспоминая о том восторге, который овладел лейпцигскими русскими студентами при возвращении их на родину, меланхолично прибавлял: «Признаюсь, и ты, мой любезный друг (он обращался здесь к А. М. Кутузову. *Г. П.*) в том же признаешься, что последовавшее по возвращении нашем жар сей в нас гораздо умерило». Далее у Радищева следовал горячий упрек по адресу власть имевших. «О, вы, управляющие умами, колико вы бываете часто кратковидцы и близоруки, коликократно упускаете вы случай на пользу общую, утушая пламень, объемлющий сердце юности! Единожды смирив юношу, нередко навеки соделаете его калекой». Н. П. Павлов-Сильванский был прав, придавая этим признаниям и упрекам значение важных для биографии нашего автора психологических документов. Но он неправильно полагал, что отмеченное им столкновение юношеских идеалов с суровой действительностью временно заглушило в Радищеве его «идеалистические стремления», которые пробудились и с новой силой овладели им будто бы только с 1785 года [1]). На самом деле «идеалистические стремления» никогда не засыпали в душе бывшего лейпцигского студента, а если даже и засыпали, то пробудились во всяком случае раньше 1785 года. Это очень ясно видно из брошюры Радищева: «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске, по долгу звания своего».

Брошюра эта помечена 8 августа 1782 г., въ ней речь идет о предмете, в течение весьма долгого времени имевшем самую тесную связь с «идеалистическими стремлениями» передовых русских людей. Говоря об открытии в Петрограде памятника Петру, Радищев ставит вопрос: за что собственно дают этому государю название великого? Такого названия заслуживают только те государи, которые оказали услуги своему отечеству. Какую же услугу оказал Петр I России? Радищев говорит, что хотя бы этот государь «не отличился различными учреждениями, к народной пользе относящимися, хотя бы он не был победителем Карла XII, то мог бы и для того великим назваться, что дал первый стремление столь обширной громаде, которая яко первенственное вещество была в бездействии». Давая такой ответ, он сознательно расходится с Руссо («же-

---

[1]) См. выше главу, посвященную вопросу объ отношении России къ Западу.

невским гражданином»), отрицательно относившимся, как помнит читатель, к петровскому преобразованию, и склоняется к мнению Вольтера, видевшего в нашем преобразователе какого-то демиурга, взявшего на себя плодотворный труд организации аморфной и неподвижной русской громады [1]).

Достойно замечания, что при этом, в отличие от молодого Карамзина [2]), Радищев отнюдь не забывает о темных сторонах деятельности Петра. «И я скажу,—сознается он,—что мог бы Петр славнее быть, возносяся сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную». Но Радищев был убежден, что вообще невозможно ждать от монархов добровольного утверждения вольности.

«Если имеем пример, что цари оставляли сан свой, дабы жить в покое, что происходило не от великодушия, но от сытости своего сана, то нет и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своея власти, седяй на престоле». Это замечание о психологической невозможности добровольного отказа монархов от своей власти показывает, каково было политическое настроение Радищева как раз в тот период жизни, который, по мнению Н. П. Павлова-Сильванского, характеризуется упадком «идеалистических стремлений». Можно сказать, что тогда образ мыслей Радищева был, по крайней мере в политике, радикальней, нежели в тот год, когда вышло его знаменитое «Путешествие». В самом деле, письмо к тобольскому другу, написанное в 1782 году, напечатано было только в 1790. И вот, к тому месту его, где говорится, что монархи никогда не делали добровольных уступок свободе и никогда не будут их делать, Радищев прибавляет такое примечание: «Если бы сие было писано в 1790 г., то пример Людвига XVI дал бы сочинителю другие мысли» [3]). Что же это значит? Конечно, не то, что в 1782 г. слабы были идеалистические стремления Радищева, а то,—и только то,—что, вообразив, будто Людовик XVI искренне расположен был удовлетворить политические требования французского народа, Радищев стал доверчивее, нежели прежде, относиться к доброй воле власть имущих. Мы увидим, что это

---

[1]) См. ту же главу.

[2]) См. ту же главу.

[3]) Полное собрание сочинений Радищева, изд. 1907 г., т. I., стр. 75.

последнее обстоятельство объясняет некоторые страницы его «Путешествия», как будто мало согласные с обычным его отношением к «самодержавству». Кроме того, к годам, отличающимся, по мнению Н. П. Павлова-Сильванского, упадком идеалистических стремлений в душе Радищева, относится переписка его с А. М. Кутузовым, которым стало овладевать мистическое настроение.

По словам сына нашего автора, Н. А. Радищева, письма, которыми обменялись по этому случаю старые друзья, могли бы составить целую книгу. Чрезвычайно жаль, что они не сохранились. Но что А. Н. Радищев не только не проникся кладбищенским настроением, которое овладело А. М. Кутузовым, а, наоборот, упорно отстаивал свое прогрессивное миросозерцание, заимствованное у французских просветителей, в этом мы должны быть вполне уверены на основании всего известного нам как о нем самом, так и об отношении к нему московских розенкрейцеров [1]). Ну, а кто упорно отстаивает прогрессивный идеал, в том не спят и те стремления, которые Н. П. Павлов-Сильванский назвал идеалистическими [2]).

---

[1]) Об этом отношении см. выше в одиннадцатой главе.

Взгляд на мистическую «философию» Радищев высказал в «Путешествии из Петербурга в Москву». Он рассказывает там, что на станции Подберезье с ним встретился семинарист, шедший в Петербург «для приобретения» науки. В тетрадке, оброненной любознательным семинаристом, встречаются, между прочим, такие строки: «Разверни новейшие таинственные творения, возмнишь быти во времена схоластики и словопрений, когда о речениях заботился разум человеческий, не мысля о том, был ли в речении смысл. Когда задачею любомудрия почиталося и на решение исследователей истины отдавали вопрос, сколько на игольном острии может уместиться душ». Радищев прекрасно понял, что мистицизм XVIII в. был реакцией против новой французской философии во имя средневековых понятий.

[2]) Употребление этого эпитета в нравственном смысле иногда нужно для краткости речи. Ради краткости употребил его в своей биографии и Н. П. Павлов-Сильванский, который был чужд филистерских предубеждений против материализма. Однако не надо забывать, что общепринятая в этом случае терминология вызывает огромную путаницу понятий. В своей замечательной работе о Людвиге Фейербахе Энгельс говорит: «Убеждение в том, что человечество,—по крайней мере, в данное время,—подвигается, вообще говоря, вперед,—не имеет ничего общего с вопросом об идеализме и материализме. Французские материалисты почти фанатически держались этого убеждения—не меньше деистов Вольтера и Руссо—и приносили ему часто величайшие личные жертвы. Если кто-нибудь посвятил всю свою жизнь служению «истине и праву» (в хорошем смысле этого слова), то именно Дидро». Далее Энгельс осмеивает филистерское пред-

Молчание русского писателя,—да еще, как в данном случае, писателя XVIII века, — очень часто причиняется вовсе не упадком «идеалистических» его стремлений. Очень часто его объяснение нужно искать в «независящих обстоятельствах». Если удручающее влияние этих обстоятельств могло вогнать Новикова в мистицизм, то они же могли привести Радищева к тому убеждению, что безнадежны были бы всякие попытки печатных выступлений против некрасивой действительности. Такого убеждения вполне достаточно, чтобы умолкнуть, если не навсегда, то на известное время. Вероятнее всего, что именно таким убеждением и объясняется временное молчание Радищева.

Но живой о живом и думает. Радищев, всегда внимательно следивший за передовыми течениями западно-европейской литературы, не мог не ощутить, так или иначе, приближения революционной бури во Франции. И вполне естественно, что, ощутив ее приближение, он почувствовал усиленную жажду литературной деятельности. Вот почему он опять взялся за свое перо, давно уже лежавшее без употребления.

В 1789 г. вышло его, не раз уже упомянутое мною, «Житие Ф. В. Ушакова», заключающее в себе драгоценные данные для его собственной биографии. Если судить по этому сочинению, то главным его интересом был тогда *интерес политический*. Он метко характеризует нравы нашей бюрократии, рассматривая их как неизбежный результат нашего политического строя. «Пример самовластие государя, не имеющего закона, ниже в расположениях своих других правил, кроме своей воли или прихоти,—говорит он,—побуждает каждого начальника мыслить, что, пользуясь уделом власти беспредельно, он такой же властитель частно, как тот в общем. И сие столь справедливо, что нередко правилом приемлется, что противоречие власти начальника есть оскорбление верховной власти».

убеждение против материализма. «Под материализмом филистер понимает обжорство, пьянство, тщеславие и плотские наслаждения, жадность и скупость, стремления к наживе и биржевые плутни, короче, все те грязные пороки, которым он сам предается втайне. Идеализм же у него означает веру в добродетель, любовь ко всему человеческому и вообще «лучший мир», о котором он кричит перед другими, и в который сам начинает веровать разве лишь тогда, когда у него голова болит с похмелья, или когда он обанкрутится, — словом, когда ему приходится переживать неприятные последствия «материалистических излишеств». Цитирую по заграничному изданию моего перевода этого сочинения.

Радищев говорит, что эта «несчастная» мысль губит тысячи любящих отечество граждан, теснит дух и разум. Но при данных условиях мысль эта, по его мнению, совершенно неизбежна. «Иначе и быть не можетъ,—категорически заявляет он,—по сродному человеку стремлению к самовластию, и Гельвециево о сем мнение ежечасно подтверждается» [1]).

Что же делать? Неужели мириться с деспотическими привычками лиц, власть имеющих? Или утешаться тем соображением, что добродетельный человек свободен даже в цепях? Ни то, ни другое. Нужно бороться; нужно научиться давать отпор более или менее высокопоставленным деспотам. Гражданин служит своей стране, но не прислуживается к начальству. На этот счет Радищев выработал себе целый ряд правил, которым он следовал в своей практической жизни и которые были изложены им в его сочинениях. Мы уже знаем, как независимо держал он себя на службе по отношению к своему начальству, теперь посмотрим, как внушал он чувство независимости своим читателям.

В своем «Путешествии» он выводит некоего дворянина, будто бы встреченного им на станции «Кресцы». Дворянин этот провожает своих детей на службу и, расставаясь с ними, преподает им уроки практической мудрости. Вот эта мудрость, не имеющая ничего общего с «пошлым опытом глупцов».

«Старайтеся,—говорит отец,—паче всего во всех деяниях ваших заслужить собственное свое почтение, дабы обращая во уединение взоры свои во внутрь себя, не токмо не могли бы вы раскаяться о сделанном, но взирали бы на себя с благоговением».

Это общее правило, а вот одно из его приложений:

«Вошед в свет, узнаете скоро, что в обществе существует обычай посещать в праздничные дни по утрам знатных

---

[1]) Полное собрание сочинений, т. I, стр. 98. В примечании Радищев старается подробнее объяснить происхождение «несчастной» мысли и, следуя примеру Гельвеция, ищет *в общественных отношениях* ключа к *общественной психологии*. Он пишетъ: «С вероятностью корень его правила о непрекословном повиновении найти можем в воинских законоположениях и в смешении гражданских чиновников с военными. Бо́льшая часть у нас начальников в гражданском звании начали обращение свое в службе отечеству с военного состояния и, привыкнув давать подчиненным своим приказы, на которые возражений не терпит военное повиновение, вступают в гражданскую службу с приобретенными в военной мыслями. Им кажется везде строй, кричат в суде «на караул!» и определение нередко подписывают палкою».

особ; обычай скаредный, ничего не значущий, показующий в посетителях дух робости, а в посещаемом—дух надменности и слабой рассудок».

Как видим, здесь выводимый Радищевым дворянин предупреждает своих детей против того же холопского недуга, который бичевал впоследствии Некрасов в первой части своих «Размышлений у парадного подъезда». Обычай посещения знатных особ по праздникам имеет целью снискание их расположения. А это недостойно уважающего себя чиновника. «Да не преступит нога ваша,—продолжает дворянин,—порога, отделяющего раболепство от исполнения должности. Не посещай николи передней знатного боярина, разве по долгу звания твоего. Тогда среди толпы презренной и тот, на кого она взирает с подобострастием в душе своей, тебя, хотя с негодованием, но от нее отличит».

Интересно, что, стараясь внушить своим читателям чувство независимости и наставляя их насчет того, как нужно вести себя по отношению к знатным боярам, Радищев осуждал также страсть к щегольству, подвергавшуюся беспощадному осуждению в кружках передовой молодежи шестидесятых годов.

«Систематическое, так сказать, расположение в щегольстве, означает всегда сжатый рассудок,—говорит у него тот же дворянин.—Если повествуют, что Юлий Кесарь был щеголь, то щегольство его имело цель. Страсть к женщинам в юности его была к сему побуждением. Но он из щеголя облекся бы мгновенно во смраднейшее рубище, если бы то способствовало к достижению его желаний».

Как известно, щегольство, способствующее достижению желаний, достойных уважающего себя человека, допускалось даже и самыми крайними представителями передовой молодежи XIX столетия. Так называвшиеся у нас нелегальные одевались весьма щегольски, когда этим облегчалось достижение их революционной цели. Вообще, читая наставления крестецкого дворянина своим детям, невольно вспоминаешь некоторые статьи Добролюбова, преподававшие молодым читателям правила о том, как следует им вести себя в жизни, и особенно о том, как давать отпор самодурам. Радищев явился у нас первым в ряду тех передовых учителей жизни, между которыми такое видное место заняли потом Чернышев-

ский и Добролюбов. Сходство его практических правил с правилами, выработанными этими последними, тем более достойно внимания, что в теории он весьма часто опирался на посылки, имевшие очень много общего с философскими посылками Чернышевского и Добролюбова. Хотя он, как мы видели, и не решился пойти за французскими материалистами в их окончательных выводах, но все-таки целиком заимствовал у них свое учение о развитии человеческого характера. В свою очередь, Чернышевский и Добролюбов были решительными сторонниками материалистической философии Фейербаха, который много обязан был французским материалистам, не всегда отдавая себе в этом ясный отчет. Не удивительно, что одинаковая или почти одинаковая точка отправления обусловила собой одинаковые или почти одинаковые выводы у писателей, принадлежавших к двум весьма различным историческим эпохам.

Вот характерный пример. Крестецкий дворянин предупреждает своих детей: «Не воображайте себе, чтобы я хотел исторгнуть из уст ваших благодарность за мое о вас попечение, или же признание, хотя слабое, ради вас мною сделанного. Вождаем собственные корысти побуждением, предприемлемое на вашу пользу, имело всегда в виду собственное мое услаждение... Вы мне ничем не обязаны». Совершенно такой же взгляд на всякого рода альтруистические свои действия высказывают,— только гораздо лучшим языком,— герои знаменитого романа Чернышевского «Что делать?». Каждый из них утверждает, что им руководят исключительно эгоистические побуждения (побуждения корысти, как выражается крестецкий дворянин), и это на том основании, что, собираясь совершить альтруистические поступки, каждый ждет от них большого для себя удовольствия. К этому и сводится та проповедь эгоизма, за которую пришлось выслушать столько упреков как французским материалистам XVIII века, так и нашим великим просветителям шестидесятых годов XIX столетия!

Единственное, в чем можно не без основания упрекнуть и тех и других, состоит в неопределенности терминологии. Чем самоотверженнее данная личность, тем с бо́льшим удовольствием служит она своим ближним. Это само собой понятно. Но из этого отнюдь не следует, что она в своих действиях руководится «собственные корысти побуждением».

Вопрос решается тем, в чем видит свою корысть данная личность: если она видит ее в благе других, то мы не имеем никакого права причислять ее к эгоистам, корысть которых идет в разрез с интересами других людей. Но если Лопухов и Кирсанов впадали в романе Чернышевского в точно такую же терминологическую ошибку, какую гораздо раньше их делал крестецкий дворянин в «Путешествии» Радищева, то ведь это вовсе не значит, что Чернышевский или Радищев устами своих героев проповедывали эгоизм. Напротив, проповедь их была проповедью самого возвышенного альтруизма. Хулители Чернышевского никогда не давали себе труда выяснить, в чем же собственно обнаружил свой эгоизм Лопухов, приняв решение устраниться для того, чтобы не мешать счастью своей жены. Еще менее ясно, почему мы должны считать эгоистом Рахметова, который, готовясь служить своей родине, вел жизнь аскета. Рахметов был как бы прототипом русского революционера семидесятых годов. Но те черты, совокупность которых образует идеал такого революционера, начали возникать у передовой русской интеллигенции уже во второй половине XVIII столетия. Это мы лучше всего видим на примере как самого Радищева, так и его крестецкого дворянина.

По словам этого последнего, правила общежития относятся или к подчинению нравам и обычаям народным, или к исполнению закона, или же, наконец, к поведению, согласного с добродетелью.

«Если в обществе нравы и обычаи не противны закону, если закон не полагает добродетели преткновений в ее шествии, то исполнение правил общежития есть легко». Но беда в том, что подобное общество не существует в действительности. Повсюду нравы часто противоречат законам, а, что еще хуже, повсюду и те и другие часто противоречат добродетели. Ввиду этого трудно одновременно исполнять обязанности человека и гражданина: «нередко они находятся в совершенной противоположности».

Под обязанностью человека Радищев понимает, как видно, обязанность по отношению к тому, что̀ должно быть, т.-е. к идеалу. Обязанностью гражданина называется у него обязанность по отношению к тому, что есть, иначе—к существующему порядку вещей. Когда действительность противоречит идеалу,

когда ее требования идут в разрез с требованиями добродетели, и когда, следовательно, приходится выбирать между теми и другими, тогда добродетель становится высшим законом. «Небреги обычаев и нравов,—говорит все тот же крестецкий дворянин,—небреги закона гражданского и священного, столь святые в обществе вещи, буде исполнение оных отлучает тебя от добродетели».

Эти строки показывают, что, оставаясь строгим блюстителем законности в своем качестве чиновника, Радищев ни мало не был расположен приносить интересы прогресса в жертву закона. Чиновник охотно уступал в нем дорогу гражданину. Но нарушать требования закона во имя требований прогресса значит навлекать на себя преследования. Радищев хорошо сознавал и это. Он хотел, чтобы передовые русские люди, служа «добродетели», заранее научились не бояться опасности. «Если бы закон или государь или какая-либо на земле власть подвизала себя на неправду и нарушение добродетели, пребудь в оной неколебим. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ниже самой смерти. Пребудь незыблем в душе твоей, яко камень среди бушующих, но немощных валов». Это уже совсем недвусмысленная проповедь самоотвержения в борьбе с общественной несправедливостью. Радищев отдавал себе ясный отчет в том, в какое безвыходное положение может попасть в России верный слуга прогресса. Он указывал на самоубийство, как на последнее прибежище человека, подвергающегося гонению за свою добродетель. Крестецкий дворянин указывал своим детям на пример Катона: «Если ненавистное щастие истощит над тобою все стрелы свои, если добродетели твоей убежище на земли не останется, если доведенну до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, тогда воспомни, что ты человек, воспомни величество твое, восхити венец блаженства, его не отъяти у тебя тщатся.—Умри».

Екатерина II нашла, что «Путешествие из Петербурга в Москву» распространяет французскую заразу. По-своему она была совершенно права. Радищев, несомненно, выступил, как последователь французских революционеров. И не только в «Путешествии». Теперь уже неопровержимо установлено, что еще раньше появления этой книги Радищев довольно полно и последовательно изложил в печати свои революционные взгляды.

А. Н. Пыпин давно уже (в 1868 г.) высказал то мнение, что Радищев деятельно сотрудничал в «Почте Духов» И. А. Крылова. Он считал вышедшими из-под его пера все те, напечатанные в названном журнале, письма, которые отличались серьезностью своего сатирического содержания. К таким он причислял прежде всего Сильфа Дальновида. Это его мнение до недавнего времени разделялось некоторыми из самых серьезных исследователей наших. И, несомненно, существуют веские доводы в его пользу. Однако П. Е. Щеголев противопоставил им еще более убедительные доказательства [1]). И теперь предположения о сотрудничестве Радищева в «Почте Духов» приходится отвергнуть. Но зато, ссылаясь на совсем недвусмысленное свидетельство Тучкова, П. Е. Щеголев установил, что наш автор...

(На этом рукопись кончается.—*Л. Д.*)

ПРИЛОЖЕНИЯ:

I.

ВЕРСИЯ К НЕНАПЕЧАТАННОЙ ГЛАВЕ ТРИНАДЦАТОЙ ИЗ «ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ».

Что же делать? По своему образу мыслей Радищев никак не мог мириться с деспотическими замашками людей, облеченных властью. Мы уже знаем, что, желая и умея *служить*, он не желал и не умел *прислуживаться*. Он поставил себе за правило «не переступать порога, отделяющего раболепство от исполнения должности». Но этим он не мог удовлетвориться.

Если деспотические привычки людей, облеченных властью, представляют собою неизбежное следствие данных политических и общественных условий, то всякий, кто не склонен к примирению с ними, должен, по мере своих сил, содействовать изменению к лучшему названных условий.

...в данной общественной обстановке, то это вовсе не значит, что не надо с ними бороться.

---

[1]) См. его статью «Из истории журнальной деятельности А. Н. Радищева» в декабрьской книжке «Минувших Годов» за 1908 г.

Радищев сознает, что потребность борьбы с этими неизменными, но очень вредными привычками, неизбежно возникает и будет возникать в сердцах любящих свою родину русских людей. Выражаясь словами Белинского, мы можем сказать, что, в данном случае, Радищев сумел *психологически* развить идею отрицания. Больше того. Он развил (психологически) эту идею, но и позаботился о том, чтобы преподать своим читателям правила для ее проведения в жизнь.

... Но если деспотические привычки лиц, облеченных властью, неизбежны при данных общественных и политических условиях, то отсюда еще не следует, что надо мириться с ними. И Радищев никогда не делал такого вывода.

Мы видели, что, как чиновник, он справлялся с законом, а не с настроением своих начальников. Само собою понятно, что, когда он находил нужным и возможным выступать в роли публициста, то показывал себя еще менее склонным входить в сделку с общественным злом. Радищев принадлежал к числу тех русских людей XVIII века, которые, находясь под влиянием освободительной французской философии, сознательно задавались целью распространять ее выводы в русской читающей публике. Какими средствами? В распоряжении Радищева не было другого средства, кроме распространения в русской читающей публике более или менее решительно усвоенных им выводов освободительной французской философии. И когда, после некоторого перерыва, опять возобновилась его литературная деятельность, он явился усердным их распространителем.

В этом отношении он представляет собою прямую противоположность Н. И. Новикову, считавшему себя нравственно обязанным бороться с ними.

А. Н. Пыпин еще в 1868 г. доказывал, что Радищев принимал деятельное участие в «Почте Духов» Крылова. По его мнению, из-под пера Радищева вышли все те, напечатанные в этом журнале письма, которые отличались серьезностью своего сатирического содержания, и, прежде всего, письма Сильфа Дальновида. Н. П. Павлов-Сильванский не разделял этого мнения, находя, что в большей части писем названного Сильфа нет прочных признаков авторства Радищева, и что, вообще, участие этого последнего в «Почте Духов» едва ли было значительно [1]). Напротив, А. Веселовский не сомневается в принадлежности Радищеву писем Дальновида. Самым лучшим из них он считает то, где речь идет о «Мизантропе» Мольера. И это письмо, в самом деле, надо признать замечательным.

Автор этого письма утверждает, что «Мизантроп» сделал Франции больше добра, нежели проповеди Бурдалу и других

---

[1]) См. приложение к стр. XXVIII его биографии Радищева: «Путешествие из Петербурга в Москву», стр. 287—288.

проповедников. Он готов признать поведение Альцеста образцовым. «Пусть осуждают, сколько хотят [1]), но все то, в чем упрекают мизантропов, говорит в их пользу. Они ненавидят не людей, а только их пороки, а какой смертный», следующий.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . » [2]). Если бы при дворах государей находилось хоть небольшое число мизантропов, то это было бы большим счастием для народов [3]).

Г. А. Веселовский сопоставил высказанный Дальновидом взгляд на «Мизантропа» с местом «Путешествия из Петербурга в Москву», где Истина, явившаяся Царю в сновидении, советует ему дорожить, как лучшими своими друзьями, теми людьми, которые не боятся говорить ему правду в глаза (глава: «Спасская Полесть»), и обнаружилось поразительное сходство не только мыслей, но даже и выражений [4]).

Такое сходство делает весьма вероятным принадлежность писем Сильфа Дальновида или, по меньшей мере, указанного письма его Радищеву.

Но если бы оказалось, что письма эти на самом деле вышли из-под пера другого лица, то это не ослабило бы правильности той мысли г. А. Веселовского, что Радищев считал нужным подражать Альцесту. В подтверждение этой его мысли можно было бы привести убедительные отрывки из «Путешествия», а, главное, можно было бы сослаться на деятельность самого Радищева.

Заметьте, что Дальновид не требовал от честного человека безусловного подражания Альцесту, а только говорил, что ему «надлежит быть несколько подобным мизантропу» [5]). За безусловное подражание не высказывается и Радищев в своем «Путешествии». Он, как и Дальновид, считает, что подражания достойна не та, комичная в своей бесплодности правдивость Альцеста, которая делает его готовым говорить Эмилии, что в ее возрасте неприлично стараться изображать из себя хорошенькую женщину, или, что она употребляет слишком много белил [6]), а та целесообразная правдивость гражданина, которая заключается в осмеянии общественных пороков и в разоблачении произвольных действий лиц, облеченных вла-

---

[1]) См. соч. И. А. Крылова, изд. под редакцией В. В. Каллаша. Цитируемое здесь письмо Сильфа Дальновида напечатано во II томе (см. стр. 355).

[2]) Там же, стр. 352.

[3]) Там же, стр. 354.

[4]) Алексей Веселовский. Этюды и характеристики. Москва 1907, стр. 126—129. Ср. его же исследование «Западное влияние в новой русской литературе». 4-ое изд., стр. 105—106.

[5]) Сочинения Крылова, т. II, стр. 355—357.

[6]) Le Misantrope, acte I. Scène 1.

стью. Что же касается такой правдивости, то ею не только пропитана каждая страница «Путешествия из Петербурга в Москву», но и вся практическая деятельность Радищева. Вспомните, как вел он себя в деле пеньковых браковщиков. Все его сослуживцы, включительно до президента коммерс-коллегии, находили нужным подвергнуть их наказанию; он один пришел к убеждению в их невинности и упорно отстаивал это убеждение. Таким смелым правдолюбом остался он до конца своей жизни, и именно потому, что «Путешествие из Петербурга в Москву» явилось выражением такого правдолюбия, оно представляет собою одно из самых замечательных явлений в истории русской литературы XVIII столетия.

Пушкин назвал его весьма посредственной книгой. Это большая ошибка, поистине удивительная со стороны такого умного человека и такого тонкого критика, каким всегда был Пушкин.

Самый главный недостаток знаменитой книги Радищева, это—плохой язык. Недостаток этот объясняется теми условиями, в которых совершалось развитие нашего автора. Он еще в детстве владел французским языком. Впоследствии Радищев хорошо ознакомился также с немецким и английским языками, но русскому языку, как это почти всегда бывало в то время, учился по Псалтырю и Часослову, т.-е. с помощью таких пособий, которые в лучшем случае могли научить церковно-славянскому языку. Когда он попал в Лейпциг, то как ему, так и его товарищам совсем не приходилось заниматься русским языком, и они стали забывать его. Поступив на службу по возвращении своем в Россию, Радищев тотчас же почувствовал, как плохо знает он свою родную речь, и старался пополнить этот важный пробел своего образования. Но он и теперь учился русскому языку главным образом по церковно-славянским книгам. Поэтому в его сочинениях на каждом шагу встречаются «славянщины», придающие слогу его архаический характер. И хуже всего то, что, чем более увлекается Радищев, чем большее значение имеет в его глазах предмет, о котором он пишет, тем охотнее облекает он свои мысли в тяжеловесное церковно-славянское одеяние. Конечно, в то время еще не совсем умерла привычка к рекомендованному Ломоносовым «*высокому штилю*», и на тогдашних читателей он, по всей вероятности, не производил того удручающего впечатления, которое производит теперь на нас. Но не все же современные Радищеву русские писатели употребляли такой «штиль». За примером ходить недалеко: письма Сильфа Дальновида, приписываемые Пыпиным, А. Веселовским и некоторыми другими исследователями Радищеву, написаны легким русским языком. Замечу мимоходом, что эта их особенность служит довольно серьезным доводом *против* предположения о принадлежности их Радищеву. Но, как бы то ни было с этим

предположением, несомненно, что язык «Путешествия из Петербурга в Москву» должен был казаться устарелым уже и в то время.

Другим недостатком этой книги является в глазах нынешнего читателя избыток «чувствительности». Но в то время сантиментальное настроение распространялось, как поветрие, и возможно, что чувствительность Радищева казалась скорей достоинством, чем недостатком.

Приступая к чтению «Путешествия», сильно чувствуешь эти два его недостатка. Но, по мере того, как вчитываешься в эту книгу, впечатление, производимое недостатками, ослабевает, а впечатление, получаемое от ее содержания, наоборот, все более и более усиливается, так что . . . .

. . . .

. . . .

II.

ЗАМЕТКИ О РАДИЩЕВЕ.

Бобров — Виноградов — Олеарий.

Письмо к другу, жительствующему в Тобольске по долгу звания своего. 8 авг. 1782 г. Издание 1907 г. Т. I.

На стр. 71-ой: интересное замечание, показывающее сознание недостатка самодеятельности обществ.

Стр. 75.—Интересное замечание о самодерж. власти.

Том II. «*О человеке*».

Стр. 143.—Он, как будто, *виталист*. NB ср. о витализме, стр. 143 и стр. 291...

147—8.—Гносеология Радищева.

150 (о) Ламетри: «Радищев с ним не согласен насчет: человек-растение».

NB.—*Цель Рад.:* показать и пр.

153.—«Рад. противоречит себе: *его замечание о размышлении у животных*. Ср. 2-е примеч. *Боброва 87:* «Очевидно» не только то, что «очевидно» Боброву, а еще кое-что другое.

155.—Возраж(ение) Рад(ищева) Бьюффону *не основательно*.

157.—Возражение Гельвецию насчет руки—*тоже*.

NB 162.—Тирада против уродования, как наказание.

Против Радищева.

168.—Животн(ому) свойственно внутреннее ощущение правого и неправого. Ср. *193*.

175.—О строгости и наказании.

Гуманность Радищева.

№ 178.—Почти целиком взято у Гельвеция. История умственн. развития человечества.

№.—Ср. стр. *275*.

180.—Опять Гельвецию.

191.—*Что именно побуждает* Радищева *верить в бессмертие. Не рассудок*, сердце, потребность в *самоутешении*. Очень важно.

193.—Примечание: Рад. имеет в виду одну т. н. душу человеческую.

196.—Грим (говорит) об «одном д-ре Пристлее», опыт которого и т. д. На стр. 122, выпуск III своего соч. «Фил. в России» проф. Евг. Бобров возражает Рад., что тот доказывает то, против чего никто не спорит со времени Канта (что все является в пространстве и времени), но Рад. (вывих его на стр. 199), говоря: *непроницательность—вымышленное свойство*, ср. стр. 225, повидимому, повторяет *Пристлея*.

«Пристлей, путеводительствующий нами в сих суждениях»—202.

Важно.

№ 198.—Увы! Мы должны ходить ощупью, как скоро вознесемся превыше чувственности.

203.—Утверждать, что бездействие есть свойство природы, кажется, нелепо.

203 ...*Движение ему (веществу. Г. П.) сродно.*

203.— Движение от нее (от вещественности. *Г. П.*) неотделимо. 203—206. *Тут Рад.—материалист* и—следующ. страницы. Заметить особенно вывод на стр. 214, II.

№.— Материалистич(еский) монолог, начин(ающийся) на стр. 215 и кончающийся на стр. 225, тоже написан под влиянием Пристлея.

На монолог материалиста Рад(ищев) отвечает восклицанием: «*жестокосердный*» и т. д.; стр. 226.

Возражения Рад(ищева) материалисту, начинающиеся в III книге, ничего не опровергают, они построены на простом petitio principii. См., напр., стр. 235: тут предполагается, что душа есть отдельная от тела субстанция, а между тем именно это и опровергал материалист, а потому это и должен был доказать Радищев.

На стр. 236—опять petitio principii: вопрос имеет смысл только, если признано доказанным существование души, как отд. субстанции.

(В Филарете Милостивом—он *анимист*, стр. *9-я*). Он сам это чувствует, см. стр. 237.

237—8.—«*Если* бы материя была бездействующая и находилась в покое смертном, то всегда пребыла бы мертвой». Но выше это «если» решительно отвергнуто. 239.—Его примеру с краской можно противопоставить пример: Н и О не то же, что H_2O.

На *243*—разсуждение не лишено остроумия, хотя и неубедительно.

245.—*Опять* petitio principii.

246.—*Он без доказательства утверждает, что sein предполагает denken, т.-е. denken предшествует ему.*

248.—Очень слабо о «неминуемом» предположении вещества «превыше человека» и силы невидимых.

249. Неужели человек конец творения? А почему бы и нет? Ср. Шварца. *Стр. 252.*

N̶B. 251.—Рад. допускает, что жизненная сила есть посредство между душой и телом.

252.—От неуничтожаемости силы заключает к неуничтожаемости и души.

269.—*Начало 4-й книги.* «Вот, мои возлюбленные, все, что вероятным образом в защищении души бессмертия сказать можно».

Это немного и противоречит *им же признанному в первых книгах.*

N̶B.—*Тут резюме его выводов в защиту бессмертия души.*

N̶B. 270.—Сам признает, что видит сон наяву; ср. 276.

N̶B. 275.—*Оч(ень) важно о значении обстоятельств в жизни великих людей; ср. 178.*

N̶B. 279.—*Гносеология Радищева.*

284.—*Наивный вывод.* *Верх наивности.*

285.—Рад. «надлежит сказать, что с душою станется, когда она от тела будет отделена».

288. *Называет Лейбница умственным исполином.* Ср. Т. II.

457 (письма).

N̶B. 293.—*Окончательный вывод Радищева.*

В письме от 26 ноября 1791 Радищев проклинает Гельвеция.

350. II. *О крепостном праве.*

371—372.—Idem (N̶B).

N̶B. 396.—Многие русск. стихотворения могут служить усыпительным зельем (напр., его собственные) [замеч. *Г. П.*].

Письма, II том.

440.—О том, как он состарился.
457.—*Душа его болит, и сердце страдает.*

К объяснению его книги о бессмертии.

459.—*Неразумные требования книг.*
NB. 460.—К философии и истории.
475.—*Вся философия «Рад. исчезает»*; ср. 479.
483.—Книги.
490.—В 1792 он сочувственно говорит *о Кондорсе*, чего уже нельзя было бы ждать от Рейналя.
NB. 490.—Просьбы о книгах и журналах.

В. В. ПОЗДНЯКОВА-ПЛЕХАНОВА.

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО Г. В. ПЛЕХАНОВА.

ВОСПОМИНАНИЯ СЕСТРЫ [1]).

Я на восемь лет моложе Жоржа. Когда его в 1866 г. поместили в Воронежскую военную гимназию, мне было только два года, а когда он, оставив Константиновское училище в 1874 г., приехал к нам в деревню готовиться к экзамену для поступления в Горный институт, меня отвезли в Тамбовский институт. Таким образом мне с ним непосредственно пришлось мало жить вместе, и поэтому немного сохранилось у меня о нем воспоминаний.

Он был очень серьезный, сосредоточенный, чрезвычайно мягкосердечный и необыкновенно прилежный мальчик. Его доброта в обращении со всеми, его удивительно нежное отношение к матери особенно сильно запечатлелись в моей памяти.

Больше всех нас Жорж в детстве и молодости походил на мать. Странно, что к старости он до того сильно изменился, что, наоборот, стал напоминать отца.

Деликатность в обращении со всеми, начиная с прислуги, была чрезвычайно развитой, характерной чертой матери. Мне кажется, что Жорж не только лицом, но и характером, а также складом ума походил на мать. От нее же главным образом он унаследовал свои способности и страсть к чтению.

У мамы был серьезный, положительный, уравновешенный характер. Но, по ее словам, в годы ее ученья в институте она была скорее ленивой. Однако она окончила с первой наградой—

---

[1]) Вскоре после смерти Г. В., в ответ на мои настоятельные просьбы, обращенные к старшей, ныне покойной его сестре Варваре Валентиновне Поздняковой, я получил от нее помещаемый здесь краткий набросок. *Л. Д.*

шифром. Из всех предметов она любила только историю и готовилась не по учебникам, а перечитывала все, что было в институтской библиотеке. Ее очень удивляли похвалы учителя истории. «Как жаль, что вы женщина,—говорил он.—Ваши способности должны погибнуть». Передавая нам эти его слова, мама говорила: «Тогда я не понимала смысла этой много раз повторяемой им фразы».

Мама была глубоко религиозна, но не слепой, обрядовой, а сознательно верующей. Поэтому она чрезвычайно огорчалась, когда Жорж стал неверующим, но утешала себя надеждой, что и Христос простит его за то, что он добр, как сам Христос.

После выступления Жоржа на Казанской площади и перехода на нелегальное положение, мама была страшно этим убита. Она мало говорила о нем, молча страдала. Часто я видела ее по ночам полусидящей, опершись локтями на подушке. Я догадывалась о причине ее бессонницы, но расспрашивать ее не решалась.

Родство ее с великим критиком несомненный факт. Даже фамилия ее писалась так же, как и Виссариона Григорьевича—«Белынская». Мама нам сообщила, что он первый написал ее брату Ивану Федоровичу письмо, в котором указывал на их родство. Она говорила, что Жорж был чрезвычайно похож на этого ее брата. К несчастью, дядя этот сильно пил, чем подорвал свое здоровье и рано умер. Мама умерла в чахотке на 47-м году, через полтора года после прощального свидания с Жоржем, перед его отъездом за границу [1])

В противоположность маме, мягкой, добродушной и ровного характера, отец был, наоборот, страстной, пылкой натурой. Он был чрезвычайно вспыльчивый и несдержанный в обращении с людьми. Его больше уважали, чем любили.

Когда, будучи девочкой 11-ти лет (в 1875 г.), я читала «Войну и Мир»,—в последнее лето, которое Жорж провел с нами в деревне (он же и книги нам привозил из Липецкой библиотеки),—мне казалось, что отец похож на старого князя Болконского. Когда впоследствии, тридцать пять лет спустя, я в 1910 г. приехала за границу, чтобы свидеться с Жоржем и его семьей, он однажды сказал мне: «Не правда ли, Варя, старый князь напо-

---

[1]) Когда, по приезде в Петербург (в 1882 г.), проходя мимо одного магазина, я увидела в окне большой рисованный портрет Белинского, меня поразило сходство профиля его—линия носа, брови, даже глаза и склада лица с мамой.

минает нашего отца». Прибавлю, что Дмитрий Карамазов казался ему похожим на самого любимого им из братьев от первой жены отца, который назывался Митрофаном. О нем поэтому скажу здесь несколько слов.

Мы все, остальные дети, страшно боялись отца, особенно, когда он был чем-нибудь рассержен ввиду чрезвычайной его вспыльчивости. Мама имела на него большое влияние, она смягчала его порывистую, страстную, буйную натуру, доводившую его иногда до жестокости по отношению к крепостным. Только Митрофан прямо отвечал на строгий вопрос отца: «это кто сделал?»—когда он замечал последствия какой-нибудь нашей шалости. «Я» — отвечал прямо Митрофан, если он был виноват.

Мама ненавидела ложь, но, вспоминая об этих случаях, говорила: «В такие минуты я готова была шепнуть Митрофану, чтобы он не признавался». Митрофан был весельчак и до того остроумен, что даже суровый отец говаривал: «мертвого рассмешит!».

У Жоржа был милый, симпатичный, тихий и короткий смех,— «добрый», как говаривала мама: «Как бы я ни была обижена им,—все забываю, слыша этот смех». А смех Митрофана был таким заразительным, что нельзя было не присоединиться к нему, даже не зная вызвавшей его причины.

В Воронежской военной гимназии его заметил, при посещении, Александр II. На вопрос царя, в какой полк Митрофан, по окончании, желал бы поступить, он ответил, что в гвардию. Несмотря на маленький рост, его туда зачислили. Затем он окончил Военную Академию. Во время подготовки к экзаменам, которых он очень боялся, ему много помогал Жорж по некоторым предметам. Несмотря на то, что в его наружности еще больше, чем у Жоржа, проглядывал монгольский тип, его прекрасные, миндалевидные глаза и тонкий прямой нос делали его лицо очень красивым, а оживленность — обаятельным для женщин. Но в июне 1876 г., чуть ли не в год окончания Академии, в городском саду нашли его мертвым, а около—валялся револьвер... Это случилось в Киеве, куда он был командирован генеральным штабом [1]).

С самых ранних лет Жорж, как и Митрофан, был необыкновенно смел, отважен, неустрашим. Я была трехлетним ребенком,

---

[1]) Как мне рассказывал Георгий Валентинович, это самоубийство произвело на него очень тяжелое впечатление. В некоторых отношениях этот брат имел на него большое влияние. *Л. Д.*

когда он спас меня от укушения большой собакой: увидев, что она бросилась на меня, он стремглав помчался и, схватив меня на руки, прибежал со мною в дом. Ему тогда было всего одиннадцать лет: сама я этого случая, конечно, не помнила,—мне рассказали о нем взрослые.

В другой раз, когда он, сев рядом с кучером, стал править лошадьми, чего-то испугавшись, они понесли, но Жорж не выпустил вожжей из рук. Узнав об этом, мама очень перепугалась, а отец, наоборот, пришел в восторг и все кричал: «Молодец Жорж, вожжей не выпускал!». Сколько ему тогда было лет не знаю,—вероятно, не больше двенадцати.

Любовь к животным осталась у него навсегда. Во время наших переездов из Липецка в Гудаловку, находящуюся в семнадцати верстах от этого города, было несколько тяжелых мест. Как только Жорж замечал, что лошади устают, он всех нас заставлял вылезать из экипажа и итти пешком довольно большое пространство.

Однажды он и младший брат привезли каких-то двух чиновников к нам в деревню из Липецка. Как только эти гости вошли в дом, Жорж начал горячо укорять брата за то, что тот, несмотря на обыкновение, не вышел в пути из экипажа и,— что еще хуже,— притворился незамечающим знаков, которые он ему делал. Жорж, конечно, сам шел пешком в обычных местах. «Если бы и ты слез,—говорил он,—они тоже догадались бы это сделать. Я из вежливости не решился им предложить сойти, а ты этим воспользовался!»

Младший брат, также любивший лошадей и тоже жалевший животных, смущенно молчал, тогда как он никогда не спускал Жоржу в других случаях.

Как и отец, Жорж был очень вспыльчив, но «отходчив», по народному выражению. Так, помню, что вскоре после ссор с младшим братом, ссор, доходивших до рукопашных схваток, он всегда первый подходил с ним мириться и делал это с самым добрым, милым выражением лица. У меньшого брата не так скоро проходило злобное состояние, но Жорж, не смущаясь этим, добродушно шутил, стараясь развеселить брата.

С ранних детских лет он стоически переносил боль. Мать впоследствии рассказывала нам, меньшим детям, как однажды, по какой-то неосторожности, Жорж вывихнул себе руку. В это время у нас были гости. Жорж вошел в залу и молча сел. Кому-то

понадобился стул.—«Жорж, подай стул»!—сказала мама.—«Не могу,—ответил он.—Я вывихнул руку». Тут только мама и гости увидели чрезвычайную бледность его лица. Он испытывал ужасную боль: пришлось обратиться к врачу [1]).

Как я уже сказала, Жорж отличался смелостью. В детстве он неоднократно подвергался опасностям, которые могли очень гибельно окончиться. Об одном из таких случаев, помню, он рассказал гувернантке моей кузины. Мне ужасно жалко, что, прибежавши из сада и присев на крыльце, где они беседовали, я застала только конец их разговора. Запомнилась мне фраза его юной собеседницы, очень ему симпатизировавшей: «Вот, видите, Георгий Валентинович, как бог спасал вас,—значит, ваша жизнь очень нужна». Утративший уже тогда веру в бога, Жорж только улыбнулся, но ничего ей не сказал.

Отчетливо запомнила я тихий летний сумрак, крыльцо бабушкиного деревенского дома. Барышня эта, умершая лет десять или немного больше тому назад, не ошиблась: жизнь Жоржа, действительно, оказалась нужной не только для него самого.

Вспомнились мне также случаи проявления его доброты, когда он уже взрослым приезжал домой. Зная это, деревенские мальчишки, не стесняясь, обращались к нему со всевозможными просьбами: то, чтобы он дал им плодов из сада, то—игрушек, денег. «Жоржа, купи жалейку (дудку), купи кнут», доносилось к нам в сад. И Жорж никогда не отказывал им.

В детстве он был очень застенчив и чрезвычайно сердился на маму, когда она выставляла на вид его блестящие способности, успехи и пр. «Поймите,—говорил он ей,—в какое неловкое положение вы меня ставите, когда вы обо мне говорите в моем же присутствии».

Между тем как остальные братья любили петь мотивы из опереток, Жорж очень редко делал это. Помню, я раз слышала его напевающим: «Кабы на цветы да не морозы, и зимой бы цветы расцветали». Мне тогда казалось, что ему нравятся эти слова, что он в них вкладывает особенный смысл. В другой раз я услышала, что он напевает: «Среди долины ровные на гладкой высоте».

---

[1]) Думаю, что в приведенном сообщении имеются неточности, вследствие чего оно производит неправдоподобное впечатление.

Имущественное состояние нашей семьи после смерти отца стало очень тяжелым: Гудаловка, доставшаяся на нашу долю, заключала всего сто десятин земли; мать не продала, а лишь уступила в аренду эту землю и предпочла перед купцом, предложившим более выгодную плату, крестьян не под давлением угрозы Жоржа сжечь хлеб у купца, как он рассказывал [1]).

В этом, как и в других аналогичных случаях, мамой руководил истинно религиозный ее взгляд, что «вера без дел мертва».

Последний приезд Жоржа к нам в деревню состоялся на Рождество 1875 г. Тогда же съехались и другие братья. Весело провели они эти праздники,—меня не было дома. Но то были последние сообща с Жоржем проведенные праздники: в следующем году вследствие участия в демонстрации на Казанской площади он более уже не мог приехать домой.

* * *

На этом пока кончаются мои личные воспоминания о брате. Знаю, что этого недостаточно, и охотно занялась бы обстоятельным их изложением, но чувствую, что это мне не по силам. Если бы вы знали, чем был для меня Жорж с самого моего детства, вы бы поняли как сильно меня самое огорчает, что не могу выполнить того, что сделать так хотелось бы. Конечно, его жизнь и произведения достаточны для увековечения его памяти: мои воспоминания были бы просто небезъинтересны для его друзей и почитателей, а для меня они являлись бы лишним цветком на его могилу, если бы только я сумела это сделать; к тому же, повторяю, мы с ним так мало жили вместе...

Недавно, встретив одного из его товарищей по военной гимназии, я стала его расспрашивать о годах учения там Жоржа, но очень немногое я от него почерпнула: «был любим всеми товарищами, объяснял уроки малоуспевавшим, с пятого класса был руководителем по изданию журнала, названия которого не помню, любил устраивать диспуты»—вот и все.

Столь же мало—я уверена—можно почерпнуть от оставшегося в живых единокровного брата Николая, проживающего в Рязани.

1/14 января 1919 г.

Тамбов.

---

[1]) Этим Варвара Валентиновна вносит поправку в мои сообщения, сделанные мною со слов Г. В. в очерке «Молодость Г. В. Плеханова». *Л. Д.*

Кроме этих кратких сообщений, я получил от Варвары Валентиновны несколько писем, из которых считаю нелишним привести следующие небольшие выдержки.

Л. Д.

I.

14-го января — 1919 г.

Многоуважаемый Лев Григорьевич!

Наконец-то Ваше заказное письмо дошло, через месяц, до нас. Спасибо Вам за хлопоты по пересылке денег и спасибо большое, горячее за присылку Ваших воспоминаний.—Вы просите указать неточности? Я заметила две незначительных: отец был только штабс-капитаном; имение Гудаловка, доставшееся на долю матери и нас, ее детей, заключало только 100 дес. земли. Вы просите пополнить Ваши воспоминания моими. К моему глубокому сожалению, я не могу удовлетворить Вашего желания. Мы росли врозь, когда его поместили в Воронежск. военное училище, мне не было 2-х лет, а десяти лет я была отвезена в Тамб. инст., как раз в 74-м году, когда Жорж окончил военн. уч., затем через полгода, покинувши Константиновское юнкерское, прожил около года в родной семье, в деревне, готовясь к экзаменам в Горный институт.

II.

7-го марта 1919 г.

Простите, что на Ваше доброе письмо я так долго не отвечала. Сначала прихворнула, затем принялась за выполнение Вашего совета, тем более, что он совпадал с моим собственным желанием. Но то, что Розе удалось,—не очень меня ободряет... Кроме других причин, не забывайте, что, когда брат покинул родную семью,—он был почти отроком, а я совсем ребенком. Ничем особенно ярким он не мог проявить себя. Все наиболее характерное я постаралась Вам передать в прошлом письме; поспешила потому, что у нас развились различные эпидемии; смерть косит «направо и налево», как говорится, особенно свирепствует тиф сыпной. Коллега брата по корпусу ничего больше не даст мне, очевидно. Очень жалко, что во время нашего совместного житья мы не говорили никогда о далеком детстве.

III.

6-го апр. 1919 г.

Вы спрашиваете: как могли родители воспитать такую большую семью, имея 100 дес. земли? Я забыла Вам сказать, что, кроме 100 дес. Гудаловской земли в Липецк. уезде, отец взял за

первой женой в приданое имение в 100 с чем-то дес. (в Козловск. уезде), называвшееся «Вериным»[1]), потом «Плехановкой». Эту часть, которую должны были унаследовать дети от первой жены, отец принужден был продать. Задачу воспитания детей отцу облегчало еще то, что он был дворянином и служил в военной службе некоторое время: почти все дети воспитывались или на казенный, или на дворянский счет. Незадолго до смерти своей отец перевел Гудаловку на мать, так как дети ее были еще малолетними, кроме Жоржа, да и тот еще не кончил военной гимназии. Кроме отца, в Гудал. владел таким же участком брат его—Михаил Петрович; его я совсем не помню и не знаю, помнил ли его Жорж[2])? Рассказ об отношениях братьев слышала я ребенком, когда мать передавала это Жоржу. Мих. Петр. был, кажется, добрым человеком, но, к несчастью,—алкоголиком; этот его недостаток и ревность, доходившие до мании, заставили жену его бросить его и поступить в монастырь. Говорят, что они очень любили друг друга. Она была очень образованной (по тому времени), светской, веселого характера женщиной. Вскоре после ее поступления в монастырь дядя умер; она потом очень сокрушалась, что оставила его. Детей у них не было; вследствие вражды с отцом нашим Мих. Петр. завещал свою часть двоюродному племяннику, иначе бы она отошла нам. — В Рязани живет не дядя (неужели я ошиблась, написав Вам так ?), а брат Николай Валентинович, один из младших сыновей первой жены отца. Когда мать вышла замуж (ей было 22 г., отец ровно вдвое старше), Митрофан (о котором я Вам писала), Николай и Григорий были совсем маленькими; Николаю было 3 г., Григорию $1^1/_2$ г. Старшая дочь—Любовь и старший сын Александр были почти ровесниками матери. Дочь окончила пансион, сын был в военн. училище, а может быть, уже офицером. Младших трех мальчиков мать подготовила в учебные заведения — двух в военную гимназию, а младшего—в гражд. гимназию. Николай был в военной гимназии уже несколько лет, когда туда поступил Жорж. Он был страшно шаловливым мальчиком; вероятно, Вам Жорж рассказывал о его подвигах[3]). По внешности не то цыган, не то черкес,—брюнет с горящими глазами, тонкий, гибкий, необычайно ловкий, бесстрашный. Знаете, верно, что он укротил свирепого быка настолько, что тот боялся его, мальчишку; хотел было преподать это искусство Жоржу, но первый же урок кончился было плачевно: бык чуть не забодал Жоржа. Из какого класса, не знаю, его исключили за шалость какую-то из военной гимназии.—Юношей он очень любил и уважал мою мать: помню даже, как он призна-

---

[1]) Имя первой жены—Вера Ивановна Позднякова, тетка моего мужа.

[2]) Прекрасно помнил и любил рассказывать, как отец, вооружая своих крепостных, вел их на бой с таким же «войском» дяди, после чего бывали изувеченные с обеих сторон. *Л. Д.*

[3]) Да рассказывал совершенно то же самое. *Л. Д.*

вался ей, что ведет довольно беспутную жизнь,—увлекается картежной игрой и проч.; он говорил ей: «Вот, если бы Вы были около я бы мог это все бросить». Я еще была в институте, когда он, женившись, вдруг прервал сношения с матерью (в то время он, возвратившись после Турецкой войны, жил в Тамбове, где жила и мать), это было в 79-м году, когда мать так страдала за Жоржа, что начала хворать; ее очень опечалила и обидела перемена со стороны Николая. И когда мать совсем слегла (она скончалась в 81-м году от чахотки), он ни разу не выказал ей внимания; впрочем, умерла она в Тамбове, а он, кажется, переехал в Рязань, но все же знал от Григория о положении матери; вот этого я не могла ему простить всю мою жизнь,—не сносилась с ним, избегала встречи. Я думаю, даже уверена, что от него ничего интересного не узнаете о Жорже.—Он уже лет двадцать в отставке, кажется, в чине подполковника, а может быть и выше. О нем я узнала недавно, что он пытался это лето стреляться, но револьвер дал осечку,—верно, тяжело бедняге стало жить... Не умею ответить на вопрос: «как вы жили после смерти отца и матери?». Пока заканчиваю письмо ответами на последние Ваши вопросы; если сумею написать хотя что-нибудь связное из далеко прошлого—о доме родном, о Жорже (его жизни с нами после военного училища),—то пришлю Вам; буду пытаться—не знаю, что выйдет [1]).

IV.

5-го мая 1919 г.

Относительно писанья воспоминаний — опять оказалась такой же бессильной. Пробовала начать—совсем неинтересно и плохо выходит, как Вы ни одобряйте,—я вижу это слишком ясно. Помимо других причин, страшно удрученное душевное состояние, непреоборимая апатия,—может быть, вследствие физической слабости, увеличивающейся с ослаблением питания,—где уже тут отдаться воспоминаниям и уметь изложить их, когда впадаешь в оцепенелость и отупение... уж слишком мрачным рисуется будущее. «Какая жалкая сестра у Георгия Валент. Плеханова! Как не стыдно?»—скажете Вы.—Но разве я виновата?..

Пока, прощайте, многоуважаемый Лев Григорьевич! Сообщите пожалуйства, что знаете о Розе, доходят ли до Вас вести о ней? Доходят ли письма в Париж? Если да, то я написала бы туда. Всего лучшего желаем оба Вам, остаюсь уважающая Вас. В. Позднякова.

Вы пишете, что думаете приехать к нам,—очень рады будем увидеться с Вами, только не ждите почерпнуть много полезного для Вашей работы.

---

[1]) Ничего больше я не получил. *Л. Д.*

Сегодня 23-е апреля ст. ст., день именин дорогого Жоржа: в первый раз с самого детства этот день для меня так печален... почти год прошел, а все еще не могу вполне освоиться с мыслью, что его нет на этом свете...

V.

15-го мая 1919 г.

Два дня тому назад мы узнали от Любови Исааковны [1]) о смерти Веры Ивановны. От нее же я узнала, что Вы так же, как Жорж, были ее другом. Понимаю, как тяжела для Вас эта утрата, и не могу удержаться от выражения Вам сочувствия. Еще одним великим сердцем стало меньше в нашей родине. Ко всем другим тяжелым испытаниям и невзгодам присоединяется еще то, что она утрачивает одного за другим своих лучших борцов за ее благо. «У счастливого недруги мрут, у несчастного— друг умирает». Жорж очень любил Веру Ивановну, часто вспоминал о ней, в нашу бытность в С. Ремо особенно. Под впечатлением этих его воспоминаний у меня зародилось желание увидать ее, познакомиться с ней,—и мне до сих пор казалось, что это сбудется... Помимо глубокого уважения за ее героизм, я полюбила ее за то, что она осталась такой же самоотверженной, какой была в юности, всегда пренебрежительно относившейся к собственному благополучию, удобствам, здоровью... Тяжело утрачивать любимых, — мне довелось испытать это слишком рано, на пороге жизни: через несколько дней после выпуска из института заболел смертельно восемнадцатилетний брат, а после его смерти захворала тяжко мать и через год с небольшим умерла. Страшно поражают в юности такие удары, но все же не так, как в наш возраст... Горячо желаем Вам крепости духа и здоровья; значит Вам *нужно* еще жить, Вы еще не выполнили всего, что можете сделать.— Доведется ли увидеться? Пока до свидания, если Вам не трудно, пишите. О Розе, должно быть, ничего не знаете?

Варвара Позднякова (Плеханова).

Считаю нужным сделать следующие замечания.

В написанном мною очерке «Молодость Плеханова» я привел слышанный мною от Георг. Валент. рассказ о том, как он угрозой сжечь хлеб у арендовавшего их землю купца побудил мать предоставить землю местным крестьянам. В вышеприведенных сообщениях покойная Варвара Валентиновна отрицает правильность этого рассказа Георг. Вал. Но совершенно невозможно допустить, чтобы Плеханов, обладавший феноменальной памятью,

---

[1]) Л. И. Аксельрод (Ортодокс) жила тогда в Тамбове. *Л. Д.*

вдруг стал со всеми деталями сообщать о вовсе неимевшем места случае. Между тем, сама Варв. Вал. заявляет, что, ввиду значительной разницы лет у нее с ним и почти безвыходного пребывания ее в институте, она лично ничего не знает о детстве и отрочестве Георгия Валент. Да она и вообще, повидимому, не отличалась хорошей памятью, чем приходится объяснить, что года два спустя после того, как она мне написала вышеуказанное, мы читаем у А. А. Френчера с ее же слов почти буквально тот же рассказ об угрозе Георг. Валент. [1]). Одно из двух: или А. А. Френчер приписал Варв. Вал. это заимствованное им у меня сообщение, или она во время беседы с ним уже забыла, что сама же отрицала верность этого рассказа в сделанном ею мне сообщении. Я более склонен допустить последнее предположение. Вообще, ко многому из сообщенного В. В. Поздняковой Френчеру необходимо отнестись очень критически, чего, повидимому, он не принял во внимание, а вслед за ним и почтенный биограф Плеханова, С. Я. Вольфсон. Могу вполне уверенно сказать, что, за малым исключением, *почти все*, выписанное этим биографом из статьи А. А. Френчера, вызывает большое сомнение, произошло ли приведенное там в действительности? *Неправдоподобно*, что Георг. Валент. отказался поклониться царю,—о таком случае он, наверно, рассказал бы нам. Едва ли он мотивировал матери свое примыкание к революционному движению тем, что «стоит за справедливость и правду». Совершенно невероятно, что «в конце 1879 г.», уезжая за границу, он велел снести жандарму чемодан: во-первых, замечу, что уезжал он не в конце 1879 г., а в начале 80-го года, во-вторых, я хорошо помню этот его отъезд, и ему незачем было обращаться к жандарму, так как его на вокзал провожал кто-то из легальных товарищей.

К очевидно плохой памяти, бывшей у покойной Варв. Валент., присоединилось уже упомянутое мною некритическое отношение А. А. Френчера, вследствие чего некоторые из приведенных им сообщений, по моему мнению, лишены почти всякого значения. Читая их, очень часто приходит на мысль: «неправдоподобно», «неверно» и т. д. Так, я сильно сомневаюсь, чтобы крестьяне тогда были резко настроены против Плеханова, и возражали: «Нет, он уже не за нас, взад пошел» (стр. 28). Такое заявление сделал один матрос. Неправдоподобно, что отец предложил одному из свиты принца Ольденбургского уступить ему свое место: Георгий Валентинович со многими деталями рассказывал о своем отце и не преминул бы упомянуть и о таком случае, если бы он действительно имел место. Как все люди со слабой памятью, Варвара Валентиновна—рассказывавшая к тому же со слов других — смешивала слышанное с воображаемым ею, поэтому получалась неправдоподобная отсебятина, в которой лишь знающие хорошо прошлое Г. В. могут разобраться. Неве-

[1]) См. «На родине Г. В. Плеханова», «Прол. Рев.» № 8, 1922 г., стр. 37.

рен рассказ о том, будто мать справлялась в Воронеже у «квартирной хозяйки», готовит ли он уроки, по той уже причине, что, состоя кадетом военной гимназии, он *не жил* у «хозяйки». Далее, я почти не сомневаюсь, что в 1879 г., когда мать его приехала в Петербург, Геор. Валент. *не помещался в одной с ней квартире*, а потому не могло быть у нее опасения насчет его ареста и пр. Но превосходнее всего принятое А. А. Френчером и повторяемое также доверчивым С. Я. Вольфсоном объяснение Варв. Валент., почему Георг. Валент. стал революционером.

«Я думала над этим и решила, что это *просто случается*». Разве мною подчеркнутое здесь не бесподобно! Не понимаю, кому и зачем может понадобиться объяснение фанатически религиозной старой женщины, хотя бы и являвшейся сестрой Георг. Валент., как и почему он стал революционером, когда к тому же имеется об этом собственное и довольно обстоятельное сообщение самого Плеханова (в «Русск. раб. в рев. движ.»)?

Любопытны также указания А. А. Френчера, заимствованные у сестер его, по поводу того, с кем из революционеров он был близок. Так, с их слов, мы узнаем, что «он очень подружился с В. Ив. Засулич, которую весьма уважал и любил, и отчасти с Л. Г. Дейчем» (стр. 36). Откуда могли взять это «точное» указание сестры, ни разу не видавшие нас с их братом, который к тому же, наверно, не сообщил им о степени своего к нам отношения, не могу сообразить.

И вот такие «точные» сведения, наверно, попадут в биографии Плеханова!..

В заключение замечу, что сильно заблуждается А. А. Френчер, предполагая, будто мне могло быть «в обиду сказано», что приведенные им данные «полнее освещают детство и юность Г. В., чем это до сих пор было сделано» (стр. 29). Если бы последнее было верно, я только радовался бы этому, но, к сожалению, многие, если не большинство почерпнутых им сведений «На родине Плеханова», насколько я понимаю, имеют, как я уже выше заметил, очень малую историческую ценность.

Л. Д.

Р. М. ПЛЕХАНОВА.

НАША ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ЖЮЛЕМ ГЕДОМ.

ВОСПОМИНАНИЯ.

(Перевод с французского. [1]).

Это было в 1880 г., в первый год нашего изгнания. Тогда коммунары, после их ссылки в Новую Каледонию, возвращались в Париж, население которого встречало их с радостью, любовью и энтузиазмом.

После десятилетнего летаргического сна, последовавшего за кровавыми майскими репрессиями, парижский народ снова оживал, вены его наполнялись новой кровью. Трогательно было видеть возвращение к общественной и политической жизни этого парижанина в блузе, который после 12—14-часового рабочего дня, не теряя времени, чтобы поесть и переодеться, едва утолив голод куском хлеба, проглоченного по дороге, спешил в залу собрания, чтобы услышать своих кумиров. С какою жадностью и энтузиазмом слушал он затем каждое их слово, трудно передать.

В этот памятный год почва была особенно благоприятна для пропаганды социалистических идей. Среди ораторов особым предпочтением у парижского населения пользовались Паула Минк, Леония Рузад, Джон Лабюскиер, доклады которого привлекали толпы посетителей. Но больше всех выделялись Луиза Мишель и Жюль Гед. Первая передавала слушателям свой пыл и веру в лучшее будущее, второй проповедывал Евангелие социализма.

Гед был тогда в расцвете своего таланта. Благодаря очаровательной внешности, пылкости речи, неуклонной логике и круп-

[1]) Эти воспоминания появились за границей летом 1922 г. по случаю смерти Ж. Геда. *Л. Д.*

ному политическому таланту он приобрел громадное влияние на парижский пролетариат, который в большом числе теснился на его докладах, приветствуя его появление на трибуне бурными аплодисментами.

Его успех был особенно велик на диспутах с оппонентами. Чаще всего эти диспуты происходили по вопросам социализма. В качестве ярого марксиста Гед сталкивался с прудонистом Малоном или с радикалом-социалистом. Эти горячие, страстные дискуссии касались разных сюжетов: борьбы или сотрудничества классов, социальной революции или социальной эволюции и т. п. Таких его докладов было много; происходили они как в будни, так и в праздники в различных округах Парижа. Залы всегда были переполнены жадными слушателями,—рабочими и интеллигентами.

Жюль Гед часто выступал против Шарля Лонге, зятя Маркса и отца небезызвестного Жана Лонге. В то время Ш. Лонге причислялся скорей к радикалам-социалистам. Оба оратора отличались ловкостью, обширными познаниями и ораторскими талантами, но Гед увлекал аудиторию своей пламенной верой, проникновенной речью и возвышенностью идеала; поэтому доклады кончались его торжеством.

Никогда не забуду чувства экзальтации и энтузиазма, вызываемых у нас, у Плеханова и у меня, в эти памятные вечера. После таких собраний мы часто до рассвета беседовали, спорили, вырабатывали планы нашей будущей деятельности. Гед производил на нас глубокое впечатление.

С первой же минуты Плеханов почувствовал родство их душ. Мы мечтали о том, как познакомиться с ним, поговорить, узнать его поближе. Но не знали, как это сделать: у нас не было общих знакомых, а Гед нам казался недосягаемым; к тому же, мы знали о его лихорадочной деятельности и опасались, заявившись к нему, не быть принятыми или же—помешать ему.

Но случилась неожиданная радость: в начале декабря 1880 г. жена одного русского эмигранта, француженка, которую мы часто встречали в одном французском литературном клубе, сказала мне на одном собрании: «Знаю, как сильно вам хочется познакомиться с Гедом,—представляется отличный случай. Мадам Гед больна и хочет лечиться у русской докторши. Сделайте ей визит и полечите ее,—это лучшее средство познакомиться с Гедом». Я согласилась с восхищением.

В одно прекрасное утро я отправилась в дом, где жил Гед со своей семьей. Если не ошибаюсь, он помещался тогда на авэню де Гобелэн, очень высоко, на 6-м или 7-м этаже. Звоню, сердце мое сильно бьется. Дверь открывается, и я стою лицом к лицу с Гедом. Взволнованная и смущенная, я выражаю желание увидеть мадам Гед. Следует короткий, сухой ответ; указав комнату своей жены, Гед быстро исчезает.

Позже я поняла, когда хорошо узнала Геда, что сама была виновата в его негостеприимном приеме: в моей поспешности с ним познакомиться я пришла в слишком ранний час. После собраний, продолжавшихся часто до полуночи, Гед еще работал до 4-х часов утра как корректор одной буржуазной газеты, и только к 5 часам, изнеможенный, возвратившись к себе, он ложился спать. Мой ранний приход прервал его непродолжительный отдых.

Жена Геда была в постели. Бледная, худая, она долго рассказывала мне о своих страданиях. Комната была мала и темна, меблировка—самая скудная. Сердце мое сжалось при виде этой бедности, и мое восхищение пред человеком, целиком отдававшимся слабым и угнетенным, еще увеличилось при мысли о том, какую борьбу он должен был вести за жизнь своих близких. К моему глубокому уважению прибавилось еще чувство бесконечной жалости и симпатии.

Болезнь жены Геда не была серьезной: малокровие и слабость, вызванные лишениями. Я навещала ее ежедневно и делала все, от меня зависевшее, чтобы поставить ее на ноги. К концу декабря мадам Гед поднялась,—она чувствовала себя гораздо лучше, и я прекратила свои визиты.

В течение всего этого лечения я не имела возможности познакомиться с Гедом. Часто дверь открывал мне он, но, наскоро поздоровавшись со мной, удалялся в свою комнату. Мадам Гед объясняла его поведение усталостью и всякого рода неприятностями. Я ее успокаивала и примирялась со своим неуспехом, хотя, откровенно говоря, это было для нас большим разочарованием и огорчением.

Наступил канун Нового года. Мы с Плехановым решили в 10 часов отправиться на вечер, где русские политические эмигранты и студенты собирались встречать Новый год.

В 9 часов раздался стук в дверь очень скромной комнаты, которую мы занимали в очень скромном отеле Линнея, на улице

Линнея. Мой муж пошел открыть, и я услыхала знакомый голос, спрашивавший, дома ли я: «Я пришел поблагодарить гражданку Плеханову за ее заботы о моей жене». Это был Гед. Неожиданный визит его нас удивил и вместе очень обрадовал. Мы усадили этого столь дорогого гостя и принялись готовить чай.

Затем началась беседа,— одна из тех, в которые участники вкладывают всю свою душу и которые оставляют у них неизгладимое воспоминание. Прошел час, другой, третий. Плеханов и я совершенно забыли о вечере, где нас ждали наши друзья; Гед также забыл, что его ждали: он ушел от нас только на рассвете.

Разговор шел о теориях Маркса, об их судьбе во Франции и в России, об успехе марксистской пропаганды во Франции. Плеханов изложил свое понимание великого учителя. Глаза Геда и Плеханова сверкали энтузиазмом и безграничной верой в будущее социализма. Изумительно было полное единство этих двух людей, понимавших друг друга с полу-слова,— будто их знакомство началось не с этого вечера, а уже несколько лет назад, и будто их соединяла давняя дружба.

Начиная с этой ночи, которая отметила целый период нашей жизни, Гед и Плеханов остались объединенными морально и интеллектуально до их последних дней: гармония чувств и идей была между ними всегда полной.

* * *

В последний раз Плеханов и Гед встретились в марте 1917 г., когда, возвращаясь в Россию через Францию и Англию, мы остановились в Париже.

Гед с восхищением говорил о русской революции,—такой прекрасной и бескровной. «Свободная Россия,— говорил он,— не может дать немецкому империализму поработить себя.

«Другим великим несчастием для молодой свободы и социализма было бы торжество максимализма и гебертизма. Я счастлив, что вы, Плеханов, едете. Более чем когда-либо ваша родина нуждается в вас. Берегите ваше здоровье, но поезжайте».

В этот момент Гед уже был тяжело болен; болезнь держала его прикованным к его креслу, но он был по-прежнему очарователен своей вдохновенной речью, молодостью его взгляда, полного огня и энтузиазма. Мы расстались взволнованные и будто получив благословение родителя: уходя от него, мы чувствовали себя спокойными и уверенными.

В конце своей жизни Плеханов часто говорил мне об этом своем друге. Он радовался, что Гед жив и сможет своим крупным авторитетом поддержать французский пролетариат, истощенный борьбой, в защите французской свободы и культуры.

В течение различных фазисов социал-демократического движения и развития марксистской теории в России и на Западе, Плеханов и Гед всегда занимали в недрах Интернационала тождественную позицию.

Когда русские товарищи, которых слишком часто разделяли разногласия,— более обычные в России, чем во Франции,— приходили к Геду поделиться их сомнениями и попросить совета, он им отвечал: «Я не могу разобраться в ваших делах, дорогие товарищи,—скажите мне, на какой стороне Плеханов: я всегда согласен с ним».

В тяжелые времена, пережитые II Интернационалом, в Амстердаме, в Штуттгардте, в начале и в течение великой войны, они всегда занимали одну и ту же позицию. Между ними всегда было полное единство.

* * *

Смерть Плеханова глубоко опечалила Геда. Свою живую симпатию к исчезнувшему другу он перенес на его семью. Когда, по совершенно непонятным до сих пор причинам, французское правительство отказало мне в разрешении въехать во Францию, я нашла в Геде самого горячего защитника: несмотря на тяжкую болезнь, делавшую для него всякое перемещение крайне мучительным, он тратил свои последние силы на хлопоты.

Приехав в Париж, я первый визит сделала ему. Даже среди наших ближайших русских друзей никто не слушал с бо́льшим интересом рассказ о деятельности моего мужа в России и о его последних минутах.

Когда я ему показала фотографические карточки Плеханова, он попросил дать ему одну и выбрал такую, которая мне казалась наименее удачной: это был любительский снимок периода московского совещания. Плеханов в то время был болен и слаб, а потому выглядел состарившимся и уставшим. Я выбрала другую, с более молодым, энергичным выражением. «Нет,—сказал Гед,— я предпочитаю эту: хочу Плеханова страдающего, Плеханова, несущего на своих плечах тяжесть родины и человечества».

В тяжелые минуты моего второго изгнания — самого тяжкого — я нашла в Геде друга и советника, полного симпатии и мудрости. Закончу эти краткие воспоминания воспроизведением письма, которое Гед прислал мне за пять дней до своей смерти, в ответ на мое приглашение переехать жить к нам. Это письмо дышит величием души и деликатностью, присущими ушедшему и незабвенному апостолу:

«Дорогая мадам Плеханова, я видел Браке и не знаю как благодарить вас за ваше гостеприимное предложение, такое сердечное и такое преданное. Если бы я был не так болен или другой болезнью, то с радостью согласился бы немедленно быть перевезенным к вам. Но в моем состоянии угнетенности, муки и разложения обременить вас моими останками было бы странным пониманием и проявлением дружбы, которая уже столько лет привязывала меня к вам и к нашему великому Плеханову.

Ваш огорченный и благодарный *Жюлъ Гед*.

Если вследствие улучшения, мало вероятного, мое новое состояние позволит мне без упреков совести принять ваши добрые заботы, я первый обращусь к вам за этим».

Е. Н. ИГНАТОВА.

БРАТЬЯ В. Н. и И. Н. ИГНАТОВЫ.

(воспоминания сестры.)

О Василии Николаевиче Игнатове до недавнего времени, кроме упоминания вскользь его имени, ничего не было в печати. Поэтому многие, даже вообще хорошо осведомленные лица в истории нашего революционного движения знали лишь, что был такой пятый член группы «Освобождение Труда»—и только. Объясняется такое забвение о В. Н., главным образом, ранней его смертью, происшедшей весной 1885 г. в Ницце, затем отсутствием у его товарищей остальных членов группы, да и вообще у наших политических эмигрантов тогда периодического органа, в котором можно было бы поместить некролог. А потом постепенно из памяти мало знавших его товарищей изгладилось почти всякое о нем воспоминание, до такой степени, что, как я уже в другом месте сообщил, П. Б. Аксельрод в появившихся (в 1923 г.) воспоминаниях даже забыл, что В. Н. был *членом* гр. «Освобождение Труда», а не «примыкал» только к ней. Нечего и говорить, что о младшем Игнатове еще меньше того знал кто-либо.

Е. Игнатова.

Лишь в минувшем году, ввиду наступившего сорокалетия со времени возникновения группы «Освобождение Труда» (25 сент. 1883 г.), я на страницах «Прол. Рев.» поместил очерк, посвященный всеми забытому товарищу В. Н-чу, вскользь упомянув в нем и об Илье Ник. Но имевшиеся у меня сведения о жизни их в детстве, отрочестве и юности были крайне

скудны. Я обратился к находящейся в преклонном возрасте старшей сестре их Евдокии Николаевне с просьбой сообщить мне все, что уцелело в ее памяти о двух ее братьях, задав ей при этом ряд вопросов, касавшихся, главным образом, первого из них, как входившего в нашу группу, так как младший только примыкал к нам. Она охотно исполнила мою просьбу, но, как увидит читатель, и ее сведения не очень велики.

Л. Д.

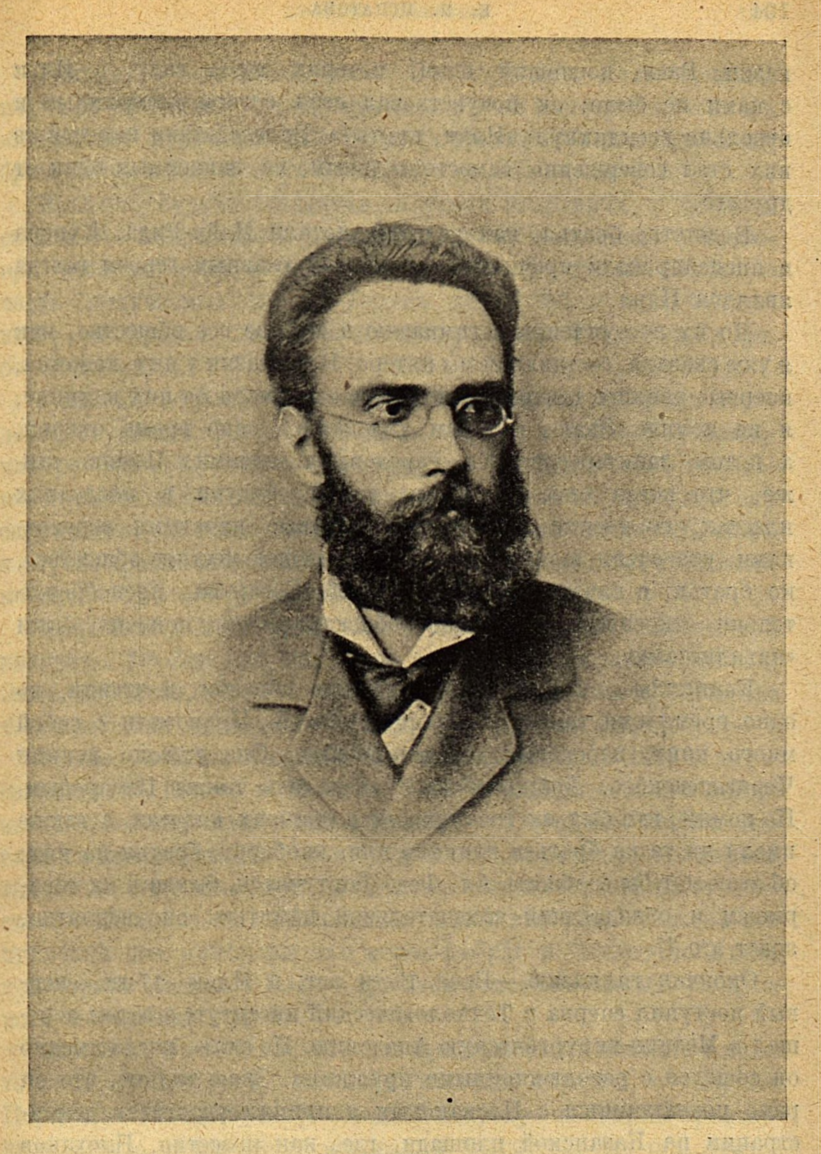
Когда именно родился брат Василий, я в точности не помню: он, кажется, на два или на три года старше Ильи. Мы принадлежали к богатой купеческой семье, жившей в уездном городе Белеве, Тульской губ. У нас был большой дом с красивым садом, с цветниками и фонтанами, экипажи, пары и тройки, большой штат прислуги и пр.

Мать умерла, когда мы были еще совсем маленькими детьми; мы оставались почти брошенными на произвол судьбы, так как старая бабушка мало о нас заботилась, отец же был постоянно в разъездах, а когда бывал дома, тоже немного обращал на нас внимания, да вследствие своего мягкого характера, он находился как бы в подчинении у своих трех младших братьев.

Однажды, помню, я заговорила с ним, почему он, такой энергичный в общественных делах человек, к которому жители нашего города обращаются за советами, так мало дает нам, своим детям. Он объяснил это купеческими традициями: он семейный, остальные братья одинокие, и материально он от них зависит. Для своего времени отец был довольно развитым, начитанным человеком, чем выделялся среди лиц своего сословия.

Пока мальчики, Вася и Илья, еще не поступили в гимназию, у нас была гувернантка. Мы ее не любили, боялись ее, хотя она не была злой, но при ней мы уже не были столь заброшенными детьми,—она о нас немного заботилась.

Не помню, были ли у братьев в детстве, до поступления в гимназию, товарищи. Они двое да я и две двоюродные сестры, Лидия и Мария, также Игнатовы, сироты, воспитывавшиеся вместе с нами,—таков был наш небольшой кружок. Любовь и дружба между братьями и нами тремя была большая. В детстве Вася, хотя и старший, подчинялся Илье, у которого находил опору в затруднительных случаях. Однажды, помню, уже будучи в гим-

В. Н. Игнатов.

Настоящий портрет члена группы «Освобождение Труда» появляется впервые: до сих пор в течение сорока лет нигде нельзя было найти его фотографическую карточку, — только в конце минувшего года удалось разыскать ее у живущей в глухой деревне сестры его.

Карточка эта была снята в Париже в 1882—1883 г., она вполне верно передает его черты.

Л. Д.

назии, Вася, носивший очки, потерял их в саду, а Ильи с нами не было: он почувствовал себя совсем потерянным и невольно воскликнул: «Илья, где ты?» Впоследствии каждый из них стал совершенно самостоятельным, не зависимым один от другого.

В детстве братья, как водится, читали Майн-Рида, Купера и инсценировали прочитанное, при чем главным героем всегда являлся Илья.

До их поступления в гимназию в Москве все общество, как я уже сказала, составляли мы пятеро. В гимназии у них, кажется, впервые явились товарищи, но какое они имели на них влияние, я не помню. Знаю, что они увлекались одно время оперой, а потом заинтересовались передовыми идеями. Помню также, что когда они приезжали домой, будучи в последних классах, то носили блузы, подпоясанные простыми веревочками, что очень шокировало наше «высшее местное общество», но братья, в качестве последователей Базарова, пренебрежительно относились к мнению «общества»: они, конечно, были «нигилистами».

Каникулы они проводили, главным образом, в чтении, но одно время они также увлекались охотой. Привозили с собой много книг, передовых, тенденциозных. Они высоко ценили Чернышевского, Добролюбова, увлекались также Писаревым. Не помню, кто был их товарищами в старших классах, а также имели ли те на братьев влияние или, наоборот, братья на них: об этом мог бы сообщить Ал. Фед. Фортунатов, бывший их товарищем и обладающий замечательной памятью: он, вероятно, знает это [1]).

Окончив гимназию,—Вася 19-ти лет, а Илья—17-ти,—первый поступил сперва в Технологический институт, а затем перешел в Медико-хирургическую Академию. Не знаю, когда именно он сошелся с революционными кружками. Знаю только, что он рано познакомился с Плехановым и принял участие в демонстрации на Казанской площади, где, как известно, Плеханов произнес речь. Васе как-то удалось избежать ареста, но он был выслан на родину, где, однако, оставался не долго: получив разрешение, он вернулся в Петербург.

---

[1]) Несмотря на сделанную попытку, мне, к сожалению, не удалось получить сведения от Ал. Фед. *Л. Д.*

Занимаясь политикой, он не мог посвящать много времени научным предметам. Между прочим, в моей памяти сохранилась следующая курьезная телеграмма, присланная им младшему брату: «приезжай сдавать физику» (т.-е. вместо него).

Жил он, будучи студентом, в таких квартирах, в которых сапоги его покрывались плесенью. Он систематически отказывал себе во всем самом необходимом. Не только бо́льшую часть получаемых им из Белева денег, но и привезенную шубу он продал для общественных нужд. Тогда он и заболел легкими.

Главным образом он занимался пропагандой среди молодежи, студентов. Мы знали, что он состоял в «тайной организации», но в какой—нам не было известно. Вообще, о своей деятельности он не любил распространяться, отчасти, по присущей ему скромности, но также, вероятно, в наших же интересах, чтобы в случае ареста мы вполне искренно могли заявлять, что ничего не знаем про его революционные дела и связи.

Приезжая в Москву, он иногда жил там на конспиративной квартире. Вообще, он был очень осторожен, предусмотрителен. Этим, вероятно, следует объяснить, что он лишь однажды был арестован на несколько дней, о чем сообщу ниже.

Помню, когда мы, сестры, после смерти отца в 1878 г. переселились из Белева в Москву, Вася в письме сообщил о произведенных над студентами насилиях,—о том, как казаки стегали их нагайками. При этом он просил нас прочитать это письмо знакомым студентам, для того, чтобы они отозвались на эту жестокую расправу с их товарищами. Затем вспоминаю, что он сам привозил или присылал нам с кем-нибудь в Москву чемоданы с номерами «Земли и Воли»; при этом вспоминается мне следующий печальный случай.

Зимой 1879—1880 г.г. нам был прислан целый чемодан с нелегальной литературой,—кажется, главным образом, с «Черным Переделом». В это время в соседней квартире жандармы производили обыск, и мы имели основания опасаться, что они явятся и к нам: это было вскоре после взрыва царского поезда вблизи Москвы. Мы поэтому, скрепя сердце, решили сжечь все содержимое чемодана.

Когда умер отец, Вася не надолго приезжал в Белев, где богатые дяди, братья отца, предложили ему, а также Илье и нам, сестрам, сейчас же выделиться: «Вам, которые так

стоят всегда за народ, будет неприятно пользоваться нашими доходами» [1]).

Как я уже сказала, жизнь в Петербурге, ввиду лишений, которым Вася подвергал себя, настолько подорвала его здоровье, что к концу 1880 г. он сильно расхворался: у него началось кровохарканье. Врачи велели повести его в Крым, а оттуда сестра Мария отправилась с ним в Египет, где, прожив зиму, он очень поправился.

Перейду теперь к младшему брату.

* * *

Будучи на I или II курсе медицинского факультета Москов. университета, Илья «ходил в народ». Отправился он из Москвы на юг: вместе с товарищами исколесил пешком Таврическую и Екатеринославскую губ.: был кузнецом, нанимался по пути в молотобойцы; в рабочую пору он шел на полевые работы, при этом снабжал нелегальной литературой крестьян и вел пропаганду среди рабочих и вообще среди трудящегося люда.

Осенью он вернулся в Москву, где продолжал пропаганду, главным образом, на фабриках. Все шло сравнительно благополучно до следующего лета, хотя уже и зимой, приехав из Белева, я не нашла братьев дома: Василий в то время тоже приехал из Петербурга в Москву. На мой вопрос, где они, хозяева квартиры отвечали незнанием. Так продолжалось несколько дней. После обнаружилось, что они были как-то арестованы, но через несколько дней их выпустили.

Летом 1877 г. Илья снова был арестован на Ганешиной мануфактуре. Отправляясь однажды вечером, как обыкновенно, на эту фабрику, он заметил, что кто-то следует за ним по пятам.

---

[1]) Думаю, что это сообщение не совсем точно: хорошо помню, что как Василий Николаевич, так и сама Евдокия Николаевна и их кузины мне, наоборот, сообщали, что после смерти отца опекуном их стал один из его братьев, кажется, довольно известный пароходовладелец «Игнатов-Курбатов». Не желая, чтобы его племянники и племянницы быстро растратили оставшиеся у них сравнительно большие средства, этот дядя удерживал их «в делах» и выдавал приходившуюся каждому из прибыли часть ежемесячно. Но Василий Николаевич, в качестве члена Общества «Земля и Воля», а затем «Черного Передела», ввиду нужды последнего в деньгах, потребовал от дяди выдачи сразу всей причитавшейся ему части наследства. Получив эти деньги, он внес бо̀льшую часть их в общую кассу, а деньги, принадлежавшие сестрам и брату, оставались в деле. Очевидно, теперь Евдокия Николаевна, за давностью лет, что-то смещала. *Л. Д.*

Он попытался, не заходя к знакомому рабочему, выйти через другие ворота, но там уже стояла стража, которая его немедленно арестовала.

Этот арест, как потом выяснилось, был произведен вследствие доноса рабочего-провокатора с Ганешиной фабрики. Сначала Илья был отправлен в арестный дом при пожарном депо на Селезневскую улицу; затем его перевели в городскую часть (между Варваркой и Ильинкой), где он сидел в одиночном заключении и без прогулок $1^1/_2$ года, но свидания нам с ним давали. Для этого, помню, мы отправлялись в жандармское управление (на Театральной площади), где к нам прикомандировывали жандармского офицера, который сопровождал нас в участок и присутствовал на свиданиях. Это продолжалось до тех пор, пока дело не перешло к прукурору Капнисту, который дал разрешение на регулярные свидания раз в неделю.

После столь продолжительного предварительного заключения Илья был, наконец, административно отправлен в Вятку.

Ехал он туда зимой в легком пальто, конвоируемый жандармами. Там, будучи ссыльным, он отбывал воинскую повинность, однако без права держать экзамен на офицера. Он сам отказывался от всяких предлагаемых ему льгот: жил в казарме, несмотря на предложение служить в канцелярии, ел из общего котла и пр.

Служба была необыкновенно тяжелая: офицеры,—за исключением его ротного командира — относились к нему крайне враждебно, придирчиво, подозрительно, так что он даже просил, чтобы я, находясь за границей, не писала ему, хотя это, конечно, было для него большим лишением.

С солдатами, наоборот, у него установились наилучшие отношения. Они прониклись к нему большим уважением, а с некоторыми из них у него сохранились прямо приятельские отношения на долгие годы уже после окончания службы и пребывания в ссылке. Благодаря этому, он хорошо изучил их быт и нравы, что дало ему возможность, по определению Салтыкова-Щедрина, «талантливо» изобразить это в полу-беллетристическом очерке. К сожалению, по цензурным условиям рукопись не могла быть напечатана в «Отеч. Зап.», а затем она где-то затерялась.

После вынужденного и тяжелого пребывания в течение трех с половиной лет в этом северном захолустье, Илье, наконец, разрешено было вернуться на родину. В начале 1883 г. он отправился за границу к больному брату.

* * *

Из Египта Василий перебрался в Палермо, а оттуда на южный берег Франции—на Ривьеру. С тех пор он уже не возвращался в Россию.

С приездом в Зап. Европу, у него восстановилась связь со старыми товарищами, жившими за границей,—Плехановым, Дейчем, Аксельродом и др. Изредка он сам ездил к ним в Швейцарию, но ввиду болезни уже не являлся активным деятелем [1]).

Когда зимой 1881—1882 г.г. я отправилась к нему в Ментону, то в Женеве ко мне присоединился Л. Дейч, поехавший к брату по делу,— какие «конспиративные дела» они решали, мне не известно.

Чувствовал себя Василий год от году все хуже, так что в последнее время не мог ничем заниматься, за исключением влияния на находившихся возле него близких.

Сначала он мне излагал устно, а затем заставлял читать вслух «Капитал» Маркса. До сих пор помню, как изумительно хорошо он знал и толковал трудные места этого произведения.

Вася получал много книг, журналов, газет. Он очень интересовался ходом рабочего движения, а также политической жизнью европейских стран, в частности Франции и Германии.

Крайне удручающее впечатление произвел на него арест Л. Дейча, в марте 1884 г.

Незадолго перед смертью мы с ним поселились в Ницце. В том же отеле находился Надсон, который в одном письме сообщил, что его нервное расстройство увеличилось, когда там умирал один русский: это был брат Василий...

Затем, скажу несколько слов о нас, сестрах, и о себе — в частности.

Переселившись, как я уже сказала, из Белева в Москву, мы быстро приобрели значительный круг знакомых среди передовой учащейся молодежи, а через них и отчасти через братьев

---

[1]) Как видно из моего очерка, помещенного в «Прол. Рев». № 9 (21), это не совсем верно. *Л. Д.*

познакомились и с некоторыми видными революционными деятелями, в большинстве «нелегальными». Посещали нас, приезжая в Москву, между прочим, Л. Дейч, Я. Стефанович, Г. Преображенский, Е. Ковальская и др. У нас устраивались собрания, на которых дебатировались политические вопросы. Однажды на «вечере», произошедшем, помню, в Чернышевском переулке, я увидела А. Желябова, почему чувствовала себя счастливой.

Приведу два курьезных эпизода.

Однажды Л. Дейч, пришедший к нам, сказал: «Знаете, с вами рядом живет шпион!» Мы очень перепугались. Но это он пошутил: оказалось, что там поселился партийный товарищ, известный под кличкой «юрист» (Г. Преображенский), чего мы не подозревали; Дейч тотчас же познакомил нас с ним.

До чего доходила временами наша неосторожность и наивность, может отчасти служить доказательством следующее.

На Пасху я вызвалась отнести «политическим» в тюрьму куличи и др. съедобные вещи, сготовленные на средства студенческого кружка. Вручая все это в тюрьме, я заявила, что это «политическим». Меня подвергли допросу и записали мой адрес; между тем, как я уже сообщила, к нам ходило много революционной молодежи и важных «нелегальных», но, ввиду патриархальных нравов тогдашней полиции, этот случай никаких печальных последствий не имел.

После изложенного считаю небезынтересным привести сообщение племянницы Василия Николаевича и Евдокии Николаевны, дочери Ильи, о дальнейшей жизни авторши этих заметок.

Л. Д.

«Будучи молодой, миловидной наружности девушкой, тетя Евдокия, похоронив дядю Васю, по возвращении из-за границы летом 1885 г. поселилась в небольшой, находящейся в 35 верстах от уезд. гор. Ельца (Орловск. губ.) деревушке—Малая Сапрычка.

На доставшиеся ей в наследство от отца средства она выстроила дом для школы и читальни, выписала книги, учебные пособия и стала безвозмездно обучать ребят. Узнав об этом, окрестные помещики и другие обыватели решили,—одни, что у приезжей барышни была «неудачная любовь», другие, что ее расположение к народу—результат психоза.

Иначе отнеслись к самоотверженной деятельности молодой девушки крестьяне: узнав ее, убедившись в ее беззаветной им преданности, они отвели десятину своей пахоты в распоряжение школы. За вычетом места под постройки, на этом участ-

ке они насадили разных деревьев, и, спустя десяток-другой лет, там появилась прекрасная рощица, в которой высятся теперь пирамидальные тополи, березы, гнутся от плодов яблони, и маленький домик, в котором школа-библиотека, теряется в густой листве.

В этом домике, несмотря на пережитые в течение почти 40 лет всякие трудности, продолжает заниматься просвещением населения маленькая, слабенькая старушка 70-ти лет. Через ее руки прошло уже не одно поколение.

Не довольствуясь обучением, тетя временами устраивала при школе «клуб», куда выписывала журналы, газеты и по вечерам сама читала и толковала статьи крестьянам. А в голодные годы заводила общие столовые, но местные власти, при царях, конечно, скоро закрывали эти «опасные затеи» учительницы.

Благодарность и признательность ей всего населения в особенно сильной степени обнаружились после Октябрьского переворота: в то время, когда в других местах крестьяне нередко предавали пламени и всячески уничтожали их же тяжелым трудом созданное имущество, находившееся у помещиков и у других привилегированных,—в Мало-Сапрычкинском оазисе все «общество» постановило выделить учительнице из увеличившейся площади запашки пожизненный надел, обрабатывать который должны бывшие ее ученики и ученицы. Но, по присущей тете ограниченности потребностей, она отказалась от этого надела. Кроме того, школа названа «Игнатовской» и в нее приглашена молодая заместительница, для меньших учеников, а тетю попросили заниматься с наиболее выдающимися, чтобы подготовить их в рабфаки, в высшие учебные заведения и на службы в разные учреждения.

Материальные заботы о ее существовании взяло на себя все общество: кто несет каравай хлеба, кто яйца, кринку молока; бывшие же ее ученики приносят дрова, топят печи и пр. Но и до сих пор, несмотря на старость и сопряженную с нею слабость, тетя сама все доступное ей по дому делает.

Признательность населения к тете распространилась и на нас, ее ближайших родственников: в недавние тяжелые годы, когда всюду была большая нужда, нами получено было приглашение переселиться в Сапрычкино: «всех родственников Евдокии Николаевны прокормим,—приезжайте», писало нам общество.

От большинства населения других деревень местное отличается развитием, толковостью, что признается во всем уезде. Бывшие ученики тети легко получают всюду службы, в особенности на железной дороге, где быстро идут вверх. Некоторые продолжают свое образование в высших специальных учебных заведениях. Но и ограничивающиеся полученными от тети знаниями и не отрывающиеся от крестьянской жизни лица очень начитаны, в чем я имела много случаев убедиться, живя подолгу у тети. Со многими землепашцами можно говорить о любом из

наших классиков,—о Тургеневе, Короленко, Чехове и др. «Мы всем обязаны доброй Евдокии Николаевне», приходится постоянно слышать от них как в частных беседах, так и на митингах. А во время общественных юбилеев, годовщин революций и т. д. благодарные бывшие ученики устраивают своей престарелой просветительнице непрерывные овации, от которых скромная, застенчивая старушка всячески старается уклониться,—ее приходится насильно туда вести.

Из Сапрычкинских крестьян, как наиболее образованных, всегда выбирают председателей и секретарей сельсовета (объединение нескольких деревень), ученик тети с 1919 г. состоит местным народным судьей и т. д. В Москве также находятся бывшие ученики тети в качестве рабфаковцев и слушателей сельско-хозяйственных учебных заведений; имеются они и на фабриках, а один состоит председателем Чаеуправления.

Не раз предлагали мы тете переселиться к нам в Москву, но она решительно от этого отказывается, так как свыклась с населением, которому отдала свои средства, знания, молодость. Ему же она отдает и последние свои силы».

Татьяна Игнатова.

О. К. БУЛАНОВА.

«ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ».

(воспоминания).

Очень немногие из членов «Черного Передела» находятся теперь в живых. Из них до сих пор поделились своими воспоминаниями—и то лишь отчасти—О. В. Аптекман, Елиз. Ник. Ковальская и П. Б. Аксельрод [1]). Кроме них, насколько мне известно, приготовила к печати также свои записки Ольга Константиновка Буланова, урожденная Трубникова, но ее воспоминания относятся к почти совершенно неизвестному периоду, последовавшему за разгромом «Черного Передела», зимой 1880 г., вследствие выдачи рабочего-наборщика Жаркова типографии и вообще всей организации. Поэтому предлагаемые записки О. К. Булановой представляют особенную ценность: они дают довольно ясное представление о возобновленной, после упомянутого разгрома, организации «Черного Передела», в которой преобладающее большинство членов были лица новые, частью морские офицеры, частью же—из учащейся молодежи; из прежнего состава «Черного Передела» в новую организацию вошли только три члена: П. Б. Аксельрод, Евгений Козлов и жена его, Евгения Рубанчик, все же остальные члены были людьми новыми, раньше мало или вовсе не участвовавшими в революционном движении.

Из последнего состава я знал немногих; наиболее известны были мне две сестры Трубниковы, с которыми я познакомился зимою указанного выше года, до разгрома нашей организации. Тогда они принадлежали лишь к «сочувствовавшим», оказывали всякого рода помощь нам и народовольцам, но не входили ни в нашу, ни в их организацию. В значительной степени помогала всем нам, революционерам, без различия направления, также и мать их, Марья Васильевна, общественная деятельница, дочь известного декабриста Ивашева. Квартира Трубниковых являлась поэтому местом встреч и свиданий опасных нелегальных; ею пользовались также для укрывания разных конспираций,

---

[1]) Часть моих теперь печатается.

изданий и пр. Благодаря радушию как матери, так и двух старших ее дочерей, Ольги и Марии, курсисток, семейство это пользовалось чрезвычайным уважением и симпатией среди лиц, знавших Трубниковых. Старшая дочь, после моего отъезда за границу, вышла замуж за морского офицера Анатолия Петровича Буланова; вторая—Марья Константиновна—также вышла замуж за моряка—Сергея Алексеевича Вырубова. О. К. Трубникова не прекращала поддерживать самые тесные сношения с нами, чернопередельцами, уехавшими, как известно, за границу: она сообщала нам о ходе дел, присылала материалы, литературу и средства как для печатания вышедших за границей двух номеров «Черного Передела» и двух брошюр [1]), так и для нашего и других эмигрантов возвращения в Россию, чтобы работать в этой организации.

Вообще сестры Трубниковы и Анат. Петров. Буланов оказали нам, бывшим чернопередельцам, в особенности Стефановичу, В. И. Засулич и мне, в первые годы нашего пребывания за границей, много услуг: без их помощи и забот о нас наше моральное, а отчасти и материальное состояние в эмиграции было бы значительно тяжелее, хуже. Я поэтому до сих пор чувствую большую признательность к названным трем лицам, из которых в живых только О. К. Буланова, автор настоящих записок.

Но независимо от этого они также и вообще принесли немало пользы революционному движению в России, о чем, насколько мне известно, до сих пор в печати почти ничего не было. Эта небольшая группа лиц, к которой следует еще причислить очень рано умершую Марью Клавдиевну Решко, а также Шефтеля, Загорского и некоторых других, о которых сообщает ниже в своих записках О. К. Буланова, явилась прямой предшественницей группы «Освобождение Труда» и вообще социал-демократов. Члены этой организации, продолжая называть себя чернопередельцами, фактически перестали быть ими, так как они занимались, главным образом, среди рабочих, а отчасти также среди военных нижних чинов, и вовсе не собирались, как подобало народникам, подготовлять почву для крестьянских восстаний. Практическая их деятельность состояла в пропаганде—устной и печатной,—а также в агитации среди учащейся молодежи и рабочих. При этом в воззрениях их была уже значительная примесь марксизма.

Ограничиваясь этими немногими строками, я приведу сделанное для нашего Сборника О. К. Булановой сообщение о «Черном Переделе» 2-го призыва, т.-е. после ареста первой типографии,—с начала 1880 г. по конец 1881 г.

Л. Д.

---

[1]) Одна называлась «Начало конца»—Борисова (И. И. Добровольского). другая—«Злоба дня»—Стефановича; обе эти брошюры являются теперь библиографическими редкостями.

С Анатолием Петровичем Булановым я познакомилась в семействе Решко: тогда он был уже чернопередельцем,—еще в морском корпусе, путем систематического чтения и под влиянием брата Леонида, тоже близкого к семье Решко, Ан. Петр. выработал себе вполне определенное миросозерцание и революционные убеждения. После разделения общества «Земля и Воля», по воззрениям он примкнул к «Черному Переделу». Когда же после ареста типографии и большинства членов он вступил в организацию, то сразу стал в ней видным работником как благодаря его преданности делу, так и по уму, начитанности, организаторским и, в особенности, пропагандистическим способностям. Среди рабочих Анат. Петр. действовал наиболее успешно и быстро завоевывал их любовь и доверие,—в этом отношении очень интересны слышанные мною отзывы его товарищей по работе, а также и некоторых из уцелевших рабочих. Ему, между прочим, удалось разыскать и связаться с остатками Северного рабочего союза.

С Аксельродом Анатолий Петрович впервые познакомился, когда Павел Борисович приехал в Петербург с юга, из Одессы, где он занимался пропагандой среди рабочих и создал затем Южно-Русский Рабочий Союз [1]).

Из молодежи Аксельрод наиболее сблизился с Марией Клавдиевной Решко и с Анатолием Петровичем Булановым. Скажу сперва несколько слов об этой чрезвычайно симпатичной и очень рано умершей девушке.

М. Кл. Решко происходила из очень родовитой литовской дворянской семьи, ведшей свою родословную чуть не от самого Гедимина. У отца ее было имение в Оренбургском крае и вообще он был состоятельным человеком, но рано умер от чахотки. Мать вырастила детей, располагая уже небольшими средствами. Мария Клавдиевна, кажется, училась в институте, а затем в Петербурге на фельдшерских курсах. Она входила в центральный кружок [2]) и на-ряду с Анатолием Петровичем являлась наиболее видным работником. После отъезда П. Б. Аксельрода эти два лица были главными руководителями и вдохновителями Петербургской организации «Черн. Пер.». Там Мария Клавдиевна

---

[1]) Не следует смешивать его ни с «Южно-Русским рабочим союзом», основанным Заславским в 1875 г., ни с созданным Щедриным и другими в Киеве в 1880 г. *Л. Д.*

[2]) Второго периода. *Л. Д.*

пользовалась всеобщим уважением: она оказывала чрезвычайно благотворное влияние на всех остальных членов центра; младшие же товарищи проявляли к ней прямо благоговейное отношение.

Мать ее, очень неглупая, но несколько педантичная женщина, вполне искренно сочувствовавшая революции, оказывала нам посильную помощь. Сын ее также примыкал к нашей организации. Таким образом все это семейство имело большое значение для «Черн. Пер.». Брат Марии Клавдиевны—Константин обладал скептическим складом ума и не во всем разделял взгляды чернопередельцев, но он находился под большим влиянием Анатолия Петровича и до перехода последнего в «Нар. Волю» работал с ним; впоследствии Константин Клавдиевич Решко совсем отошел от революционной работы и стал культурником, но он на всю жизнь сохранил любовь к общественной деятельности, а также репутацию кристально честного и справедливого человека.

Мария Клавдиевна была арестована и в тюрьме заболела туберкулезом. Выпущенная затем на поруки, она вместе с матерью отправилась на французскую Ривьеру и скончалась в Кларане в конце 1881 или в начале 1882 г. Ее ранняя смерть крайне нас опечалила,—это была огромная потеря для нашей организации.

Перейду теперь к Буланову.

* * *

Отец Анатолия Петровича был незначительным чиновником из неродовитых дворян, получившим среднее образование, но неглупым от природы человеком. При типично мещанской психологии он, однако, выделялся в своей среде неподкупной честностью: он занимал очень «хлебное место»,—был секретарем Римско-Католической Духовной Коллегии, почему через его руки проходили все бракоразводные и другие дела, касавшиеся живших в России католиков, и, значит, на него могли сыпаться, как тогда фигурально выражались, «барашки в бумажках», он, тем не менее, решительно отказывался от них, а также не позволял принимать «подарки» и жене своей, малограмотной немке, типичной мещанке, которая была не прочь пускать с черного крыльца просителей с «приношениями». Вследствие этого семья его жила очень бедно, и он не мог дать своим детям желательного ему образования.

Сыновья его, Леонид и Анатолий, главным образом себе самим обязаны своим образованием: в гимназии они учились даром, благодаря своим выдающимся способностям,—даже все учебные пособия им, как первым ученикам, предоставлялись бесплатно. Еще будучи в низших классах, оба они стали репетиторствовать, чем поддерживали себя и отчасти семью. Но Анатолий, не окончив гимназию, вздумал поступить в Морское училище. По выходе из нее он подготовился и затем, выдержав экзамен, поступил в Морское училище. Леонид же, по окончании гимназии, отправился в Петербург, где поступил в университет. Там он познакомился с революционерами, а также с семейством Решко. Затем он стал видным членом общества «Земля и Воля».

Оба брата с ранних лет пристрастились к чтению. Своим развитием Анатолий отчасти был обязан Леониду, так как сперва оно шло под влиянием этого брата.

Обладая замечательною памятью и большим умом, Анатолий очень рано выработал себе довольно стройное миросозерцание и революционные убеждения. Он был очень начитан, довольно сведущ в общественных науках,—в частности, в политической экономии, при этом очень основательно проштудировал «Капитал» Маркса. В этих областях он, кажется, прочитал почти все, что имелось тогда в нашей литературе. Вообще у него сильно развиты были умственные интересы.

После отъезда Павла Борисовича Аксельрода Анатолий Петрович играл наиболее крупную роль: он являлся одновременно организатором, литератором, пропагандистом и т. д. Но, главным образом, его внимание было посвящено деятельности среди молодежи и особенно—среди рабочих: пропаганде и агитации среди них он придавал первостепенное значение, так как считал, что у рабочих легче всего пробудить их классовое сознание и организовать их. В них он видел главную политическую силу в ближайшем будущем России. Таким образом, как видим, он очень близко подходил к марксистам. В деревне Анатолий Петрович никогда не жил и крестьян вовсе не знал. Поэтому среди них он даже не пытался работать. Вообще, он обладал способностью подойти к городскому трудящемуся люду. Рабочие его очень любили и сильно к нему привязывались.

Лично я присутствовала лишь на его диспутах с народовольцами среди учащейся молодежи по программным вопросам. Он говорил гладко, убедительно, горячо, но иногда с излишним

раздражением. По темпераменту Анат. Петр. был сангвиником, отличался прямодушием и бесхитростностью, обладал громадной энергией и трудоспособностью, умел скоро узнавать людей, но сближался лишь с немногими: в нашем кружке он наиболее близко сошелся с Аксельродом, Марией Клавдиевной, со мной и с моей сестрой Марусей, а затем также с Лавровым и Загорским; со всеми же остальными членами нашей организации он был очень сдержан; его даже обвиняли в том, что он относился к ним несколько свысока.

Аксельрод в бытность свою в Петербурге в 1880 г. все время проводил, главным образом, у нас и у Решко: очень ему пришлись по душе Анат. Петр. и Мария Клавдиевна,—с ними он прямо подружил, при чем с первым даже стал на «ты», что для Анатолия Петровича, человека замкнутого, было исключительно редким случаем.

Павел Борисович усердно занимался пропагандой среди нас, молодых членов «Черного Передела»: он детально знакомил нас с теорией научного социализма и федерализма, а также с практической постановкой дела. Он принимал самое деятельное участие в выработке программы, а также объяснительной к ней записки для нашего общества, которое, как известно, мы вновь стали называть «Землей и Волей» [1]). Эти документы были в свое время отправлены с Евгенией Рубанчик нашим «заграничникам», т.-е. Плеханову, Стефановичу, В. И. Засулич и Л. Г. Дейчу [2]).

Главным образом под влиянием Анатолия Петровича примкнула к «Черному Переделу» целая группа молодых моряков. Большею частью то были его товарищи и однокашники по морскому училищу и службе. Затем к этому кружку присоединились также студенты и курсистки. В Москве тоже был кружок наших единомышленников, в который входили петровцы, техники и студенты университета.

Анат. Петр. нередко ездил в Москву, но всегда возвращался оттуда очень недовольным: он говорил, что у москвичей полное

---

[1]) Эту-то программу Серебряков, по недоразумению, принял за программу прежнего общества «Земля и Воля», издававшего газету этого названия, а за ним ту же ошибку повторил Богучарский и др. *Л. Д.*

[2]) Об этих-то документах шли затем большие толки, обвинения и пр. по отношению Драгоманова, о чем много говорится в нашей переписке от того времени, в особенности у меня с Аксельродом. *Л. Д.*

отсутствие конспиративности, что они отличаются беспечностью и халатностью,—главным образом этим он объяснял малую результатность их работ. Его чрезвычайно возмущало, что москвичи слишком заняты своей личной жизнью и, наоборот, уделяют чересчур мало времени революционной деятельности.

Анат. Петр., вообще, был очень требовательным, в особенности к себе; лично он отдавался целиком, поскольку мог это сделать, будучи на службе. Когда же он получил право оставить ее, то всецело отдался революционной деятельности, с головой ушел в подпольную работу.

Наша типография, в которой печатались «Черный Передел» и рабочая газета «Зерно», находилась в Минске. Анат. Петр. часто ездил туда сам или отправлял кого-нибудь из наиболее надежных товарищей как для отвоза рукописей, так и для того, чтобы привезти отпечатанные номера газет; при этом Анат. Петр. старался, чтобы как можно меньше народа знало о месте нахождения этой типографии, и эту тайну ему действительно удалось вполне сохранить.

В петербургскую группу «Черного Передела» входили, помню, следующие лица: из прежней организации: Козлов, Евгений с женою Евгенией Рубанчик, Ульянов, Алексей Ник., учитель, с женой Надеждой Петровной; студенты университета: Уваров, Шефтель, Загорский и два брата Марковские; курсистки-медички: Белякова, Кланг, Мария Александровна, Золотарева и я с сестрой; студенты-медики (из Саратовского землячества): Ченыкаев Виктор Владимирович, Лаврентьев Ник. Ник. и Симзен, Мих. Мих.; далее моряки: Буланов, Вырубов, Петров, Лавров, Дружинин, гр. Муравьев, Налимов, Философов и Воробьев,—всего 27 человек из гражданской и военной учащейся молодежи.

Из студентов самым выдающимся являлся юрист Констант. Яковлев. Загорский. Он был сыном небогатого украинского помещика, отличался большими способностями и образованием, при этом недурно владел пером. Организация его берегла как ценную литературную силу, и, за исключением редких случаев, его не пускали в рабочие районы. С ним Анат. Петр. очень сблизился,—был в лучших отношениях, чем с кем-либо другим из молодежи, за исключением М. К. Решко. Загорский писал статьи для «Черного Передела» и «Зерна», а также листовки и прокламации для рабочих. Когда в конце 1881 г. Анат. Петр. вместе со мною и со Стефановичем, как известно, присоединился к

«Нар. Воле», Загорский отказался сделать то же: он предпочел совсем уйти из революционного движения, что являлось для последнего большой потерей. Впоследствии Загорский стал профессором в университете и в политехникуме, а где он теперь, не знаю [1]).

Наиболее деятельным из моряков, после Анат. Петр., был Сергей Алексеевич Вырубов, ставший потом мужем моей сестры Марии. Он был сыном довольно зажиточного помещика, выпуском старше Анатолия Петровича, но его сослуживцем по гвардейскому экипажу. Ни умом, ни развитием он не выделялся: Анат. Петр. даже утверждал, что Сергей Алекс. во всю свою жизнь не прочел ни одной серьезной книги до конца. До знакомства с нами он был вполне светским человеком,— любил щегольски одеваться, покутить с товарищами, подебоширить. Но под влиянием Анат. Петр., а еще более—моей сестры Марии, он значительно остепенился. Будучи принят в наш кружок, он стал очень энергичным, готовым на самые рискованные предприятия. Он умел подойти к нижним чинам и успешно занимался пропагандой среди матросов и рабочих; в то же время он ловко мог таскать из Кронштадта динамит, да и вообще был очень изворотлив, отважен, находчив, остроумен, умел пустить пыль в глаза, обнаруживал кипучую деловитость, почему и занял довольно видное место в центре. Но ум его не отличался глубиной, а убеждения его не обладали твердостью. Он находился под большим влиянием сестры Марии, за которой тогда усиленно ухаживал [2]).

После нашего присоединения к «Нар. Воле» Вырубов с женой также отказался сделать это; затем они уехали в его имение, где он стал либеральным земским деятелем. Когда же сестра Мария умерла (в 1898 г.), Вырубов круто изменился: он отшатнулся от всех знакомых, а также от своего прошлого, стал настоящим бюрократом и карьеристом. Умер он в 1904 г.

После Анат. Петр. и Вырубова наиболее крупными деятелями из моряков были Лавров и Петров.

---

[1]) Насколько мне известно, он за границей и, кажется, примыкает к очень умеренной группе, издающей небольшой журнал «Заря», под ред. Ст. Иван. *Л. Д.*

[2]) Мария Константиновна Трубникова, когда я ее знал, отличалась очень симпатичным характером и была замечательно красива, некоторые даже считали ее красавицей. *Л. Д.*

Ник. Ник. Лавров, однокашник Анат. Петр., был честным, аккуратным, добросовестным и чрезвычайно преданным революционному делу человеком, но он совсем не выделялся своими умственными способностями. В организации он не отказывался ни от какой работы. Впоследствии он попал в административную ссылку, которую отбывал одновременно с нами, там же он женился на ссыльной Орловой, а вернувшись из Сибири, служил вместе с Анат. Петр. по постройке Ряз.-Урал. жел. дор. Вскоре затем он умер.

Иван Иванович Петров, также, как я уже сказала, бывший моряк, являлся чрезвычайно преданным революционному делу человеком: он целиком отдавался работе, никогда не жалел себя и отличался изумительной добротой. Вообще, это был на-редкость милый человек с кристально чистой душой. Больше всего он работал по техническим делам. К сожалению, этот симпатичнейший человек очень рано скончался.

Все остальные моряки—Дружинин, Налимов, Философов, Муравьев—играли второстепенные и третьестепенные роли,—исполняли отдельные поручения, распространяли литературу, собирали деньги и т. п., а затем, когда движение становилось все более и более рискованным, они вовсе от него отстали.

Из студентов, кроме Загорского, особенно выделялся Михаил Исаакович Шефтель, юрист. Он писал не особенно много, но принимал деятельное участие в других партийных делах. Шефтель обладал большим умом и развитием. Он также не захотел присоединиться к «Нар. Воле» и тоже отошел от революционной деятельности. Затем он стал известным петербургским присяжным поверенным, цивилистом, очень разбогател, а с возникновением конституционно-демократической партии (кадетской) вступил в число ее членов, был депутатом в Государственной Думе и сравнительно недавно скончался.

* * *

Средства нашей организации получались, главным образом, от сборов среди общества и учащейся молодежи, а также путем разных предприятий. Этим делом, между прочим, занимались я с сестрой, Маша Решко, Анат. Петр., Шефтель и др., преимущественно среди сочувствовавших, которых было немало.

Кроме конспиративной квартиры, местами наших сборищ служили наша квартира и Решко,—у последних, главным обра-

зом, собиралась редакция. Нередко нам приходилось слышать от многих товарищей, что они с особенным удовольствием собираются у нас [1]).

Помню, как Сергей Вырубов, Костя Решко и Философов говорили: «Когда мы бываем у вас (т.-е. в нашей семье), мы точно входим в какой-то храм».

Действительно, влияние нашей семьи было заметно; между прочим, сестра Маня поставила условием хороших товарищеских отношений полный отказ от кутежей и вина.

Отношения между членами нашей организации, в общем, были довольно дружелюбные; случались, конечно, разногласия и споры, но незначительные.

Занимаясь пропагандой среди рабочих, мы старались избегать указания на существовавшие разногласия между двумя фракциями—нами и народовольцами, так что рабочие часто не знали о партийной принадлежности действовавших среди них лиц.

Главное, что нас разделяло с народовольцами, был вопрос о терроре, но в противоположность нашим предшественникам, чернопередельцам, разгромленным вследствие выдачи Жаркова, мы признавали важное значение борьбы за завоевание политических свобод. Таким образом в своих взглядах мы в значительной степени сблизились с народовольцами.

Существует представление, будто исключительно под влиянием приехавшего из-за границы осенью 1881 г. Стефановича Анатолий Петрович и я присоединились к партии «Нар. Воля». Но это не совсем верно. Решающее значение имел не его приезд, а создавшаяся под влиянием арестов, начавшихся после дела 1-го марта, невозможность работать. Уцелевшие от ареста лица стали охладевать, относиться индиферентно к взятым ими на себя обязанностям; поэтому на Анатолия Петровича, в конце концов, свалилась почти вся работа: он выбивался из сил и сознавал, что не может всюду поспевать. Оставалось или сложить руки, или пристать к еще казавшейся сильной организации народовольцев. Стефанович явился к нам как раз в то время, когда Анатолий Петрович решал этот вопрос.

Присоединился он на некоторых условиях, выговорив для себя, главным образом, свое любимое занятие — деятельность среди рабочих.

---

[1]) Верность этого могу и я подтвердить. *Л. Д.*

Наше с ним присоединение произошло в ноябре 1881 г. Затем, как известно, в начале февраля следующего года мы были в Москве арестованы, при чем на нашей же квартире был задержан Стефанович.

Мне известна дальнейшая судьба только немногих бывших членов нашей организации: М. Решко умерла за границей, Петров скончался вскоре после возвращения из ссылки, Ульянов и Козлов были высланы в Западную Сибирь, Лавров—в Восточную, некоторые, очень быстро отряхнув пыль от ног своих, разбрелись в разные стороны.

Заканчивая на этом свои краткие сообщения, заранее признаю, что они дают лишь слабый набросок нашей организации.

И. ГЕЦОВ.

ТИПОГРАФИЯ «ЧЕРНОГО ПЕРЕДЕЛА».

(ВОСПОМИНАНИЯ НАБОРЩИКА.)

Многоуважаемый

Лев Григорьевич!

Вопросы, которые Вы мне ставите, относятся к давно минувшим дням: ко времени, которое лежит уже более 40 лет позади нас. События уже успели покрыться густой пылью давности. Тем более, что наша кружковая деятельность обнимала очень короткое время — всего 2—3 года—и протекла без всяких потрясающих событий. Все же отвечу по порядку на поставленные Вами вопросы.

Родился я в начале 1860 г. в г. Минске, в строго ортодоксальном еврейском семействе. Мой отец умер, когда мне еще году не было. Воспитывался и вырос я у дедушки и бабушки, родителей моего отца. Они считались довольно зажиточными хозяевами: имели свой дом, двор и пивоваренный завод в г. Минске. Мое воспитание было строго ортодоксальным: меня готовили в талмудисты. Помню, как однажды моя бабушка пришла из синагоги с заплаканными глазами и объявила мне, чтобы я в тот день в хедер не пошел. Одевшись, она пошла со мною к нашему домашнему врачу. По дороге один из наших соседей, остановив меня, спросил, почему моя бабушка так расстроена. Оказалось, что вышел будто бы закон, по которому все еврейские мальчики обязательно должны были посещать еврейское городское училище [1].

[1]) Бабушка хотела получить от доктора свидетельство о моей болезни, которое освободило бы меня от школы.

Сосед наш оказался более сведущим человеком и сказал моей бабушке, что этого нечего ей бояться, что есть такие учителя, которые имеют право преподавать на дому, и что если нанимают такого учителя, то дети освобождаются от обязанности посещать школу. И тут же он отрекомендовал такого христианина-учителя, который жил в одном из его домов. Договор с учителем был немедленно заключен.

При нашем заводе была небольшая квартира, которая никем не была тогда занята. Ее дедушка отвел под «класс», и еще 8—10 еврейских мальчиков из нашей округи начали вместе со мною заниматься русским языком и начальной арифметикой. Таким образом я начал обучаться русской грамоте.

Два человека имели самое сильное влияние на мою жизнь и судьбу. Первым был землемер, родом из Белостока, Леон Михайлович Носович. Кажется, летом 1877 г. он приехал в Минск и поселился в доме Левкова (Рольника) в ближайшем соседстве от нас. Он был из раввинистов, т.-е. из учеников закрытых уже Раввинских школ. Он знал древне-еврейский язык и талмуд. Между ним и молодым Левковым, который был моих лет, начались религиозные диспуты. Носович был свободомыслящий, а Левков, получивший приблизительно одинаковое со мною воспитание, наоборот, был очень религиозен.

Эти споры происходили между ними некоторое время при моем закулисном участии. Левков передавал мне содержание происходивших у него с Носовичем диспутов, а я указывал ему на те или другие ответы, которые следовало ему давать. Сам же я наотрез отказался от знакомства с Носовичем, памятуя сказанное в талмуде: «знай, что̀ отвечать неверующему». Но однажды Левков обманул меня, уверив, что Носовича нет у него, между тем как тот сидел в ожидании моего прихода. Беседа и религиозный спор сейчас же завязались, и я ими сильно увлекся.

Эти беседы повторялись с того времени ежедневно и тянулись неделями. Наконец, Носович торжествовал победу. Тогда мы, т.-е. Левков и я, начали серьезно заниматься общеобразовательными предметами и стали готовиться к поступлению или в землемерное, или в реальное училище. Мы делали большие успехи и были близки к цели. Но тогда новый человек выступил на сцену в нашей жизни.

Это был студент, не помню, Киевского или Московского университета, родом из Пинска, Велер, окончивший в Минске гимна-

зию с медалью, популярный среди минской молодежи. В университете он стал чрезвычайно преданным социалистом и, как многие представители молодежи в те годы, начал совершенно отрицательно относиться к учению для получения диплома, так как последний является лишь средством для более сильной эксплоатации бедного народа. Не долго думая, он решил бросить учение и целиком предаться пропаганде социализма. С этой целью он написал довольно обширное письмо одному из своих приятелей в Минске.

Оно шло по рукам, производя сильное впечатление, и таким образом приготовило умы к его приезду. Наконец, бывший франт и популярный среди барышень танцор появился в парусиновой блузе с кушаком, в высоких ботфортах, с длинными волосами и в темных очках, — словом, в полном наряде социалиста-революционера того времени. Это, однако, не мешало ему начать свою деятельность в Минске: времена тогда в наших палестинах были еще очень патриархальные. Это, кажется, было в 1878 г. Появились книжки, и мы стали собираться, чтобы группами читать и разбирать их. В образовавшемся кружке было человек 20—25.

Из легальных книг наиболее сильное впечатление произвели на меня «Историч. письма» Миртова, «Положение рабочего класса» Флеровского, «Что делать?» и статьи Чернышевского в «Современнике». Из нелегальных: «Сказка о 4-х братьях», «О копейке», «Слово на Великий Пяток» и «Кому принадлежит будущее» (разговор послед. людей) из «Вперед», но особенно «Хитрая механика». Любимым нашим поэтом был, конечно, Некрасов, его мы декламировали и певали [1]).

Под влиянием этих идей мы, т.-е. Левков и я, решили поступить в земледельческое училище. С этой целью мы поехали в Горе-Горки, где такое училище было. Но там оказался слишком большой наплыв учеников: на 3—4 вакансии было больше 50 желавших поступить. По конкурсному экзамену я поступил, и то классом ниже, а Левков уехал домой. Затем он поступил учеником в аптеку.

Я пробыл там год. На нас, евреев, смотрели в училище, как на вторгшихся не в свою сферу, хотя там было всего 3—4 еврея,

---

[1]) Интересно, что брошюра «Общественная служба в «Будущем Обществе» играла немалую роль в наших спорах.

так на нас смотрели как учителя, так и ученики. Мне удалось поставить себя там независимо, но одного товарища-еврея (Кугеля) постоянно обижали, и мне приходилось брать его под свою защиту. Притом я убедился, что и по окончании еврею нелегко будет попасть в совершенно чуждую ему крестьянскую среду.

В Минске между тем обстоятельства в значительной степени изменились: несмотря на всю патриархальность нашей жандармерии, Велеру все же пришлось бежать. Ему удалось перебраться через границу; некоторое время он жил в Швейцарии и Париже, затем, благодаря старанию Тургенева, Лорис-Меликов разрешил ему вернуться на родину. Вернулся он совершенно разочарованным и отстал от движения. Вскоре он, кажется, умер.

Кружковая жизнь значительно расширилась. С одной стороны, завязались сношения с местными рабочими, среди которых особенно деятельными были известный в Америке Ицхок-Айзик Гурвич и его сестра Евгения (Женя). Проектировался даже специально рабочий орган по-еврейски. Завязались постоянные сношения со столицами. Тов. Хургин пристал к народовольцам, а Саул Гринфест, двоюродный брат Левкова, который присоединился к движению в моем отсутствии из Минска, завязал сношения с чернопередельцами московского кружка. Он также имел сношения с контрабандистами, при помощи которых переправлялись через границу лица и издания. Минск стал известен революционным центрам и, в свою очередь, являлся таковым: мы получали книги и распространяли их в таких городах, как Вильна, Витебск, Могилев и др.

В это время нашему кружку удалось освободить из Виленской политической тюрьмы офицера Фомина и переправить его через границу. Будучи одет в офицерской форме, он под вечер быстрыми шагами отправился к воротам, где сторожившие тюрьму солдаты отдали ему честь и выпустили его. Надо было только, чтобы вблизи ждали его со штатским платьем, а также иметь готовую квартиру, чтобы на время спрятаться. С этой целью из Минска поехал Вольман, имевший знакомых в Вильне. Вместе с Иоселевичем (известный теперь в Нью-Йорке дантист Левич) они устроили все это. Военное платье Фомина положили на берег реки Вилии, протекающей вблизи. Полиция поэтому искала тело

Фомина в реке. Переночевав в Вильне в приготовленном месте, кажется, в бане, его затем снарядили женщиной и на повозке переправили в Вилейку. Там имелся свой человек, Казимир Парфьянович, служивший на жел. дор. и разъезжавший со своим вагоном. Он довез Фомина до последней станции от Минска, где у известного места Гринфест и я ожидали его с повозкой. Прожив с Фоминым на безопасной квартире дней 8—10, мы затем переправили его за границу.

* * *

Как известно, типография «Черного Передела» провалилась при наборе первого номера, и первые два номера этого журнала были напечатаны за границей. Чувствовался большой недостаток в типографии. И вот однажды Гринфест приехал с предложением от москвичей устроить в Минске типографию. Ни Гринфест, ни я не видели даже вблизи типографии. Нам надо было действовать очень осторожно. Интересоваться типографией в самом Минске было неудобно: это сейчас вызвало бы подозрение среди товарищей, с какой целью это делается? Мы были уверены, что типография может существовать довольно долго, если никто не будет подозревать о ее существовании в Минске. Но раз явится подозрение, полиции легко ее накрыть, так как мы, собственно, все были у нее на виду.

Между тем в Гродне жил некий Гурвич, состоявший ученым евреем при губернаторе и в то же время являвшийся собственником типографии. Заручившись рекомендательным письмом к нему от Носовича, я поехал в Гродно. Гурвич, увидев во мне интеллигента-еврея, готового приняться за «физический труд», охотно принял меня в свою типографию, пробыв в которой несколько недель, я ознакомился с техникой набора и печатания.

Будучи там, я познакомился с Янчевским, наборщиком по профессии, высланным из Петербурга на родину под надзор полиции. Когда Гринфест приехал в Гродно, я их познакомил. У Янчевского были большие связи в типографском мире, в том числе с рабочими в Виленской губ. типографии. Он взялся доставить нам сколько угодно шрифта. Но, как поднадзорному, который должен был часто являться в полицию, ему только с большими предосторожностями возможно было уезжать из города: он маскировался, прикреплял бороду и таким образом доста-

вил нам нужное количество шрифта. Потом он пристал к народовольцам, был арестован и оговорил многих, когда мы уже были за границей.

К нам в Минск прислали одного нелегального, по фамилии, кажется, Чертов, которого мы в шутку прозвали «Холомонием». Мы его легализировали, т.-е. достали для него самый настоящий паспорт на имя Левина от старосты какого-то местечка. Этот Чертов был скомпрометирован где-то на юге, если не ошибаюсь, вследствие покушения Мирского [1]. Он сидел у нас довольно долго без всякого дела. Теперь мы его сделали официальным хозяином квартиры, в которой устроили типографию.

Это был дом-особняк в тихой части города, насупротив старого еврейского кладбища, состоявший всего из двух квартир: в одной жил офицер с денщиком, в другой — «Комиссионер» Левин. Туда ходили только лица, работавшие в типографии: т.т. Гринфест, Левков и я. (Левков, по нашему вызову, оставил аптеку и приехал в Минск.) Чтобы по возможности обеспечить существование типографии, мы избегали встречаться с местными радикалами и отстали от кружка.

* * *

Лично я встречался с Булановым, когда он приезжал к нам в Минск или когда я отвозил напечатанные №№ в Петербург. Там же я встречал Загорского, между прочим, по следующему поводу.

Он нам прислал для «Зерна» статью по поводу анти-еврейских погромов на юге России. Статья была им написана в приподнятом, торжественном тоне,— рассматривала погромы как начало революции, поощряла народ продолжать в том же духе, переходя к помещикам и полиции.

Эта статья произвела на нас, наборщиков, отвратительное впечатление, и мы единогласно решили не набирать ее. Надо было уговорить автора изменить ее.

На меня товарищи смотрели, как на человека, наиболее «твердого в принципах», а потому эту миссию поручили мне. Я поспешил в Петербург: к чести Загорского надо сказать, что мне нетрудно было доказать ему, что эти погромы не являются классо-

---

[1]) Насколько могу припомнить, такого лица не было в связи с делом Мирского. *Л. Д.*

вым движением, а расовым; что пострадали от них, главным образом, такие же бедняки-пролетарии, как и сами погромщики; что они—дело рук правительства в его борьбе с революцией и т. д.

Загорский разорвал свою статью и тут же написал другую совершенно в ином духе. С ближайшим поездом я торжественно поехал обратно. И хотя мне пришлось тогда провести четыре ночи без сна, но я был счастлив, и наша типография ликовала. Впрочем, не одни мы ликовали тогда: вы, наши заграничные товарищи, Плеханов, Аксельрод и Засулич, возмущавшиеся позорной погромной прокламацией, выпущенной на малороссийском языке «Исполн. Ком. Народн. Воли», помню, с удовольствием ухватились за эту статью в «Зерне» и перепечатали ее в переводе в иностранных газетах.

* * *

Небезызвестный тогда «горбатый Ромм» принадлежал к московскому кружку чернопередельцев; он знал о существовании в Минске тайной типографии, но видел он только одного Гринфеста, знал он также адрес нашей так называемой конспиративной квартиры.

Прошло несколько дней после выпуска 5-го и последнего номера «Черного Передела». Статьи и материал для него привез из Петербурга тов. Лавров, который ждал в Минске, пока номер был набран и напечатан, проживая на нашей конспиративной квартире. Тов. Лавров имел привычку говорить во сне и даже отвечать на вопросы. Мы поэтому были недовольны, что петербургские товарищи послали его с этой миссией. Он должен был прислать условленную телеграмму по приезде в Петербург. Не получая ее 3—4 дня, мы были почти уверены, что Лавров провалился с номерами. В это время неожиданно явился к нам Ромм, которого выслали из Москвы и водворили на родине в Вильне под надзором полиции. Второпях он нам рассказал, что обыски происходят в Белостоке, Гродне и Вильне, что у них дома был тщательный обыск, и что сравнивали какую-то печатную бумагу со шрифтами их типографии, поэтому он приехал предупредить нас.

Не успел он окончить, как в комнату вбежал маленький брат Левкова и рассказал, что дома у них полиция и жандармы производят обыск. Это, конечно, утвердило нас в мысли, что Лавров провалился (24 дек. 1881).

Попросив Ромма, как поднадзорного, удалиться, мы сами наскоро очистили квартиру от нелегальщины и разошлись в разные стороны,—к родным и знакомым, выжидая дальнейших событий.

На завтра мы узнали, что полиция арестовала мальчика, брата Левкова, и путем угроз и побоев заставила его указать ей нашу конспиративную квартиру, где был сделан тщательный обыск и оставлена засада.

В эту засаду попался Ромм: его арестовали, обыскали и отвели к жандармскому полковнику.

Через несколько дней нам вдруг передали, что Ромм хочет видеть нас на бульваре в самом центре города вечером. При этом он уверял, что нам нечего опасаться, так как все жандармы и шпионы размещены по другим частям города.

Все это было очень загадочно, но мы все-таки решили пойти на свидание, и вот что мы узнали от него.

Просидев 2—3 дня в тюрьме, Ромм вдруг потребовал, чтобы его повели к жандармскому полковнику, которому он заявил, что, задерживая его под арестом, он подвергает риску важное политическое дело: ему, Ромму, достоверно известно, что в Минске существует тайная типография, и он приехал с целью накрыть ее. Но в тот самый момент, когда он напал на настоящий ее след, его арестовали, чем портят все дело. Если его сейчас же не освободят и не дадут ему нужной помощи, он должен будет обратиться непосредственно к Игнатьеву [1]).

Старик полковник, совершенно не разбиравшийся в конспирациях, поверил ему; возвратил ему отобранные у него шифрованные адреса и записки и отдал в его распоряжение всех своих жандармов и шпионов, которых Ромм разместил по разным окраинам города, будто бы для наблюдений, а в центре города свободно гулял с нами.

На этом свидании с ним присутствовали: Гринфест, Левков, я и, кажется, также и «Холомоний». Ромм настаивал, чтобы мы ему дали возможность накрыть типографию, тогда, мол, настанет золотое время для революционеров: он будет пользоваться доверием жандармов, будет знать все их тайны и т. д.

Но мы наотрез отказались от этой заманчивой картины будущего, доказывая Ромму, что он будет в руках жандармов, а не

[1]) Тогдашнему мин. внутр. дел.

они в его. Ему осталось только последовать нашему совету и наскоро уехать домой, что он и сделал.

Мы же продолжали скрываться. Одно время я проживал в одном имении, потом с поддельным паспортом уехал в Ковно, где проживал у своего дяди. В это время приехал ко мне Гринфест, заявивший, что он нигде не мог достать для себя паспорта — везде была разруха. Я отдал ему свой, так как проживал у родственников, но через некоторое время мой дядя, узнав о причине моего у него пребывания, попросил меня удалиться. Я уехал в Вильно, где встретил Гринфеста, и при помощи нашего контрабандиста уехал за границу. На границе меня стража задержала, ограбила и прямо-таки выгнала из России, пересадив меня на другую сторону оврага.

По доносу жандармского адъютанта из Петербурга приехала в Минск комиссия, после чего жандармский полковник слетел. Были арестованы Носович, моя кузина, Ида Гецова, банковый служитель Турбович и некоторые другие. Ромм также был арестован в Вильно, но все они были затем освобождены.

Впоследствии оказалось, что Лавров вовсе не провалился; телеграмму послал, но слишком поздно. Все аресты произошли вследствие задержания в Москве Яковенко, у которого нашли много адресов организации Красного Креста, вследствие чего обыски и аресты были тогда произведены, начиная с западной границы России до Сибири включительно.

Вот что было всего напечатано в нашей типографии:

Прокламация Северного Рабочего Союза по поводу стачки,

3, 4 и 5 номера «Черного Передела»,

3, 4, 5 и 6 номера раб. газеты «Зерно».

«Земля и Воля» — прокламация по поводу 1 марта 1881 г. (Казнь Александра II.)

* * *

Я перешел границу в начале марта 1882 года и поселился в Кенигсберге. Через некоторое время ко мне присоединился и Гринфест. Мы прожили в Кенигсберге несколько месяцев, переписывались с товарищами в России, рассчитывая вернуться туда нелегально. Но разруха была там полная, притом кенигсбергская полиция стала слишком сильно интересоваться нами, мы поэтому решили уехать в Швейцарию: в августе 1882 года мы уже были в Цюрихе. Через некоторое время и Левков приехал туда.

В Швейцарии я работал в типографии «Вестника Народной Воли», а когда он прекратился, —делал кефир с Аксельродами. Там же я ознакомился с основами научного социализма.

В 1890 г. я уехал в Америку. Там господствовала де-лионовская разновидность социализма. Я активного участия в движении не принимал и лишь однажды выступил в защиту «ортодоксального» марксизма против возмутительных обвинений, которые посыпались на него под влиянием бернштейновского ревизионизма.

Вот, Лев Григорьевич, все, что я мог набросать в ответ на поставленные мне Вами вопросы. Возможно, что вкрались ошибки: ведь это история давно минувших дней...

ПИСЬМА ФР. ЭНГЕЛЬСА К ВЕРЕ ИВАНОВНЕ ЗАСУЛИЧ.

Предварительно сообщу в немногих словах, каким образом возникла переписка между Верой Ивановной Засулич и Энгельсом.

Печатаемое ниже первое письмо в действительности является вторым, так как в предшествовавшем году, в ответ на свое письмо к Марксу, Вера Ивановна получила от Энгельса известное его и Маркса «Предисловие к русскому изданию манифеста коммунистической партии», появившееся летом 1882 г. в переводе Г. В. Плеханова в издании «Русской Социально-Революционной Библиотеки» вместе с письмом от первого.

Как видно из письма Плеханова к Лаврову (№ 13), ему принадлежала мысль обратиться к Марксу с просьбой написать для русского издания «Манифеста» специальное предисловие.

Мы с ним стали упрашивать Веру Ивановну, пользовавшуюся всемирной известностью, но отличавшуюся чрезвычайной скромностью и застенчивостью, написать требуемое письмо, что она не без сопротивления исполнила. Вместо Маркса ответил ей тогда Энгельс, мотивировавший это тем, что великий друг его был в то время болен. Так как всех тогдашних русских революционеров в чрезвычайной степени интересовал вопрос о судьбе капитализма в России, то мы упросили Веру Ивановну обратиться в своем письме к Марксу за разрешением этого вопроса. Ответ Энгельса (а, следовательно, и Маркса) был тем первым письмом, о котором я выше упомянул, но его среди хранившихся в архиве Засулич документов не оказалось.

Прошло более года, и осенью 1883 г.,—вскоре после возникновения группы «Освобождение Труда», — Плеханову вновь пришла мысль, чтобы В. Засулич обратилась к Энгельсу с предложением предоставить нам в рукописи второй том «Капитала» Маркса для перевода его на русский язык; ответом на это обращение Веры Ивановны к нему и является помещаемое ниже первое письмо, от 13 ноября 1883 г.

В этом же письме Вера Ивановна сообщила Энгельсу о возникновении среди русской эмиграции первой марксистской группы—«Освобождение Труда» и о предпринятых ею изданиях, чему Энгельс очень обрадовался, но, по иронии судьбы, членами ее, как известно, оказались именно те лица, о которых столь нелестно отозвался Маркс в своем письме к Зорге, от 5 ноября 1880 г. «Большинство этих людей, хотя и не все,—писал в нем Маркс,—покинуло Россию добровольно (?—*Л. Д.*) и, в противоположность террористам, ставящим на карту собственную голову, образует так называемую партию пропаганды (?—*Л. Д.*), чтобы (вести пропаганду в России, уезжает в Женеву, что за qui pro quo!). Эти господа стоят против всякой революционной политической деятельности (?): Россия должна, по их мнению, перепрыгнуть одним скачком прямо в анархическо-коммунистическо-атеистический миллениум (?). А пока они подготовляют этот скачок путем скучнейшего доктринерства, так называемые принципы которого давно стали избитыми пошлостями со времени покойного Бакунина».

Как видит читатель, Маркс отнесся к нам не только строго, но и несправедливо: неверно, будто «большинство» из нас «покинуло Россию добровольно», неправда, будто мы образовали «партию пропаганды»; мы вовсе не являлись противниками «всякой революционно-политической деятельности» и не предполагали «перепрыгнуть одним скачком в анархо-коммунистическо-атеистический миллениум». В то именно время, когда Маркс писал это письмо, мы, далеко не добровольно покинувшие Россию, как известно, приступили к изучению его же и Энгельса произведений, а потому были уже очень далеки от «скучнейшего доктринерства», как характеризует он «бакунинские избитые пошлости».

В то время никто из нас не подозревал о существовании этого нелестного о нас мнения высокочтимого нами учителя нашего. Не знаю, каково было отношение к нам его выдающегося друга—Энгельса, но возможно, что и он разделял то же нелестное о нас мнение. Вполне естественно возникает вопрос, откуда явилось у нашего великого учителя столь неверное о нас представление? Лично никто из нас в описываемое время не был в Лондоне, где, как известно, проживали тогда Маркс и Энгельс. Также из них никто не приезжал ни в Париж, ни в Женеву, где они могли бы получить о нас те или другие сведения. Ясно, что мнение это составилось у Маркса только на основании сообщений кого-нибудь из русских, нас знавших и находившихся в то время (в 1880 г.) в Лондоне. Кто же был этим информатором Маркса? Никто иной, как Лев Гартман, высланный летом того же года, после освобождения его из-под ареста из Парижа в Лондон. Он находился тогда с нами—со мной и с Плехановым—казалось, в хороших товарищеских отношениях, доказательством чему может отчасти служить то, что вместе с нами он

затевал тогда издание на английском языке нескольких брошюр для ознакомления англичан с характером нашего правительственного режима и с ходом революционного движения в России, о чем подробно сообщает Плеханов Лаврову в письме от 6 июня 1880 г.

Нам поэтому не могло притти на мысль, что в то же самое время он так несправедливо характеризовал нас Марксу и Энгельсу, с которыми, как известно, он сразу стал в приятельские отношения.

«Я был просто поражен,—сообщает Э. Бернштейн,—видя, как этот великий мыслитель, а также и Энгельс обращаются совсем по-братски, на «ты», с молодым человеком, который произвел на меня впечатление посредственности и бесцветности, смягченное известною любезностью натуры».

Этот отзыв Э. Бернштейна вполне верен: Гартман, действительно, никакими умственными дарованиями не отличался, он, как говорится, звезд с неба не хватал, но на то, чтобы наклеветать на нас, у него, оказывается, вполне хватило ума, и великие наши учителя поверили этой «посредственности и бесцветности».

Объясняется эта доверчивость Маркса почти полным его незнанием ни действовавших тогда в России и в эмиграции русских революционеров, ни происходившего тогда на нашей родине террористического движения. Издалека, при информации такого светлого ума, каким обладал Гартман, народовольческое движение представлялось Марксу и Энгельсу неизмеримо более грандиозным, чем каким оно было в действительности. Это видно из их «Предисловия» к русскому изданию «Манифеста»: там, как известно, они называли русское террористическое движение «авангардом» «западно-европейского» и допускали возможность, что «русская революция послужит сигналом к западно-европейской, так что обе они сольются и дополнят друг друга» (цитирую на память).

Мы уже знаем, что это их ожидание совершенно не оправдалось: казавшееся столь грандиозным народовольческое движение закончилось в сущности уже тотчас после убийства Александра II, и те же самые лица, о которых, как мы видели, столь пренебрежительно отозвался Маркс, еще задолго до гибели террористического движения предсказывали этот именно финал его. Они же положили начало первой марксистской группе, из которой спустя пятнадцать лет развилась Р. С.-Д. Р. П.

* * *

В том же письме, в котором Вера Ивановна просила Энгельса о предоставлении для перевода рукописи второго тома, она сообщила ему о предпринятом нашей группой издании его брошюры «Развитие социализма от утопий к науке». Это известие, видимо, очень обрадовало Энгельса. Обрадовало его также и

то, что в приложении к этой брошюре Вера Ивановна поместила известные главы о насилии из его книги против Дюринга: он нашел это приложение столь удачным, что и сам впоследствии составил для немцев из него особую статью в применении к роли насилия в образовании Германской Империи, вышедшую недавно и по-русски [1]).

В течение первых десяти лет существования группы «Освобождение Труда» сношения его членов с Энгельсом ограничивались обменом лишь изредка письмами с ним Веры Ивановны. Только с начала 90-х г.г., после Интернационального конгресса в Цюрихе, на который внезапно приехал и Энгельс, Засулич впервые познакомилась с ним; Плеханов и Аксельрод после Парижского конгресса специально отправились в Лондон, чтобы познакомиться с Энгельсом, а Вера Ивановна в 1894 г. надолго поселилась в Лондоне, где очень с ним сблизилась, так же, как Г. В., тоже одно время живший там. Подробности этого будут видны из писем Веры Ивановны.

* * *

Переписка, как и устная беседа, между Энгельсом и В. И., а также и с Плехановым, велась на французском языке. Переводчица писем Энгельса старалась держаться близко к подлиннику. Энгельс, знавший, как известно, в числе многих языков, также и русский, любил употреблять (в разговоре и в письмах) русские слова; на них я указываю в скобках.

Едва ли приведенными ниже шестью письмами и записками исчерпывается вся переписка Энгельса с В. Засулич; но пока я располагаю только этими.

Пользуюсь случаем сообщить, что в архиве Г. В. Плеханова,—в чем я имел возможность лично убедиться,—находится приблизительно такое же количество к нему писем Энгельса, относящихся к 90-м г.г. и представляющих большой интерес. Надеюсь опубликовать их в след. Сборнике.

Л. Дейч.

---

[1]) См. «Сила и экономия в образовании Герман. империи», изд. «Красная Новь», М. 1923 г.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО.

122, Regents Park Road N. W.
London, 13/XI 1883.

Дорогая гражданка!

Я совсем не в состоянии ответить на вопросы, с которыми Вам угодно было ко мне обратиться. Издание второго тома *«Капитала»* в оригинальном тексте еще очень запаздывает; до сих пор я должен был заниматься главным образом третьим изданием первого тома.

Я не имел до сих пор сообщения из Петербурга относительно издания русского перевода II тома. Поэтому я не думаю, чтобы в настоящее время предполагалось подобное издание в русской столице; сначала, без сомнения, захотят увидеть немецкий текст.

С другой стороны, политическое положение в России так напряженно, что кризис может произойти со дня на день. По-моему, возможно даже, что в России печать будет свободна раньше, чем в Германии. И в таком случае переводчик первого тома, Г. Л. [1]), мог бы претендовать на некоторое право переводить второй.

Поэтому я думаю, что было бы немного преждевременно теперь принимать окончательное решение. Я с искренней благодарностью принимаю к сведению ваше доброе предложение; может быть, через несколько месяцев нам будет виднее, и мы сможем снова поговорить об этом.

Вы мне доставляете большое удовольствие сообщением, что это вы взялись за перевод моего «Entwickelung и т. д.»; жду вашего труда с нетерпением и очень ценю честь, которую вы мне делаете.

Примите, дорогая и героическая гражданка, уверение в моих преданнейших чувствах.

Ф. Энгельс.

---

[1]) Герман Лопатин. *Л. Д.*

ФАКСИМИЛЕ 1-ГО ПИСЬМА ФР. ЭНГЕЛЬСА К В. ЗАСУЛИЧ.

122 Regent's Park Road N. W.
London, le 13 Nov. 85

Chère Citoyenne,

Je ne suis guère en mesure de répondre aux questions que vous avez bien voulu m'adresser. La publication du second volume du *Capital*, dans le texte original, est encore bien en retard; j'ai dû jusqu'à présent, m'occuper surtout de la 3e édition du premier volume.

Je n'ai pas eu, jusqu'à présent, des communications de St. Pétersbourg relatives à la publication d'une traduction russe du 2e volume. Aussi ne crois-je pas que, par le temps qui court, on penserait à une pareille publication dans la capitale russe; on voudra sans doute voir auparavant le texte allemand.

De l'autre côté, la situation politique en Russie est tellement tendue, qu'une crise pourrait survenir d'un jour à l'autre. Pour moi il est même probable que la presse sera libre en Russie avant de ne l'être en Allemagne. Et dans ce cas le traducteur du premier volume, T. L., pourrait prétendre à quelque droit à la traduction du deuxième.

Je crois donc qu'il serait un peu prématuré que de vouloir, à l'heure qu'il est, en venir à une résolution définitive. Je prends note, en vous remerciant, cordialement, de votre bonne offre; peut-être dans quelques mois nous verrons plus clair & alors nous pourrons nous en entretenir de nouveau.

Vous me faites un grand plaisir en me disant que c'est vous qui vous êtes chargée de la traduction de mon „Entwicklung &c"; j'attends votre oeuvre avec impatience, & j'apprécie parfaitement l'honneur que vous me faites.

Agréez, chère et héroïque citoyenne, l'assurance de mes sentiments les plus dévoués

F. Engels

A la Citoyenne
Vera Zassoulitch

Перевод этого письма приводится в тексте.

ВТОРОЕ ПИСЬМО.

122, Regents Park Road N. W.
London, 6/III 1884.

Дорогая гражданка!

Появление русского перевода «Нищеты философии» [1]) будет прекрасным днем как для меня, так и для дочерей Маркса. Само собою разумеется, что я с удовольствием предоставлю в ваше распоряжение весь материал, который вам в этом будет полезен. Вот что я предполагаю сделать.

Кроме немецкого перевода, в этот момент в Париже печатается новое французское издание. Для этих двух изданий я делаю несколько объяснительных примечаний, текст которых я вам пошлю.

Для предисловия существует статья Маркса в Берлинском «Социал-Демократе» (1865 г.), которая удовлетворяет почти во всем. Она будет напечатана как введение к обоим новым изданиям—французскому и немецкому. Имеется только один ее экземпляр, принадлежащий архиву нашей партии в Цюрихе; если не найдется другого экземпляра в бумагах М(аркса) или моих (я это буду знать через несколько недель), вы легко можете получить с нее копию через Бернштейна.

Для немецкого издания мне нужно будет сделать специальное предисловие, чтобы опровергнуть нелепое утверждение реакционных социалистов, будто Маркс в «*Капитале*» плагиировал Родбертуса, и чтобы доказать, что, наоборот, М[аркс] уже произвел критику Родбертуса в «Нищете», прежде чем Родбертус написал свои «*Социальные письма*». Это, мне кажется, не имеет интереса для русской публики, куда наши псевдо-социалисты еще не проникли. Но вы сами рассудите; это в вашем распоряжении, если вам это покажется подходящим.

То, что вы мне сообщаете о растущем изучении книг по теории социализма, мне доставило большое удовольствие. Теоретический и критический дух, который почти исчез из наших немецких школ, кажется, действительно укрылся в России. Вы просите меня указать вам книги для перевода. Но вы уже перевели

---

[1]) Это сочинение Маркса, как известно, также перевела В. И. Засулич: оно вышло в издании «Библ. Совр. Социал.», предпринятой гр. «Осв. Тр.». *Л. Д.*

или обещали перевести почти все сочинения Маркса; вы сняли сливки с моих; остальные наши немецкие книги или слабы в теории, или заняты вопросами более или менее ограниченными Германией. В последнее время французы производили довольно хорошие вещи, но это еще в зачатке. Резюме «*Капитала*», сделанное Девилем (Deville), хорошо в теоретической части, но специальная часть сделана слишком поспешно и почти непонятна для того, кто не знает оригинала; кроме того, это слишком обширно для резюме. Тем не менее, я думаю, что, переделавши это, можно из него сделать хорошую вещь; а резюме «*Капитала*» всегда будет полезно в стране, где можно только с трудом добыть самую книгу.

Говоря о положении в России, я думал, конечно, вместе с другими вещами и специально о финансах, но не исключительно. Для такого загнанного правительства, как петербургское, и для пленного царя, как гатчинский отшельник, положение не может длиться, не становясь все более и более натянутым. Дворяне и крестьяне одинаково разорены, армия задета в своем шовинизме и скандализована ежедневным зрелищем государя, который прячется; необходима внешняя война, чтобы дать выход «дурным страстям» и общему недовольству; в то же время невозможность ее предпринять, за недостатком денег и благоприятной политической конъюнктуры, и мощная национальная интеллигенция, которая горела желанием разбить сковывающие ее цепи,—и ко всему этому полнейший недостаток денег и нож «деятелей» [1]) у горла правительства. При всем этом я полагаю, что каждый месяц должен все усиливать невозможность положения, и если бы нашелся конституционный великий князь, смелый при этом, само русское «Общество» должно бы увидеть в дворцовой революции выход из этого тупика. Теперь, спасут ли Бисмарк и Блейхредер своих новых друзей? Я в этом сомневаюсь, я скорее спрашиваю себя: кто из двух договаривающихся будет обкраден другим?

К этому прилагаю рукопись (копию) Маркса, которую вы можете употребить, как найдете нужным. Я не знаю, были ли это «Отеч. Записки», где он нашел статью: «К. М. перед трибуналом М. Жуковского». Он написал ответ, который имеет характер статьи, предназначенной для напечатания в России; но он

---

[1]) По-русски. *Л. Д.*

никогда не посылал ее в Петербург, полагая, что одним своим именем скомпрометирует существование журнала, который напечатал бы его ответ.

Ваш совершенно преданный

Ф. Энгельс.

Ваш перевод моей брошюры мне кажется превосходным,— какой прекрасный язык—русский! Все преимущества немецкого без его ужасной грубости.

Ф. Э.

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО.

Лондон, 31 марта 1886 г.

Дорогая гражданка!

Я вам очень благодарен за посылку «Misère de la Philos», которую я получил.

Открывая пакет, я разорвал находившийся там адрес отправителя. После долгих усилий, мне удалось соединить куски достаточно хорошо, чтобы разобрать адрес, которым я сегодня и пользуюсь. Но, не зная, правильно ли я прочел его, прошу дать мне снова адрес, потому что я хочу послать вам экземпляр русского перевода второго тома «Капитала», полученного из Ст.-Птбг.

Извините за беспокойство, которое вам причиняет моя неловкость, и примите уверение в моей преданности.

Ф. Энгельс.

4-е ПОСЛАНИЕ [1]).

(Перевод с английского.)

Мой дорогой Степняк!

Не имея женевского адреса, должен послать вам мою статью. Пожалуйста, получите обратно для меня немецкий оригинал как можно скорее, так чтобы я мог затем написать вторую статью.

Как часто будет выходить ваш журнал? [2])

Счастливого нового года вам, г-же С[тепн.] и всем друзьям.

Всегда ваш *Ф. Энгельс.*

---

[1]) Записка без даты, повидимому, накануне 1890 г. Хотя обращение к Степняку, но предназначалось для группы «Осв. Труда», куда Энгельс через Кравчинского переслал свою статью о русской дипломатии для издаваемого Плехановым и его товарищами «Социал-Демократа». *Л. Д.*

[2]) Энгельс, очевидно, не знал, что Степняк не входил в число членов редакции «Социал-Демократа». *Л. Д.*

ПЯТОЕ ПИСЬМО.

Лондон 3 апреля 1890 г.

(Перевод с французского.)

Любезнейшая гражданка!

Тотчас по получении вашего письма, я передал Степняку остаток статьи [корректуру] и, так как часть ее была немного испорчена, я прибавил соответствующую рук[опись], которая послужит вам для контроля. Надеюсь, что в настоящую минуту вы уже ее получили [1]).

Степняк мне также передал экземпляр журнала, за который вас благодарю; я жду большого удовольствия от чтения вашей статьи и статей Плеханова.

Вы совершенно правы: в подобных изданиях необходимо, чтобы каждый номер заключал только законченные статьи, независимо от всяких продолжений в следующем номере. Поэтому я так и поступил бы, если бы я не был стеснен временем.

Я вполне согласен с вами относительно необходимости бороться повсюду с народничеством [в тексте посл. слово—по-русски,—*Л. Д.*]—немецким, французским, английским или русским. Тем не менее, по моему мнению, было бы более подходяще, чтобы то, что мне пришлось сказать, было сказано русским. К тому же я признаю, например, что раздел Польши выглядит совершенно иначе с русской точки зрения, чем с польской, которая стала общей на Западе. Но, в конце концов, я должен также считаться с поляками. Если поляки требуют территорий, которые и русские обыкновенно рассматривают как приобретенные ими навсегда, то не мне это решать. Все, что я могу сказать, это—что, по-моему, решить свою участь надлежит самому населению, которого вопрос касается, подобно тому, как сами эльзасцы должны выбрать между Германией и Францией. К несчастью, говоря о русской дипломатии и ее воздействии на Европу, мне невозможно было не коснуться вещей, которые современное поколение в России рассматривает, как свои «внутренные дела» [в подлиннике по-русски]; и неудобство, по крайней мере внеш-

---

[1]) Очевидно, здесь речь идет об известной статье Энгельса по поводу ловкости русской дипломатии, которая была помещена в издававшемся Плехановым с товарищ. «Социал-Демократе». *Л. Д.*

нее, заключается в том, что об этом говорит иностранец, а не русский. Но это было неизбежно.

Если вы находите полезным сделать от моего имени маленькое примечание в этом смысле, то я прошу вас сделать его в таком месте, где найдете наиболее подходящим.

Я надеюсь, что напечатание моей статьи по-английски произведет известное впечатление. В настоящий момент вера либералов в освободительное рвение царя сильно поколеблена известиями из Сибири, книгой Кенана и последним университетским движением в России. По этой причине я и торопился с печатанием, чтобы ковать железо, пока оно горячо. Петербургская дипломатия рассчитывала, для своей ближайшей кампании на востоке, на восхождение царофила Гладстона, поклонника «божественной фигуры севера» («divin figure of the North»), как он называл Алекс. III. Были пущены в ход критийцы и армяне, могла последовать диверсия на Македонию, и, при раболепстве перед царем Франции, а также благорасположении Англии, можно было бы рискнуть сделать новый шаг вперед,—захватить Царьград, не опасаясь, чтобы Германия рискнула на войну при таких неблагоприятных условиях. А раз Царьград был бы завоеван, можно было бы надеяться на долгий период шовинистического опьянения, как мы это имели в Германии с 1866 г. до 1870 г. Поэтому мне представляется чрезвычайно важным для нашего дела момент анти-царистского настроения, которое возобновляется среди английских либералов; очень благоприятно, что Ст[епняк] находится здесь и может его подогревать.

С тех пор, как имеется революционное движение в самой России, ничто больше не удается ее дипломатии, которая раньше была непобедимой. И это очень хорошо, потому что эта дипломатия—самый опасный враг как ваш, так и наш. До сих пор это—единственная непоколебимая сила в России, где даже армия ускользает от царей, доказательство—многочисленные аресты офицеров, что свидетельствует о том, что русские офицеры и по общей своей интеллигентности и характерами стоят неизмеримо выше прусских. Итак, лишь только вы, или просто конституционалисты, будете иметь сторонников и верных агентов в рядах дипломатии,—ваше дело будет выиграно.

Дружеский привет Плеханову.

Ваш преданный *Ф. Энгельс.*

ШЕСТОЕ ПИСЬМО [1].

(Перевод с французского.)

Дорогая гражданка Вера!

Я, конечно, буду дома завтра между 3 и 5, или в пятницу от 3-х до 4-х после обеда, когда я буду очень рад вас видеть.

Книга Ж. [2]) явилась очень кстати; сегодня газеты извещают, что Николай заявил земствам, что он так же твердо поддерживает «самодержавие» (в тексте по-русски—*Л.*[*Д.*), как и его отец. Против глупости царственных правителей нет лекарства. Тем лучше, если Ж. произвел «фурор» (в тексте по-русски — *Л. Д.*).

Всегда ваш *Ф. Э.*

---

[1]) (Копия городской открытки без числа, — почт. штемпель. — 30. I. 95 г. Вера Ивановна жила тогда в Лондоне под фамилией Бельдинская. *Л. Д.*)

[2]) Энгельс, вероятно, имеет здесь в виду Жоржа Плеханова и его книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», появившуюся в 1895 г. под псевд. Бельтова. *Л. Д.*

ТРИ ПИСЬМА Г. В. ПЛЕХАНОВА К С. КРАВЧИНСКОМУ (Степняку).

(из архива последнего [1]).

I.

[Без даты: вероятно, в конце 1888 г.]

Дорогой Сергей!

Лично я давно уже ничего не писал вам, но из писем Веры вы знаете, что я был болен. Теперь начинаю оправляться и, конечно, сталкиваюсь с роковым вопросом—*чем жить*. Нужна работа, работа во что бы то ни стало. Поэтому я надумал вот что: вместе с письмами в Петербург, в которых я просил разных знакомых достать мне литературную работу, я обращаюсь к [вам] со следующей просьбой: не захотите ли вы вместе со мною написать книжечку под заглавием: The governement and Litterature in Russia. Мы изложили [бы] в ней мартиролог русской литературы, начиная с Новикова и Радищева (предварительно в нескольких словах упомянувши о Крижаниче и Посошкове). Мы рассказали [бы] о лицемерном либерализме Екатерины II, о неистовствах Павловской цензуры, о ссылке Пушкина, Лермонтова, об аресте Тургенева за похвальную статью о Гоголе, о ссылке Грибоедова, об отдаче в солдаты Полежаева, о преследованиях Костомарова, Шевченко, Достоевского, М. Михайлова, Чернышевского, о том, что лишь смерть спасла Белинского от «квартиры у Дуббельта», о том, наконец, что почти все талантливые писатели настоящего времени перебывали или еще остаются в ссылке. Европа, восхищающаяся теперь русской

---

[1]) Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить за присылку этих писем Фанню Марковну. *Л. Д.*

беллетристикой, понятия не имеет о том, в каких ужасных условиях находится наша литература. Мы обязаны указать на то, что деспотизм был всегда самым ярым и непримиримым врагом ее.

Эпиграфом мы взяли бы слова Герцена: *Деспотизм существовал и в Западной Европе, и, несмотря на это, там все-таки никому не приходило в голову сечь Лессинга или отдавать в солдаты Спинозу.* (Цитирую на память.)

Как вы думаете? Книжка пошла бы, а нам с вами был бы заработок. Постарайтесь, голубчик, работа нужна мне теперь дозарезу.

Ваш лестный отзыв о моих статьях в сборнике очень польстил мне. Если вам нравится литературная сторона дела, то, значит, она хороша, или, по крайней мере, недурна, а это все, что нужно для того, чтобы с новой энергией приняться за работу. Скоро сяду писать брошюру по поводу измены Тихомирова. О нем-то собственно я буду говорить очень мало; но остановлюсь подробно на некоторых вопросах русского общественного развития.

Когда-то мы с вами увидимся, дорогой Сергей Михайлович? Я-то уже, видно, не попаду в Англию, но вам-то следовало бы подумать о том, чтобы повидаться со всеми нами.

Искреннейший привет вашей супруге. Из вашего молчания об ее мнении относительно Сборника я заключил, что он ей не понравился. Это жаль.

Примечание к 1-му письму.

План написать совместно с Степняком эту книгу по разным причинам не осуществился, но, мне кажется, что он не прошел совершенно бесследно: он, вероятно, имел влияние на возникновение у Г. В. другой, неизмеримо более сложной задачи—написать историю русской общественной мысли, к чему он, в сущности, подготовлялся с юных лет: задолго до появления в печати известия об этом труде, он говорил нам о своем намерении вплотную взяться за него. Но непосредственное участие в революционной борьбе не дозволяло Г. В. в течение долгого времени приступить к нему. Когда же, наконец, ему это удалось, то, как известно, величайшие мировые события, а затем смерть не дали ему возможности довести этот труд до конца.

Л. Д.

II.

(Без даты — но после 21 июля 1889 г.).

Дорогой Сергей Михайлович!

Я теперь в Париже, страшно устал; сегодня кончился Конгресс. Несколько дней я хочу остаться в Париже для осмотра выставки. Вас хотелось бы мне видеть всем сердцем, а Энгельса всей головой, но я не думаю, что дело поездки удастся, потому что нет денег. Если бы, паче чаяния, у вас оказалась сумма, способная покрыть расходы, высылайте ее; я скажу большое спасибо и приеду немедленно.

Адрес: 49, Boulevard Port Royal, Mademoiselle Koneff. (Коневой, 49, Пор.-Рояль.)

Крепко жму руку.

После окончания конгресса Г. В. Плеханов, при содействии Степняка, отправился в Лондон, где он и познакомился с Фр. Энгельсом.

Л. Д.

III.

Дорогой Сергей! Податель этой записки, собираясь в Лондон, очень желает познакомиться с вами. Он просил меня поэтому дать ему к вам рекомендательную записку. Охотно исполняю его просьбу, так как это очень милый и безусловно честный человек. Просил он меня также дать ему записку к Кропоткину, но я не решился, ибо князь должен быть очень сердит на меня за мою социал-демократическую пропаганду.

Имя подателя—Меркин, d-r ch. Жил он в Америке, где деятельно занимался рабочим делом.

Привет всем вашим.

Ваш *Г. В. Плеханов*.
10 апреля 1892 г.
Mornex.

Насколько мне известно, Георгий Валентинович ошибался насчет отношения к нему Петра Алексеевича, так как последний не изменял своих личных чувств к нам, старым его товарищам, после того как мы, бывшие бакунисты, стали социал-демократами.

Л. Д.

ПИСЬМА Л. Г. ДЕЙЧА К ПАВЛУ БОРИСОВИЧУ АКСЕЛЬРОДУ.

(в начале 80-х г.г.).

Эти мои письма были мною получены обратно много лет тому назад для использования от П. Б. Аксельрода. Они иллюстрируют, дополняют мои очерки, в которых я сообщал о нашем сближении и разрыве с народовольцами, а также и о возникновении группы «Освобождение Труда». Но, к сожалению, у меня не все посланные мною ему тогда имеются. Я регулярно, не меньше двух—трех раз в месяц обо всем обстоятельно осведомлял его, а также и В. Н. Игнатова (отчасти еще Алекс. Хотинского, С. Кравчинского, Лаврова и других), чтобы держать их в курсе дел и сближать с нами, женевцами, явившимися, так сказать, ядром будущей группы «Осв. Труда». Насколько могу припомнить, эти мои письма являются самыми ранними из сохранившейся переписки между членами группы «Освоб. Труда», так как с 1882 г. по весну 1884,—т.-е. до моего ареста во Фрейбурге,—главным образом, я один переписывался с Аксельродом, о чем он упоминает в I томе своего «Пережитого и передуманного».

В письмах этих я пропускал все, не имеющее никакого отношения ни к нашим сношениям с народовольцами, ни к возникновению группы «Осв. Труда». По этим письмам становится очевидным, как народовольцы толкали нас на выступление, чего мы долго не хотели делать. Слова, поставленные в прямые скобки, вписаны мною теперь для полноты или ясности смысла.

Л. Д.

(Пятница) 17 марта 1882 г.

I.

Дорогой Павел! Посылаю тебе коллективный ответ [1]) исправленный и дополненный «почти» так, как ты хотел,—больше поправок мы никак не могли сделать, так как у нас здесь с Жоржем совсем разные взгляды насчет федерализма и централизма. Мы проспорили два дня—чуть не на ножах. Жорж, по обыкновению, страшно горячился, доказывая, что нужно стоять «за единую и нераздельную Россию» (этого же взгляда и Василь [2]), впрочем, при этих спорах—после получения твоих замечаний—не присутствовавший), и хотел даже совсем не подписываться с нами, раз мы выскажемся прямо за федерализм, или написать особое письмо совсем в своем духе,—это составлено им, мною и Верой коллективно,—чего мы не хотели. Одним словом, написанная нами формулировка—единственное, что мы смогли придумать наиболее миролюбивое, и на чем мы все здесь единодушно согласились, в твердой уверенности, что и ты ничего против нее иметь не будешь, так как она ведь нисколько не обязывает нас впредь об этом вопросе не высказывать своих особенных взглядов. Отчасти по этой же причине, т.-е. из-за разногласий с Жоржем по поводу федерализма, мы не могли внести в программу-минимум твоего предложения на счет автономий («широкое местное самоуправление»), а еще и потому, что мы ведь не пишем им «программу-минимум», а только вскользь упоминаем так, как действительная программа-минимум требовала бы нескольких недель, если не месяцев, для ее выработки, а в той форме, как нами, как бы вскользь, упоминаются минимальные требования, все находили, по конструкции письма, неуместным говорить «о национальной равноправности, относительно языка, школ и т. д.», как ты предлагаешь, так как тогда нам, как социалистам, следовало бы сказать, *какие* именно минимальные требования

---

[1]) Под «Коллективным ответом» мы имели в виду письмо, написанное сообща Г. В. Плехановым, В. Ив. Засулич и мною «Исполнительному Комитету и Народной Воли», в ответ на его обширное сообщение, в котором он излагал свои задачи и стремления захватить власть. Об этом подробно я сообщил в очерке «О сближении и разрыве с народовольцами» («Прол. Рев.» № 8 (20).

[2]) Василь—В. Н. Игнатов, см. «Прол. Рев.» № 9 (21).

нужны и возможны для трудящихся масс, чего мы не могли сделать, т[ак] к[ак] это требовало бы недель для выработки. Затем, ты недоволен был тоном,—мы постарались, насколько могли, и его переменить, всего же письма переделать нам было абсолютно невозможно, во-первых, потому, что оно, в сущности, нам и так ничего себе нравилось, а, во-вторых, ни у кого из нас не было ни времени, ни охоты. Мы уже решили было выписать тебя сюда из-за споров и несогласий с Жоржем, но, так как мы уже упустили одну оказию послать этот коллективный ответ (в воскресенье, когда я тебе телеграфировал из Женевы) и боялись теперь снова затянуть это дело переговорами и спорами, раз бы ты приехал, то и решили покончить на этой невинной формулировке и так послать письмо.

Имен наших под посланным нашим ответом нет, а только сказано сверху письма—от бывших «Черноп»[еределъцев], так что если ты все же недоволен нашим ответом и в этом его виде, то мы решили, что в следующем письме [к] «Нар. В.» можем написать твое «особое мнение». Но, признаться, мне, Вере и Розе [1]) ужасно было бы огорчительно, если бы ты захотел отстраниться от общего нашего письма; мы *всё* старались сделать, чтобы *никого* из бывшей группы «Черн. Пер.» не отстранить от коллективного ответа теми или другими неприятными для него местами письма; мы так свыклись уже, сжились, что на отстранение кого-нибудь из нас от этого письма, на заявление его, что он «под ним не подпишется», смотрели как на причинение нам большого огорчения, даже боли. Но я уверен, что в настоящем виде письмо тебе понравится или, по крайней мере, ты не будешь находить его противоречащим твоим взглядам.

Дополнение о евреях мы сделали вследствие напоминания об этом Александром [Хотинским], а о твоей хурской речи [2]) мы сами догадались, еще до получения твоего письма, дополнить; так что мы сошлись, кажется, в данном пункте.

Ты пишешь, чего мы спешили с отсылкой этого коллективного ответа, что. так как он очень важен, то следовало бы его

---

[1]) Т.-е. Розалия Марковна Боград-Плеханова.

[2]) Под «хурской речью» мы подразумевали произнесенную П. Б. Аксельродом на состоявшемся осенью 1881 г. в гор. Хуре (в Швейцарии) интернац. конгрессе речь, в которой он прекрасно защищал террористическую деятельность народовольцев; между тем они, по недоразумению, не поняв ее, разругали его за нее. (Подробно об этом также в № 8 «Пр. Рев.»).

побольше обдумать. Но, во-первых, мы получили их колл[ективное] письмо уже более трех недель и из-за ареста моего бедного брата [1]), посылки книг через нарочного, а теперь, в последнюю неделю, вследствие твоих замечаний, протянули до сих пор; дольше же откладывать,—это значит рисковать тем, что оно и вовсе не дойдет по назначению, а ты сам можешь догадаться, что с арестом брата сношения у нас с народов[ольцами] будут уже не столь прочны, аккуратны, и мы должны дорожить всяким случаем. Вот почему мы, не получив твоего ответа насчет окончательной формы нашего письма, сегодня только отослали его.

Лавров уже писал нам, что, по существу, он согласен с нашим ответом, хотя и находит, что мы «сделали им много уступок». Но он, все одно, должен и будет писать им особо насчет их коллективного письма. (Это, вероятно, будет уже, когда получится ответ на наше письмо.)

Ну, вот и все, кажется, по поводу столь нам всем уже надоевшего коллективного ответа. Прилагаемое письмо перешли Александру с просьбой по прочтении переслать его мне, чтобы, если посланное нами не дойдет, можно было снова его переписать. (Раз пять все мы его уже переписывали, возились с ним всячески,—страх как оно надоело!) Ты же, по прочтении, напиши, как его теперь находишь.

Относительно еврейской брошюры, которую ты теперь пишешь, мы все думаем, что ее лучше выпустить от «Исп. Ком.» в том духе, как мы предлагаем народ[овольцам] в своем письме, что будет значительно полезнее, чем так, как ты задумал, так как в первом случае она действительно будет прочитана многими, во втором же—только заграничными евреями. Да и вообще нам всем теперь следует держаться крепко друг за друга и во всех случаях выступать так, чтобы остальные всегда могли заявить, что они разделяют те же воззрения, так же ответственны за этот поступок, факт. Поэтому мы все просим тебя, во-первых, написать брошюру «к евреям» (а не «еврейской молодежи»), где ознакомь их с причинами, создавшими их исключительное положение в России, затем,—с настоящим революционным движением и призывай евреев к содействию в добывании политической свободы наравне с другими слоями, советуй им стремиться

---

[1]) Я имел здесь в виду арест друга моего Я. Стефановича.

к сплочению с другими национальностями русского государства, а не держаться изолированно.

[Конца нет.]

II.

27 марта 1882 г.

Дорогой Павел! Посылаю тебе письмо мое к Дическуло [1]),— перешли ты его ему, т[ак] к[ак] я не хочу отсюда его посылать, п[отому] ч[то], как видишь, подписываюсь своей настоящей фамилией. Я, признаться, злюсь на этого Дич[ескуло],—чего он пристает, когда должен был бы знать, как трудно теперь [даже] здоровым жить в России, а то-еще ему, когда сам пишет, что «ста сажен не может сделать»! Письма его просто даже как будто насмешка над поездкой в Россию,—до того они легкомысленно написаны. А между тем мне пришлось потратить целых четыре часа, чтобы написать это письмо, потому что нужно ведь было перечитать некоторые письма брата и, вообще, как видишь, я очень, очень серьезно отнесся к его намерению. Но все же боюсь, что он не поймет меня, легко отнесется к моим сообщениям, ведь эти румыны какие-то дикари, чудаки,—вспомни странное письмо Иванов[ского] [2]).

Всего с час тому назад получил твое письмо, в котором просишь сообщить тебе имеющиеся новые сведения о революционном движении, чтобы ты до 8 часов получил их. Если бы даже я их и имел, то к данному часу я едва ли смог бы сообщить их по телегр., так [как] теперь 6 час. (воскр.). Очень я доволен, что ты виделся с Бебелем, и уверен, что ты с честью поддержал в его глазах партию. Ты ведь знаешь, как я смотрю на союз с немцами: по-моему это дело величайшей важности. Поэтому с твоим предложением на счет отношения «Н. В.» к немцофобии Скобелевых (в том числе—к позору анархии Кропоткина)—я

---

[1]) Дическуло привлекался по процессу 193-х, был оправдан, затем выслан админ. на север, откуда бежал в Румынию, где умер в 1889 г.

[2]) Ивановский—эмигрировал в Румынию, где в качестве врача среди бедноты приобрел большую популярность; он был шурином В. Г. Короленко, который посвятил ему прекрасный некролог (в «Р. В.» за 1911 г.). «Странность его письма» состояла в его фантастических планах спасения России. Он также собирался тогда вернуться нелегально в Россию, чтобы работать с народовольцами, хотя по натуре был мирнейшим и добродушнейшим человеком.

и Вера безусловно согласны. (С Жоржем и Розой я еще не говорил об этом, но уверен, что и они безусловно согласятся.) На-днях же приведем твое предложение в исполнение, т.-е. сами напишем проект заявления к немец. (соц.) демокр. от имени «Исп. Ком.» и с приложением выдержки из «Revolté» и «Soc. Dem.» пошлю россиянам с настоятельным предложением напечатать наше (или в этом роде) обращение. Я предварительно пошлю его тебе на прочтение. Вообще мне это твое предложение очень нравится. Ужасно жаль, что нет Дм[итра] [1]) на свободе: тогда наверно удалось бы это сделать так, как нам хочется, они, даже не дожидаясь выхода №, напечатали бы от «Исп. Ком.» такое обращение, в котором, между прочим, можно бы ругнуть лысого... Кроп[откина] за поддержание Скобел[ева] [2]) и бросание ложного света на всех русских революц[ионеров]. Глазам не веришь, до чего можно дойти с такой анархией!

Вера еще вчера ходила специально к Э. Реклю за справками о Палестине [3]). Он обещал ей, что сам тебе подробно напишет и даст все нужные указания. Между прочим, он сказал ей, что Палестина — неподходящая для переселения страна, что евреи и там могут завести и заниматься одной лишь торговлей и эксплоатацию туземцев. Наиболее пригодная и плодородная местность — Верхняя Галилея, но требует больших предварительных ирригационных работ (для орошения). Вообще, земля там находится

---

1) Т.-е. Стефановича.

2) Относительно Скобелева и союза с немцами, насколько могу припомнить, дело состояло в том, что этот белый генерал, приехав в Париж, произнес в обществе славянских студентов страшно шовинистическую речь против немцев. П. А. Кропоткин в издававшемся им в Женеве анархическом листке («Le Revolté» — Бунтовщик), расхвалил Скобелева, собиравшегося разгромить пруссаков и подписать мир в Берлине. Статья Кропоткина крайне возмутила всех марксистов. Бебель, помнится, обратился к П. Б. Аксельроду с вопросом о том, все ли русские революционеры относятся столь же враждебно ко всему немецкому народу? Как видно из моего письма, я и В. Ив. намерены были посоветовать «Испол. Ком.», с которым мы переписывались, опровергнуть написанную Кропоткиным статью. Став марксистом, я начал агитировать за наивозможно большее сближение — союз с германской соц. партией, что вскоре и произошло.

3) Оказывается, следовательно, что задолго до появления проповеди известного основателя сионизма, д-ра Герцеля, П. Б. Аксельрод задумал переселить евреев в Палестину. Как ниже увидим, он в этом смысле собирался написать брошюру. Поводом к этому послужили разразившиеся в России погромы и выпущенная «Исполн. Ком.» «Нар. В.» антиеврейская прокламация на украинск. яз. (см. подробнее в «Прол. Рев.» № 8 (20).

в частной собственности у туземцев, и ее можно лишь купить, если, конечно, те захотят продать ее. Затем там имеет большую силу русский консул, который, по словам Реклю, будет стараться стеснять евреев, так как там масса русских ханжей, у которых, вероятно, будут часто стычки с евреями, раз они нахлынут...

Присылай свою брошюру. Даю тебе слово, что я к написанному тобою там, как и вообще к вопросу о евреях, отнесусь серьезнейшим образом; то же, уверен, сделают Жорж и др. Напрасно ты думаешь, брат, что мы к этому вопросу относимся менее серьезно, чем к другим.—№ 8 [«Нар. Воли»] мы еще не получили, а потому попроси Гурев[ича] [1]) отложить свое намерение до его получения, чтобы он уже мог привести заявление о евреях, [«Исп. Ком.»] — Дм[итра] мне писал: «это заявление, благодаря твоим настояниям, будет в том духе, как ты [т.-е. я] желал, и вполне сглаживает неприятное впечатление, произведенное писаниями Романенки, против которых все здесь возмущены». Оказывается, что этот длинноногий писал и прокламацию на малор. яз., и заметку о ней во «Внутр. Обоз.», № 6. А еще южанин и «ученый»! Они, народовольцы, до приезда в Москву Дм[итра] и др[угих] южан, думали, что так и нужно написать, раз «южанин», да еще приехавший из-за границы и цитирующий при этом Маркса, Гегеля и Блюнчли, стоит на этом. Даже, не зная всех этих обстоятельств, помнится мне, я так и объяснял тебе этот казус.

Нарочный своевременно получил в условленном месте (под Берлином) книги и поехал с ними далее. Последнее письмо его было с русской границы, откуда он писал, что ужасно занят их переправкой; но удалось ли это ему, не знаю еще, хотя это письмо было уже более двух недель назад. Не думаю, чтобы он как-нибудь мог немцев задеть, так как из Германии он, ведь, их вывез благополучно, да, наконец, он и не имел ни одного их адреса.

Очень рад и благодарен тебе за высылку просимых мною брошюр: они, видишь ли, мне (и Жоржу тоже) нужны ввиду нашего намерения серьезно взяться за эту часть для наших рабочих и интеллигенции. Кроме того, *настоятельно* прошу тебя иметь в виду книги (на немец. и франц. яз.) по истории социа-

---

[1]) Гуревич, Григорий—друг П. Б. Аксельрода, являлся ярым его сторонником в этом вопросе. Теперь он известный еврейский националист за границей.

лизма, каковой я теперь *исключительно* и хочу отдаться. Если тебе попадаются книги, относящиеся к этой отрасли, то прошу тебя, если нельзя их взять на время, хоть сообщи, откуда их выписать. Пока не раздобудешь ли следующие: [идет перечень]... Также меня, конечно, интересуют книги по истории рабочего движения на Западе. Одним словом, имей серьезно это в виду и оказывай, прошу тебя, нужную мне помощь. Я еще не получил присл[анных] тобою брошюр,—завтра будут. Не знаю, есть ли среди них брошюра из первых времен зарождения Интернационала? Имей такие в особенности в виду. Вообще я очень был бы тебе благодарен, если бы ты потолковал с Каутским или с кем другим, более знакомым с этими отраслями, что бы он тебе дал нужные указания, чтобы не приходилось разбрасываться, читать много хлама и лишнего. Конечно, это не к спеху,—можно сделать это между прочим.

Вера просит тебя сообщить ей, послал ли ты немецкие бланки Клячке [1])? Адрес Игнатова (Menton, Alpes Maritimes.) Но он, кажется, уже уехал теперь с сестрою в Италию, откуда в апреле он приедет сюда, так что ты лучше подожди ему писать или пришли мне твое к нему письмо, а я, как получу от него письмо, перешлю ему. Ну, кажется, обо всем. Впредь пиши нам и посылай «Соц.-Дем». непосредственно: (следует адрес.)

Кланяюсь всем. Твой Евг.

III.

3-го апреля 1882 г.

Дорогой Павел! Все твои соображения по поводу брошюры к евреям от «Исп. Ком.», конечно, основательны и если бы я или кто-нибудь другой из здешних взялся за писание ее, то, несомненно, руководился бы ими. Но вопрос ведь пока еще не так стоит: мы не имеем еще ответа на наше коллективное письмо, в котором, как помнишь, предлагаем им здесь написать и отпечатать эту брошюру; пока не получится их ответ, нельзя ни предпринять ничего, ни снова приставать, навязываться им со своими предложениями: посмотрим, что они, вообще, скажут о наших взглядах и намерениях. Наконец, даже и с технической стороны

---

[1]) Клячко бывш. член московских чайковцев; эмигрир. в С. Америку; вернувшись оттуда, поселился в Вене; помогал в устройстве сборов в пользу «Загр. Красн. Кр.».

я не могу теперь ни о чем написать им, так как у меня (и у Веры) всего два адреса к ним, на которые мы уже написали и до получения ответа не можем еще писать. Но допустим, что они согласятся на наше предложение, вообще, написать брошюру к евреям, что нам кажется вполне вероятным, тогда вопрос—кому ее писать? Жорж не станет, так как говорит,—не знаком с этим вопросом, и без того завален всякой литературной работой (ему Михайлов[ский] писал, чтобы он скорее приготовил первую статью (о Ротбертусе), а вторую—к следующей книжке. Кроме того, он мне уже обещал в продолжение этих месяцев написать «Что такое Социал.?»). Я, конечно, также не возьмусь за такую работу. Остаешься ты и Лавров. Вот вам двоим и придется списываться и переговариваться; мы же, когда получится их [народовольцев] согласие, можем только предварительно выслушать вами выработанный план, внести поправки, если, конечно, таковые найдем нужными, и отослать на окончательную санкцию народов[ольцев]. Вот и вся наша роль. Если же «Исп. Ком.», паче чаяния, не согласится на наше предложение, то мы с Жоржем надумали от себя выпустить такую брошюру «от группы русских социалистов-революционеров к еврейской массе», за подписями Лаврова, Веры, Сергея, Жоржа (твоей и моей, пожалуй, тоже). На это, несомненно, все эти громкие имена, «Копы» [т.-е. умные головы—по-евр.], согласятся и, хотя будет иметь меньшее *практическое* значение, чем если бы брошюра была от «Исп. Ком.» или даже от менее громких лиц, но живущих и действующих теперь в России,—все же, однако, для нравственного успокоения евреев, что не все против них, думаю, это будет иметь [значение]. А ты как об этом думаешь? Этот проект, повторяю, мы имеем в виду, в случае отказа «Исп. Ком.».

Теперь о твоих брошюрах о «рабоч[ем] движ[ении]». Повторяю, в сроке не стесняйся: можешь их писать, первую—месяца в два, но желательно было бы, чтобы не больше, т[ак] к[ак] в типографском и перевозочном отношении более длинный срок был бы не выгоден; [на] вторую—совсем тебе срока не диктую, а, когда поспеешь,—к концу ли лета, осенью ли,—но также не позже. Затем, вот что еще: сестра Вас[илия] Ник[олаевича] сообщила мне, что данные ею тебе 300 руб. заимообразно, как ты просил, она жертвует (конечно, когда ты в состоянии будешь их отдать) на нашу типографию, на печатание всякого рода брошюр. Я же предлагаю тебе из этих денег половину считать пла-

той за готовящиеся тобою брошюры, а остальную половину, когда будешь иметь, внесешь мне (или Ивану [1]) для типографии. Прошу тебя, милый Павел, не отказывайся от этой комбинации, на которую Евд[окия] Ник[олаевна] (сестра Вас[илия]) вполне согласится (я ей напишу) и сбрось с плеч $^1/_2$ долга, смотри на эту плату, как на *должное*, как смотрит Сергей [Кравчинский], который, в ответ на мое предложение написать брошюру, говорит, что «ни он [и] никто из нас не может и не должен работать для революц[ии] даром, ибо у нас нет рент». С этим я вполне согласен, и надо стремиться, чтобы труд для революц[ии] также оплачивался, хоть сколько-ниб[удь]. Поэтому я прямо заявляю тебе, что и не возьмусь за печатание твоих произведений, раз ты заранее не согласишься взять $^1/_2$ присланных тебе Вас[илием] денег. Знай, что этим ты не обидишь ни Евд. Ник., которой это абсолютно безразлично, ни типографии, для которой довольно будет и $^1/_2$ пожертвованной суммы. Итак, я уверен, что ты согласишься; поэтому, заявляю Ивану, что в его кассу пожертвовано Евдокией Никол. Игн[атовой] столько-то. Не так ли? Ответь же. Других новых известий, кроме мною уже сообщенных тебе, из России нет. Когда будут, конечно, поделюсь. Брошюры твои получил. Спасибо. Жорж просит, чтобы ты ему выслал брошюрку... [следует название]. Будь здоров. Кланяюсь Наде [2]). А также и Вера.

Целую. Евг.

IV.

Божи над Клараном.
? апр. 28 г.

Дорогой Павел! К крайнему моему сожалению, я не могу поделиться с тобою содержанием пересланного тобою письма, не потому, чтобы в нем были «высшие государственные тайны», а просто потому, что и я сам не все разобрал: в нем целая прорва

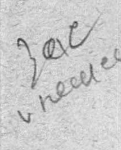
---

[1]) Иван Васильевич Бохановский, участник Чигиринского заговора, бежавший со мною и Стефановичем из Киевской тюрьмы и эмигрировавший за границу, откуда уже не возвращался, стал там наборщиком. Когда я основал для «Нар. Воли» типографию в Женеве (см. «Пр. Рев.» материалы по ист. гр. «Осв. Тр.»), то пригласил его стать заведующим ею.

[2]) Надя—Надежда Исааковна, урожд. Каминер., жена П. Б., дочь довольно состоятельного, но обремененного большой семьей врача, изредка получала от родных небольшие суммы. Все же П. Б. с семьей всегда ужасно бедствовал (см. мою рецензию по пов. его воспом. в «Прол. Рев.» № 10 (22). 1923 г.)

цифр; я и Вера, сколько не трудимся, вот уже который день, ничего не разобрали из написанного цифрами; а обыкновенным манером сообщают только, что «все наши письма получены, что не исполняют многого из наших предложений, п[отому] ч[то] не до того иногда бывает». Верино сообщение о ходе дел Крас. Кр. находят «грустным». Но в деньгах, очевидно, теперь не нуждаются, т[ак] к[ак] пишут: «пока денег слать незачем». Обещают скоро написать подробно и меня приглашают ехать. Ну, вот и все из написан[ного] обыкнов[енными] буквами. Какая мне досада, что цифр не могу разобрать. На-днях будем отвечать, и кстати Вера напишет о предложении Фольмара [1]). Если имеешь что передать туда, посоветовать, то поспеши с ответом (на адрес Ивана в Женеву, куда я на-днях и еду и где и поселюсь вблизи типографии ради ее благоустройства и благосостояния).

Брошюру свою можешь написать в 2—3 печ. листа *малого формата* (т.-е. как, напр., немецкие брошюры Энгельса Umweltzung» или из русск.,—немного меньше Шефле, твоих же писанных страниц думаю, будет 70—80). Впрочем, не стесняйся размером,—лишь бы было все к месту, а когда пришлешь ее, увидим. Особенно спешить тебе с нею незачем, чтобы ты потом не жаловался, что срок был малый: лишь бы была «на первый сорт».

Вере Фольмар очень понравился и, вообще, она стала придавать серьезное значение переговорам с немцами, почему и решила даже взяться за чтение «Social-Democr'a» (какой прогресс!). Я не виделся с Фольмаром и жалею об этом, так как Вера и Жорж, застигнутые, так сказать, врасплох, и будучи недолго с ним, почти ничего не узнали от него, ни о чем не расспрашивали его. А между тем, очевидно, что у немцев есть что-то на уме. Вообще, напиши теперь обстоятельно о немцах на основании твоих разговоров с Бебелем и цюрихскими [соц.-дем.]: можно ли ждать от них, как от партии, сигнала к революции? Насколько

[1]) Фэльмар, известный соц.-дем. тогда редактировал выходивший в Цюрихе, вследствие господства закона против социалистов в Германии, центральный орган немец. социал- дем. парт.» «Соц.-Дем.». Он предложил нам через П. Б. составлять по письмам, газетам и пр. статьи о России для этого органа. Тогда Фольмар был одним из самых крайних и, попав в Рейхстаг, в качестве депутата, произвел прекрасное впечатление своей первой речью в защиту русских террористов. «Будь у нас такие же ужасные условия,—сказал он, помню, между прочим,—мы также прибегли бы к террору».

Спустя некоторое время, он приехал в Кларан, чтобы познакомиться с В. Ив. и Г. В.,—я в то время не был там.

они теперь держатся революционной постановки? Способны ли теперешние депутаты заявить открыто в парламенте о своей солидарности с русскими *социалистами*, если бы это понадобилось? и т. д. Тогда Вера и я напишем обстоятельное послание Льву и, б. м., народов[ольцы] придадут серьезное значение этим переговорам, что мне, как ты знаешь, давно желательно. Ну, напиши же поскорей и поподробнее. Присылай стенограф. отчеты интерес. речей депутатов, вообще и, особенно, касающиеся России и «нигилистов», в частности.

V.

Божи над Клараном.
21 апр. 82 г.

Дорогой Павел! Нам всем очень жалко, что ты остаешься при своем решении насчет еврейской брошюры. Я лично не говорю, чтобы она была вредна в той программе, которую ты мне сообщил, [хотя] кое с чем я и не согласен, но мы все потому бы ее не хотели, что (как я уже писал тебе и [вновь] повторяю) желательно всем нам быть до того солидарными, до того тесно сплоченными друг с другом, что, раз бы на кого-нибудь из нас обрушились нападки с чьей бы то ни было стороны, мы все могли бы печатно везде заявлять, что одинаково ответственны за данный поступок. Мы с Жоржем, напр., на-днях очень, очень жалели, почему тотчас после появления № 7 «Нар. Вол.» с нападками на тебя [1]), не послали им своего заявления о полной своей солидарности с твоей речью и, в случае отказа, напечатали бы это заявление в других. Быть может, мы еще и теперь это сделаем, смотря по ответу «Н. В.» на наше коллективное письмо, хотя и находим, что несколько запоздали и что только распространим эту дурную их выходку. (Сергей в своем письме к народовольцам страшно нападает на них за этот их поступок с тобою.) Вот, в видах *такой* именно солидарности, мы и не хотим твоей брошюры, так как раз бы появилась злая на нее критика (а такая возможна), то мы уже не в состоянии были бы заявить, что с нею вполне солидарны, потому что все мы расходимся с тобою в этом пункте. Ты говоришь, что у «немцев даже не до-

---

[1]) Как я уже сообщил, эти нападки, вызваны были непонятой народовольцами хвалебной речью П. Б. на Хурском конгрессе по поводу их деятельности.

ходит до того, чтобы партийная и личная связь должна была до такой степени подавлять индивидуальные взгляды». Не спорю, быть может, у них и не доходило, но мы советуем тебе не писать этой брошюры не столько из партийных, сколько из *личных* соображений маленькой группы бывших чернопередельцев, которая поставлена в исключительные условия, и чтобы она сколько-нибудь могла влиять, делать что-нибудь, она должна быть крепко сплочена, ужасно солидарна, а «добросовестное высказывание индивидуальных мнений по поводу, мол, массы», как ты пишешь, будет противоречить этой солидарности, и именно потому, что дело идет тут не о каком-нибудь пустячном вопросе, а о «миллионах соплеменников». Мы, как социалисты-интернационалисты, вовсе не должны признавать особых долгов по отношению «соплеменников», а потому присоединение твое к юдофильствующему «Рассвету» насчет вопроса о переселении в Палестину, нам вовсе не нравится. Мы, конечно, не говорим, что нужно индиферентно отнестись к теперешнему возбуждению среди евреев, но у нас должна быть общесоциалистическая постановка, стремящаяся слить национальности, а не еще более изолировать ее [еврейскую], как таковую. Поэтому раз хочется тебе так писать «соплеменникам», то уже, конечно, не в Палестину советуй им выселяться, где они только еще более закоснеют в своих предрассудках и, размножившись чрез несколько поколений, снова нахлынут в Европу, где их также встретят, как теперь, так как они и в Палестине не сбросят своих особенностей. По-моему, раз выселяться евреям, то—в Америку, где они слились бы с местным населением.

Я согласен с твоими доводами, что «Нар. Вол.» следует одновременно обращаться и к русскому обществу по вопросу о евреях, и, когда получится ответ на наше письмо, напишу им об этом.

Относительно печатания твоей брошюры в нашей типографии, раз ты все-таки останешься при своем решении, можно, конечно, устроить это без всякой боязни получить нарекания, так как это дело чисто финансовое. Но все же я ее хотел бы предварительно прочесть, после чего послал бы ее Ивану в печать: это не из цензурных соображений по отношению к типографии, которая не ответственна, а 1) просто самому хотелось бы знать, какова она и во 2) для всяких соображений насчет времени печатания других материалов, имеющихся уже в типографии в

виду. (Теперь там печатается «Манифест» от «Соц.-Рев. Биб.», на-днях окончатся и биографии от «Кр. Кр.». Но, если ты торопишься, то пошли прямо Ивану, при чем мне только сообщи, тогда я ему напишу, чтобы он оставил ту работу, которая не к спеху. Адрес его ты знаешь.

Кстати, сообщи, к какому сроку желаешь ее получить, будешь ли держать корректуру, каким шрифтом ее печатать (у нас есть 12, 10 и 9; думаю, что лучше 10, — меньший объем будет занимать и читать хорошо), какого формата (например, как Шефле или как «18 марта») и в каком количестве экземпляров?—Перевозку можно также устроить нам, что выйдет дешевле, чем послать нарочного, лишь бы ты взялся переправить ее через швейцарско-германскую границу и было указано место, куда ее в России доставить.

Присылай Вере отчеты [об] америк. кризисе. К вам переселяться пока не думаем, так как лето хотелось бы лучше здесь провести. — О здоровье брат мне не пишет. Я ему ответил, но не знаю, отдали ли ему мое письмо. — Да, ты забыл сообщить, сколько из Крас. Кр. денег дал на перевозку, — это мне нужно для отчета. — Вот о чем прошу тебя *настоятельнейшим* образом: собери, пожалуйста, *все*, какие только когда издавали, соц.-дем. брошюрки, и пришли их мне. Можешь даже закупить их из денег Кр. Кр., — сообщи мне только, сколько они стоили, я внесу здесь. — Я и не думал, что ты скорее, чем через месяц—полтора напишешь первую брошюру о движении. Ну, кажется, обо всем. Все кланяются и целуют тебя.

Твой Евгений.

VI.

Женева, май 1882 г.

От центра получили письмо: кроме всяких поручений, они сообщают, что «разногласия у нас с ними, действительно, не существенные» и что они объясняются «нашей оторванностью от России», но что «работать вместе можем», а потому зовут тех из нас, которые могут ехать. — Я, впрочем, не вполне еще его прочел,—многого не разобрал, так как оно скверно написано химиею. Когда все разберу, сообщу подробнее. — О нарочном сообщают, что он, не доехав в Москву, арестован и писем (и пр. следовательно, — я не разобрал) не доставил. — Ну, вот и все.

...Относительно вызова сюда Льва [Тихомирова] не думаю решительно, чтобы это могло состояться, и я не стану ему предлагать этого без очень серьезного повода, хотя и согласен с тобою, что хорошо было бы, если бы центр был объевропеившимся.

Относительно еврейской брошюры, мне кажется, во всяком случае, ты мог бы уже списаться с Лавровым, т.-е. предложить ему написать таковую не от имени Комитета, а так, от твоего и нашего. Если же получилось бы согласие «Исполн. Ком.» на наше предложение, к которому и Сергей присоединяется, о чем он заявляет народов[ольцам] в своем письме к ним, то можно было бы ту же, вероятно, брошюру выпустить — от Ком. Изложи ему это, если ты согласен с моим предложением.

Я уже писал тебе, что бы ты выслал мне «Побеги», которые еще зимою я тебе послал, — они мне очень нужны и сейчас же. Здесь, видишь ли, мы (т.-е. я и Вера) задумали выпустить маленькую книжку рассказов, которая, вероятно, выйдет на следующей неделе, как издание «Красного Креста». В нее войдут: перепечатки из «Нар. Воли» № 8 — 9: «Тюрьма и ссылка» и «Хроника арестов», присланные из России: биография Гриневицкого и одна поэма Саблина; также хотели мы напечатать один побег и кое-какие последние известия по слухам и из писем, а также «список пожертвований, поступивших в Загранич. Отд. Красн. Креста». Этой книжке мы думаем дать общее название «На родине» [1]) и предназначаем ее, главным образом, для заграницы, где она может разойтись в небольшом количестве экземпляров. Думаем, что не дурно было бы, [если бы] Гуревич перевел лучшие из нее рассказы и, при содействии немцев, вы издали ее также отдельной брошюрой от «Красного Креста», чтобы доходы и издержки, следовательно, пошли на его счет. Как ты думаешь? Впрочем, решишь, когда получишь книжку. У нас есть уже коекакой материал и для второй такой же книжки, которую, смотря по результату с первой, можно будет месяца через полтора — два выпустить. — Так пришли же немедленно «Побеги». Ну, будь здоров. И не сердись на меня за предыдущее письмо, — я ведь по-товарищески откровенно написал тебе, что думал и чув-

---

[1]) «На родине» — небольшой непериодический журнал, главным образом посвященный описанию жизни заключенных и ссыльных, издававшийся мною и В. Ив. Засулич в Женеве в 1882 г.; всего вышло 3 номера.

ствовал. Кланяюсь всем. Что слышно насчет корреспонденций, о которых ты нам писал?

Твой Евг.

Если имеешь какие-нибудь интересные сведения из частных писем, о том, что делается в России, то сообщи, — поместим в этой книжке.

VII.

Божи (над Клараном).
Нач. июля. 82 г.

Дорогой Павел! С чего ты, брат, взял, что я рассердился на тебя? Ни чуточку, милый друг. Я не пишу часто, потому что не о чем, а также и потому, что стараюсь как можно менее ухлопывать времени на переписку, которая, несмотря на все мои старания быть как можно скупее и даже неаккуратнее, все же отнимает не мало времени; а я, брат, теперь за «науку» взялся: все читаю и читаю, когда только не мешают. Ну, вот, видишь, где причина моего молчания. Да и тебе, думаю, не до переписок: небось, хлопот всяких масса по хозяйству, и вечные заботы о хлебе насущном. Как-то твои финансы обстоят? Что «хлебного» ты строчишь? И не думай присылать 200 фр. Решки [1]): ей, как и матери, куда приятнее было тебе лично их оставить. Ты даже не в праве отдавать их «Кр[асному] Кр[есту], который от этого богаче не станет, а тебе с семьей они куда-как пригодятся...

Из России от товарищей никаких известий нет; впрочем, М. Н. [2]) уверена, что типогр. не взята. Ты пишешь, что приехал Н. Лопатин, бежавший из Сибири. Так вот о чем просим его через тебя: пусть он опишет все, что знает о положении ссыльных и каторжан, — всякие эпизоды, случаи и свой побег, — это для «На родине» № 2, который скоро выйдет; ничего, если не особенно литературно изложит, — важны сведения, факты, — слог сможем тут отделать. Это очень-очень нужно, необходимо, скажи ему [это], настоятельно попроси его, чтобы сейчас же засел и поскорее изложил все годное к печати. Повторяю, я и Вера об этом очень просим.

---

[1]) Умирая, М. К. Решко просила мать отправить очень нуждавшемуся П. Б. Аксельроду эту незначительную сумму, оставшуюся после покрытия их расходов.

[2]) М. Н.—Мария Николаевна Ошанина (или Марина Никаноровна Полонская)—одна из наиболее выдающихся членов «Исп. Ком.» пар. «Нар. Воля».

В Женеве я не скоро, вероятно, буду, — не раньше ½ августа, да и то на день — два, так что наборщика [из] «Чер. Пер.», о котором ты пишешь, чтобы я с ним повидался, не увижу.

«Слово» я не мог раздобыть, у кого ни спрашивал, — напиши Зиберу, — может, у него есть. В середине августа я, вероятно, буду у тебя в Цюрихе, куда приеду, как я тебе при свидании говорил, чтобы свидеться со Страсбургским юношей [1]), перед его возвращением на родину. Это почти что наверно и пробуду у тебя, вероятно, с неделю, так что ты, брат, занимайся теперь побольше, чтоб быть посвободнее, когда я приеду, и не удивляйся, что я этот месяц не буду тебе много писать, — буду откладывать на свидание с тобою.—Гуревичу я ответил на его письмо о евр. брош[юре], — жаль, что эта затея так затянулась.— О Чартизме должен знать источники Чайковский, который, кажется, даже писал специальную статью в легальн. журн., так ты к нему обратись. Адрес его — на его письме, которое тебе Вера шлет. Ну, до скорого свидания, брат. Будь благополучен и успевай в занятиях. Кланяюсь всем твоим. Не забудь о просьбе к Лопатину. Целую тебя.

Тв. Евг.

VIII.

Женева, 15 июня 83 г.

Дорогой Павел!

№ 1-й. Давно уже собираюсь написать тебе большое письмо, но до сих пор положительно не имел возможности — по многим причинам. Мне хотелось подробно изложить тебе происходившие у нас здесь с Тигром [2]) разговоры по поводу наших отношений. Дело в том, что, несмотря на хорошие, мирные отношения наши с Долинским [2]), мы все же — не одно и то же, не члены одной организации. Но, раз сообща с нами народовольцы приступили теперь к изданию журнала, мы, т.-е. Жорж, Вера, Роза и я захотели окончательно [выяснить] вопрос о присоединении бывших чернопередельцев к народовольцам. Решили мы это как потому, что крайне неприятно всячески действовать под фирмой «Народной Воли», не будучи в действительности членами ее организации,

---

[1]) Так мы называли кандидата естеств. наук А. Тилло, занимавшегося какой-то отраслью в Страсбургском унив., очень сочувственно относившегося к нам и оказывавшего нам много услуг.

[2]) Тигр, Тигрич и Долинский—псевдонимы Льва Тихомирова.

так и потому, что тогда мы, будучи равноправными лицами, больше могли бы сделать в духе наших воззрений, хотя и под ее фирмой, в каковой мы видим важность лишь вследствие завоеванной ею популярности. Вот почему, при начале рассуждений о приступе теперь к изданию журнала, — когда Тигр, вследствие полученных ими нескольких сот [а, может быть, и тысячи] рублей и всяких обещаний, почувствовал бо́льшую почву у себя под ногами, — мы завели разговор об окончательном заявлении (печатном) о нашем присоединении, в виде письма в редакцию, как я предложил, в котором мы, бывшие чернопередельцы, сообщили [бы] что, ввиду делавшихся нам запросов и носящихся в публике слухов о происходивших переговорах по поводу присоединения, — мы считаем, мол, нужным заявить, что оно, действительно, состоялось на таких-то основаниях (в духе, помнишь, нашего коллективного письма к народовольцам). Вполне соглашаясь с полезностью и даже необходимостью такого заявления, Тигрич, однако, утверждает, что, по конституции их организации, не может состояться присоединение целой группы, какую мы из себя представляем, что вступать в их *организацию* (а не партию) мы можем по одиночке, только распавшись, как группа. Тогда мы категорически заявили, что в таком случае никто из нас к ним не присоединится, что мы из-за существующего у них устава не станем распадаться, что мы можем присоединиться только все разом, как группа, и что в этом духе мы и понимали происходившую у нас с ними в прошлом году переписку на счет присоединения. Поэтому, раз они желают оставаться верными написанной конституции, то мы не желаем играть в глазах публики двусмысленную роль: действовать всюду и всегда в качестве народовольцев, не будучи ими по праву, не пользуясь правами таковых. Потому и впредь, не отказываясь помогать им, чем сможем, мы не будем никогда печатно выступать так, чтобы нас могли принимать за народовольцев (например, Жорж не может печатно заявлять себя редактором, Вера — секретарем и пр.); мы оставляем за собою право, когда найдем нужным и возможным, публично выступить в качестве самостоятельной группы с таким названием, какое пожелаем.

Формулировка этих наших окончательных пунктов условия нашего присоединения состоялась дня три тому назад, — как раз перед отъездом Тигра на неделю—$1\frac{1}{2}$ в Париж, для переговоров с Лавровым и с М[арьей] Н[иколаевной]. Как они

там решат, мы пока не знаем; но мы окончательно решили раз на всегда ясно определить нашу роль и права, и от вышеприведенных условий, конечно, не отступим. В крайнем случае, т.-е., если бы они продолжали стоять на-своем, что мы можем присоединиться к ним лишь каждый врозь,—мы, отказавшись от этого предложения, действительно, должны были бы выступить, как самостоятельная группа, как это ни неприятно и невыгодно для общего хода русского социалистического движения. Но, я думаю, что как им ни нежелательно, чтоб мы, вошедши в их организацию и приобревши этим право повернуть многое на свой лад, (нужно тебе заметить, что, несмотря на внешнюю, кажущуюся солидарность (с народовольцами),—как они, так и мы сознаем, что, по существу, мы сильно отличаемся друг от друга),—они принуждены будут сделать требуемые нами уступки: они побоятся остаться без чрезвычайно полезных им сотрудников во всех могущих теперь быть предприятиях.

О дальнейшем ходе переговоров, конечно, сообщу тебе. Пока же мы условились с Тигричем, что будем продолжать сообща взятые нами на себя функции, от которых мы, было, отказались впредь до окончательного решения вопроса о присоединении. Теперь Жорж продолжает считаться редактором, хотя, в случае несогласия насчет присоединения, его имя будет выставлено лишь в качестве постоянного сотрудника, как и твое и других; Вера во всяком случае отказалась от возложенной на нее обязанности секретаря, потому, как вполне основательно она замечает, что, не состоя в редакции, она не может вести переписки с сотрудниками и Лавровым о принципиальных вопросах, касающихся их статей, и эту роль, как и до сих пор, будет выполнять кто-нибудь из редакторов (так, Жоржу приходится теперь вести большую письменную полемику с Лавровым по поводу сбивчивости мыслей и терминов в его статьях и программе, писать Русанову, в каком духе он должен построить свою статью и пр.); что же касается чисто внешней стороны,—времени присылки статьи, ее размера и прочее, то это непосредственно касается заведующего типографией и печатанием, и разделять эту функцию между двумя лицами—значит лишь усложнять дело, строить лишние инстанции. Поэтому, пока последняя часть секретарской функции лежит на мне (впредь адресуй по посланному мною адресу). На мне же— [лежит] заведывание типографией, экспедицией здесь, за границей и в России, также—[корреспонденция, денеж. дела] кор-

ректуры и еще всякие другие [административные функции], что у меня будет отнимать массу времени и чему я вовсе не рад; но некому другому предоставить [все] это.

Что касается плана твоей статьи, то я уже, кажется, сообщал тебе, что он [нам] вполне нравится; размер ее пока трудно определить: это—смотря по количеству другого материала, но, во всяком случае, не больше $1^1/_2$ листов нашего формата, т.-е. [всего] 36 стр. Относительно срока тоже определить точно не могу, но, полагаю, твоя статья потребуется не раньше середины июля.

Вообще, раз у нас произойдет полное соглашение с Тигром и другими (насчет нашего присоединения, а не воззрений, потому что мы с Жоржем, откровенно тебе сказать, думаем, что никогда народовольцы не сделаются сознательными социалистами, марксистами, [а останутся] бланкистами, энергичными и предприимчивыми революционными заговорщиками), — то журнал хорошо пойдет и, вероятно, долго просуществует, если внешние условия не помешают. Средства, думаю, также будут притекать, и можно будет хоть понемногу оплачивать сотрудникам.—Ну, да увидим.

А пока, кроме консервативных привычек Тигра, помехой к хорошей постановке журнала является Лавров. Не говоря уже о том, что он не согласился на выработанную зимою Жоржем, при содействии Веры, Жука, Эльсница и Тигра, вполне определенную социалистическую программу журнала, он прислал свое «объявление об издании», в котором написано все, чего хочешь,—сбивчиво, неопределенно; в присланной им статье «Задачи Социализма» такая путаница идей и терминов, что может привести просто в отчаяние, а между тем он не соглашается ни на малейшие поправки со стороны других редакторов.—Вот не знаю, удастся ли Тигру теперь с ним столковаться окончательно, чтобы не выходили впредь крупные несогласия.

Ваш Евг.

IX.

Женева, 3-го июля 83 года.

№ 2-й. Дорогой друг! Твое последнее письмо, в котором ты высказываешь свое мнение о присоединении к «Народной Воле», пришло очень кстати. Как и можно было ожидать, Тигрич, потол-

ковавши в Париже с Марьей Николаевной, пустился с нами в дипломатию: в ответ на наше ему заявление (пред отъездом его в Париж), он вскользь сообщает, что будто бы ими «найден в уставе пункт о «союзнических группах», по которому мы можем к ним присоединиться, и что уже написано об этом в Россию. В то же время он всячески (и чрез Лаврова) старается убедить Жоржа подписаться редактором «Вестника Народной Воли», так как, мол, это покажет публике, что все направления соц.-рев. партий сошлись, и так как дожидаться ответа из России придется долго, а первая книжка уже печатается. Но мне, так же заявившему ему перед его отъездом, что до получения окончательного ответа о присоединении группой... я согласен лишь временно исполнять должность заведующего типографией и проч.,— так как это отнимет много времени,—он, по приезде, наоборот сообщил, что «ввиду моего отказа, из Парижа едет сюда человек для замещения меня». Словом, они пускаются на свои старые приемы бланкистско-нечаевской интриги, неискренности, подвохов, не желая нашего присоединения, как группы, хотя об этой нашей постановке, они, конечно, давным-давно знали от нас, когда мы писали им наше коллективное письмо и когда беседовали с Марьей Николаевной в прошлом году; очевидно, им казалось, что мы или забудем об этом, или силою вещей принуждены будем, один за другим, пристать к ним. Группового же нашего присоединения они, конечно, не хотят, зная и боясь давления нашим единодушием. Теперь им более всего желательно притянуть к себе Жоржа; они это и делают. Во мне же они видят причину теперь затеянных нами переговоров и считают меня «помехой». Они и дуются на меня, желают отдалить от всяких дел, сделать меня безвредным. Хотя, помнишь, всего осенью предлагали [мне] вступить в их организацию и даже в «Исп. Ком.». Словом, повторяю, поведение их возмущает своей неискренностью, нетовариществом по отношению к нам, которые последние два года всеми силами стремились содействовать им, выступали, как народовольцы, не будучи ими по праву. Между тем ни в одном вопросе, ни даже в мелочах, мы не видим с их стороны никакой уступчивости. Вот почему мы решили серьезно потолковать между собою, что предпринять, и все последние дни, вместе с приехавшим сюда Вас. Никол. (Игнатов) вели переговоры, на которых решили следующее: ввиду неопределенности, сбивчивости теоретических воззрений народоволь-

цев, их шаткости в социализме и их бланкизма, мы могли бы присоединиться к ним только всей группой, когда имели бы шансы своей солидарностью влиять на них, если бы они оставили свои нечаевские приемы в своих отношениях с близкими. А так как мы пред отъездом Тигра в Париж заявили ему, что теперь же считаем возможным для себя выступить самостоятельной группой под какой-нибудь фирмой, то мы и должны это сейчас же сделать, не дожидаясь больше будто бы имеющего получиться ответа из России.

Выступить мы можем, как литературная группа, издающая пока под определенной фирмой брошюры современного, научно-социалистического характера, придерживаясь известной последовательности... Издав, таким образом, ряд серьезных брошюр, мы уверены, что скоро привлекли бы на свою сторону сочувствующих и завязали бы сношения с Россией, откуда, получив поддержку, могли бы уже выступить с самостоятельным органом вполне солидарного по статьям и сотрудникам марксистского направления. Так как характер брошюр все же мало определял бы цвет и воззрения лиц, составляющих эту группу, по отношению разных современных вопросов, то нами решено, что первая брошюра должна быть принципиальная, так сказать, программная, указывающая наши воззрения на социализм, политику и пр. и критикующая господствовавшие и господствующие среди русских теории и ошибки. Эту брошюру взялся написать Жорж. Второй будет «Развитие Социализма» Энгельса, и на эти две деньги на печатание и на оплату за труд (по 75 фр. за самостоятельный и по 20 фр. за перевод) обеспечены. Что же касается нашей программы, то решено приступить к ее выработке при общем свидании всех нас в августе, когда и ты должен будешь приехать, о чем спишемся еще подробнее, так как теперь Василь не может определить числа: он не знает, позволит ли ему здоровье; вообще, он довольно плохо выглядит, и мы опасаемся, протянет ли он долго.

Таким образом, как видишь, мы решили быть самостоятельной, солидарной группой, связанной общностью воззрений, товарищескими приемами в отношениях друг к другу и общим делом. Беда только, что мы никак не можем придумать удачного названия для нашей группы; Жорж предлагает: «русские социал-демократы», но мы *все* находим это название *невыгодным*, больше с практической точки зрения, так как, при

существующих у публики предрассудках, это название на первых же порах оттолкнет от нас очень многих; кроме того—это чересчур подражательно, неоригинально, претенциозно и как бы навязывает нам те же вполне приемы деятельности, которые немцы практикуют, а это и невозможно пока у нас, вследствие политических условий России и ее особенностей и, вообще, вовсе не желательно, чтобы потерялся сильно революционный дух русского движения. Но никакие другие названия, которые мы придумывали, не подходящи, и Жорж все высмеивает. А это очень важная вещь. Не удастся ли тебе что?

Теперь насущный для нас вопрос—заведение своей наборни, так как в народовольческую, во-1-х, нам носа нельзя сунуть, во-2-х, она постоянно будет занята всякими «Вестниками» и пр. Это, конечно, печальная вещь: мы ее устроили, мы же теперь и должны заводить наново другую. Но что прикажешь делать: это нам урок за наше преждевременное рвение. Во всяком случае, из-за типографии, конечно, задержки не будет, так как всегда можно печатать у Трусова [1]), хотя там несколько и дороже обойдется, чем в своей. Буду разузнавать, нельзя ли как-нибудь войти в сделки с владельцами типографий, чтобы в рассрочку приобрести шрифт. А когда это удастся, то Гецова думаю перевести к нам, потому что он, как идейный человек и по твоей рекомендации,—мы с ним еще не ознакомились,—согласится, конечно, на всякие условия, к тому же мы, ознакомившись, привлечем его, вероятно, и в нашу группу. На всякий случай, имей в виду и других наборщиков с такими же свойствами и, вообще, подходящих людей.

Вообще, Павел, поломай и ты голову над придумыванием всяких данных, ресурсов и комбинаций, чтобы мы, действительно, могли выступить сколько-нибудь серьезной и солидарной группой, не только по единству убеждений и товарищеским отношениям друг к другу, но и по твердости, энергии и инициативности. Правда, при твоих условиях, ты делаешь много в этом направлении, и мы часто хвалим тебя здесь (например, за собирание около себя людей, чтение им рефератов по социализму, за сношения с [немец.] социал-демократами); но нельзя ли чего еще более существенного придумать? Мы, признаться,

---

[1]) Трусов—старый эмигрант, владел большой типографией, которую не помню когда и каким образом приобрел ее. О нем мне еще придется ниже говорить.

часто жалеем, что ты не с нами здесь. Вот и сегодня Жорж—он высказывал это же много раз—говорил, что, будь ты здесь, и имей мы хоть маленький определенный фондец, вы с ним могли бы редактировать небольшой периодический органчик,—листов в пять—в шесть,—научно социалистический, который своей определенностью направления и солидарностью руководителей его скоро приобрел бы симпатии,—он в этом уверен. Ну, да это дело будущего, быть может, и не особенно отдаленного; будь средства, возможно было бы это и при твоем пребывании в Цюрихе.

Он, вообще, очень недоволен разношерстностью редакции «Вестника Народной Воли», в котором он все же состоит неофициальным редактором, что ему неприятно, и, несмотря на его отпрашивания, никак не может от него освободиться. С тобой же он чувствует себя вполне солидарным, и напрасно ты опасаешься его излишнего централизма: он вполне согласен с тем, что это не принцип, и крайне невыгодно его выдвигать и затрагивать, чтобы не отстранить от себя оппозиционные элементы.

В «Вестнике Народной Воли» он пишет: 1) О Социализме и политической борьбе, 2) О еврейском вопросе у нас,—эту тему он прямо вырвал у Тигра, желая показать в этой статье всю нелепость дикого отношения к евреям, и 3) библиографическую заметку о вышедшей недавно книге Аристова—биография Щапова.

Ты свою статью, мне кажется, мог бы теперь несколько сузить, так как, ввиду нашей серии брошюр, тебе, вероятно, придется скоро написать отдельный очерк рабочего движения, а неловко было бы в брошюре повторять или только расширять уже раз написанное. Поэтому, мне кажется, не было бы достаточно тебе, написав краткое вступление, прямо в этой же статье рассказать уже о положении рабочего и социалистического движения в Германии, после социалист. закона. Впрочем, конечно, за темами для отдельной брошюры у тебя остановки не будет, а потому, раз тебе мое личное соображение не кажется существенным, то и продолжай свою статью по тому плану, какой ты себе составил.

Итак, в следующем месяце мы с тобою, вероятно, увидимся. Я и Вера желали бы также повидаться и с Надей, если бы ей возможно было сюда приехать, но вам, вероятно, нельзя бросить семью. А, между тем, ознакомившись здесь со всеми и, если бы мы, действительно, затеяли сколько-нибудь серьезное дело, то

и для нее нашлось бы занятие, и она перестала бы продолжать считать себя «стоящей в стороне». Со средствами пока у нас дело стоит довольно плохо: у Василия Николаевича денег уже вовсе нет, а живущий с ним теперь брат, имеющий немного денег, хотя и разделяет все наши воззрения и цели, но для себя не видит в нашей группе серьезного занятия, почему пока не соглашается вступить в нашу группу.

Между тем, с теми немногими франками, что у нас теперь имеются, нельзя даже приступить к устройству типографии, не говоря уже о готовящихся работах. Мы больше рассчитываем на Россию, куда на-днях поехал один молодой парень, сошедшийся с нами в воззрениях перед отъездом; с ним мы дали письмо к так называемым народникам (по его настоянию), в котором, изложив наши воззрения, предлагаем стремиться к соединению с «Народной Волей» на определенной (в духе нашего прошлого коллективного письма) программе и только группами, кружками, а не в одиночку; если же это невозможно, то предлагали прислать сюда делегата, с которым мы могли бы условиться, как самостоятельно поставить литературное дело и пр.

Вообще, как видишь, мы закопошились, действуем. Я, однакож, боюсь, что при нашей все же оторванности от России и безденежьи должны будем скоро признать себя бессильными действовать в направлении создания серьезной социалистической группы, которая имела бы влияние на дальнейшее развитие и укрепление социалистической идеи в России. Ну, да все же будем, насколько возможно, энергично стремиться к этому. А пока, целую вас обоих крепко. До скорого, быть может, свидания.

Твой Евгений.

Письмо это, как и предыдущее, сохрани: авось впоследствии пригодится, для чего я и выставляю на нем № 2. *Тв. Евг.*

Примечание к IX письму.

По поводу названия нашей группы П. Б. Аксельрод в своих воспоминаниях, между прочим, написал: «Не мешает отметить здесь, что и самих оппонентов Плеханова смущала еще, повидимому, мысль об открытом и полном солидаризировании нашей группы с германской социал-демократией. Уже в июне 83 г. Дейч писал мне в Цюрих, что назвать себя социал-

демократами нам «невозможно»... вследствие политических условий России», и что вообще *вовсе не желательно*, *чтобы потерялся сильный революционный дух русского движения»* (стр. 438).

При сколько-нибудь внимательном и беспристрастном отношении к указанному месту моего к нему письма, добросовестный читатель, полагаю, увидит, что П. Б., произвольно выдернув и несколько изменив две фразы, придал им совсем не тот смысл, какой я в них вложил. Прежде всего, я не писал, что «назвать себя социал-демократами нам «невозможно», а написал: «мы все находим это название *не выгодным больше с практической точки зрения»*, что уже представляет значительную разницу. Затем я указал на угрожавшую нам *на первых порах* опасность оттолкнуть от себя многих, вследствие господствовавших в нашей революционной среде предрассудков и нерасположения к немецким социал-демократам, которые еще незадолго перед тем своим отношением к нашему движению возмущали нас всех, в том числе самого Аксельрода и Плеханова [1]). С этим не могла не считаться вновь возникшая крохотная, слабенькая группка, которую и без того встретили крайне враждебно.

Далее с понятием «социал-демократы» во всем цивилизованном мире тогда связывалось представление об определенной, *мирной парламентской партии и ее деятельности* при почти полном умалчивании ею о каких-либо решительных, революционных приемах борьбы. В своем письме я указал Аксельроду на то, что ввиду политических условий России парламентская деятельность в ней невозможна, а потеря «революционного духа нашего движения вовсе не желательна». И в том, и в другом пункте я, конечно, был безусловно прав: парламента у нас не было, а «революционный дух», заимствованный нашими марксистами от предшественников, дал у нас блестящие результаты. Между тем, П. Аксельрод теперь, по прошествии 40 с чем-то лет, забыв и перепутав почти все наше прошлое, представляет мою мотивировку в таком виде, будто бы *нас самих* «смущала еще, повидимому, мысль об открытой и полной нашей солидарности с германской социал-демократией!» Насколько помню, он также в то время согласился с нами, что неудобно нам назваться «социал-демократами», как согласился *без всякого спора* и Плеханов, *немедленно* отказавшийся от своего предложения. Это, однако, не мешает П. Аксельроду теперь приписать нам, оппонентам (т.-е., следовательно, и себе), «смущение», чтобы не «солидаризироваться идейно с германской социал-демократией»! В действительности же, как видно из моих к нему писем, я более, чем кто-либо другой

---

[1]) См. об этом мой очерк «Как Плеханов стал марксистом», стр. 32—34, а также статьи П. Аксельрода в «Общине», озаглавленные «Итоги германской социал-демократии».

из членов нашей группы, еще задолго до нашего разрыва с народовольцами, придавал огромное значение наивозможно полной солидарности с германской социал-демократией.

X.

(Нет $^1/_2$ листа.) В июле 83 года. Женева.

Я долго спорил с Тигричем, чтобы они не объявляли о выходе «В. Нар. Воли» раз в два месяца, а советовал им объявить— раз в три, так как глубоко уверен (и это уже подтверждается), что, дай бог, чтобы выходил через три с половиной, четыре месяца. Но они, как запутавшийся банкрот, рассчитывающий на впечатление данного момента (что, мол, публика проникнется почтением, услыхав о выходе раз в два месяца), не задумываются о противоположном впечатлении, когда ожидания публики будут сильно обмануты, чем внушается недоверие к обещаниям издателей и от чего страдает само предприятие. Руководствуясь этим же соображением, мы в том лишь случае должны приступить к изданию серии брошюр, когда у нас будут *обеспечены* [средства], по крайней мере, на 6—8 солидных произведений, считая в среднем по 5 листов (так как популяризация Маркса Жоржем будет в 10 л.), т.-е.,—как я рассчитывал, с оплатой по 75 фр. за труд писателя,—рублей около 2.500 (кроме уже обещанных нам около 1.000 рублей). Значит, вопрос о нашем *существовании*— сводится всего к гарантированию нам 2—3 тысяч рублей в продолжение года—$1^1/_2$, единовременно или ежемесячно (160—200 р.). Этот-то вопрос только и занимает нас, и, пока решение его не прийдет ни откуда, мы не выступим с изданием брошюр, хотя бы и имели на две—три, что всегда сделали бы народовольцы.

Как видишь, мы вовсе не думаем ни конкурировать с «Нар. В.», ни служить ей помехой. Конечно, куда лучше пошло бы дело как самого журнала, так и «Библиотеки» [науч. соц.], если бы мы действовали заодно с «Нар. В.», если бы не дробили средств и сил. Ты знаешь, как я всегда стоял за такую общность, как старался и тебя с Жоржем и Верой убедить в этом, но, к сожалению, мы все теперь здесь убедились, что они решительно не дают нам никакой к тому зацепки, никакой с их стороны нет склонности к уступчивости. Возьмем затею с журналом: ни наше несогласие с «объявлением» Лаврова, ни с заглавием, ни наше желание, чтобы было напечатано заявление о нашем присоеди-

нении к «Нар. В.», ничто, словом, не уважено. И так несуразно, по-бланкистски мотивируется всякий их отказ, что вчуже тяжело, даже обидно становится. А в то же время выходит, что мы все же должны употреблять все наши усилия и средства на поддержание их предприятий, [действовать] во славу их организации, их «фирмы»! Что в том, что Жорж не подпишется редактором? Все же его и твои статьи (и с подписями) будут; к тому же в «Объявлении» говорится о стремлении соединить под знаменем «Нар. Воли» все оттенки, все направления. И публика, конечно, еще более, чем теперь, будет отожествлять нас всех с «Нар. Волей», что, смотря по выгоде в том или другом случае, народовольцы и будут эксплоатировать. Нет, как много и серьезно мы ни думали, а нам нужно во что бы то ни стало начать свое предприятие. Но раз у нас не будет средств, какие мы находим нужными, чтобы начать, то нам, конечно, останется стушеваться навсегда, как стушевались лавристы, набатисты и пр., что, понятно, нам не помешает быть солидарными между собою и впредь, но никакого будущего, как за *группой* современно-социалистического направления, за нами уж не будет.

Ну, кажется, на этот раз я все твои колебания и сомнения разъяснил или—вернее—наглядно показал безвыходность нашего положения, так как 3-х тысяч нам ведь ни откуда не достать; а, следовательно, нам все равно придется действовать и стараться во славу «Нар. В.», так как не сидеть же нам, сложа руки, не отказаться же вам с Жоржем давать свои статьи «Н. В.» и пр. Но, что же делать? Такова уже [наша участь].

[Конца нет.]

Эти мои пессимистические опасения, как известно, не оправдались. В приведенных выше письмах изложены главные обстоятельства, предшествовавшие возникновению группы «Освобождение Труда». Правда, они далеко неполно передают все прошлое,—более обстоятельно оно изложено в моей статье «О сближении и разрыве с народовольцами» (в № 8 (20) «Прол. Рев.»). Но зато эти письма, составленные под свежим, непосредственным впечатлением происходившего, являются несомненными документами, свидетельствующими об истинном ходе наших сношений с народовольцами, которые привели к разрыву с ними и к возникновению группы «Освобождение Труда». В этом отношении мои письма могут играть роль дневников одного из участников происходивших 40 с чем-то лет тому назад перипетий, в чем полагаю, нельзя не признать их значения.

XI.

Июль 1883 г.

Как я уже писал тебе, не желая терять всего своего времени на хлопоты по делам типографии, не будучи членом присоединившейся *группы*, я заявил об этом, на что, несмотря на сообщение нам Тигром о будто бы посланном ими письме в Россию,— мне, однако, объявлено было, что из Парижа едет сюда человек заместить меня, и я лишь должен сообщить о своем отказе Мар. Ник. Я тотчас же это сделал, подозревая в то же время, что это заявление делается мне в виде угрозы, что, мол, «можем обойтись и без вашей помощи, если не начнете просить нас об оставлении вас». Долго они возились с присылкой этого человека; наконец, на-днях он, действительно, явился и введен мною в отправление его обязанностей.

Это—неглупый юноша [по названию Полин], но совсем неопытный в этой функции, зато безусловно преданный и верный раб «Нар. Вол.», что для них всего важнее. Ввиду их просьбы, я, конечно, помогаю пока ему всякими указаниями, советами и думаю, что скоро он вполне освоится, хотя, говоря откровенно, он не в состоянии будет выжать из всего того, из чего я смог бы,— говорю это, нисколько не думая возвеличивать себя или его унижать.

Словом, теперь я совсем свободен, и раз у нас не будет своего предприятия, то неизбежно все те источники, из которых мы могли бы кое-что черпать, придется так или иначе указывать и отдавать «Н. В.». Теперь относительно твоих переговоров с тамошними твоими товарищами.

Ты, конечно, можешь заявлять о нашем неприсоединении, о нашем намерении начать самостоятельное предприятие, мотивируя это тем, что, хотя у нас не существует уже таких резких разногласий, как в 79—80 г. г., но все же мы стоим на марксистской точке зрения, народовольцы же — на бланкистской; это— 1-ое; с другой стороны, мы думаем, что присоединение к ним имело бы лишь тогда шансы на успех, то-есть на перетягивание народовольцев к научному социализму, когда не мы одни присоединились бы к ним, а все народнические группы в России; но так как народовольцы *отрицают* безусловно существование чего бы то ни было вне их, то необходимо народникам заявить себя хоть чем-нибудь. Словом, говори, что, не отказываясь содей-

ствовать «Н. В.», как все же самой активной и, во всяком случае, революционно-демократической организации, мы, тем не менее, не видим пока возможности присоединиться к ним и считаем чрезвычайно полезным предпринять ряд изданий в духе наших убеждений вне всяких сделок, взаимных соглашений; что мы присоединимся лишь на программе, соответствующей *нашим основным* убеждениям и в качестве *группы*; до тех же пор, как мы уже и заявляли народовольцам, будем лишь помогать им, оставаясь самостоятельной группой.—Ну, вот и все. Кажется, довольно ясно и верно с действительностью.

Напрасно ты думаешь, что у нас здесь могут произойти какие-нибудь изменения в постановке нашей затеи, под влиянием переговоров с народовольцами. Во 1-х, повторяю тебе, что у нас давным-давно окончены с ними переговоры, еще перед отъездом Тигрича в Париж, а, по возвращении, он нам заявил лишь две фразы: 1) что, будто бы, ими написано письмо в Россию и 2) что из Парижа едет сюда человек на мое место — и *только*; с тех пор он ни к кому из нас не показывается из Морнэ (деревушки вблизи Женевы) и не пишет. Вот и все переговоры. Во 2-х мы ни в коем случае не согласимся ни на что другое, а лишь на заявление *о присоединении к организации «Нар. Воли» группой*. Для нас всех ясны, как божий день, все их поведение, все их расчеты, а также наше собственное положение. Мы отлично знаем, что они не согласятся на наше присоединение *группой*, пока их не побудит к тому какая-нибудь выгода, расчет, например, надежда получить через нас какие-нибудь особенные средства и пр. А так как этого не будет, так как, будь у нас средства, мы сами предприняли бы на с в о й лад издание, то и нечего ждать их «ответа» из России, и мы сами, можешь быть уверен, не станем более заикаться ни о каких переговорах, так как это было бы оскорбительно для нас, показалось бы раскаянием, просьбой «принять» нас на всяких, каких им угодно, условиях.

Ну, кажется, уже ясно и подробно изложил тебе все. Я вполне понимаю всякие твои сомнения и опасения, раз ты вдали и не присутствовал при наших переговорах. Но после этого письма ты смело можешь действовать, где и когда случится, в духе нашей постановки, не дожидаясь особого mandat impératif'а. Если бы, паче чаяния, вдруг что-либо случилось,—хотя, по-

вторяю, мы вовсе на это не рассчитываем и, во всяком случае, ни на что выходящее из мною здесь начертанного плана,—то я, конечно, не замедлю тебя уведомить.

XII.

27 июля 83 г.

Не писал я тебе, дорогой Павел, потому, что выжидал окончательного ответа от братьев Игнатовых насчет того, могут ли они достать сумму, необходимую для существования нашей группы в продолжение года—1½. Из прилагаемого письма ты узнаешь ответ тебе незнакомого, младшего Игнатова, Ильи, недавно сюда приехавшего. Не получая долго от них ответа, и так как я почти не знаком с Ильей, у которого, вообще, имеются деньги (у Василия его деньги все вышли уже), между тем как Жорж был с ним 5½ лет тому назад приятелем,—мы и решили, чтобы Жорж к нему съездил в Эгль и прямо, откровенно переговорил. Оказывается, что и ему он заявил то же самое, т.-е. что «в этом году он, Илья, абсолютно ничего не может достать, а относительно будущего года не знает ничего определенного и просит считать его лишь «близким к нашей группе». Со временем, поучившись,—он едет в Париж,—если и у нас будет дело, он, вероятно, будет с нами, пока же пользы от него нашей группе будет очень мало, если не сказать—никакой. Парень он хороший, но, как и Василь, неинициативный, непредприимчивый. Василь же будет состоять членом нашей группы, но век его не долог: он сильно хворает и опустился за последний год.

Таким образом, почти потеряв, как нам казалось, довольно надежную поддержку с их стороны, мы должны теперь решить, как нам быть, что предпринять. Ввиду полной невозможности и категорического нашего решения никогда не соединяться с народовольцами (чего мы им, впрочем, не хотим еще заявлять), даже если бы они того теперь захотели,—нам нужно так или иначе начать существовать открыто. Поэтому, мы склонны уже не быть столь «основательными», как нам бы хотелось, т.-е. мы готовы так или иначе приступить к печатанию, хотя бы одних брошюр под определенной фирмой, раз только получим какой-нибудь ответ из России на посланное нами через одного парня письмо.

Ну, вот, как видишь, я сообщаю тебе все в точности о положении наших дел.—На-днях здесь была Марья Николаевна, лишь

мимоходом показавшаяся к нам. Разговоры с нею, конечно, были, но мы ни к чему, понятно, не договорились. Она прямо заявляет, что опасается (тоже будто бы ей из России пишут!), не имеем ли мы намерений, войдя в «Нар. В.», произвести в ней «переворот», повернуть ее на свой лад. Окончательного ответа, говорит она, еще не получила, и дело о нашем присоединении может выясниться «лишь через 4—5 месяцев», ввиду всяких обстоятельств. Вообще, говорит она, в нашей помощи они теперь не нуждаются, так как за границей теперь довольно «чистых народовольцев». Словом, совсем не тот тон и заигрывание, что было в прошлом году. Ну, и бог с ними! Нам бы теперь хотелось поскорее совсем с ними развязаться, т.-е. даже литературного участия не принимать в их журнале. Жорж говорит, что будет очень рад, если они его статьи [1]) не примут, что очень вероятно, так как он в ней критикует, между прочим, и их.

Ты если у тебя нет особой охоты, мог бы прямо отказаться, мотивируя, что не поспеешь или даже не желаешь писать, но в таком случае сделай это *немедленно*, так как твоя статья уже на очереди, и они будут в праве обвинять тебя (да и всех нас), что за нос их водили до последнего дня. Не будь с ними Лаврова, так и плевать бы на их обвинения, но старик ведь мало, вероятно, понимает их, и, видя только их, совсем на нас озлится, если уже не обозлен. Словом, решай поскорее и отвечай.

Материальные дела Жоржа несколько поправились: пока он достал 100 франков, надеется на-днях еще получить 250; словом, ты не присылай, если получишь, а лучше всего сделаешь, если прямо, не откладывая,—вдруг приедешь сюда повидаться, так как «конгресса», вероятно, не скоро дождешься. А нам было бы очень приятно потолковать и обсудить, как нам держаться с внешней публикой и пр. Ну, целую вас. До скорого, быть может, свидания. Очень может быть, что из Харькова ты получишь для меня деньги.

Ваш Евгений.

XIII.

1/VIII 83 г.

Дорогой Павел! Такое же письмо, как ты, получил и Жорж от Лаврова. Надо тебе объяснить происхождение его беспокойства насчет присылки вами ваших статей (или хоть «части»).

[1]) «Социализм и политическая борьба».

В разговоре с глазу на глаз с Марьей Николаевной (перед самым ее отъездом в Париж), на ее замечание, что «вот Жорж, как говорил Тигрич, согласен с «Нар. Вол.» и лишь в частностях расходится»,—я ей ответил: «Насколько Жорж согласен с «Нар. Вол.», вы увидите из его статьи («Социализм и политич. борьба»), я же скажу вам, что целиком с нею согласен».—«Так разве Жорж критикует принципы «Нар. Воли»? спрашивает она.—«Не только критикует их,—сказал я,—а прямо заявляет, что у «Нар. Воли» нет принципов» [1]).—«Как?—воскликнула она,—и такая статья, думает он, будет помещена в журнале «В. Н. В.?»—«Не только думает, но я уверен, что его статья будет напечатана,—сказал я.—«Нет, не будет!»—заявила она.—«Посмотрим! Вот, разве что вы зайдете с заднего крыльца в редакцию и будете настаивать?»—спросил я.

Ну, вот она теперь и подбила Лаврова поторопить вас с присылкой статей, так как боится, чтобы вы умышленно не оттянули до последнего срока, а потом оказалось бы, что ваших статей нельзя уже принять. Теперь же в типографии еще есть материал для набора,—так мне всего вчера вечером (пишу утром) сообщил новый заведующий.

Относительно твоего ответа Лаврову, ловко танцующему на веревочке новой формации нечаевцев. По-моему, ты можешь ответить так, как пишешь мне, т.-е. что статья твоя будет в $^1/_2$ августа, а, главное, ввиду сообщения тебе из Женевы, что, по заявлению М. Н., вопрос о нашем присоединении не может быть скоро разрешен, так как, вследствие речи Дмитра [2]) на суде, в которой он «заявляет себя монархистом»,—они, народовольцы, «опасаются, не хотим ли и мы поступить в «Нар. Волю» с заранее поставленной себе целью—свернуть ее на что-нибудь, «развратить» ее, так как далее, по ее же словам, наше содействие им уже не нужно и пр., то ты и ставишь посылку своей статьи в зависимость от помещения Жоржевой, которая вполне выражает воззрения всей нашей группы. Об этом ты уже писал на-днях в Женеву и просил *передать* Тигричу (*прочесть* твое письмо к Жоржу—Тигричу. Жорж находит неловким, неудобным,—он

---

[1]) В своей статье он действительно написал, что «Нар. Воля» «самое беспринципное, хотя и самое революционное направление, которое было в России», но, когда статья эта была издана затем группой «Освоб. Труда», Плеханов, по совету всех нас, вычеркнул эту фразу. *Л. Д.*

[2]) Стефанович.

хочет лишь сообщить ему о твоем ультиматуме). Жорж уже окончил ее и написал Василию Игнатьевичу (Тигр), чтобы он пришел сюда для ее прочтения.

Я думаю, что, несмотря на некоторые резкие фразы, статья его («Социализм и политич. борьба») все же будет принята, хотя, быть может, и с примечаниями от редакции. Мы же все хотели бы, чтобы они ее *не приняли*, так как это был бы самый лучший повод совсем порвать с ними, и мы тотчас же сдали бы в печать его статью, которая сразу определила бы наш характер и направление. Поэтому-то, не желая, чтобы они приняли статью Жоржа, я и сказал Марье Николаевне, что они ее *примут;* а она теперь, предполагая с нашей стороны какую-нибудь политику, интригу, не будет знать, как ей быть: требовать ли непринятия статьи Жоржа, даже если она вообще хороша, или допустить ее принятие, когда она, после моего заявления, думает, что мы этого почему-то особенно хотим? Но все же, повторяю, ее, вероятно, примут, и это будет очень неприятно. Впрочем, на-днях узнаем, и я тебе немедленно сообщу, хотя ты можешь сам попросить Лаврова сообщить тебе об этом тотчас же, так как ты ведь должен это знать для окончания своей статьи. Очень жалко, что тебе нельзя предварительно прочитать эту статью Жоржа. Ну, спешу кончить.

Твой Евгений.

XIV.

30/IX 83 г.

Дорогой друг! Твое огорчение по поводу сделанного (*мною*, а не Жоржем) примечания [1]), меня очень удивляет. Я решительно не могу понять, чем ты тут недоволен. «От примечания несет неискренностью», говоришь ты. Конечно, с *нашей* стороны, т.-е. нам не вопрос о захвате власти помешал присоединиться, но нельзя же было напечатать, что *народовольцы не захотели* на-

[1]) Для восстановления в памяти читателей этого примечания, находящегося в выноске объявления «Об издании «Библиотеки Современного Социализма», привожу его здесь целиком.

«Ввиду неоднократно повторявшихся слухов о состоявшемся будто бы соединении старой группы «Черн. Пер.» с «Нар. Вол.», мы считаем нужным сказать здесь несколько слов по этому поводу. В последние два года, действительно, велись между обеими группами переговоры о соединении. Но, хотя два—три члена нашей группы даже вполне примкнули к «Нар. Воле», полное слияние не могло, к сожалению,

шего присоединения группой? А почему же они не захотели? Да потому, как они говорили, что мы не *настоящие народовольцы*, т.-е. не верим в захват власти, о чем мы им сотни раз говорили, и не находим полезным применять ту тактику, которую они часто применяют. Иначе сформулировать причины несостоявшегося слияния *решительно* нельзя было, и все другое было бы еще более «неискренно», как я ни думал, потому что нужно было принять во внимание еще и то обстоятельство, что народовольцы могут печатно заявить, что приведенные *нами* причины *не верны*, а что они просто *не захотели* нашего присоединения. Если бы ты глубже вник в сложное наше положение по отношению к народовольцам, к которым пристали же наши товарищи (Дмитро, Булановы и др.) и с которыми мы ведь вели здесь 2 года заодно дела, то не знаю, написал ли бы ты, что можно было придумать другую мотивировку, не боясь быть *печатно* опровергнутыми, что для нас на первых порах было бы крайне скверно. Здесь, когда я Жоржу, Вере и Розе прочитал примечание, то они нашли его хорошим, но Жорж был, вообще, против *делания* примечания, находя это нелитературным приемом, не идущим к объявлению; мы же, наоборот, настаивали на нем в виду практических соображений, так как публика спрашивала, недоумевая, почему мы вдруг выступаем отдельной группой, и мы чувствовали, что буквально повредим себе, не объяснив этого хотя бы в двух—трех словах. Наконец, я послал тебе корректурный листок в письме, и если бы ты прислал телеграмму, то мог бы остановить печатание, которое состоялось лишь два дня спустя. А то ты вдруг теперь выражаешь огорчение, не сообщая даже, как *по-твоему* [надо] было мотивировать несостоявшееся [наше] слияние. Мне, понятно, и теперь очень желательно знать, чем в сущности ты недоволен? Как было бы лучше? Я, конечно, согласен, что большое неудобство жить редакторам врозь, но такой случай, как данный, навряд [еще] будет, так как вторично ни «Объявления», ни каких других заявлений не придется посылать

состояться, как читатель может увидеть из брошюры «Социализм и политическая борьба»; это слияние затрудняется нашим разногласием с «Нар. Вол.» по вопросу о так называемом «захвате власти», а также некоторых практических приемах тактики революционной деятельности, вытекающей из этого пункта программы. Обе группы имеют, однако, теперь так много общего, что могут действовать в огромном большинстве случаев рядом, пополняя и поддерживая друг друга».

экстренно с отъезжающим; во всех же остальных случаях всегда можно заранее списаться.

В рукописи статью Жоржа тебе послать нельзя, так как он ее по кусочкам поправляет по мере надобности и сдает в типографию; в корректуре же, конечно, вышлю тебе. Не думаю, однако, чтобы в них нашлись принципиальные погрешности, после того, как мы все хорошо знаем воззрения Жоржа и, в частности, что́ он в этой статье проводит. Что же касается отдельных «фраз и выражений», то их, по-моему не следует трогать, оставляя их на ответственности подписавшегося автора, раз, конечно, они выражены правильным русским языком, в чем, по отношению Жоржа, нельзя усомниться. Поправкой фраз не занимаются даже соредакторы легальных журналов.

Все это я расписываю тебе затем, чтобы ты, читая статью Жоржа, не вдавался слишком в детальную критику и отмечал лишь уже крайне кажущиеся тебе *неверными* в принципиальном отношении места, хотя таких, повторяю, думаю, у него нет.

Жорж спрашивает, почему ты находишь, что «Объявление», видно, писано на скорую руку? Хотя, правда, он его написал скоро, но думает, что там нет ничего «наскоро». Лучше в таких случаях указывать, иллюстрировать свой вывод, а то и впредь нельзя будет знать, в чем, по-твоему, состоит погрешность. Здесь «Объявление» произвело различное впечатление: лица индифферентные находят его хорошо составленным; народовольцы, конечно, недовольны упоминанием, что «революционеры игнорировали деятельность среди рабочих»; Мейер—заика находит неуместным заявление, что мы «окончательно порываем с анархическими традициями». Но довольно об этом.

С Гринфестом [1]) я уже много говорил (он у меня ночевал), и я доволен тем, что его планы насчет России вполне сходятся с моими. Не знаю только, насколько он умелый человек для проведения своих планов и желаний? Думаю, что в этом отношении ему может помешать недостаточное его теоретическое развитие (хотя он и не глупый парень) и неимение сколько-нибудь громкого революционного прошлого. Впрочем, раз у него имеются знакомые, которые хорошо к нему относятся, то он сможет кое-

[1]) Бывший чернопеределец, присоединившийся в эмиграции к нам, членам группы «Освоб. Тр.». Его мы наметили одним из первых делегатов в Россию для распространения наших изданий, сбора средств и т. п. (о нем см. в воспом. Гецова).

что сделать для нашей группы. Но всяком случае я целиком стою за его наискорейший отъезд и всеми силами хочу содействовать его выполнению. Поэтому, раз в продолжение этих 2—3 недель нельзя будет достать необходимые ему 300 франков (кроме имеющихся у вас в Цюрихе), то я даже думаю рискнуть взять из тех 800 франков, которые уже имеются у меня для отдачи Трусову за типографию (в конце октября), хотя этот прием сопряжен, кроме риска, с неприятностью не выполнить данное слово и даже формально заключенного условия. Ну, да что же делать, когда нет других источников? А тут с его отъездом, все же больше для нас шансов, что что-нибудь выгорит.

Но, вот приехавшие вчера ко мне из России знакомые (дрезденские студенты, которые у тебя были), как знаешь, заявляют, что нечего ждать материальной помощи от народников, что они сами страшно нуждаются. Если это верно и относительно других мест, т.-е. севера, тогда нам грозит банкротство. Эти два парня произвели довольно хорошее впечатление, но толку-то от них мало пока. У нас уже судьба такая: сочувствовать—сочувствуют нам, а дойдет до дела—нет ничего. Какой-то все малодеятельный, неинициативный народ, но вот мы их призовем, подготовим немного, смотришь,—как это было с Тилло,—они пристают к народовольцам, где подают голос за вскрывание наших писем [1]). Трагично, в своем роде, положение наше, и выхода пока не вижу из него.

Все это я пишу лишь затем, чтобы душу несколько отвести. Впрочем, не подумай, что я отчаиваюсь. Нет, нового-то я ничего такого не узнал от этих приезжих, чего бы раньше не предвидел. Наоборот, они даже предсказывают нам успех и все же обещают ту или другую помощь, которая, конечно, будет ничтожна.

Так или иначе, а Гринфест должен уехать. Ну, вот тебе все наши интересы и новости. Уже поздно. Все эти дни мне придется возиться с этими парнями,—«просвещать» их, чем я был бы, конечно, доволен, и не жалел бы времени, если бы надеялся, что из них выйдет для нас какой толк. А то сколько уже мне приходилось терять зря время на пользу народоволь-

---

[1]) В этом отношении, как потом оказалось, я сильно ошибся на счет А. Тилло: я предполагал, что он входил в петербургскую организацию «Нар. Воли», которая, по заявлению Марии Ник. Ошаниной, будто бы отправленное мне Стефановичем из тюрьмы письмо перехватила и вскрыла. В действительности же, сделали это Тихомиров с Ошаниной при посредстве Дегаева с Судейкиным.

цев! Они [парни] говорят, что у тебя оставили «Листок Нар. Воли». Пришли его мне: мы ведь его не видели. Когда они будут у тебя на обратном пути, то и ты просвещай их по части социализма и партий. Молоденького я все уговариваю, чтобы он на полгода остался здесь (или в Цюрихе) специально для ознакомления с социалистическим движением, что он вполне мог бы сделать, если бы только серьезно относился к нашим задачам, т.-е. пожелал бы явиться сколько-нибудь сознательным сторонником нашего направления.

Довольны ли [мы] присоединением цюрихской группы к нашему «департаменту»? Но боюсь, чтобы не пошли толки, что в нашем направлении находят себе приют люди, выдававшие своих товарищей (Корнфельд и Булыгин [1]). А такие слухи пойдут, вероятно. Подумай, Павел, хорошенько, нельзя ли что-нибудь предпринять против этого? Ну, всего хорошего.

Твой Евгений.

XV.

6/X 83 г.

Дорогой Павел! Посылаю тебе письмо Лаврова к Жоржу. Прочитав его, мы убедились и вполне *все* согласились с тобою— это Жорж просит сообщить тебе—что, действительно, нужно «ткнуть читателя носом в суть дела», как ты пишешь, когда, после «Объявления» [2]) Лавров нам доказывает, что нужно организовать рабочих на почве пропаганды западно-европейского социализма (!), а что «на царизме, «религии» и «разбойничьих шайках—вредно»! И это после того, как мы заявляем себя сторонниками современного научного социализма, он вздумал нам доказывать! Положительно, старик выживает из ума и решительно не понял нашего «Объявления» или целиком писал его под диктовку Мар. Ник. и Тигрича, который уже переселился в Париж (куда уехал, не зашедши даже проститься ни с кем из нас, хотя он пробыл здесь несколько дней). Утверждения Лаврова, будто мы сами, будучи чернопередельцы, доказывали ему невозможность действовать в народе,— является умы-

---

[1]) Тогда носились слухи, что эти два эмигранта малодушно вели себя на допросах.

[2]) Наше «Объявление» о возникновении группы «Освобожд. Труда» и о намерении издавать «Библиотеку Соврем. Социал.» *Л. Д.*

шленным или неумышленным, с его стороны, смешиванием крестьянства с промышленными рабочими. О *первых* только мы ему говорили, что, при теперешних условиях, пропаганда крайне затруднена [среди них]. Словом, нужно ли доказывать, как нелепы все доводы и соображения этого старика. Жорж собирается в ответе разобрать все его пункты по косточкам. Поэтому, по прочтении, пришли это письмо Лаврова обратно. Возвращаюсь к твоим заметкам.

Ты, действительно, прав, говоря, что не нужно «полагаться на собственную мудрость читателя» (Жорж, впрочем, прибавляет, что «Лавров из всех читателей самый несообразительный»). Но, что касается твоих замечаний по поводу «Объявления», то мы совсем не согласны с ними. Конечно, мы расходимся с народовольцами в исходных, общих обоснованиях наших программ и, хотя признаем, что из-за такого расхождения «литератор может сам по себе не примкнуть к другой группе», но, думаем, что *для группы*, собирающейся практически действовать, выставлять это причиной—нельзя: это то же самое,—говорит Жорж,—что, предположим, социал-демократы сказали бы, что разошлись с мостианцами по вопросу о «меновой стоимости». Конечно, литератор может разойтись с другими и по такому существенному, обусловливающему его миросозерцание вопросу, из которого вытекает и разница в практических постановках и задачах. Но читателю, смотрящему на тех и других, как на революционно-действующие группы, заявление *об этом*, как о причине их расхождения, покажется лишь доктринерством и вызовет у него только смех: «вот, мол, нашлись, ученые, которые обрели истину—«научную подкладку»! «Это не революционеры, а студенты социологии», как и то уже говорят о нас Жуковский и др. К тому же из-за «троякого социализма» Лаврова и подведения убийства царя под категорию «борьбы труда и капитала»,—мы расходимся ведь *с ним*, а не с народовольцами, которые хотя также не отличают сути марксизма, все же на «научное» обоснование политической борьбы Жоржа отвечали в примечании к его статье, что приветствуют эту «попытку»; поэтому они могли бы заявить, что они вовсе не против научного мировоззрения нашей группы. Читатель может понять и требует *практических*, конкретных причин расхождения революционных групп, а такой у нас, действительно, является вопрос о «захвате власти», что многие, как мы здесь видим,

вполне находят достаточно основательным поводом. Что же касается твоего опасения, чтобы не подумали, что мы под этой фразой разумеем «безнравственность» такой цели, то на это отвечает наша фраза в «Объявлении»: «окончательно разрываем со старыми анархическими тенденциями», к которой и сделано мое примечание. Наконец, в этом примечании мы ведь должны были лишь *упомянуть* о причинах, а не развивать их, что вовсе не идет к выноске, и что, как мы и ссылаемся, подробно будет развито в статье Жоржа.

Как бы то ни было, а изменять «Объявление», конечно, уже нельзя, хотя, может быть, те или другие твои фразы были бы вставлены, получись они раньше. Но, хотя мы и думаем приложить «Объявление» к брошюре Жоржа, придется, вероятно, оставить его неизменным. Присланные тобою корректурные листы я отдал Жоржу,—он сказал, что «примет твои замечания в соображение» и пришлет тебе вторую корректуру.

Приехавшие юноши производят недурное впечатление. Они по целым дням толкутся, конечно, около нас, и мы стараемся их «пропагандировать». Программу Жоржа я им прочел; они делали замечания—не глупые—по поводу малого места, отводимого в ней деятельности в крестьянстве, что, по их мнению, не понравится народническим кружкам и для успеха нашей программы, следовало бы, говорят они, послать в Россию такого человека, который смог бы хорошо отстоять ее. Вот в этом-то мы, конечно, не уверены относительно Гринфеста. Но мы надеемся еще «подготовить» его к этой роли. Юноши обещают нам помощь, в виде рублей по 40 в месяц, что, если бы они, действительно, аккуратно исполняли, могло бы уже обеспечить существование одного наборщика, и часть забот была бы таким образом снята.

В общем, я начинаю надеяться, что, так или иначе, а первый год часть нашей задачи — издание брошюр — будет выполнена, хотя этого, конечно, мало: нам необходимо издавать и «Сборник».

Жоржу судьба, кажется, начинает приветливо улыбаться: хотя он еще и не получил денег от сестры, но, вероятно, получит их, к тому же в сентябрьской книжке «Отечественных Записок» напечатана, наконец, его 1-я статья о Родбертусе, чему он несказанно рад, так как, кроме получки остающихся рублей 100, она (статья) его сама по себе интересует, и он рад ее уви-

деть уже напечатанной. Если к тому же и твоя будет в «Деле», и Верин рассказ, а там—и моя, то мы с этой стороны тоже будем обеспечены, хотя бы на время. А там, может, поездка Гринфеста будет иметь какой-нибудь успех, тогда и совсем дело наше выгорит. Словом, как видишь, хоть надежды есть у нас.

Ну, как видишь, я держу тебя au courant [1]) всего здесь происходящего. То же и ты всегда делай. Достань у немцев побольше адресов для России. Отчеты о суммах, полученных на издания, мы будем печатать на обложках, но не знаю еще, придется ли на первой. Ну, всего тебе, Наде и др. хорошего, крепко целую.

Твой Евгений.

XVI.

17/X 83 г.

Дорогой друг! Все твои замечания к статье Жорж находит вполне основательными, и его самого разобрало сомнение относительно его утверждения по поводу крестьянских бунтов. Поэтому он сегодня (в дождь и непогоду) сбегал в библиотеку и рылся в «Материалах по истории крепостного права» (официальные документы) и пришел к тому заключению, что «75% бунтов происходили только вследствие *неправового* государства», ссылку на эти «материалы» он и делает. Тогда же он искал здесь № «Soc. Democrat'a», где говорится об английской «Демократической федерации», но ни в немецком ферейне, ни у частных лиц этого № не нашел. Между тем он ему очень нужен для выписки, и из-за этого будет остановка с выходом его статьи, так как он находит эту ссылку очень важной. Поэтому будь уж так ласков, сходи за этим № или прошу Надю, или Рузю [2]) сходить (с запиской от тебя). Также был бы я рад, если бы начали присылать «Soc. Dem.» на адрес нашей типографии, а то я его вовсе не видаю: Тамаркин с Полином куда-то его заваливают.

Нового у нас абсолютно ничего. Денег—ни откуда; знакомый Розы [3]) говорит, что все еще не получил, сестра Жоржа вновь написала, что скоро пришлет и т. д. Вот разве сообщить тебе,

---

[1]) В курсе.

[2]) Надежда Исааковна — жена П. Б. Аксельрода; Розалия Исааковна — ее сестра.

[3]) Розалия Марковна Плеханова.

что я с Сергеем уговариваем Веру переехать на зиму в Париж для заведения там знакомства, связей и пользования всякими зацепками, могущими пригодиться нашей группе и пр. А то ведь там у нас нет ни единого своего человека, имеющего в виду ловить всякие поводы для пользы нашей группы. Илья Ник. Игнатов, которому я говорил здесь и пишу в каждом письме, заявляет о своей «полной неспособности» к такой функции, да к тому же он слишком занят своею целью и очень мало—нашей группой. Вера могла бы очень многих привлечь к себе своей простотой, умом и прочими ее добродетелями. Она вообще не против этого плана, но и не хватается сильно за этот проект, хотя все же сама находит нужным попытаться воспользоваться массой наезжающих (особенно зимою) русских. Словом, если еще представится какой-нибудь случайный повод и откуда-нибудь [получим] нужные 200—250 франков (на костюмировку, дорогу и первое время), то она, вероятно, поедет. А для нашей группы, надеюсь, это будет иметь значение. Этот вот план — единственная пока новость [1]).

Письма Лаврову Жорж все еще не написал: он занят со своей брошюрой, которую все здесь ждут уже с нетерпением. Еврейскую брошюру, он говорит, начнет скоро писать. Дальше он думает написать небольшую брошюру листа в $1^1/_2$: «Что такое социализм?» (для рабочих); Вере он предлагает популярным языком изложить зарождение и развитие Интернационала (тоже для рабочих) и говорит, что тебе следовало бы то же сделать о том «Что такое социал демократы?». «А то,—говорит он,—заявляем себя группой, имеющей целью вести пропаганду среди рабочих, а пишем все только для интеллигенции!» В этом он, конечно, прав. Как надо понять: 2000 или 200? раз ты писал с тремя нулями, другой с 2—большая разница.

О Карле Марксе из «Neue Zeit» не думаем переводить, хотя Жорж и настаивает: слишком сухо и вовсе не идет отдельной брошюрой,—столько же было о нем и в «Arbeiterkalender‘е Энгельса. Что за интерес [рабочим], когда, какую и где книгу он написал? Это ничуть не похоже на биографию,—личности не видно. Словом, мы трое против, и нас большинство (видишь, как пользуемся голословием!).

---

[1]) Эта поездка В. Ив. Засулич не состоялась.

Ну, что, брат, убедился в подлинности своей статьи? Пришли «Дело» поскорее обратно, а то я обещал через 2—3 дня отдать его. Всего тебе, Наде и др. хорошего. Как ты со своими лекциями решил быть? Собираешься ли посещать [1])? Ну, а как с обещанной нам брошюрой? Целую тебя крепко. Пиши почаще.

Твой Евгений.

XVII.

27/XI 83 г.

Дорогой друг! Я не только не в претензии на Варв. Ивано́в. [2]), что она осталась на вторые сутки, но, наоборот, очень даже рад этому, так как она могла, благодаря этому, дать возможность узнать себя и кое-чему, вероятно, поучилась у тебя. Никаких «распоряжений» ей по этому поводу я не давал, но будь, действительно, ей мною «предписано» (видишь, «сентжюстовский» язык [3]), не оставаться больше суток, то ты ошибаешься, думая, что мог бы отменить это распоряжение «своею властью»: «ты хотя тоже начальство» и даже «превыше меня стоящее», но в своей области, литературной. Посылка же «агентов» входит в мою, и тебе можно было бы сделать строгое «дисциплинарное» внушение за отмену распоряжения другого «начальника» и вмешивание в чужую область (как, помнишь, Фольмору досталось от Мотелера за Бели, кажется), чем могли бы быть расшатаны «основы организации» и угрожала бы опасность для революции.

Но шутки в сторону. Ты вполне верно охарактеризовал нашу пионерку: мы все точно так же смотрим на нее, что не удивительно для нас, так как мы имели возможность ближе узнать ее. Никаких особенных надежд я на нее не возлагаю, даже, откровенно говоря, меньшие, чем все остальные, так как знаю ее (и ее обстоятельства) досконально. Будь она в наших руках подольше, другое дело, или будь у нас в России свои люди, к которым можно было бы ее направить. Теперь вся надежда на Гринфеста, если он ее найдет и сможет руководить ею. Меня же она, хотя, действительно, готова во всем слушаться, но оттуда не сможет: на таком далеком пространстве мое «магическое влияние» не

---

[1]) Зимой 1883—1884 г. П. Б. думал посещать некоторые лекции в цюрих. унив. по филос. фак.

[2]) Варвара Ивановна Бородаевская—молодая тогда девушка—обещала, по возвращении в Россию, оказать нам материальную поддержку.

[3]) П. Б. в шутку, конечно, называл тон моих писем «сентжюстовским».

простирается, хотя я по отношению к ней и «Сент-Жюст». А очень грустно будет, если из нее наша группа не извлечет пользы [1]). Вообще надо тебе сказать, [что] я довольно пессимистично смотрю на наше положение: я ясно сознаю, что *пока у нас в России не будет хоть маленькой группы человек в 8—10*, до тех пор мы будем мертворожденными и не в состоянии будем влачить какое-нибудь существование, даже если бы откуда-нибудь вдруг и получили достаточную сумму на поддержку изданий. Что в том, что мы будем издавать брошюры, если в России не будет лиц, считающих эти издания своими? Если не будет группы, заинтересованной в *получении и распространении* их? Создать такую группу не может, конечно ни Варв. Ив., ни даже Гринфест. Из нас всех это могли бы сделать—ты и я, говоря без всяких преувеличений и самообмана. Но нам с тобой, конечно, немыслимо теперь ехать в Россию. И вот почему я и настроен пессимистично.

Как бы то ни было, но надо из всех сил [стараться], чтобы проявлять свое существование, не возбуждая смеха в публике своими выпусками в несколько месяцев по брошюрке, на-ряду с толстыми 2—3-месячными №№ «Вестн. Н[ар.] В[оли]» и массы публикаций их внутри России (теперь уже вышел «Листок», № 4-й, несколько прокламаций и брошюр). Вот почему я хватаюсь за всякую возможность, чтоб хоть отсюда влиять на создание в России нужной нам группы. К сожалению, здесь решительно нет для этого материала, т.-е. мы не знаем и не имеем таких лиц, которых, «обворожив», как ты говоришь, «прелестями своей группы», можно было бы выпроваживать в Россию. Но в этом, по-моему, должна состоять наша цель теперь; мы должны всеми силами стремиться к этому. Ужасно жаль, что в Париже у нас нет никого, а то, может, кто-нибудь наклевался бы.

Ну, пока оставим судьбы нашей группы. «Алгебру революции» [2]), по разъяснению Жоржа, нужно понимать так: это такая готовая ф о р м у л а, под которую подставь только те или другие условия (данные), и ты получишь ту или другую революцию (как в алгебре, ту или другую величину *x*), т.-е., например, при таких-то условиях буржуазия должна была сделать свою революцию, пролетариат сделает свою. «Поэтому

---

[1]) Кажется, никакой материальной поддержки В. И. Бородаевская, действительно, не оказала группе «Освоб. Труда», после того как я был арестован.

[2]) Это—выражение Герцена; приведено Плехановым в брошюре «Социализм и политическая борьба».

они сочувствовали всякому революционному движению и так дальше»—ясно следует из понятия об «алгебре революции». Надеюсь, теперь тебе ясно, т. редактор?

Читал ли ты статьи Жоржа в последних книжках «Отечественных Записок»? Прелестно изложено. Деньги (около 600 рублей) он уже давно получил; но все, конечно, немедленно порассовал настоятельнейшим должникам (между прочим, 200 р. в Кр. Кр.). А немцам он думает отдать из денег сестры, но она все не шлет их.

Вера «большой повести» не пишет, так как огорчена тем, что в последней книжке «Дела» нет посланной ею маленькой, хотя, по уверению Сергея, это еще не означает отказа.

Второй твоей статьи я еще не видел. Первую читал, и она мне очень понравилась: ясно изложено и слог хорош, не в пример лучше «Социализм и мелкая буржуазия». Как только достану 2-ю, вышлю ее тебе.

Твой Евг.

XVIII.

8/I—84 г.

Дорогой Павел! Ты, конечно, уже ругаешь меня за долгое молчание; но я совсем не виноват: все эти дни у нас в Женеве было столько разнообразных развлечений, что, право, некогда было взяться за перо. Во-первых, сюда приехала на праздники Аня [1]) (и еще другая бернская студентка—некая Иванова, очень симпатичная барышня, вполне разделяющая наши воззрения, так что теперь можно надеяться, что и в Берне у нас создастся группа, которая будет помогать нашим предприятиям). С Аней мы также вполне столковались, и она вполне согласна считаться в нашей группе, что для нас небесполезно вообще. Затем, Жорж прочел здесь три реферата (в продолжение 4-х дней) о «Земле и Воле», которые произвели полный фурор, публика—в восторге, повсюду только о нем и разговора. Словом, в моральном и идейном отношении наша группа начинает завоевывать почву и в Женеве. На рефераты приходил и Драгоманов, не преминувший задавать ехидные вопросы, на которые Жорж отвечал очень сдержанно,

---

[1]) Анна Михайл. Розенштейн—Макаревич, впоследствии вышедшая замуж за Турати; она же Кулишова; примыкала к группе «Освоб. Труда». Живет в Милане.

спокойно и мирно, чем вполне заставлял Драгоманова конфузиться; но на последнем собрании Жуковский, бывший председателем, вдруг выскочил с колкостями [по адресу] Драгоманова, назвал его вопросы «провоцирующими», чем несколько повредил превосходному впечатлению, произведенному особенно последним рефератом. Я счел нужным заступиться за Драгоманова,— назвал выходку Жуковского неуместной и ведущей лишь к дрязгам, которых нужно избегать. Впрочем, подробности узнаешь от Жоржа, который в конце этой или на следующей неделе поедет к вам, раз только будут деньги. Теперь у нас у всех— ни франка, несмотря на большую симпатию к нам женевской публики. Но я все не теряю надежды, что нам откуда-нибудь свалится манна небесная в виде нескольких тысяч.

От Гринфеста я не получал ни слова: очевидно, письмо его пропало. Не имеешь ли ты чего? Ну, как же идут у вас дела? Устраиваете ли рефераты? Жорж, конечно, произведет фурор и у вас, чем сильно поднимет нашу группу в глазах цюрихчан. Когда же будут присланы сюда деньги Кр. Кр.? Ну, ввиду скорого отъезда Жоржа не буду больше писать, да и не о чем.— Посылаю тебе давнишнее письмо барышни,—другого не получил, и от дрезденского студента.—Всего вам всем хорошего.

Твой Евгений.

XIX.

12/I 84.

Дорогой Павел! Только что получил твое письмо и спешу ответить. Письма Гринфеста я, к сожалению, не получил; но приблизительно знаю, что он в нем просит выслать по 100 экземпляров брошюры Жоржа и Фр. Энгельса [1]) на адрес Кенигсбергского студента, который мне написал о том, что я на следующей неделе и сделаю, так как брошюра Энгельса уже брошюруется. Очевидно, маленькими транспортами через этого студента можно будет посылать. Поэтому ты хорошо сделал, что сказал Мотелеру, что спросишь меня. Но, хотя «путь» и есть, все же им широко пользоваться нельзя. Поэтому спроси Мотелера, *какие* «russische Schriften», *кем и куда* должны быть высланы?—Объясни ему причину этих расспросов, ввиду непрочности пути и труд-

[1]) «Развитие социализма от утопии к науке».

ности завести его.—Итак, на следующей неделе—во вторник, или в среду, максимум—ты получишь небольшой транспорт, который постарайся через социал-демократов [1]) перевезти на ту сторону и пошлите по следующему адресу. Если через соц.-демокр. будет дорого стоить, то, может быть, найдется кто-нибудь (например, Ефрон, знающий это дело), который специально переедет с чемоданчиком через швейцарско-прусскую границу,—так мы делали в Базеле; обходилось очень дешево и хорошо. Но это в том случае, если не дороже, а дешевле будет стоить, чем через соц.-демокр. Деньги на эту экспедицию затрать из тех 30 франков, которые собираешься сюда прислать.

На-днях приехал сюда из Москвы тот молодой человек [2]), о котором, помнишь, писал мне знакомый (моск. студ. Светлицкий); он уехал, не дождавшись моего письма, почему и не привез никакого определенного сообщения, мнения и пр. об отношении москвичей к нашей группе (не остановился в Цюрихе по той же причине: не имел твоего точного адреса и не знает немецкого языка). Рассказывает он довольно много, но ничего утешительного: страшный хаос господствует повсюду, особенно среди студенческих кружков, хотят что-нибудь делать, но решительно не знают что́; ждут, как манны небесной, каких-нибудь опытных, испытанных людей, которые куда-нибудь повели бы их, дробление на кружки и кружочки — бесконечное; ко всему этому—полное безденежье. Таково же, по его словам, и положение народовольцев, если не хуже (заметь, он с большой склонностью к народовольчеству, т.-е. собственно, к терроризму), по крайней мере, в численном отношении они уступают народническим кружкам. Не только нет у них ясности в воззрениях, но к тому же у них полное незнание, за что взяться, так что случается—народоволец просит у народников «дать ему какое-нибудь занятие». Словом, как он сам выражается, полное de facto примирение между теми и другими, и слияние потому только не совершается, что, например, в Москве нет никакого народовольческого кружка, который взялся бы за присоединение, «так как народники согласились бы на всякие условия», лишь бы выйти из

[1]) Т.-е. немецких соц.-дем.

[2]) Это был Янович, впоследствии шлиссельбуржец, покончивший в Якутской области самоубийством. Он примкнул к нашей группе и, обладая кое-какими материальными средствами, оказал нам некоторую поддержку.

теперешнего инертного своего состояния. Такое же, приблизительно, положение и в других городах, так как нигде нет капрала, который взял бы в руку палку. Однако заметно внутреннее оживление среди молодежи: она снова хочет взяться за деятельность, критически относится лишь к старым способам, желает чего-нибудь определенного, ясного. Поэтому,—говорит он,—появись человек с определенной программой и опытный, то мог бы вести многих за собой, но ему, вследствие разрозненности кружков и личностей, пришлось бы чуть ли не с каждым в отдельности сговариваться, переезжая с места на место. К политической борьбе все относятся вполне сочувственно; поэтому, думает он, с этой стороны наша программа не встретит препятствия, но он не обещает нам успеха, раз мы на месте там не будем иметь людей, которые могли бы указывать практические пути действий.

Ну, вот почти буквально все, что он с иллюстрациями сообщил нам. Особенно нового, конечно, ничего, и, знаешь, меня эти известия вовсе не опечалили. Для меня наш путь остается по-прежнему тем же: поставить здесь хорошо литературное дело, более или менее обеспечив его, спровадить несколько человек отсюда, на которых можно в России положиться (приблизительно таких, как Гринфест и Вера Личкус [1]), затем—мне двинуться, имея уже какую-нибудь среду, поддержку там. Поэтому я нисколько не прихожу в отчаяние, а придумываю лишь, где бы раздобыть нужную сумму в 2000—3000 франков пока. Этот юноша, производящий довольно хорошее впечатление своей солидностью и положительностью (он приехал со специальной целью поучиться социализму), гарантирует мне уплатить через ½ года 1200—1500 франков (у него есть свои деньги, но раньше ½ года он не сможет больше взять, так как в последнее время забрал много); поэтому я и придумываю, где бы устроить заем (до июля месяца) в 1000—1200 франков, будучи сам уверен, что к сроку отдам; но пока не надумал определенного места. Не потолкуешь ли с некоторыми членами своей группы на этот счет?

Что касается твоей брошюры, то, думаю, лучше присылай ее прямо, а то Жорж, кто его знает, когда еще выберется, хотя

---

[1]) Кузина Фанни Марковны Степняк, бернская студентка, после смерти ее мужа, нашего единомышленника, Алек. Хотинского, вернулась в Россию, обещав оказывать содействие нашей группе. Исполнила ли это, не знаю, так как вскоре я был арестован.

деньги на его поездку у меня имеются, но каждый раз у него другая задержка.

Решительно не понимаю, откуда взялась сплетня по поводу нашего «заседания и обсуждения убийства Судейкина»? Ничего подобного не было. Наоборот, когда, во время встречи нового года принесли это известие на бал, то Вера предложила тост за убийц, за что ее из публики даже упрекнули, так как в зале было много легальных лиц, которым невыгодно заявлять публично о своем сочувствии. Вот и все.—Поэтому можешь смело заявлять, что все рассказываемое—ложь.

Итак, когда получишь транспорт с книгами, то поступи с ним, как я раньше объяснил. Заодно пошлю и для Цюриха 50 экземпляров Энгельса—«пожертвование» цюрихск. кружку. Ну, всего вам всем хорошего. Не приходи в отчаяние: лучшее трудно было ожидать, и вовсе уж не так скверно, как кажется. С русским Новым Годом поздравляю всех вас. Я напишу тебе предварительно, когда Жорж поедет. Целую крепко.

Твой Евгений.

У народовольцев (заграничных), очевидно, дела идут также очень скверно: они начинают уже посещать [нас]—(к Жоржу приходил Полин с «частными» разговорами: «почему бы не соединиться?». Конечно, это не без разрешения высшего начальства), на что Жорж ответил, что теперь речи об этом быть не может, а если когда и будет, то о «соединении». Также заговаривал он о том, чтобы Жорж один к ним присоединился, что он, конечно, тоже отклонил. Впрочем, он сам тебе расскажет, когда приедет.

XX.

Понедельник, 14/I 84.

Только что получил от Гринфеста письмо, которого не посылаю тебе пока, потому что не показал его еще другим нашим. Впрочем, он в нем не сообщает решительно ничего, чего бы мы уже не знали из рассказов приезжего [Яновича]. Предыдущее его письмо также получено моим дрезденцем [1]), который, оче-

---

[1]) «Дрезденцем» и «Дрезденским юношей» мы называли студ. Дрезден. Политехникума И. Слободского, примкнувшего к нашей группе. Будучи довольно состоятельным, он оказывал нам небольшую помощь. Он здравствует; примкнул к коммунистам.

видно, счел его за свое, так как и он переписывается с Москвой. Хотя «Разв. Соц.» будет уже сегодня готово, но я тебе не пошлю транспорта для переправы через швейцарско-прусскую границу, так как надумал сделать проще: пошлю кому-нибудь из германских студентов (в Дрезден или Штуттгарт), который уже перешлет в Кенигсберг: ведь эти брошюры не запрещены в Германии, и Эльпидин их рассылает в больших количествах, а этот способ куда дешевле будет стоить и проще.

Нового у нас ничего. Когда Жорж поедет, решительно не знаю. Ввиду давнего обещания издать брошюру об анти-еврейских беспорядках, Роза проектирует, чтобы он сперва написал ее, а потом уже поехал, на что он окончательно уже согласился. Тогда его отъезд оттянется, хотя ему самому очень хочется поскорее ехать.—Мне снова удалось раздобыть 200 франков, но, при наших расходах, это на один зуб. Все думаю, где бы достать 1000—1500 франков, ввиду расплаты в июле, как гарантирует Янович это.

XXI.

17/I 84.

Дорогой друг! Прочитали мы сообща твою брошюру и, к крайнему нашему огорчению, нашли ее очень плохой. Имеются в ней, правда, недурные места, довольно популярные, но в общем это не популярная брошюра для рабочих, а скорее—объяснительный словарь некоторых иностранных слов, выражений и формул; к тому же, как во всяком кратком объяснении, много неясностей, смешение голых упоминаний с пояснениями, которые должны следовать в дальнейших главах; например, вместо простого упоминания «социал-демократия» ты в объяснение этих слов вносишь упоминание и об их задачах, воззрениях. Вследствие всего этого, по нашему мнению, она не может быть в таком виде понятна рабочим. Но конспект твой очень хорош, интересен, и если бы выполнение его было так же хорошо, то брошюра была бы превосходна. К сожалению, именно потому, что конспект хорош, т.-е. разносторонен, подробен, касается многих вопросов,—крайне трудно изложить его хорошо для рабочих. У Веры явился план предложить тебе бросить намерение писать эту брошюру для рабочих, чем только портишь ее, а лучше бы ты ее написал для интеллигенции по этому же плану, т.-е. повыбрасывал бы всякие объяснения иностран-

ных слов и пр. и сильно сократил бы присланную главу, сделав [кое-что] заново. Она даже предлагала послать тебе эти листки обратно для таких поправок. Но так как Рольник [1]) уже давно сидит без работы, и я не знаю, как ты отнесешься к ее проекту, то ему все же сдано начало с очень маленькими поправками. Если же тебе ее проект понравится, то можешь, не стесняясь, сделать в корректуре какие хочешь изменения и дополнения, а то и совсем похерить набранное: нам ведь важно, чтобы выходили хорошие брошюры, а не какие-нибудь, лишь бы выпускать.

Просто беда с отсутствием материала для печатания, вернее— с бедностью у нас в литераторах! С нашими литературными силами, будь даже у нас большие деньги,—на что я не теряю еще надежды,—мы далеко не уйдем, и даже один наборщик будет половину года гулять! Не знаем, что и придумать в этом отношении?.

Посылаю тебе полученное мною давнишнее письмо Саула, которое я считал затерянным. Молодец, он, право! Славный парень! Я им очень доволен. Теперь я ответил ему большим письмом и выслал в Вильно несколько брошюр (в 5 книгах) [2]). К тому же отправляю завтра в Кенигсберг транспорт с 200 брошюр. Присланную Саулом прокламацию конституционалистов с глупейшими требованиями получишь через Берн от Ани, также и «Листок Нар. Воли» № 2.

Напрасно, брат, ты забеспокоился обо мне: я вовсе еще не собираюсь ехать, а когда найду нужным, то постараюсь так это обладить, чтобы зря не попасться и вернуться вскоре сюда обратно, устроивши там дела [3]). Ну, всего вам хорошего. Ответь поскорее насчет своей брошюры. Целую тебя.

Твой Евгений.

Письмо Саула [т.-е. Гринфеста, Л. Д.] сохрани.

---

[1]) Товарищ, заведывавший нашей типографией, бывший чернопеределец, ставший марксистом, но впоследствии он перешел к анархистам. (Подробнее о нем в воспом. Гецова.)

[2]) Т.-е. в переплетах пяти книг.

[3]) Здесь я имел в виду временную свою поездку, конечно, нелегально в Россию.

XXII.

10/II 84 [Женева].

Дорогие Жорж [1]) и Павел! Прочитали мы 1-ю главу [2]) сообща и пришли от нее в большой восторг,—просто не нахвалимся. Если и остальные выйдут так же, брошюра будет иметь большой успех. Янович, которому мы сказали о ней, уже думает перевести ее на польский язык; Аня, вероятно, переведет ее на итальянский. Мне кажется, не мешало бы под конец хоть вкратце указать или упомянуть об ошибочности стремлений анархистов уничтожить государство, с чем и Вера согласна. Впрочем, это как ты находишь по своему плану—удобным или неудобным. Я вношу лишь предложение.

Что касается ее размеров, то я не знаю, почему ты так недоволен мною за мое мнение—не делать ее больше 36—40 страниц? Раз дальше так же будешь излагать, то я не вижу, чтобы она вышла больше (если, конечно, говоря о происхождении Соц.-Дем., ты не заберешься в глубь истории).

Спешить тебе пока нечего: в типографии набирается сербская, а в выпадающие свободные дни—лопатинская [3]). По окончании сербской, думаю, нужно будет раньше Жоржевскую пустить в набор (если, конечно, он к тому времени, т.-е. недели через две, приготовит хоть часть [ее]. Словом, отделывай ее так же старательно, как и 1-ю главу.

Нового у нас абсолютно ничего. Разве то, что я, наконец, кончил свою статью и на-днях ее посылаю. По ней же я читал реферат вчера, и предстоит второй еще. Драгоманова не было, чему я был рад. Ну, прощайте. Что же это вы, Жорж, расхворались? Всего вам хорошего и всякого успеха. Целую крепко.

Ваш Евгений.

Это было моим *последним* письмом к Аксельроду: вслед за его отправкой я сам поехал в Цюрих, оттуда затем — во Фрейбург, где (в начале марта) был, как известно, арестован и два с чем-то месяца спустя выдан русскому правительству, отправившему меня на каторгу (см. «16 л. в Сибири»).

Л. Д.

---

[1]) Плеханов отправился на время в Цюрих для прочтения реферата.

[2]) Речь идет все о той же популярной брошюре для рабочих П. Б. Аксельрода.

[3]) Ник. Ник. Лопатин—эмигрант, родственник Герм. Алекс., перевел под руководством В. И. Засулич, для нашего издательства, «Нищету философии» К. Маркса.

ПИСЬМА В. И. ЗАСУЛИЧ К КРАВЧИНСКОМУ (СТЕПНЯКУ) И ЕГО ЖЕНЕ ФАННИ МАРКОВНЕ.

(1888 и 1889 г.г.)

I.

Божи над Клараном.

8 октября поздно вечером [в 1888 г.].

Дорогой Сергей и Фанничка, вернулась я сегодня из Морне, где пробыла 4 дня (раз надо было быть в Женеве) и так скверно на душе, что решительно ничего не могу делать другого, как писать письмо и писать о Жорже, а именно вот почему, что, кроме Павла, вы, кажется, сочувственнее, нежнее к нему относитесь. Ему понемногу становится все хуже и хуже. В начале болезни недели две - три тому назад лихорадка была не ежедневно и не выше 38. Теперь ежедневная по вечерам и доходит до 38,8. Он все худеет и худеет. Уж и доктора давно перестали говорить о бронхите. Впрочем, там теперь никого и не осталось, кроме Розы.

Вы, вероятно, удивляетесь, отчего я не живу в Морне, коли так беспокоюсь? Некуда там деваться. В прошлом году не было прислуги, и мое убежище было в кухне, а теперь она занята прислугой и приходится нанимать там поденно комнату, что выходит дорого. Да и делать мне там в сущности нечего. Роза не занята. Ей еще остается писать диссертацию, но она не спешит с нею. Да и Жорж совсем какой-то другой, чем в прошлом году. Тогда, во время болезни, он был очень требователен, все что-нибудь выдумывал для своего облегчения, а в промежутках всегда желал, чтобы ему что-нибудь рассказывали или читали. Теперь ничего он не требует, почти не ест, т.-е. мало ест. Лежит себе

и молчит. Совсем не раздражителен, как был в прошлом году, но гораздо мрачнее настроен. Тогда, пока он был болен, до самого Давоза, он не подозревал опасности, не думал о чахотке, а теперь он уверен в ней и, повидимому, настроился на полную безнадежность: все равно, мол, умру, и нечего бороться с болезнью! Я-то этого не думаю. Положим, чахотка, но он может поправиться, болезнь может остановиться. Но скверно, что он так настроился. Вот хоть бы с едой. В прошлом году он старался есть, выдумывая себе кушанья, если не хотелось того, чего дают. Теперь преспокойно не ест, коли не нравится, и не просит ничего, не критикует. И меня и его, вероятно, пугают воспоминания о Мечникове. Он умирал в Кларане у нас на глазах. Ведь только в апреле доктора решили, что у него чахотка, хотя заболевал он давно. Какой он ужасный был, Мечников! Все яду требовал не только у своих, а у первых попавшихся на глаза, у меня в том числе.

Ваша Вера.

II.

Без даты. (Вероятно, в 1888 г.)
Из Божи над Клараном.

Милая Фанничка, видите, как быстро принимаюсь я отвечать под влиянием здешней скуки. Лиза переехала в горы, осталась я при Л. А с ним у нас идет упорная борьба: кто кого перехитрит,—он ли изловит меня и промучает часа два разговорами, я ли во-время улизну. И такая у меня развилась чуткость, что сижу я постоянно почти дома и все же успеваю, иной раз дней 5 под-ряд, справиться, как только он в своей комнате, через 2 дома, наденет шляпу, чтобы итти ко мне. Устраивает он мне также засады по дорогам, но я и тут часто увертываюсь, помогает то, что он близорук, а я дальнозоркая. Здесь во всей округе всем швейцарцам известно, что он стал [страшно богат], и все стоят перед ним на коленях. Получает наследство его жена (она уехала с детьми, — двое у них, — в Россию), сколько именно, еще неизвестно, но не мало. Пока-то у Л. больших денег нет, — так где-то запрятано несколько сот франков, но он уже заранее стал отвратителен. К вранью его я давно привыкла и относилась снисходительно, но теперь, зная, что мне очень нужны деньги и опасаясь, как бы я у него не попросила (хотя я у него от роду не просила), он считает долгом вечно ныть передо мною, что ни сантима у него нету, приходит даже табаку попросить; не на что,

мол, купить, а потом вдруг невзначай сам же проявит сотню, другую франков и тогда впопыхах изложит, одно за другим, с полдюжины друг другу противоречащих объяснений, — откуда взялись у него эти деньги. За последние месяцы уже раза три с ним были такие истории. За это-то я от него и прячусь. Но, с другой стороны, он невольно охраняет меня от кредиторов, успокаивает их одним своим миллионерским существованием. А не то бы отсутствие у меня вещей и оборванность костюмов привело бы их давно в трепет, а теперь они молчат, еще и не начинали кричать. Многие теперь разбогатели, и все по 150.000, по 200.000 рублей. Катя Туманова, Лиза Дурново и все проявляют, говорят, страшную жадность, за Лизу — Ефрон, конечно.

Жорж приобрел здесь, по его собственному выражению, сходство с поповой лошадью, которую кормят хлебом. Так похудеешь, конечно. Проявляются у него следы болезни только в том, что не может много говорить, лазить на горы и т. п. Он продолжает думать (Давозский доктор ему наговорил), что у него-таки есть процесс в легких. Есть ли, нет ли, а это, по-моему, не вредно, что он так думает. В хандру он от этого не впадает, а больше бережется.

Сумасшествие Тихомирова, наверное, такая же выдумка, как и то, что его чуть ли не к награде представили и что он едет, а раз говорили даже—уехал в Россию. Ничего подобного нету, Никандр [1]) несколько дней тому назад был у Тихомирова и в восторге от него. Ему-то именно и нравится его нереволюционность. Мне она не нравится, а все же я не вижу права поносить его личность так, как это делают хоры народоволят (гордых тем, что предки Рим спасли, но в свою очередь спасать его намерений не высказывающих, — все студенты и барышни). От чего он отрекся? От террора, но террора для террора он никогда и не проповедывал, а думал, что с его помощью И[сп]. К[ом.] захватит власть и, устранивши вредные влияния на общину, даст ей возможность превратиться в рай. Ну, если ему община, ее будущее, действительно, важны, разве не должен был он за последние годы изувериться в возможности осчастливить ее своевременно, пока не разложил[ся] через террор? А тут, должно быть на грех, прочитал какую-нибудь восхвалительную биографию Киселева, где было умолчено, сколько засечено крестьян при введении их

[1]) Мощенко, землеволец, муж «маленькой Лизы» (Хотинской).

устава. Ну, он и думает теперь, что 2-й Киселев менее утопичен, чем захват власти посредством террора, думает и говорит. Это очень печально, но кричать ему: «вы должны повеситься», «изменник», «нравственное ничтожество» и т. п., не за что и, право, очень гадко. Я, как прочитала эту брошюру (2-ю народоволят), долго искренно думала, что ее писали Кун и Грюн (шпионы литературы). Аптекман (он в Мюнхене) тоже по телеграмме даже спрашивал: не шпионы ли ее писали? Ну, наболтала я целый лист, смотрите же, пишите. Целую вас и Сергея.

Ваша Вера.

III.

Божи [1888].

Дорогая Фанничка, у меня тут произошло много преобразований. Л. недели две как уехал в Берн, затем в пустынное прежде Божи наехало по случаю вакаций много каких-то шалопаев обоего пола из Парижа, т.-е. может и не шалопаи, но ужасно шумный народ, веселятся; я не знакомлюсь и не видаю поэтому также и Лизу, она с ними теперь. Повидимому, все улучшения в моей судьбе, но до сегодняшнего утра мне приходилось жалеть об отсутствии Л. Как я и предчувствовала, лишь только перестала падать на меня тень от его воображаемых миллионов, главная моя кредиторка, у которой я обедала, потом бросила, чтобы не растить долгу, пришла в страшную тревогу, принялась всех расспрашивать, да видали ли меня? Да не уехала ли я или не собираюсь ли в Россию? И бесила она меня всей этой суетней до бесконечности. Но сегодня мне удалось схватить 75 франков и зажать ей рот. Поэтому и принялась отвечать на письма, для своей забавы. А то никому и не писала это время, — так она меня злила, хотя ведь и знала, что по-своему она совершенно права. Но не привыкла я к кредиторам и их преследованиям; я обыкновенно ухитряюсь никому не быть должной, кроме квартирных хозяек, а их выбираю обыкновенно добрых, — у меня на это чутье есть. Теперь это меня адвокат [1]) выручил, тот самый, что заказал нам сборник. Сборник ему был обещан к концу апреля, а его вот еще и о сю пору нет. Другой бы на его месте давно нас съел, так что мне об нем даже думать было совестно, а он вместо того, чтобы

---

[1]) Адвокат—Кулябко-Корецкий—снабдил группу «Осв. Тр.» средствами на издание сборника «Социал-Демократ». *Л. Д.*

съесть, взял и прислал 200 франков, из которых я и схватила 75. Этакая милейшая слепая тварь, с длиннейшей бородой чуть ли не по пояс и круглой шишечкой вместо носа. Но сборник, однако, выходит, повидимому, на этой неделе. Ну, конечно, у меня к нему пристрастие, но все-таки кажется, что и он выйдет милейшей тварью—вот увидите. Хотя, вероятно, лучше послать вам его, когда вы с Сергеем окончите свой роман, чтобы могли вы прочесть его с должным вкусом. Если бы мне теперь еще послал бог хоть 75 франков для хозяйки, то можно бы мне и уехать отсюда, оставшись немного должной, но в самых приличных размерах. Тихомиров меня очень занимает, и я с нетерпением жду его брошюры, которую он, говорят, пишет под заглавием: «Почему я перестал быть революционером?» Но если он заговорит в ней «по душе», то она может оказаться, действительно, вредной. В предисловии он просто декретирует прекращение революционности, а этим никого не проймешь, кроме таких, кому и без того революция до смерти «обридла». Да, поступок его во всяком случае вредный (хотя, вероятно, не в его глазах, вредный), но не нечестный? А ему, по всему вероятию, казалось нечестным не заявить о перемене своих взглядов, раз они изменились помимо его воли и раз он серьезно относится к идеям, к теориям. Из-за чего же иначе мог он это сделать? В награды, в прощение ни за что я не поверю, пока не увижу это на факте. Проживши до сорока с лишним лет бескорыстным деятелем, вдруг пустить свою душу в продажу, да еще такую. Этого не бывает. Времена, правда, мрачные, много народу подают втихомолку прошенья царю и едут на места в Россию. Но то люди другого калибра, их занесло движеньем, куда по натуре им можно бы и не ходить. А он инициатор, его не несло, а он сам двигал.

Ну, опять заговорилась о Тихомирове. Жорж не пишет, здоров, а все только о сборнике, который ему ни днем, ни ночью не дает покоя, все он о нем думает. Крепко целую вас и Сергея.

Ваша Вера.

IV.

Божи над Клараном (1888).

Милый Сергей, месяца полтора тому назад или около того вы обращались ко мне за «спокойными и обстоятельными» сведениями о Жоржевом финансовом положении. Я тогда, как теперь

оказывается, дала сведения чересчур оптимистические. Лиза так обжилась здесь, что все сплетни и все разговоры о жильцах всех хозяек Божи и Тавеля непременно доходят до ее слуха. Так вот дошло до ее слуха, что хозяин Жоржева пансиона ходил к Рек'у (прошлогоднему хозяину Жоржа) спрашивал, хорошо ли он ему платил (а он, оказывается, не доплатил 25 франков) и грозился, что дальше молчать не намерен, так как он ему, мол, 500 франков должен (500, вероятно, не должен, но более 400 должен). Я сегодня только это от Лизы услыхала и спешу сообщить именно потому, что слишком оптимистично тогда написала. По Лизиным тоже справкам хозяин пансиона — человек сурьезный, шутить не любит. Надо, по крайней мере, иметь возможность с уверенностью сказать ему какой-нибудь срок. Хорошо бы, конечно, сделать немедленную подмазку. Затем Роза нашла прошлогоднюю квартиру в Морне и перевозит уже туда Рептилей [1]), хотела бы, конечно, перевезти и Жоржа, но хозяин без уплаты его не пустит. Жорж много работает (я помогаю вроде секретаря), пишет отличные статьи (вот увидите) и здоров. Парень [2]), которого произведения я думала устроить в английской печати, уже порядочно набирает и пока, значит, зарабатывает адвокатские деньги [3]), но, несчастный мальчишка, успел уже (глядя на весну) влюбиться и жениться на студенточке, получающей от родителей меньше 50 франков (20 руб.) в месяц. Пара! Ему 21 год, а ей 18. Евреечка, и как родители проведают, что связалась с русским, проклянут, вдобавок [лишится] и 20 рублей. Я тоже застряла здесь в надежде на свою Пруссию (печатают уже ?) и благодаря этому ужасно отъелась. Не в пансионе, конечно, но на отличных франковых обедах.

Кроме нас с Жоржем и Лизы никого здесь нету. Лизин Никандр уехал в Париж шить сапоги. Лиза была больна, но теперь опять поправилась. В Женеве, говорят, большой шум по случаю Тих. предисловия и ответов на него,—ответов, по-моему (второй, особенно), отвратительных. Крепко целую вас и Фанничку.

Ваша Вера.

---

[1]) Так мы прозвали детей Плехановых. *Л. Д.*

[2]) Имеет в виду Говорухина. *Л. Д.*

[3]) Т.-е. деньги, данные адв. Кулябко-Корецким на Сборник «Социал-Демокр.».

V.

[1888 г.]

Дорогие Сергей и Фанничка, пишу только, чтобы покаяться относительно Тих[омирова] и поделиться своим бешенством. Вот уже 2 ночи, как я прочла его ответ и от злости спать не могу. Нет, что и говорить, ему обеспечено место в министерстве, и такого злого врага еще не было у радикалов, каким будет он.

Если те, что писали против него ругательную брошюру, заранее знали содержание его ответа, то были правы и только жаль — безграмотны. Это чистейший Катков по злости, только в 10 раз глупее и описывает нравственное и умственное падение революционеров не своими словами, а заимствованными из повестей «Русского Вестника». Да и пяток у него, *наследственного монарха, главы православной церкви*, Катков никогда до такой степени не вылизывал. И ведь непохоже, чтобы с ума сошел: тон спокойный, и логика оставляет его лишь, когда заговорит о самодержавии.

Сверстников (нас с вами в том числе, значит) он приглашает себе содействовать в искоренении крамолы и намекает, что все в сущности с ним согласны, только из трусости помалкивают.

О, что это еще за чертовщина пошла? И ведь, верно, что не мало найдется «сверстников», которые лишь с крайностями его брошюры не согласятся. Вот тем-то и хорош марксизм, что не требует он веры, невозможны при нем и такие перемены «вероисповеданий», мгновенные перекувыркивания кверху ногами.

Я все еще сижу у моря и жду погоды. В буквальном-то смысле она установилась очаровательная, а в переносном — все скверно.

Ваша Вера.

VI.

Голубчик Сергей, отлично знаю, что давно бы (уже с неделю) пора ответить вам, но всю эту неделю у меня было переписываньское бешенство. Секретарша у Реклю теперь Кончевская. Она запустила работу и перед выходом тома у нее накопилась масса выписок, которые нужно сделать. Мне их предложили делать (по 20 сантимов страницу), я принялась было писать часов по 5 в день. Ну, тут одновременно пришло ваше письмо, и Реклю

подумал взять еще второго переписчика, ибо я не успевала достаточно много ему переписывать. Тут на меня и напало бешенство и пообещала переписывать за двоих и неделю писала по 50 стр., франков на 10 в день. Послезавтра он уезжает в Париж издавать свой том. Самое нужное уж переписано, и я опять спустила свое рвение,—все равно скоро кончу все.

Все-таки эта работа вышла очень кстати. Вот три недели, как мы с Жоржем на нее кормимся (кроме обеда, который он берет в пансионе в кредит) и еще остается на следующий месяц, если не потребуют уплаты в пансионе. Розины дела уладились: и из Морне перебралась, и в Женеве порасплатилась. А для одного Жоржа-то всегда где-нибудь выцарапаю денег. Хотя несколько раз уже он у меня начинал бунтоваться и ехать в Женеву, но пока усмирился. Он здоров, т.-е. нет лихорадки и съедает сколько не дай за ужином, который я сама стряпаю, хотя перед этим обедает в пансионе, где отлично готовят,—имеет, значит, аппетит.

К большому своему огорчению, хоть убей, ничего не знаю о Кутитонской и Армфельд, не знаю и о текущем движении, т.-е. мне кажется—знаю, что его не существует в таком виде, чтобы можно о нем что-нибудь писать. Продолжают образовываться кружки зеленой молодежи,—в меньшем количестве, чем прежде, но продолжают,—да только не пускают хоть бы самых малейших пустить корней, сейчас же исчезает с лица земли. Нелегальная статья совсем исчезла, не умеют жить нелегально, а легально ведь и прежде действовать почти было невозможно, а теперь тем более. Направление продолжает преобладать народовольческое, но, говорят, и самоуправление приобретает сторонников. Существуют даже последователи «Свободы» (видали вы ее?), хотя чему там следовать, решительно не знаю.

Читали вы в октябрьской книжке «Русского Богатства» письмо «из ссылки»? Рассказываются страшные мерзости (вслух читать нельзя) о ссыльных, едва изменяя фамилии. Рассказывает раскаявшийся ссыльный. Никандр его знает и всех, дело идет о том городе, где и он был и сестры Фаннички. «Новое Время» с радостью заявляет, что с почину Тихомирова нам, очевидно, предстоят целые ряды разоблачений из этой среды. Это тоже, вероятно, ни для каких корреспонденций не годится.

Не очень горюйте, милый Сергей, что не удалось помочь Жоржу. Будем стараться как-нибудь вывертываться, и вы еще, мо-

жет, что раздобудете. Нельзя ли раздобыть в Лондонских библиотеках *Таксиль Делора* («Историю второй Империи») на прочтение? Жорж говорит, что вы ему писали, что всякие книги можно. Если б дело стало за сантимчиками на подписку, то я могу и выслать. Теперь, пока у меня есть работа, 5 франков представляются мне не более, как в виде 6—7 часов работы, и я чувствую что могу за эту [«Историю»] проработать столько, так как она мне нужна. Крепко обнимаю вас.

Ваша Вера.

VII.

Божи. (1889 г.)

Милый Сергей и Фанничка, уж давным давно ничего я о вас не слыхала и соскучилась. Напишите хоть маленькое послание, тем более, что я уже с месяц как больна и не то чтобы как-нибудь больна, а по всей форме, почти сплошь лежу (хотя и одевшись, так как живу одна), была даже у доктора. Он нашел не особенно большой плеврит и сердце слишком «раздражительно», но говорит, что это все не важно, а хуже мое общее состояние,—и действительно, я иной день так бываю слаба, что трудно по комнате пройти. Но не думайте, что это я пищу (острой боли у меня никакой нет, а слабость не неприятна), ей-богу с тех пор, как я больна, у меня даже как-то спокойней на душе. То все в глубине души немного сердишься на себя: мало делаешь, мало смысла в существовании, а больному так и полагается жить без всякого смысла, и я преспокойно живу в свое удовольствие. И не то, чтобы за мной ухаживали, что бывает иной раз приятно непривычному человеку. Нет никто и не ухаживает и заходит время от времени одна Лиза (Жорж вторую неделю в Женеве), поставит банки или вымажет чем-нибудь меня, а остальное время лежу себе одна на спине и что-нибудь трудное читаю. Прочла в первый раз в жизни полного Дон-Кихота и совершенно в него влюбилась, этакое очаровательное создание и, право, немного сродни нам, старым радикалам. И материальное мое положение тоже с болезнью улучшилось. Реклю заботится, чтобы у меня были обеды и вино. Я ведь у него работала осенью, и он с тех пор все поговаривает о приискании мне работы. «Посмотрел в глаз» (помните, у Толстого в статье по поводу переписи), ну, его и беспокоит с тех пор моя судьба. И теперь уже, кажется, решено найти мне работу. Но пока, впрочем, я уже с этих страничек успела

устать. Жорж с осени ни разу не хворал и на вид опять здоров, будто. Печатаем теперь его брошюру о Тихомирове и мне кажется, по форме лучше всех его статей. Интересно, как вы найдете? Ну, напишите же, крепко вас целую.

Ваша Вера.

Жоржу как-то вернули ваше письмо к вам с надписью, что нет № 13, но это же чистый вздор, сколько раз писала же я.

Пишу без марок, потому что сама не дойду до почты, а марки, так как они не относятся к болезни, то все и каждый забывают купить. Это уж ничего не поделаешь.

VIII.

Божи. [1889 г.]

Милый Сергей, как видите, отвечаю тотчас же, и нельзя сказать, чтобы не помня зла. Я не могла себе представить, чтобы вы не отвечали мне по доброй воле и настолько беспокоилась о вашей пропаже, что дошла до попытки навести о вас справки через Кончевскую у Драгоманова, хотя имею массу личных и немного политических причин ненавидеть его больше, чем когда-либо. Спасибо за рекомендацию нас Лафаргу. Мы действительно на-днях получили от него письмо и все совещались, что ответить, так как представителями рабочих явиться формально мы не можем. Ваше письмо вывело нас из затруднения. Я так и отвечаю Лафаргу, что, мол, от Степняка вы уже знаете о нашем положении. Если в июле здоровье Жоржа будет, как теперь, то с этой стороны препятствий не будет. Скорее со стороны денег. Чтобы на свои, об этом и думать нечего. Денег всю зиму и весну было так мало, и долгов, следовательно, накопилось так много, что если бы и послал оттуда бог, то им без конгресса нашлось бы 1000 мест. Павел, правда, уже заранее пустил на всякий случай подписку между студентами для посылки делегата, но выйдет ли что—не известно, пока не идет. Карманы студентов очень опустошены Цюрихской историей. Собирали на [народовольцев (?)], на дорогу им и проч. Роза экзамены-то сдала и теперь доканчивает, только что-то с диссертацией, но она рожать собирается и скоро, должно быть, соберется, а это похуже экзаменов: с грудным ребенком не много извлечет пользы из диплома, который тоже будет для одного Женевского кантона, да разве еще для Америки.

Проваляла несколько дней письмо, потому что узнала, что Пинхус писал об этом же, но нет вдохновения писать другое. Изданья наши молчат и будут, вероятно, и впредь молчать, но Жорж с Павлом пишут в новом журнале «Социалист», под редакцией если не самого Полена, то его двойника: Раппопорт — очень похож. Программу, как сами увидите, взяли у нас, перефразировали лишь маленько и изложили дюжим языком. Но они предполагают, что сами дошли до нее; а соединяться намерения не имеют. Они называются «наследники Народовольцев», а пригласили в сотрудники. Редактор благосклонен, но строг, делает Жоржу внушения—даже насчет слога! Тот напустил на себя безграничную кротость—поправляет, объясняется.

Да и нельзя не быть кротким между массой националистических журналов («Свободная Россия», «Самоуправление», «Свобода», «Борьба» и старое «Общее Дело»). «Социалист» будет единственным и если бы не писать у них, Петр Лавров его бы тотчас же задавил, и Рус[ские] и друг. повернули бы. Он, Лавров, и то старается, ужасную написал статью для 1-го №. Гегеля легче понять, о чем он говорит, чем его.

Вы спрашиваете о Вишневецком. Кроме замеченных вами качеств, надо прибавить: страшный сплетник и в дела вносит сплетню и очень мелко-самолюбивое созданье. Знаться-то с ним можно, но все же ухо надо держать востро. Самое сотрудничество Жоржа в «Социалисте» подорвет последнюю возможность что-нибудь издавать хоть изредка самим. Деньги будут к ним попадать. Оно и жалко, с одной стороны, а все-таки интересы социализма, так сказать, в России требовали согласиться.

Опять проваляла с неделю, пошлю уж-таки. У меня видимо-невидимо интересных вещей (и для Фаннички тоже скажу, что ей очень кланяется Дмитро) писать. Но теперь у меня напало вдохновение на статью для «Социалиста» для 2-го №. Пока пишу вот 3-й день, мне ужасно нравится то, что я пишу (в рассуждательном тоне), а после, понятно, разочаруюсь.

Да вы оба ведь и не заслужили, в сущности, чтобы писать вам большое письмо, молчали 100 лет.

Пока я валяла письмо, более или менее выяснилось, что денег на поездку Жоржа на конгресс не будет. Начинается у нас финансовый кризис. Воют кредиторы в Женеве. Сегодня получила отчаянное послание от мальчиков (очень милых), сидящих у нас на типографском хозяйстве в Женеве. По случаю вдохновения,

должно быть, проистекающего из прилежания, опять чувствую лихорадку и боль в спине. Я так и не выздоравливала ничуть все время. Крепко целую вас и Фанничку.

Ваша Вера.

IX.

Кларан. 1889.

Дорогой Сергей!

Кажется почти несомненно, что Жорж в Париж едет. Он уже с месяц, как в Женеве, у него родилась еще дочь. Пинхус тоже уже в своем кефире. Я продолжаю сидеть здесь и хворать.

Глупее «Борьбы» нету журнала, а хуже (в своем роде) ваша любезная «Свободная Россия». Чего бы Бланке разочаровываться? Сила, на которую он рассчитывал опереться, все росла с каждым годом, а не убывала. Как студент? От мужика-то, кажется, верно, остались одни лапти, но чтобы интеллигенцию повернуть к рабочим, этого что-то мало слышно в Одессе еще, да и то...

Ваша Вера.

Жорж уже принялся было метаться в полном отчаянии: хозяин было совсем окрысился, так как у него от жары все постояльцы разъехались в горы и держать одного неплатящего пансионера не было охоты. Но тут как раз получились деньги, 400 франков за Пруссию, пришлось уступить их Жоржевому хозяину, так как мои смирны и не заикаются о плате, и тот охотно отпустил его, хотя и недостало несколько десятков франков. Мой адрес по-прежнему:

(Мэзон Сошар, Божи сюр Кларан, М-м Бельдински.)

Что это Фанничка давно ничего не припишет и даже не спрашивает о швейцарских сплетнях? Я теперь сижу здесь одна одинехонька (Лиза уехала в горы) и если бы еще совсем одна. Это бы еще отлично, а то здесь же в Божи обитают два отчаянных лгуна, с которыми вдобавок приходится ежеминутно встречаться, едва высунешь нос погулять. Один все тот же Л., которого вы, Фанничка, просили обругать вместо царя на вашей могиле, но еще ангел сравнительно с другой моей соседкой. Это сестра Павловских. Последних я знаю и ненавижу лишь по слухам, но, если они похожи на свою сестру, то вполне оправдывают все, что о них говорят. Такой ехидной и хвастливой лгуньи я от роду не видала. Сергей понять моего положения не может,—его не проберешь никаким обществом, но Фанничка так же нетерпели-

ва на этот счет, как и я, насколько мне помнится, а потому может вполне проникнуться ко мне сочувствием и написать мне утешительное письмо.

Крепко целую вас обоих.

Ваша Вера.

X.

Милый Сергей.

Сейчас только вернулась из Морне, где пробыла неделю. Жорж опять заболел, кашель и лихорадка. Доктора (там, кроме Розы, еще два кончающих студента), положим, уверяют, что нет ничего опасного. Но все-таки он за несколько дней исхудал и ослабел, как после серьезной болезни. Лежит в постели. Ваше письмо Жоржу доставило удовольствие (и мне тоже). Чтобы вы согласились с программой, с марксизмом, который проводится в сборнике, этого мы и не ожидали, а похвалы его литературной стороне не могли не обрадовать, так как в этом отношении среди русских специалистов вы, без сомнения, самый компетентный критик.

Плехановых страшно осаждают кредиторы. Кроме долгов, оставленных Розой в Женеве (где она раза 3 в неделю бывает для своей науки), они уже в Морне, наверное, должны франков 700 или 800. Я не считала, но уверена, что не меньше. Они 3 месяца прожили там всей семьей в доме без сантима.

А ведь мы и американских фермеров и мелких собственников «сживем со свету» еще скорее, чем русских крестьян. Мне вот одновременно с вашим письмом, как нарочно, попалась статейка, где подробно описывается это. Они не находятся под властью демоса, но зато под сильнейшей властью конкуренции крупных компаний. Им уже не выгодно производить пшеницу, маис, становится невыгодно (не окупается труд) откармливать скот на убой. Их век совсем не долгий. А относительно социалистического строя, который удовлетворил бы одновременно Англию и Францию, думается мне, что англичанин и француз будут различно проводить свое свободное от работы время (которого будет все больше и больше), быть может, различно обставлять свои квартиры, производить для своего потребления одни больше других предметов, другие—других. Но самое производство, работа будет организована по одинаковому или очень сходному типу.

Как и теперь, несмотря на все различие всего строя Англии и России и Франции, ткацкая фабрика, например, занимающая столько тысяч рабочих рук, устроена в этих трех странах по одному типу. По одному типу будут, конечно, устроены и статистические бюро, цифры которых будут решать, чего в каком количестве следует производить и сколько часов работать. Статистика и теперь—наука международная. Словом, государственная (относящаяся к производству и распределению) жизнь всех стран должна становиться все однообразнее и однообразнее и сольется в одну систему для всех стран, а внегосударственная даже внутри одной страны, однако, гораздо все разнообразнее, как—теперь жизнь образованных высших (имеющих досуг) классов гораздо разнообразнее праздничного времяпрепровождения крестьян или рабочих. Это, конечно, непутное возражение, но [так] себе,—первые попавшиеся в голову вещи. Беспокоит......

.... Жорж, хоть и уверяют доктора, что ничего. И сам он, кажется, перепугался, хоть и молчит. Был у нас на 5 дней Аптекман. Очень уцелел человек (его Фанничка хорошо знает, он ей велел кланяться), так же горячо всем интересуется, как и в старину. Воззрений, конечно, скорее вроде ваших, чем наших, придерживается, но чувствуется, что сделается отличным «злым марксистом», если проживет с полгода на немецких книгах. Он обещал приехать весною, кончит свои докторские экзамены. Он уже собственно кончил (в один год), но остались экзамены в Германии, а затем в России. Он уехал легально. Крепко целую вас и Фанничку.

Ваша Вера.

Относительно двух статей сборника о Тихомирове вы совершенно правы—не вяжутся.

XI.

Божи [над Клараном].
(1889 г.)

Дорогой Сергей и Фанничка, последние дни лихорадка у Жоржа спала, осталась самая небольшая (меньше 38); он повеселел и начал есть. Очевидно, его мрачность основывалась главным образом на безнадежности, хотя я и твердила, что деньги будут, получим когда-нибудь достаточно денег, чтобы выбраться с семьей из Морне. Один переехать, оставя их в Морне, а не в Женеве,

не хотел ни за что на свете, да и сама Роза, видимо, боялась без него застрять там еще дольше. По крайней мере он повеселел и начал есть тотчас же, как я доставила им 300 франков (тотчас же расхватанных кредиторами), присланных мне в подарок Линой, женой [Н. Н.] Лопатина. С этими деньгами Розе переехать невозможно, но начало получки (и тут же пришло письмо Фанничжи, где она пишет, что скоро пришлете) настолько ободрило Жоржа и Розу, что она стала его уговаривать, и он согласился переехать в Божи и сейчас же ему стало гораздо лучше, совсем другой человек. Отправить его в какое-нибудь дорогое место вроде Давоза или Ниццы, думаю, не удастся из-за Розиных кредиторов. В прошлом году, он перед болезнью много зарабатывал, они порасплатились с долгами, а теперь долгов успели накопить бесконечное количество в Женеве, кроме Морне. Но если его хоть здесь удастся удержать, все же это лучше будет, чем в Женеве. Чтобы Розе выбраться из Морне, необходимо еще франков 500. И это необходимо и для Жоржа, если он скоро не выберется оттуда, он назад туда вернется и, наверное, ему опять станет хуже. Но сколько бы вы ни прислали им сразу сверх 500, почти все, наверное, уйдут кредиторам, поэтому хорошо бы, если бы сверх одновременной присылки, вы высылали Жоржу небольшими суммами, которые Розе для кредиторов не важны и, поэтому, он уплачивал бы ими здесь свои счета (которые подают еженедельно). В прошлую весну он прослыл таким скверным плательщиком, что к нему теперь здесь не особенно доверчиво относятся. Если только возможно, то пришлите и мне лично и специально хоть франков 100. За это время я тоже попала в порядочные тиски. И здесь должна еще немного с лета и из Женевы пришлось уехать теперь, не об'яснившись с хозяйкой, оставя за собой комнату, как будто тотчас же вернусь, а между тем следовало бы мне остаться здесь хоть с месяц, пока не явится полной уверенности, что лихорадка не вернется, так как оставаться ему совсем одному с сильной лихорадкой, конечно, скверно. Очень может быть, милый Сергей, что я вам слишком много денег нарасписывала, но вы, конечно, не будете за это в претензии, а просто пришлете меньше, сколько можете. Вы и без того в прошлом году один помогли нам. Без вас Жоржа и на свете уже бы не было. Крепко целую вас и Фанничку.

ПИСЬМА С. М. КРАВЧИНСКОГО (СТЕПНЯКА) К В. И. ЗАСУЛИЧ.

(От 1881 по 1894 г.)

I.

Милан. Зимой 1881—1882 г.

Милая Верочка! Очень переполошило меня известие, будто вы едете собирать деньги на «Красный Крест», с *рекомендательными письмами* от Турского [1]). Думаю, что тут Анна напутала, потому что очень это было бы комично. Вероятно, вы просто берете у него адреса и имена людей, к которым обращаться.—Разумеется, отчего не иметь в виду и того, что Турский скажет, хотя нужно помнить, что он так рад будет подпрыгнуть так высоко при вашем содействии, что наврет вам не с три, а с тридцать три короба. Но все-таки записать в уголок книжечки, конечно, можно и его имя. Я хочу только сделать вам одно чисто практическое замечание (воздерживаясь от теоретических, так как вы в них не нуждаетесь, конечно). Замечание мое весьма простое: вам именно *ни от кого* рекомендации брать не следует, потому что если хотите сделать дело, т.-е. взаправду собрать что-нибудь, а не произвести демонстрацию, то вам нужно обращаться ко всей публике, а не к какой-нибудь фракции. Ну, а кто вам ко всей публике может дать рекомендации, кроме вашего имени? Обращаясь к какой-нибудь партии, вы разом оттолкнете или охладите, по крайней мере, все прочие. Обращаясь же к людям Турского, вы рискуете еще тем, что и ту партию оттолкнете, к которой они принадлежат, потому что, почем вы знаете, что за народ, с кото-

[1]) Турский—старый эмигрант, соредактор Ткачева в «Набате», *Л. Д.*

рым он в связи состоит, и даже если народ хороший есть между ними, как они на него смотрят?

Вот почему желая, чтобы ваша прекрасная мысль не была испорчена дурным выполнением, я и пишу это письмо.

Ну, до свиданья. Не пишу много, потому что очень занят. Целую Женичку [1]) и благодарю очень за письма, которыми он меня наделял от времени до времени.

Ваш С.

P. S. До последней минуты все ждал вашей польской повести для меня. Отчего вы не прислали? Присылайте, если «Красный Крест» не настолько поглотил вас, что вы забыли и думать про переводы.

II.

В конце 1881 года. Милан.

Вере и Евгению (Дейчу).

Отвечаю вам тотчас же, потому что теперь сравнительно свободен. Спасибо за присылку и за все прошлые и будущие. Я им всегда рад, потому что, живя в одиночестве, всегда приобретаешь необыкновенную радость ко всякой писаной бумажке, кроме разве лавровских писем. Ах, что за канительный человек! О всяком выеденном яйце ему нужно дебаты и дискуссии вести. Я ждал окончательного ответа и сегодня получил опять затяжное письмо. Но я ответил очень решительно и думаю, что теперь он ответит уж окончательно. Напишу.

Ваши объяснения, действительно, разъяснили мне то, чего я не понимал прежде, но знаете, я думаю, что вы ничего не выиграете: факт вашего присоединения не уничтожит возможности прикрываться «Черным Переделом» для бесцельного плевания в потолок. Попомните мое слово.

Посылаю вам желябовскую биографию [2]) не заказным, потому что совсем при последних грошах, так что письмо Лаврову с прибавкой рекомендации вашего меня бы совсем в разор ввело. Но ничто не пропадало никогда.

Биография мне очень понравилась. Чрезвычайно интересна и, главным образом, не стереотипна. Одно место я зачеркнул—

[1]) Уменьшительное от моей революционной клички. *Л. Д.*

[2]) Написанную Л. Тихомировым рукопись раньше отдачи ее в печать я отправил Степняку. *Л. Д.*

это на счет анархии по Прудону и заявления какого-то осла, что он не социалист, а «народник»,—а потом в другом месте, где говорится насчет десятка—двух членов организации «Земля и Воля»: таких слишком точных цифр, по-моему, никогда не следует давать. Это уж слишком откровенно.

Пришлите конец. Мне очень интересно. А если свободны, то пришлите и все биографии разом в виде рекомендованной *рукописи*—это 50 сантимов. Я к тому времени получу последнюю сотню за мою книжку от издателя и буду, стало быть, при деньгах и отошлю назад тоже заказным.

Название «Вольной Русск. Типографии» хорошее. А на книжках можно, мне кажется, написать, чтобы и их лапа была: «напечатана по поручению «Народной Воли»,—это, думаю, женевским политикам не будет «слишком много». Если же им покажется «слишком мало», то можно сказать, что больше нельзя по политическим причинам. Не то, мол, типографию конфискуют.

Насчет написания чего-нибудь я очень не прочь, Женичка, но, ведь, бесплатно я не могу работать и ни за что не буду. Да и никому не советую. Не посоветовал бы даже печатать даровых работ, потому что они всегда хуже, ибо дарованному коню в зубы не смотрят. А хорошо работать даром нашему брату, ей же ей, невозможно. Нужно ренту иметь. Да и почему, наконец, типографщики должны получать плату за труд, а литературщики—нет? Я просто со злости даром не хочу работать. Лучше буду для иностранной публики что-нибудь сооружать. Неужели ты, Женичка, собираешься даром писать?

Напишите, пожалуйста, Верочка, что значит мое заявление о присоединении тоже? Вы пишете так, что как будто вопрос о том, нужно ли или не нужно мне заявлять о своем присоединении, под сомнением? Так мне, по крайней мере, показалось.—Я нахожу, что мое положение таково, что для меня вопроса не может быть, потому что я никогда не отделял себя от партии политического террора и не мог отделять не только потому, что таковы мои теоретические воззрения, но еще по чисто специальным причинам.

Есть случаи, когда перемена убеждений становится уже доказательством не чистосердечия, а легкомыслия, которое в некоторых случаях, где поступки человека затрагивают чужие интересы, становится преступным. Поэтому, например, несмотря на все мое сочувствие той деятельности, которую ставил «Чер.

Пер.», я никогда не мог признать его знамени своим—именно потому, что в нем этот элемент игнорировался. В составлении мертворожденной предварительной программы «Земли и Воли» [1]) (Женичкиной) [Рубанчик-Козловой] счел возможным принять участие именно потому, что в нее были внесены прибавки, делавшие возможным для меня оставаться верным и своим убеждениям и,—выражаясь классическим языком,—своему знамени. Это было соединение противоположных до тех пор фракций, а не программа фракции, враждебной той, к которой принадлежу и не могу не принадлежать. Это было то же самое, что, может быть, будет, когда получится в Питере ваше письмо. С тою только разницею, что тогда инициатива соединения принадлежала вам, а теперь—им, что может иметь практически разницу, но никак не теоретическую.

Напишите, пожалуйста, смотрели ли вы иначе на мое участие в программе «Земли и Воли»? Мне было бы очень обидно, если бы это случилось. Ну, до свидания. Целую вас обоих.

Ваш Сергей.

Книжку пришлю, как только выйдет. Но боюсь, что все-таки затянется недели на три. Все затяжно в этом мире, как видно.

III.

Милан. [Весна 1882 г.]

Если В. С. Перовская [2]) еще жива, то нет ни малейшей возможности упоминать о приводимых здесь фактах, потому что было бы то же, что публично нанести ей самое тяжкое оскорбление. На это никто, считающий себя порядочным человеком, не решится; поэтому необходимо глухо сказать:

«Отец же представлял тип одного из тех самодуров самой низкой породы, которые возможны только в России и притом в дворянской помещичьей среде, развившейся на почве крепостничества, в которой циническое попрание человеческого до-

---

[1]) Степняк имеет в виду созданный П. Б. Аксельродом в 1880 г., после разгрома «Черн. Пер.» новый кружок из молодежи и названный им «З. и В.» (См. Восп. О. К. Булановой).

[2]) В рукописи биограф. Софьи Перовской, присланной «Исп. Ком.» нам для напечатания, упоминалось о грубом обращении отца с ее матерью; С. Степняк советовал опустить эти места.

стоинства матери и жены не сдерживается даже, как у самодуров Островского, хотя какими-нибудь остатками патриархальной веры в святость семьи. Достаточно сказать, что С. ненавидела отца. Она его и презирала... (из 4-й страницы 1-го листка).

Или же В. С. уже нет в живых, тогда, разумеется, можем говорить о ее отношениях к мужу, не стесняясь этими чисто личными соображениями. Но «бросание на колени» нужно выбросить, во всяком случае, просто потому, что это смешно в биографию Софии Перовской вводить. Нужно, по-моему, тогда после выше привед. тирады, «как образчики», привести оба случая с мальчиком и дочерью. Это не требует никаких комментариев.

Но если придется сделать последнее, то *непременно* нужно упомянуть, что В. С. умерла, чтобы не оставлять читателя в подозрении, что кто-нибудь мог совершить такую ужасную неделикатность относительно В. С.—живой.

Затем относительно других моих поправок я ограничился только легкими поправками языка—где он слишком переходил в нигилистический жаргон, но, главным образом, выбрасыванием того, что, как после было напихано в биографию, так что выходил не очерк жизни С. П., а какая-то мешанина. Историю движения излагать в частной биографии нельзя, потому что пришлось бы повторять это решительно в каждой. К тому же, если уже излагать, то нужно умеючи.

Относительно Нечаева лирический дифирамб—это совсем ни к селу, ни к городу попавши—я выбросил еще потому, что апофеоз Нечаева в *издании «Народной Воли»* может повести к весьма невыгодным предположениям относительно воззрений на способы действия этой самой «Народной Воли». Ну, а что из этого воспоследовать может—говорить излишне. Такие вещи терпимы только в *подписанных* произведениях.

Относительно кружка чайковцев и вообще молодежи того времени я сохранил специальные воззрения автора—потому что это все-таки имеет значение, как известная точка зрения, хотя я и не разделяю ее. Я только слегка смягчил те места, где автор слишком уж хвалит через голову,—молодежь того времени вовсе уж такими «божьими младенцами» не была. Она хотела только попробовать действовать *словом*—тем самым орудием, которым, например, те же социал-демократы, надеются тоже *всего* добиться.

Неужели же и их в «божьи младенцы» произвести?

Что же касается до роли самой Перовской в этом кружке чайковцев, то мне положительно известно, как участнику,—что она была из самых видных. Это уж было бы грубым незнанием фактов,—в чем автор, впрочем, и сам сознается.

Относительно пропуска, заполнений особых делать я никак не могу, потому что ничего не знаю. Соображаю только, что в этом периоде следует поместить ее арест, потом отправку в Крым и, главным образом, жизнь в Крыму (о чем, может быть, лицо это знает), а затем—процесс.

Под М. следует разуметь Мышкина. Не знаю, почему бы его фамилии не напечатать прямо?

В конце я зачеркнул еще одно место, относительно которого предоставляю вам окончательное решение:—это насчет «женского патриотизма» и того, что Перовская считает, что женщины лучше мужчин. Я это сам признаю. Но, полагаю, что это неловко от имени женщины же заявлять. Но это, повторяю, дело только личного вкуса. Если находите, что оставить лучше,—можете всегда восстановить.

Выбросил я также несколько строк и о ее «смерти»,—потому что об этом, если уж говорить, то не так. Молчание лучше той бледной немочи, которую автор преподносит, потому что всякий читатель гораздо лучше это себе без его слов представит—по фактам.

Более серьезных поправок я не делал, потому что для этого нужно бы совсем новую вещь написать. Да и не нужно это. Если выбросить всю солому и весь балласт, то, по-моему, и в своем теперешнем виде эта биографическая заметка очень интересна. Письмо же С. [1])—дивно прекрасно. Автор (или лучше *авторша*, потому что эта вещь несомненно написана женщиной), очевидно, прекрасно знал Перовскую. В его заметке есть просто перлы, которым мы обязаны, конечно, Перовской, а не автору. Но удивительно, как он не сумел обобщить своих фактов и нарисовать фигуру ее хоть приблизительно в настоящую величину.

Мне очень жаль, что у меня не было этой биографии раньше. Не имея никаких почти фактов, кроме газетных и своих старых воспоминаний, я должен был, главным образом, рисовать фигуру, иногда голыми словами. Но общий абрис, как вижу теперь по биографии, оказался очерченным верно. Поэтому, я думаю

---

[1]) Степняк имеет в виду последнее письмо Софьи Перовской к матери.

потом попробовать слить вместе эту биографию со своей для отдельной русской брошюрки. Получится довольно объемистая вещь, но это не беда. А что эта, ваша, будет напечатана, это даже лучше, потому что цитаты и ссылки сильнее действуют, чем собственные сведения. Пока же для своей газ. раб. я этой биографией не пользуюсь совсем, потому что поздно. Моя книжка уже в печати.

Когда будет печататься ваша?

Получил сегодня ваше письмо с Нар. В. и печальным извещением насчет Дм[итра, т.-е. Стефановича, незадолго пред тем арестованного. *Л. Д.*].

Что касается моего письма, то переделаю и первую страницу и то место, где у нас разногласие, потому что оно только видимое. Я хотел сказать, что радикальная и даже *либеральная* Европа, т.-е. та, которая не испугается просто самых средств борьбы нашей—*может* нам сочувствовать. (Под радикальной разумею не исключительно социалистическую и даже не примыкающую к ней, а более широкую часть Европы.) Но для этого необходимо представить ей борьбу в настоящем ее виде,—в том—точь-в-точь, как вы пишете. Но что *теперь* она только забавляется нами, в этом я с вами безусловно согласен.

Эти все переделки пошлю вскоре. Сегодня что-то не охота, а дело терпит. Если будете снова посылать что-нибудь на тот адрес, на который послали Н. В., то вперед употребляйте *внутренний конверт*, а на нем по-итальянски Григоровичу, а не Ф., потому что этой последней фамилии никто абсолютно не знает.

Пришлите, пожалуйста, о Хурской речи Пинхуса. Я ведь все-таки хочу об этом говорить, потому что во всяком случае они не правы, нападая на П. за речь в том виде, как я слышал.

IV.

Милан. [Март или апрель 1882 г.]

Милая Верочка! Ваше письмо получил. С Лавровым списываемся уже прямо и надеюсь, что мы скоро договоримся до заключения. А пока хочу два слова относительно чернопередельского письма сказать. Нет, о письме потом, а теперь хочу по поводу Дмитра поговорить, знаете, факт позволения отправить телеграмму и письмо Женьке—в высшей степени необыкновенный—

наводит меня на предположение еще более необыкновенное: они, вероятно, ведут с ним «переговоры». На эту мысль меня наводит один факт, который сообщаю *только вам под строжайшим секретом:* они уже вели переговоры с Ольгой—я получил об этом от нее письмо, написанное химически, где она рассказывает подробно все, как было. Сущность их в том, что они желали узнать, на каких условиях террористы согласятся не делать новых попыток на царя,—она им заявила, что не может брать на себя представительства партии. Тогда они сами сказали, что желали бы переговорить с кем-нибудь из наиболее влиятельных террористов и называли предпочтительно перед другими Льва. Они предлагали выпустить Ольгу на честное слово, чтобы она предупредила его об этом. Но, боясь измены, Ольга отказалась, а вместо того сказала, что пусть дадут возможность написать к своим ей и для верности еще одному из заключенных и указала на Романенку. Это было глупо с ее стороны, но уж она так сделала. Они, действительно, начали переговоры с Романенкой, но тот совсем надурил: начал их пугать, хвастать и грозить. Они потеряли к нему доверие, а вместе с тем и к Ольге, и прекратили всякие переговоры.

В настоящую минуту царю, очевидно, невмоготу стало сидеть в Гатчине. Кроме того, короноваться нужно же, наконец, когданибудь. Последние телеграммы относительно желания этого остолопа «изучить нигилизм», а что еще вернее, какое-то странное колебание с утверждением приговора по делу 22-х; все это, вместе взятое, показывает, что у них какой-то перелом. Арестовавши Дмитра, очень может быть, что они решили воспользоваться этим, чтобы снова завести прерванные переговоры.

Вы знаете, как они на него смотрят? Что вы об этом думаете? Напишите, нет ли в его письме или лучше, не будет ли чего в его будущих письмах, что поддержало бы такое предположение? Это очень любопытно. Предупреждаю вас нарочно, чтобы вы были внимательны.

P. S. Знаете, мне кажется, что даже в его письме, где насчет пришествия времени, когда знание и т. д. есть что-то вроде намека на это.

Насчет хлебных работ, милая Верочка, ничего сказать не могу, потому что никакого понятия об упоминаемых вами вещах не имею. Знаю только, что для «Дела» Маццини не годится, потому что там уже лежит вот уже несколько месяцев статья Эльсница о том же, но не печатают из страха перед цензурой.

Из книжки Зола можно несомненно сделать извлечение. Хотя я ее и не читал, но думаю, что будет очень интересно. Но только не разгоняйтесь—сделайте что-нибудь не более листа печатного, чтобы как возможно скорее кончить, потому что иначе без всякого сомнения перехватят. Спешите поэтому во все лопатки. «Основные положения», судя по заглавию, должно быть интересно, но о нем я бы советовал (если уж не чрезвычайно интересно) небольшую рецензию для отдела «новых книг», написать тоже в лист или около. В «Дело» пошлю все, что вам угодно, и ни малейшей мне от этого порухи не будет, просто—потому что я решил совсем не соваться туда с оригинальными статьями. Они этого ужасно не любят, и все жалуются, что переполнены прекрасными статьями, что сотрудников не оберешься и т. д. (когда «От. Зап.» жалуются на недостаток их) и если предложат, наконец, что-нибудь, то умоляют ради самого Христа, чтобы поменьше (помните, как Ирландию обкарначили). Все дело в том, что они сами все хотят писать, так как Благосветлиха держит их в черном теле и редакторское жалование самое жалкое, а семьи у них обширные. Поэтому мой покровитель [1]), например, в некоторых книжках является один в трех лицах. Вот почему нужно обладать чисто немецкой цепкостью и настойчивостью Эльсница, чтобы пролезть туда. Я бросил попечения, поэтому и вам не советую—только валять будут. Лучше всего статью о Зола послать через Шмуля [2]) в «Устои»—очень хороший журнал, несмотря на свое название, и у Шмуля там рука есть. Он мне предлагал, но я не думаю воспользоваться, потому что нет в виду небольших работ, а с большими в маленький нельзя. Так что и здесь вы мне никакой порухи не сделаете. А «Основные положения» отчего бы чрез того же Жоржа в «Отечественные Записки» не послать? Это самое лучшее, раз он хвалит. В «Дело», повторяю, я готов посылать все, что вам угодно, но что из сего воспоследует?..

Насчет переводов уж абсолютно ничего сказать не могу. Я их совсем забросил, с тех пор, как в Италии,—пробавляюсь итальянской беллетристикой и то очень мало. За фр[анцузскими] и иными совсем даже не слежу. Мне кое-что пишет об этом Цакни [3]),

---

[1]) Станюкович.

[2]) С. Клячко, чайковец.

[3]) Тоже бывш. москов. чайковец. *Л. Д.*

так как мы вступили с ним в компанию для выбора, но до сих пор он мне ровно ничего путного не посоветовал, кроме двух ничтожных рассказов. А с Чайковским, с которым тоже думал завести об этом дела,—и занят очень и ни малейшими эстетическими способностями не обладает. Так что у меня совсем ничего нет для собственных переводов в «Деле», кроме одного италианского романа, сомнительного по части цензурности.

Как видите—от меня, как от козла молока.

Теперь, покончив с частными делами, хочу поговорить о вашем коллективном послании [1]).—Признаюсь, общее впечатление ужасно тяжелое.

Написано мастерски: ясно, метко, неопровержимо; но от этого еще тяжелее, потому что видишь, что такая сила и такая логика добровольно склоняют голову перед нелогичностью и круглым невежеством. Авторы письма (№ 1) могут быть величайшими героями в мире, но все-таки их неподражаемое послание—дичь такая непроходимая, что просто глазам не веришь. А между тем, эту самую дичь вы сглаживаете, охоливаете, заявляете, что она почти-почти что вещь умная, вот только тут да еще вот тут маленькое-премаленькое пятнышко.

Конечно, неприлично и недостойно накидываться по-собачьи. Следует отвечать не только спокойно, сдержанно, но даже ласково, потому что они все-таки наши друзья и прекрасные люди, которых мы любим и уважаем. Зачем же уверять их в том, что вы соглашаетесь с ними во всех почти пунктах, когда из вашего же письма следует, что вы почти ни с чем не согласны? Зачем переворачивать роль и выражать надежду, что соглашение воспоследует, потому что *вы* согласны с ними, а не потому, что надеетесь, что *они* согласятся с вашими доводами, потому что логика на *вашей* стороне.

Обратите внимание на тон их послания (№ 1). Ведь это—оракулы, начальство, одно слово! Как они скандачка все вопросы вершат, в которых ни аза не смыслят! А своим чисто дипломати-

---

[1]) Здесь Степняк говорит о коллективном письме, написанном сообща Плехановым, В. Ив. Засулич и мною Исп. Комитету «Нар. Воли», в ответ на присланное им нам с предложением высказать ему наш взгляд по поводу его стремления захватить власть. Следующую часть этого письма я почти целиком привел в своей статье в «Прол. Рев.» № 8 (20) 1923 г. *Л. Д.*

ческим письмом вы ведь только поддерживаете и укрепляете в них эти притязания.

Помилуйте, господа,—если вы не решаетесь высказать им прямо и твердо, без всяких обидных резкостей, разумеется, что вы думаете,—то что же остается делать русским юнцам, не имеющим ни вашей силы, ни вашего авторитета? Разве так следовало выразить—раз уже возражать на все их нелепицы, вроде восхитительной фразы: «мы не люди, а хохлы»,—то бишь мы не социалисты и не радикалы, а «просто народовольцы», или на еще лучшие их рассуждения о федерализме, о котором они имеют такое же понятие, как мы с вами о китайской грамоте, о будущности земного шара (экономический район), о Марксе и Блюнчли. Ведь не трудно было уничтожить их за это, да так, чтобы и рта открыть не могли. И Жорж это отлично умел бы сделать. К чему же этот медоточиво ласковый, нерешительный тон?

Поймите, что именно таким людям, как они, и не следует ни в каком случае ни малейшей поблажки давать. Они и теперь уже упиваются амброзией *власти*—это чувствуется. Им уже нужна не власть для дела, а власть для власти: это очевидно из их непременного желания, чтобы редакция предполагаемого журнала объявила, что она подчиняется им,—а какой же осел не понимает, что на таком расстоянии никакое руководство кружка немыслимо. Им, значит, уже просто хочется насладиться сознанием своего всемогущества. И вы этим самым людям пишете такое письмо, которое только способно еще более заставить их занестись в эти ядовитые области, вместо того, чтобы оборвать их на первых же шагах и заставить признать, что есть сила, которая не так-то легко склоняется перед всякими притязаниями—сила мысли, которой «заграница» по традиции всегда была представительницей.

Но все, что я сказал выше, вызвано во мне не столько общим тоном письма, сколько одним заявлением вашего письма, которое меня совсем в тупик поставило: это там, где вы насчет централизма чистосердечное признание делаете. Ну, зачем это? Допустим, что вы признаете, что без некоторого централизма нельзя,—это все признают и больше: всегда признавали. Но разве вы признаете его в той мере, как они? Разве вы видите в нем идеал отношений членов партии между собою, как они это видят? Разве не писал вам Дмитро, что централизм губит ини-

циативу отдельных групп молодежи, что он страшно тормозит дело и т. д.? Разве тот же Пинхус не развивал этого в своих писаниях?

Так для чего же вы всем весом своего авторитета наваливаетесь именно на ту самую чашку весов, которую они всеми силами нагружают, тогда как теперь нужно как раз противное делать. Заметьте, что в этом вопросе ваши слова, как признание бывших врагов этого направления, имеют огромное, может быть, решающее значение.

Знаете, если вашего письма вы еще не послали, то, по совести, следует это место насчет централизма выбросить. Я просто настаиваю на этом. Мне кажется, что вы даже не имеете *права* (нравственного, конечно) вредить своим вмешательством людям, которые на русской почве борются против злоупотреблений централизации (к числу которых принадлежал и Дмитро, между прочим).

Мне очень понравилось откровенное и прямое признание Жоржа насчет политической деятельности. Тут виден результат мысли, руководимой беспристрастным наблюдением. Ну, а централизм откуда мог взяться? Из наблюдений европейской жизни, что ли?—Едва ли! Это вопрос чисто русский,—только в России, по-моему, человек имеет право, ввиду местных нужд и явлений, принять то или другое решение по этому вопросу, потому что только там он может определить, в какой мере действительно необходимо допущение этого в высшей степени вредного, просто ядовитого элемента.

Своим безусловным признанием централизма вы санкционируете стремления и притязания именно той партии, которая стремится превратить централизацию в чистейшую бюрократию, способную погубить, иссушить в конец революционное дело, если только, как я твердо верю, этому не помешает другая партия, партия свободных отношений, децентрализации, опирающаяся на массу революционной молодежи, слишком возбужденной для того, чтобы помириться с мертвечиной бюрократии. Но этой-то партии, господа, по моему убеждению, вы нанесли тяжелый удар своим письмом.

Ваш С.

V.

Милан. [Весной 1882 г.]

Милая Верочка! Посылаю вам два экземпляра своей книжки— один вам, другой Ане [1])—которая, наконец, вышла. Напишите, пожалуйста, как понравилась. Ведь вы читаете по-италиански— хоть со словарем. Уж потратьте денек времени—буду вам очень благодарен за всякое замечание, хотя бы самое резкое.

Затем должен еще попросить вас сказать откровенно, очень ли вы сердитесь на меня за ваш «профиль» или не очень. Что вы будете сердиться на некоторые места, это я знаю заранее. Но, увы, мне нужно было либо отказаться от своего труда совсем, либо помириться с этой печальной неизбежностью. Но отказаться от него я не хотел: единственная часть моей «Подпольной России», которую я ценю, это именно «профили», потому что я все-таки более других знаю этих людей, и мне хотелось хоть что-нибудь сделать, чтобы их образы не совсем утонули в бурлящей пучине русской политической жизни. Ведь у нас можно последовательно воскликнуть:

Tout passe,	(Все проходит,
Tout fuit:	Все убегает:
L'Espace	Пространство
Efface	Стирает
Le bruit	Шум),

как говорит Виктор Гюго в одной из ориенталей. Почему я думаю, что без меня они могли бы «утонуть»?—О, не от самомнения, даю вам слово. И совершенно искренно говорю, что я вовсе не удовлетворен своей работой. А просто потому, что так сложились обстоятельства. Из действовавших никто, кроме меня, не пишет, не имеет возможности писать и погибнет, по всей вероятности, раньше, чем получит эту возможность. Но, взявшись раз за эту работу, чтобы придать ей хоть какое-нибудь значение, я должен был быть вполне правдивым. Я, конечно, останавливался пред тем, раскрытие чего было бы прямо неделикатностью— и в этом ни вы, ни кто другой упрекнуть меня не можете. Но я не мог останавливаться пред тем, что просто было бы не совсем приятно как изображаемым, так и их друзьям—с какой бы то

---

[1]) Анна Михайловна Эпштейн, жена Д. А. Клеменца, друг Кравчинского, Засулич и др. старых социалистов, «чайковка». *Л. Д.*

ни было стороны. Я не говорил того, что на некоторых бросало бы невыгодную тень,—но только в смысле общепринятом, а не исключительном. Точно так и относительно «pudeur»[1])—я допускал ее только в общем смысле, но не больше. Что сверх того, то от лукавого, как в тенях, так и в свете. Только придерживаясь такого критерия, можно было нарисовать людей, возможно похожих на живых, а не на куклы или суздальские иконы.

Ну-с, — так напишите же, пожалуйста, насколько мне это удалось вообще и относительно вашей характеристики в частности.

Ваш С.

Если Жорж уже выучился по-итальянски (он ведь собирался), то просьба моя о всяких замечаниях обращается и к нему. Замечания эти будут мне тем дороже, что я надеюсь на французское издание, для которого могу ими воспользоваться, так как хочу его дополнить. Книжка вышла ведь гораздо меньше, чем мне говорили. Я ее сжимал до последней возможности.

VI.

Милан. [Май 1882 г.

Милая Верочка! Не могу выразить вам, до какой степени мне было горько, что я вас так огорчил. Только что получил ваше письмо и не могу удержаться, чтобы не ответить тотчас же, хотя и очень некогда. Горько мне не потому, чтобы я сознал, что поступил дурно, а просто потому, что вижу, что я вас очень сильно огорчил, гораздо больше даже, чем думал, ну и, конечно, мне это очень неприятно. Хотя, если б вы мне то же, что сказали теперь, написали раньше,—не знаю, вычеркнул ли бы я эти все страницы, кроме двух первых, или нет. Скорее нет,—говорю вам это совершенно откровенно и думаю,—уж воля ваша,—что я не поступил бы неделикатно.

Конечно, против факта неудовольствия никакими возражениями тут не пособить. Я хочу только сказать вам, что вы совершенно неправы, когда утверждаете, что «это чувство довольно распространенное, и на нем основан обычай печатать воспоминания о приятелях только после их смерти». Помилуйте,—во-первых, я не хочу вовсе питать печальной надежды быть свиде-

---

1) Стыдливость.

телем вашей смерти. Это раз. Значит, мне предстояло на выбор, либо писать теперь, либо не писать вовсе. Во-вторых, вы абсолютно ошибаетесь в самой сущности вашего утверждения, что воспоминания о людях пишутся только по их смерти. Господь с вами! Не только о Гарибальди целая масса воспоминаний, мемуаров и рассказов есть, но даже о таком, сравнительно, очень мизерном, как Гамбетта, Золя, Додэ и пр., целая литература существует, где описываются не только их наружность и внешние привычки, но и характер, душа со всеми ее тонкими чертами, которые удается уловить читателю. Прочтите хоть де-Амичиса (был в отрывках в «Неделе»). Да, вероятно, и у вашего Поля Алексиса были странички насчет Золя, которые вы наверное бы «вычеркнули». И это неизбежно.

Публика слишком интересуется знаменитыми людьми, чтобы ждать для получения точных сведений о них—их смерти. Есть, правда, другая грань, полагаемая читателю, пишущему о живом человеке: он не может касаться, не совершая неделикатности, его интимной личной жизни, т.-е. его любви, например, и пр. Вот об этом, действительно, только после смерти человека писать можно, и вот это-то вы и смешали с первым. Подобной же неделикатности я абсолютно нигде не совершил.

Кстати, во избежание чего-нибудь, похожего на таковую я, между прочим, и заставил вас бегать по горам «в одиночку»; не мог же я сказать с Дмитром или Женькой или вообще «амико», так же точно, как не мог сказать, что ввалился к Анке [1]), когда она в постели лежала, и сел к ней на кровать и пр., потому что это могло бы истолковаться иностранцами совсем не по-русски—или потребовало бы обширных пояснений о характере ваших отношений к своему семейству, что было бы тоже совершенно излишне и неделикатно. Я же лишь издали, как только возможно глуше коснулся этого предмета. Пройти же абсолютным молчанием психику было невозможно, потому что иначе была бы неясна нравственная физиономия известного *общественного* деятеля, сделавшегося историческим.

Итак, мне предстояло либо написать так, как я написал, либо не писать вовсе. Последнего я не хотел сделать просто из сострадания к истории. Вовсе не думаю, что я изобразил вас

---

[1]) Дмитро—Стефанович, Женька—Евгений; амико — друг; Анка—Ан. Мих. Эпштейн.

целиком—говорю совершенно чистосердечно. Мне даже было это просто невозможно, потому что, в сущности, я вас вовсе не так близко знаю. Но согласитесь, что одну сторону вашего характера я угадал. Что ж,—пусть другие дополнят его со временем. Во всяком случае, хоть часть-то наверное будет.

Не знаю, удалось ли мне заставить вас переложить хоть немного гнев на милость? Не думаю, хотя надеюсь, что с течением времени это случится, потому что, повторяю, никаких неделикатностей я не разоблачал и держался безусловно в тех рамках, которых держатся все пишущие о живых людях...

...Печатная полемика немыслима, в особенности между товарищами. С Драгомановым я, правда, давно собираюсь полемизировать, потому что он пропечатал для этого достаточно,—но так как теперь мне приходится полемизировать и с вами, поэтому я и жду, чтобы ваши мнения выражены были печатно, так как пока мне полемизировать не с чем. Если бы случилось [бы], что вы почему-либо решите не высказывать печатно этих мнений, а станете нападать на Драгоманова с тех же точек зрения, с каких и я на него нападаю,—то я даже вовсе, может быть, печататься не буду. Затем, раз вы отлично опровергнете Драгоманова, не задев того, чего задевать, по-моему, не следует,—хотя, судя по вашим бурным письмам, на это надежды мало.

Все это я говорю только для того, чтобы выяснить, что своим письмом к Драгоманову я вовсе не считаю себя связанным [какой-нибудь линией поведения]. Оно остается моим личным делом, хотя бы 5½ женевских эмигрантов сколько угодно на него негодовали.

А в заключение позвольте мне одно замечание по-дружески сделать: это насчет подписи на ваших коллективных вопросных пунктах [1]). Вы совершенно напрасно подписались всей оравой. Было бы гораздо лучше подписать одним чьим-нибудь именем—Жоржевским или Женькиным или Пинхусовским [2]). Говорю это совершенно по-товарищески, потому что, несмотря на нашу будущую полемику, мне, право, даже как-то совестно уверять вас в этом,—я вовсе не смотрю на вас, как на противников и [не] желаю вам делать ничего такого, что бы вас выставило в дурном свете. А эта полдюжина подписей под литературной статейкой именно

[1]) Степняк имеет здесь в виду наше «открытое письмо» к Драгоманову.

[2]) Пав. Бор. Аксельрод.

такова. Подписи, по-моему, имеют смысл в двух случаях: когда констатируется факт, т.-е. в виде ручательства за его достоверность или под программами партий или фракций, как выражение солидарности. А ваши пункты ни то, ни другое. Это просто—литературная статья, написанная против другой такой же, и куча подписей на постороннюю публику произведет впечатление, что вы ими хотите импонировать. Это очень нехорошо—уверяю вас. Неужели вы так же и брошюрку подпишите? Из некоторых мест вашего письма подозреваю, что, кажется, будто—да: вы очень упорно местами «мы» употребляете. Если это так, то это будет ужасно скверно. Просто на-смех вас поднимут. Если уж хотите, то подпишите двумя именами—Жоржа и Евгения или того или другого с Пинхусом или как-нибудь, чтобы не больше парочки, вроде как Маркс с Энгельсом. Потому что вдвоем люди пишут брошюрки и даже книги, но вшестером—не слыхал. И притом имена должны быть литераторов. Ваше, например, извините за предположение, Верочка,—говорю на всякий случай—совсем не годилось бы. Впрочем, вдвоем я отлично знаю, что вы не подпишетесь. А вшестером?.. Извините, если мое предположение, вообще, неверно. Оно вызвано вашими пунктами, которые вы подписали же всем кагалом с столь же малым на то основанием.

VII.

Милан. [Летом 1882 г.]

Милая Верочка! Извините, голубушка, что не отвечал вам так долго. Просто минуты свободной не было, а ведь на обстоятельное письмо все же часа два времени нужно. Дело в том, что по разному стечению обстоятельств к книжке «Дела» мне пришлось переводить не три листа, как рассчитывал, а целых 8 или 9 (из коих половина, к сожалению, только гадательна). Ну да, это к делу не относится и времени отнимает столько же. Теперь мне тоже еще некогда, но главную половину работы кончил и потому легче.

Подробно и обстоятельно напишу в другой раз. Теперь хочу только сказать вам, что со всеми вашими замечаниями насчет Драгомановской ехидности, враждебности, зложелательности, утопительства и т. д. не согласен нисколько и все свои тезы, высказанные в первом письме, поддерживаю абсолютно. Теперь

мне излагать подробности некогда, а спорить письменно не буду и впредь. Я уверен, что при личном свидании во многом бы мне удалось бы убедить, но письмами только потеря времени.

Ваше письмо, милая Верочка, о котором вы пишете Анке, что оно «презлое», я таковым вовсе не нахожу. По-моему, оно даже очень лестное, потому что и вы и все кларанцы придаете моему письму Драгоманову такое значение, которого оно, по-моему, совсем не заслуживает [1]). Просто прочитал статью *приятеля* и похвалил,—больше ничего. Дело чисто личное, которое не скрывал, потому что не вижу в нем ничего ни постыдного, ни доблестного, но о котором докладывать публике считаю—ну, как бы сказать... ну, совсем для публики не интересным. Какой публике интерес, кого я хвалю? С какой стати я стану лезть к ней с такими глупостями? Я, мол, хвалю, или благодарю такого-то. Знайте, мол, об этом люди добрые.

Ваш довод, что это необходимо для того, чтобы предупредить со стороны Драгоманова разные «злоупотребления» моим письмом, я решительно не могу признать заслуживающим внимания. Поверьте, что Драгоманов не *злоупотребит* ничем.

Вот почему никакого печатного заявления «благодарности», в том смысле, как вы предлагаете, я делать не думаю. Но зато у меня другой план, который я уже давно собираюсь осуществить—это написать книжечку или, по крайней мере, несколько писем *против* Драгоманова (а теперь придется и за Драгоманова). Я уже давно собираюсь и даже писал об этом Пинхусу, кажется. Эта мысль возникла у меня именно под влиянием нападок на Драгоманова. Они так явно несправедливы (не для партионного, а постороннего человека, для «публики» в обширном смысле, для которой одной и стоит писать ведь), так пропитаны партионным духом, что на постороннего человека абсолютно никакого действия произвести не могут: слишком большое усердие, как всегда, производит действие, обратное желаемому: даже верные нападения тонут в массе придирок. А между тем некоторые из основных воззрений Драгоманова я нахожу не «вредными» и еще менее опасными, так что, вообще, эти термины нужно предоставить цензуре, так как мыслей

[1]) Прочитав статью Драгоманова, переполненную голословными обвинениями народовольцев во всевозможных преступлениях, за что, как известно, мы обратились к нему с «Открытым письмом», Степняк не только не возмутился, но, наоборот, написал ему, что благодарит его за это и крепко жмет его руку. *Л. Д.*

почти вредных и опасных [не признаю],—а ошибочными, неверными и заслуживающими опровержения. Теперь после брошюрок вроде Черкезова и тех, которые будут написаны вашей колонией (извините, ради бога, за сопоставление. Я вовсе не хочу намекнуть, что, мол, будут такие же, потому что это значило бы обидеть вас)—потребность эта, по-моему, еще больше. Кроме того, очень полезно высказать несколько мыслей и о *свободной критике*, вообще, ввиду поднятой бучи. Вот почему брошюрку или ряд писем я решил написать твердо, и уж теперь откладывать в долгий ящик, как до сих пор, не буду, потому что это становится очень важным. Думаю, что и вы, и кларанцы вообще *одобрят* этот план и найдут его гораздо более целесообразным, чем какое бы то ни было «заявление». Едва ли нужно прибавлять, что и «благодарность» войдет в мое произведение в достаточной степени,—уж на этот счет можете быть спокойны. Я даже этим и закончу: в заключение считаю, мол, нужным поблагодарить г. Драгоманова и т. д. [1]).

Ну, вот так я теперь жду только, что ваша колония напишет, потому что мне ведь с вами *грызться* придется не меньше, чем с Драгомановым, потому что вопрос, хотя и очень частный, но до такой степени *важный*, как самые *основные* вопросы.

Ну, до свидания, милая Верочка! Кланяйтесь от меня всем, кто посылал мне через ваше посредство то письмецо, очень лестное для меня—право, не ехидничая, говорю. Извините, что пишу необстоятельно—некогда. Впрочем, возражения на «поле»; там все скажем друг другу лучше и яснее.

Итак, до свидания.

Ваш С.

А насчет того, что мне будто писать нельзя—это пустяки. Опасных вещей, на всякий случай, не пишите только. Да ведь и так ничего опасного, коли б и хотели, не написать. Поэтому пишите. Пертурб[ации] не из-за книжки, а так вообще. Ну да все равно—глупости.

За этим следует такая приписка Веры Ивановны, вероятно, к Г. В., которому она переслала письмо Кравчинского. (*Л. Д.*):

...Проберите же хорошенько Драгоманова вопросами. И да поможет нам бог на «поле брани». Книгу отправила. Все благополучно.

---

[1]) Такой брошюры Степняк не опубликовал. *Л. Д.*

VIII.

Лондон. 31 мая 1889 г. [1]).

Милая и дорогая Вера! Мы смертельно виноваты перед вами оба—кто больше, не знаю—что не ответили вам на ваше последнее письмо. Но оно было такое хорошее, все, что мы могли вам отписать, было такое скучное, что, просто, не писалось да и на-[строения не было]. Кланяюсь вам земно и жду великодушного прощения.

Я написал бы вам на-днях и без того, так как кризис так или иначе разрешился именно сегодня, так что я надеюсь-таки выцарапаться. А то совсем скучно было. Но сегодня у меня есть еще специальное дело до вас всех, с которого и начинаю. Получили ли вы и ваша группа приглашение от Лафарга на марксистский конгресс в Париже? Если нет, то, вероятно, получите завтра или вместе с этим письмом. Они, было, меня пригласили через одного общего знакомого, который не объяснил мне, что только представители групп приглашаются. Я послал им, не долго думая, свою подпись и получил в ответ чисто французскую благодарность и изъявление всякого удовольствия с приложением вопроса: «от какой группы меня записать»? Конечно, я извинился, мне ни в конгрессе, ни в призывном циркуляре места, очевидно, нет. А между тем очень желательно было бы, чтобы русский социалист был на таком конгрессе. Это произвело бы очень хорошее впечатление в России, да и здесь было бы недурно выяснить солидарность русских социалистов [всех направлений] с течением известного рода. Нас либо политиками-головорезами, либо анархистами считают.

Если бы здоровье позволило Жоржу, было бы чрезвычайно хорошо, если бы он поехал. Что он произвел бы очень хорошее впечатление и не посрамил бы русского имени, это вы сами знаете. Я помню, как еще в мое студенческое время мы зачитывались отчетами интернациональных конгрессов. Теперешняя молодежь будет читать с двойным интересом речи *русского*, особенно,

---

[1]) Зимой 1882—1883 г. Степняк возвратился в Женеву, где жила Вера Ивановна и ее друзья. Прожив там несколько лет, он переселился в Лондон, в котором оставался до смерти. По всей вероятности часть его писем,—между его выездом в Лондон (в конце 1884 г. или в начале 1885 г.) и 1889 г.—не сохранилась среди корреспонденции Веры Иван. *Л. Д.*

если видно будет, что они производят впечатление и были не из последних. Патриотизм, что будешь делать? Я, вы знаете, во многом не согласен с вашей группою, но это не существенно. Агитационное значение будет отличное, и затем пусть люди рассортировываются, как хотят.

Лафарг пишет, что Лаврова они приглашали, но он отказался. Я не понимаю, почему: вероятно потому, что после падения «В[ест.] Н[арод.] В[оли]» он не считает себя представителем какой-нибудь определенной группы, действующей в России. Впрочем, может и по другому чему: кто их там разберет! Я писал Лафаргу, объясняя, почему я лично не могу соваться в этот конгресс, что ваша группа единственная из мне известных, которая удовлетворяет требованиям [1]). Вы издаете на русском языке орган научн. соц. и состоите в органической связи с группами рабочих, разделяющих ваши взгляды и даже посылающих вам деньги, собранные из их взносов (о 15 рублях мы слышали. Может теперь и больше стало?). Хотя вы формально и не выбраны ввиду специально русских условий, которые нужно принять во внимание, но вы в такой же степени можете считать себя представителями русских рабочих, как Лафарг и иные. Это я писал Л[афаргу] и думаю, что вы с этим согласитесь. Если нет препятствий со стороны здоровья Жоржа—что самое существенное—то следовало бы, мне кажется, сделать все возможное, чтобы не упустить такого хорошего случая. Напишите, что об этом думаете вы и ваши?

Об вас и о Жорже мы слышали от Вишневецкого—доктора, которого вы, конечно, помните. Он был в Лондоне проездом в Америку и заходил раза два к нам. На нас он произвел впечатление в сумме хорошее. Немного дубоват, немного педант, но человек, кажется, работающий и преданный своей работе бескорыстно. Какое он на вас впечатление произвел? Это нам интересно, потому что в Америке придется с ним иметь дело. Он женат на американке, которую знающие ее хвалят чрезвычайно. Один англичанин, самый симпатичный из всех моих знакомых мужчин, говорит, что она очень умная и образованная.

---

[1]) Из этого сообщения Кравчинского ясно, мне кажется, что не обратись Лафарг к нему и не укажи он на группу «Осв. Тр.», она не была бы приглашена на 1-й Конгресс II Интернационала. *Л. Д.*

IX.

Лондон. Весна 1889 г.

Милая Вера!

Посылаю вам только что полученные первые деньги и полугодичный абонемент на «Социал-Демокр.» с картой, где адрес.

Ввиду такого поощрения, мне не хотелось бы, чтобы вы мой адрес переменили (да и вообще адреса менять без абсолютной нужды не следует во всяком случае. Это первое правило). Так что вы, пожалуйста, не меняйте, что бы там ни было на обложке. Уж я как-нибудь отделаюсь в случае чего.

Да, напишите мне—это мне любопытно, показалось ли вам, что я неверно программу вашей группы в Free Russia [1]) резюмировал? Пинхус корит и сокрушается, а мне [кажется], что я как нельзя лучше сделал—насколько в 4-х строках можно (у меня больше не было места). Очень тороплюсь. Обнимаю вас.

Ваш Сергей.

P. S. Лучше всего дайте мне какой-нибудь женевский адрес, до востребования, по которому я мог бы сказать, что посылал вам корректуры и все такое, в случае чего. Я пошлю что-нибудь взаправду и тогда все будет [урегулировано] [2]).

X.

Лондон 25 сентября 1890 г.

Милая Вера!

Давно собираюсь писать вам, но теперь уже от вас ждать нужно после свидания с Феликсом [3]). Пишу два слова на ходу, чтобы поблагодарить за «Социал-Демокр.» и приложить подписные деньги из Болгарии: один из тех двух, которые были под сомнением, так как не знал, от кого из двух первые деньги были. Так что теперь оба, значит, прислали. Я давно разменял, но все

---

[1]) Английский жур. «Свобод. Россия», основанный под влиянием, главным образом, Степняка, возникшего общества «Друзей России», состоявшего из либеральных англичан. *Л. Д.*

[2]) Ввиду испытываемого в то время швейцарским правительством неимоверного страха перед русским царем, группа «Освоб. Труда» выставляла на обложках своих изданий «Лондон», как местонахождение ее типографии. *Л. Д.*

[3]) Волховский—незадолго пред тем бежавший из Сибири. *Л. Д.*

хотел написать заодно и тянул. Сумма такая не грандиозная, что, надеюсь, не потерпели.

Прочел перевод. Ничего себе. В нескольких местах заметно, что перевод, а именно в том куске, что мне в корректуре не был прислан. Впрочем, ничего крупно-нелепого, чего боялся, нет. Так что—спасибо. Зачем только вы написали «перевод с английского», это можно было смело опустить.

Так напишите, как Феликс вам понравился и все такое.

Знаете, конечно, что в Америку еду через два месяца на лекционный тур?

Ваш Сергей.

XI.

Лондон 21 марта 1892 г.

Милая Вера и милый Жорж!

Чувствую свою великую вину перед вами за долгое молчание и взываю к вашему великодушию, хотя у меня и есть смягчающие вину обстоятельства: не охота писать, когда все, что можешь сказать, это,—что писать нечего. Из вашего письма, милая Вера, ясно, что мы и вы страдаем одной и той же болезнью: отсутствием денег и связей. Вы ждете этого от нас, а мы от вас. На поверку и выходит, что множится нуль на нуль или *делится*, если хотите представить дело в более оптимистическом свете. (Жорж обучался математике и скажет вам, что эти две вещи несколько разные.) Не то, чтобы у нас не было никаких связей. Связи и люди есть, пожалуй, но все такое никчемное. Путной корреспонденции от них не добьешься, не говоря о деньгах.

О журнале мы давно хлопочем. Сочувствуют, одобряют, поощряют. Но сами ничего не делают, а ожидают дела от нас. Некоторые так прямо заявляют, что раз у нас такая [связь (?) *Л. Д.*] есть в Англии, нам ничего не стоит собрать денег на журнал среди англичан. Разумеется, дело может перемениться, и из России могут явиться средства либо у нас, либо у вас. Тогда мы и сговоримся о практическом осуществлении союзного действия. Теоретически мы совершенно сходимся. Жоржева брошюрка [1]) полагает конец всяким разногласиям, потому что под его заключительными требованиями мы все подписываемся обеими руками. Скажу только одно: журнал, чтобы составить

---

[1]) Всероссийское разорение, в 1892 г. *Л. Д.*

заметное явление в русской жизни, должен издаваться не в Швейцарии, а в Лондоне, для чего кому-нибудь из вас нужно будет перебраться сюда; помимо герценовской традиции, которая тоже имеет некоторое, хотя второстепенное значение, тут важен факт, что в Лондоне мы, действительно, сила, а это имеет значение и для прочности предприятия и для постоянства сношений. Да и впечатление на приезжающих русских совсем не то. Это мы видим на тех, что к нам наведывается. А если таково впечатление у тех, кто видит, то таким же оно будет на тех, кто слышит. Подумавши, вы согласитесь со мной. К сожалению, думать об этом еще преждевременно, так как самое дело на воде вилами писано.

Ну, вот в сущности все, что могу сказать по существу. Что касается Общества борьбы с голодом, то ему я ответил особо. Мне о многом нужно бы написать вам, но необходимо кончить, а то письмо залежится, бог знает, сколько: должен не медля ни минуты садиться за апрельские №№. Обнимаю вас крепко.

Ваш Сергей.

Адрес для книг в Америку: [следует].

XII.

Лондон 31/XI 93.

Милая Вера, так тронут вашим очаровательным письмом, что отвечаю мгновенно и посылаю портрет. Давно я не получал более теплого и задушевного письма, чем ваше, и мало людей, от которых мне такое письмо было бы настолько приятно получить. Мне в голову не приходило, что мой портрет кому-нибудь может быть интересен (мне вообще портреты не особенно интересны, потому что никогда не передают физиономии), а то бы давно послал.

Очень рад, что вы насчет Дмитра так со мной согласны. Но отчего вы ничего не пишете насчет моего «заключения». Мне говорил, правда, Войнич, который мог напутать и сфантазировать, что ваша компания ругает его [1]), если не самыми последними, то предпоследними словами. Правда ли это? Мне хочется,

[1]) Т.-е. «заключение» к «профилю» Стефановича, написанному Степняком в изданной «Фондом Вольной Русской Прессы» на русск. яз. его «Подпольной России». *Л. Д.*

чтобы вы написали мне об этом в наиболее резкой, даже, если хотите, ругательной форме. Не удивляйтесь и, пожалуйста, исполните, если это правда. Дело в том, что я сам своим заключением не доволен. Не то, чтобы я что передумал. Но из специального чувства эмигрантской деликатности я не договорил некоторых вещей. При чтении в книжке мне кажется, что впечатление в одном пункте получается не то, какое я бы хотел произвести. Поэтому в следующем издании, которое, вероятно, не замедлится, потому что книга идет очень ходко, я хочу написать кое-что в виде пояснения и это лучше всего и приличнее сделать в форме ответа на нападки, вызванные предисловием. Так что, если можете мне написать ругательное письмо, то премного обяжете.

Насчет денег, которые вам должен фонд [1]), уж я беру на себя и обещаю, что первая возможная уплата будет, действительно, сделана вам. Так что вы можете не писать даже предварительных писем Войничу (если они вам специального удовольствия не доставляют) и не тратить на них марок. Уж я похлопочу и обещаю, что не забуду.

Вы вообще несправедливы к Войничу. Положим, каждое его слово и показание не мешает проверить, но врать он не врет. Он фантазирует и опьяняется собственными желаниями и ожиданиями, принимая желаемое и ожидаемое за действительность. Специально же относительно фонда он вам правду сказал, что дела идут хорошо и правду говорит, что, тем не менее, денег нет. Фонд начал дело *без капитала*, агентами его являются тоже люди без капитала. Фонду приходится тормошить своих должников так же безжалостно, как вы до сих пор тормошили Войнича. Фонду приходится поэтому биться, как рыба об лед, и Войнич, несомненно, терпит лично от этой несостоятельности больше когонибудь другого. Вот и приходится, стало быть, иметь снисхождение. Не то, чтобы вам не следовало приставать—приставайте или еще лучше передайте это приставание мне, потому что столько пристающих, что нужно о себе напоминать непрерывно—но при этом *не сердитесь*.

Вы спрашиваете, поссорюсь ли я с вами, если вы с фондом расплюетесь? Конечно, нет, никогда не поссорюсь. Если за дело

---

[1]) «Фонд Вольной Русской Прессы», в который, как известно, входили Степняк, Волховский, Шишко, Войнич, Чайковский, Лазарев и Лаз. Гольденберг,—издавал книги и брошюры либерально-конституционного направления. Он брал на комиссию издания гр. «Осв. Тр.», но плохо расплачивался. *Л. Д.*

поссоритесь, то буду даже на вашей стороне. Но мне будет очень тяжело и обидно за вас, если вы поторопитесь зря, под влиянием ли того нерасположения, которое Войнич внушает лично, либо той дурацкой «принципиальной» вражды и ругани, которая истекает от некиих наших парижских благожелателей. Не будьте легковерны и не располагайтесь заранее верить всяким некрасивым обвинениям. Вникните в дело и войдите в положение, как вы бы это сделали со своими людьми. В харьковском деле я опять осведомлялся и пришел к убеждению, что фонд тут не при чем. Павлик провалился. Он взял небольшое количество наших изданий, которые тоже попались. Вот и все. Нашим путем ничего в Харьков доставляемо не было; значит, уже по этому самому наши контрабандисты никого там провалить не могли. Я, впрочем, поспрошу еще кое-кого и тогда опять напишу.

Меня просят попросить вас написать, что помните о Чубарове [1]). Вроде как бы «воспоминаний». Это не для печати, а для одной специальной цели.

Крепко обнимаю вас, дорогая Вера, и очень хотел бы повидаться. Вот конгресс будет в Лондоне, авось приедете. Обнимаю Жоржа и всех ваших.

Ваш Сергей.

Пожалуйста, дорогая Вера Ивановна, сообщите все, что знаете про Чубарова. Как можно больше хорошего, облагораживающего. А лучше бы—все, что знаете. Меня об этом *давно* Анка просит. Целую вас.

Ваша Фанни.

XIII.

Лондон 29 июля 1893 г.

Милая и дорогая Вера!

Мне очень грустно стало от вашего письма, потому что видно, что вы мучаетесь, мне кажется, понапрасну. И напрасно вы откладывали писание. Можно было, кажется, не стесняясь писать, как только захотелось. Теперь дело абсолютно непоправимо, хотя, по-моему, поправлять-то нечего, даже с вашей точки зрения. Дело в том, что так как шрифта в типографии мало, то печатается лист за листом. Все пять тысяч экземпляров всех

---

[1]) Чубаров, как известно, вместе с Лизогубом и Давиденко, был казнен осенью 1879 г. в Одессе. *Л. Д.*

первых двухсот страниц (по-итальянски) уже напечатаны и ждут брошюровки. Выбрасывать что бы то ни было теперь—значит уничтожить издание и набирать новое. Если бы я даже внес такое предложение, кто же на него согласится?

Август 8.

Начал письмо две недели тому назад и за все это время притронуться к нему некогда было. Извините, голубушка, если огорчил вас промедлением.

Продолжаю.

О выбрасывании не может быть и речи. Да я и не вижу в том никакой надобности. Вы сами не знаете, чего вы просите. Когда мы собирались издавать «Подпольную» по-русски, заговаривали люди о том, что Х [1]) выпустить, мол, можно. Я, как его друг, этого не захотел. Поймите, что выбросить, это значит осудить так безусловно, что даже возражений не допускать. Сами посудите: одно дело выругать человека, хотя бы и крепко и остаться с ним в приятельских отношениях, и совсем другое, молча указать ему на дверь. А ведь выбрасывание его из русской книги именно равняется этому выбрасыванию за дверь без разговоров. Выругать его я выругал и без этого решительно невозможно было: кроме личных чувств, есть еще и общественные обязанности, главным образом, перед молодежью. Какой урок мы, старики, преподнесем ей, если не выскажемся резко отрицательно по поводу таких кривых действий, как монархическая речь и Чигиринское дело? Хотя, право же, я под влиянием личных чувств (к вам, не могу не сознаться, больше, чем ко всей мужской половине вашего семейства, вместе взятой) выразил это отрицание в самой слабой из возможных форм и выругал Д. вовсе не крепко. Посылаю вам кусок рукописи, где это порицание содержится. Судите сами. Заметьте, что я ругаю чигиринщину в сущности сильнее, чем речь, и в обоих случаях ругаю *принцип*, а не личность, и заметьте еще, что это порицание стоит в середине очерка, как слой касторки между двумя приятными на вкус жидкостями, так что читатель проглотит легко и приятно. В книжке порицание производит очень легкое, может быть, слишком легкое действие. Но все-таки мысль высказана, и мы

---

[1]) Речь идет об издании на русск. яз. «Фондом» книги Степняка «Подпольная Россия», где он довольно резко отозвался о речи Стефановича на суде и по поводу Чигиринского дела; под «Х» Степняк имеет в виду «Профиль» Я. Стефановича. *Л. Д.*

свое дело сделали в смысле предостережения молодых людей от повторения подобных фальшивых вещей. Без этого было бы невозможно, не по совести.

Ну, надеюсь—вы успокоились.

Напишите, как вам понравилась наша парочка, т.-е. Лили специально. Она очень интересный субъект.

Очень обрадовал меня Войнич сообщением, что Жорж нам целый ряд работ обещал. Это будет украшением фирмы и поставит ее сразу на более возвышенный уровень. Особенно много я жду от его философской книжки: Гельвеций, Гегель, Маркс и т. п. Это, наверное, будет капитальный вклад в подпольную литературу и будет иметь огромную продажу. Пусть пишет поскорей. Мы постараемся напечатать скоропалительно, не в очередь с другими. Обнимаю вас обоих.

Ваш Сергей.

XIV.

Лондон 26 декабря 1893 г.

Милая Вера!

Отвечаю вам обоим в нескольких словах, чтобы не затягивать. Книжку Верочке Аксельродовской вышлю завтра. Попадет, если не к Рождеству (трудно, потому что письмо ваше в самое Рождество пришло), то к новому году, что одно и то же. Мне очень было тяжело сознание своей беспомощности, когда я письмо Жоржа получил. Будь он в Англии, я уверен, что он составил бы себе и положение, и имя, как один из вождей социалистического движения, и тогда было бы у него работы в волю, и не приходилось бы жилы из себя тянуть, чтобы свести несводимые концы с концами. Но пока он в Швейцарии, для англичан он величина не существующая, и работы его помещать—дело безнадежное, в особенности мало-мальски серьезные. Мемуары, приключения и т. п. вздор—вот единственное, что всюду находит сбыт. Он спрашивает о фонде. Фонд с большим удовольствием станет печатать его вещи, когда у него будут деньги, и платить, несомненно, будет, если только у него будет чем платить. Но в настоящую минуту фонд совсем на мели сидит и живет только энергией и фантазией—фантазией в особенности. Это положение может исправиться, но возлагать на него солидные надежды—опасно. Кельч. уверяет и, полагаю, не без основания, что фонду

агенты должны не то 600, не то 800 фунтов. Но агенты не платят, и фонд перебивается из кулька в рогожку.

Вы уцепились за мысль о журнале. Это очень трогательно, что после стольких неудач вы сохранили такую свежесть чувства и розовость надежд. Ну, и исполать вам. Я теперь не в публицистическом настроении (романы и повести пишу и даже «Free Russia» сдал Волховскому) и всю теоретическую часть вашего письма, каюсь, пропустил. Вы находите, что мы с вами согласны во всех существенных пунктах—ну, и прекрасно. Как и почему— это уж вам лучше знать. Раз вы это говорите, значит — так. С своей стороны я ничего не имел против того, чтоб работать с вами со всеми даже, когда не знал, что мы с вами во всем согласны. Если мысль о журнале вам улыбается, спишитесь с американцами, возьмите деньги и издавайте, благословясь. Я, с своей стороны, буду поставлять вам беллетристику. Хоть вы Мокревича и предпочитаете, повидимому, но и мои вещи будут не бесполезны. Публика их читает охотно, и у вас будет в придачу—с новым годом (1 января 1894 г.) то, что теперь принято ценить—символ единения душ (кончаю письмо через неделю после написания первой половины).

Ничего, кроме беллетристики, вы от меня ни в каком случае не дождетесь. Беллетристику же надеюсь поставлять без затруднения, ибо пишу и впредь буду все писать по-русски и потом сдаю в перевод.

Если же вам нужно мудрование, исходящее от фонда, то обратитесь к Волховскому и попросите его сотрудничества, буде пожелает. Он, конечно, пообещается, и вы его имя выставите на обложке, как сотрудника. И вот у вас вся литература, исходящая из фонда или, по крайней мере, могущая от оного изойти. Книжный же союз и так установлен, так что о формальном союзе, помоему, вам решительно хлопотать не стоит.

Одна это канитель, из которой к тому же ничего не выйдет, кроме бесконечной переписки.

Ну, вот, милая вы моя, все по существу. Больше боюсь затрагивать, чтобы письмо не отложилось еще на неделю, а то и больше.

Фанни вас целует. Анка живехонька, и мы не далее, как две недели, получили от нее письмо.

Поклон всем вашим.

Ваш Сергей.

Вы спрашиваете, как мне живется? Плохо, голубушка, и кисло. Все время уходит на жалкую работу, которая мне представляется немногим лучше толчения воды в ступе. Я разумею и свою [персону] и фонд несчастный, который ничего, кроме моих (никому ненужных) вещей, издавать не имеет, а между тем из-за этого приходится запускать единственную мне симпатичную работу,—ту, которая влияет, хотя бы и слабо, на миллионы людей, хотя бы и заграничных, и которая, достигнув известной широты, может дать возможность шире действовать и в России. Может, это и фантазия, но мне хочется ее попробовать осуществить, и только к ней у меня способность и расположение. Обнимаю вас, милых, крепко и ваших двух сотрудников тоже.

Ваш Сергей.

На этом письме, вероятно, заканчивалась эта переписка, так как вскоре затем Вера Ивановна поселилась в Лондоне, где, как известно, в конце следующего года (в дек. 1895 г.) Степняк случайно был раздавлен жел.-дорож. поездом. *Л. Д.*

ПИСЬМА ЛЬВА ТИХОМИРОВА К П. Л. ЛАВРОВУ.

I.

3 августа 1883 г.

Уважаемый Петр Лаврович!

Посылаю вам статью Плеханова «Социализм и Политика». По моему мнению, статья недурна, и хотя я не нахожу, чтобы автор, как обещает, вывел политическую деятельность именно из «научного социализма», т.-е. из марксовской теории, тем не менее статья интересна и полезна... была бы, если бы не *историческая* ее часть. Прав автор в своих оценках или нет, это дело спорное, но «*Вестнику Нар. Воли*», да еще его 1 №, довольно странно помещать такие исторические оценки, которые гласят, что народовольчество было «наиболее беспринципным направлением» [1]). Рекомендовать изменение программы, в смысле отказа от захвата власти партией, я бы тоже не решился, по крайней мере, в № 1 (1) [2]).

Между тем Плеханов категорически заявляет, что *никаких изменений* в статье он делать не станет и не позволяет. Если же редакция сделает *примечания*, то Плеханов требует для себя права сделать со своей стороны примечание к примечанию редакции. При таких условиях я вообще *против* принятия статьи. Прошу вас и М[арину] Н[иканоровну] сообщить мне ваше мнение (2). Затем очень желал бы знать мнение Русанова *о статье*. Если вы, т.-е. с М. Н., согласитесь *принять* (говорю о М. Н., п. ч. дело выходит чисто партийное уже) с примечаниями, то я, м. б., еще изменю свое мнение.

---

[1]) Оценку «впередовцев» предоставляю вашему усмотрению. Тоже не особенно подходяще.

[2]) См. примечания в конце писем. *Л. Д.*

Далее Плеханов заявил мне, что, ввиду выясненного М. Н. отношения к *ним* народовольцев, он, Плеханов, очевидно, в редакции оставаться не может и не обещает даже *постоянного* сотрудничества, хотя время от времени сотрудничать не отказывается. Книжку Аристова он разберет на-днях.

Итак, уважаемый Петр Лаврович, это дело конченное. Хорошо или дурно, но мы остаемся вдвоем, и теперь нужно скинуть с журнальных счетов одного очень ценного работника. Мое мнение, что Евгений будет стараться всячески вооружить его, как и всех своих, против нас, так что в будущем я предвижу только ухудшение отношений, хотя в данный момент мы с Плехановым *не поссорились*, а только честно и благородно разошлись. Finis. Перейдем к своим делам...

II.

4 августа 1883 г.

Я только что отправил вам письмо,как получил ваше, уважаемый Петр Лаврович. Из моего письма вы теперь уже знаете, как стоит дело с Жоржем. Прибавлю еще несколько разъяснений. Будет ли он сотрудничать—я не знаю. Он обещал, но из этого еще ничего не следует, п. ч., повторяю, мое мнение (верьте или нет,—но я пришел к нему годовым наблюдением),—что тут суть в Евгении, а не в нем. Во всяком случае Жорж обещал быстро, в два-три дня, сделать рецензию книжки о Щапове. Статью о национализме он обещал раньше и, насколько мне известно, в значительной степени уже написал. Далее об уступках. Я не думаю, чтобы какие бы то ни было уступки могли помочь. Есть одно (если только теперь не поздно)—принятие Евгения в организацию... Ну, надеюсь, что об этом предмете с вами незачем распространяться. Что касается всяких прочих уступок, то они только усилят требовательность с той стороны. Ведь и исторический очерк Жорж *прибавил*, или, по крайней мере, придал ему такой характер—сверхсметно, так сказать. Он мне сам сказал вчера: «Конечно, будь я свой, я бы не так написал». Вообще я потерял охоту думать о способах соглашения, п. ч. потерял всякую веру в его возможность. Распространяться о том, как я старался привлечь Жоржа и как ценю его (если он без евгеньевской лигатуры)—считаю излишним: вы бы это должны были видеть очень хорошо. Точно так же вы

можете быть уверены, что, насколько зависит от меня, я постараюсь сохранить нам даже крохи его сотрудничества, хотя надеюсь на одного Аристова. Он, Жорж, положим, сказал, что ведь могут быть темы, не имеющие касательства к партийной политике, и что на них нам легче будет сходиться... Но ведь это *он* говорит. А на самом деле нет ни одной темы, к которой, *если хочется*, нельзя было бы приплести политику, как она, без всякой надобности, приплетена к *этой* статье. Ведь вопрос о политике в социализме можно бы тоже разбирать чисто теоретически, не крича о перемене программы. А ведь я просил не говорить именно о *перемене*, а просто развивать свою программу. Такие затруднения можно делать с *каждой* темой, и они будут делаться до тех пор, пока не удовлетворен Евгений.

От статьи же Евгения мне хотелось бы отделаться только потому, что он хочет ее поместить с *подписью*, а это вовсе, по-моему, неинтересно, затем отделаться, разумеется, прилично, т.-е. мотивируя это какими-нибудь литературными соображениями. Впрочем, как хотите...

III.

5 августа 1883 г.

Евгений спрашивает меня, написать ли ему заметку о Туне (он еще *не начинал*, но готов начать, если нужно). Я ответил, что *мое* мнение—не начинать, п. ч.: 1) желательно было бы сделать из Туна статью, а не рецензию, 2) п. ч. исторические темы очень щекотливы, и эту статью выгоднее сделать под непосредственным наблюдением редакции. К этому я прибавил, что, впрочем, снесусь с вами, так как один не имею права перерешать вопроса.

IV.

6 августа 1883 г.

Уважаемый Петр Лаврович!

Позвольте мне пока положить под сукно ваше «официальное» письмо и поговорить еще раз *частным* образом. Я не нахожу, чтобы вопрос был достаточно выяснен.

Письмо Аксельрода показывает не только раздражение (и притом глупое, п. ч. человек сердится, ничего не зная), но еще и то, что эти господа начинают враждебные действия. Вы видите,

в каком свете *ему* уже представлено положение дел из Женевы; видите, что они уже и прямо врут, указывая, напр., на недовольство М. Н. статьей Жоржа, которой они на самом деле в глаза не видали. Я вообще вывожу такое заключение, что они теперь (после разговора с Мариной Никаноровной) прямо ищут разрыва и, раскаиваясь в том, что дали статьи раньше, берут их назад прямо преднамеренно: я уже говорил вам, что историч. оценок Жоржа раньше *не предполагалось*; он их, очевидно, вставил нарочно, чтобы помешать принятию статьи (3); Аксельрод придирается просто нахально, и, согласитесь, что всякая редакция, кроме нашей (по ее затруднительному положению), просто расхохоталась бы, если бы ей сотрудник ставил условием принятие статей другого сотрудника. Да еще заметьте—он статьи Жоржа ведь не видал. Выходит нечто до комичности кумовское.

Но раз люди *хотят* разорвать, то как вы надеетесь их от этого удержать? И заметьте, что они, как мне словесно заявлено Жоржем и письменно Дейчем, выступают в качестве отдельной группы. При настроении их, при заявлении себя группой, при уверенности в нашем к ним недоверии (все равно, справедлива ли уверенность),—они не могут быть так глупы, чтобы поддерживать наш журнал. Для этого нужно быть или дураком, или человеком, ставящим дело выше своих групповых расчетов. Они же ни то, ни другое. Они, а особенно Евгений, в мелочах довольно тонкие люди, а их *семейственность* (не умею иначе назвать) до того сильна, что мне, ей богу, даже противно. Они о своей «группе» могли бы повторить слова Пушкина:

Нам целый мир—чужбина.
Отечество нам—Царское Село.

И они гордятся этим, они видят в этом организационное чувство.

При таком положении дел они должны искать разрыва—не говорю полного, но ровно настолько, чтобы ничем нам не помогать. Журнал они поддерживать не станут и уже слишком ясно показали это. Они бьют на то, чтобы мы *не принимали* статей, так как самим неловко отказаться без причин. Никакие уступки не помогут.

Вы, впрочем, надеетесь, что *временно* можно будет иметь их помощь. Я этого не думаю, но прошу вас обратить внимание, какой ценой покупается эта помощь.

1) Прежде всего—в принципе мы должны отречься от первого права всякой редакции принимать статьи по собственному выбору и по их достоинству. Что это будет, если вы должны брать статьи X только потому, чтобы иметь статью друга X, или брата его, или двоюродного брата его жены? Я не понимаю, как при таких условиях можно хорошо вести журнал. Он так никогда на ноги не станет, а, напротив, неизбежно будет очень плох, и всех от себя отгонит.

2) С первого же абцуга мы должны для того, чтобы иметь статью Аксельрода, принять статью Жоржа, и чтобы принять статью Жоржа,—должны возбуждать старые счеты партий и фракций. Оставить статью Жоржа без примечаний нельзя, примечания же неизбежно вызовут полемику. Хорош дебют! Неужто же это наша объединительная миссия? Я, Петр Лаврович, не против объяснений, не против даже перемен в программах. Я говорю только, что не полемикой мы этого достигнем. Я согласен, чтобы Жорж развивал свою мысль теоретически, но ведь это очень ясно, к чему приведет перенос спора на почву разбора старых мнений. Это—разделение, это—подливанье масла в огонь, возбуждение потухающих уже счетов. Более, чем когда-либо, я считаю необходимым дать русским социалистам материал фактический и теоретический для правильной установки своей программы. И более, чем когда-либо, считаю неуместным и противоречащим цели—подымать старые счеты.

Теперь же выходит, что я должен брать на себя почин такой полемики. Мы начали издавать журнал и для чего же—для поднятия старых счетов, тем более, что на благородном джентльменстве тут не удержишься. Эти счеты слишком запутаны, их *справедливо* даже невозможно *теперь* разобрать, и личный элемент здесь неизбежно примешается. Вы скажете: мы не поместим. Что из этого? Ну, грызня будет продолжаться в другом месте. Да притом раз *кто-нибудь* (мы или они) начинает увлекаться, или, тем паче, врать, то и другой стороне не удержаться на благородстве. Но во всяком случае нам с вами будет принадлежать честь поднятия этой грызни в своем органе объединения. Я бы старался не поднимать перчатки до последней крайности, если бы она даже была брошена, положим, народовольцами где-нибудь (в среде соц.-революционеров). А тут приходится самому начинать.

3) Мы положительно компрометируем себя такою чрезмерной уступчивостью, и я, право, не предвижу, где ей будет конец.

Вот в общей сложности какой ценой покупаем мы сотрудничество их (если только купим). По-моему—нестоящее дело. От такого сотрудничества журнал только страдает, а не улучшается. Вести его становится труднее, а не легче.

Что касается того, что без них вести невозможно, то я этого не понимаю. Трудно, мало людей,—это правда. Но ведь они при таком настроении—не плюс, а минус; разве имена. Но имена уже вовсе же не такие, чтобы окупить все остальные неудобства. Что касается их *противодействия*, то оно опасно только тогда, когда вы имеете их в своей среде. А извне! Да разве же есть во всей загранице хоть один человек, хорошо к ним относящийся? Они со всеми в ссоре в большей или меньшей степени (4). *Здесь* их противодействие не имеет места. Что касается России, то в настоящий момент они там тоже *ничего* не имеют. Притом же уж если подымается речь о России, то мы уж совсем не имеем права подымать, в угоду им, фракционной полемики. Это будет грех против России. Не иметь у себя 3-х бывших передельцев, это еще не беда для России, но вносить в Россию элемент ругатни—большая беда.

Теперь о вас лично. Вы говорите, что, в случае возникновения междупартийной полемики, сочтете себя в праве отказаться от дела. Я согласен, что формальное право имеете, как имеете его, впрочем, по многим причинам. Но я не думаю, чтобы вы имели нравственное право до тех пор, пока журнал не изменит своей миссии, ибо не *успех* журнала, а верность его своей задаче определяет ваше присутствие в редакции. Журнал должен быть органом объединения русских соц.-революционеров, а вовсе не 1½ десятка эмигрантов. Петр Лаврович, всем нам (и мне, и вам, и Дейчу с К⁰) не должно забывать, что мы не Россия, и наши отношения еще не есть отношения русских фракций. Право, этого даже доказывать не стоит. Ну, а что русские скажут, это мы еще увидим. Во всяком случае мы должны иметь в виду именно русских, и успехом *там* измерять целесообразность своей деятельности. Если мы будем служить (как я надеюсь) центром (т.-е., конечно, нравственным) русских, т.-е. в России действующих соц.-революционеров, то наша миссия—достигнута, как бы ни ругались Дейч и К⁰. Если же мы этого не до-

стигнем, или тем более сделаемся причиною раздора в России, то наша задача не удалась. Так я меряю *успех*. Но успех—это дело отдаленное, о нем можно будет судить не раньше, как через несколько книжек. А пока ваше «право» определяется только *верностью* журнала своим целям. Что касается этого последнего, то я думаю, что именно принятием таких статей, как жоржевские, *с неизбежными ее последствиями*, мы изменим своей задаче, а не наоборот. В этом смысле погрешает и ваша «официальная» записка: конечно, статья Жоржа не заключает в себе ни одного из трех пунктов, объявленных в программе, но она заключает в себе нечто худшее: она противоречит основной цели журнала и программе, *взятой в целом*.

В общей сложности я полагаю, стало быть:

1) Статьи Жоржа не принимать, если он не захочет выкинуть историческую часть или ее изменить несколько.

2) Аксельрод пусть поступает, как ему угодно. На его письмо можно ответить, что он, очевидно, введен в недоразумение касательно отношения *нашего* (т.-е. редакционного к ним). Сотрудничество Жоржа нам крайне желательно, но, конечно, не *всякую* статью мы можем принять. Что касается вообще приемов статей, то мы руководимся при этом общими правилами всякой редакции. Впрочем, ответить можно разно, конечно.

3) На следующую книжку, да и вообще до тех пор, пока мы не будем иметь под ногами твердой почвы в России, я бы не рекомендовал статей, вроде «Принципов Народной Воли».

4) В настоящей книжке вы бы взяли на себя рабочее движение (какое вам удобнее), а библиографию или вовсе оставить, или, если я успею помочь вам, то пустим Лавеле, Гюго; я разберу «Мнения Земск. Собр.» и «Приемы борьбы»; может быть, вы еще что придумаете?

5) В следующей книжке—общие статьи можете дать вы и Русанов, а фактические, кажется, у нас нетрудно найти. Вообще тогда удобнее будет говорить, когда определим, наконец, судьбу *этой* книжки. А к 3-й, может быть, я что-нибудь сделаю по общим статьям. Вы тоже, конечно, в состоянии будете и под-ряд в двух книжках дать общие статьи. Вообще я не разделяю ваших опасений, что мы не справимся без этих господ. Да, наконец, будет же у нас русское сотрудничество. Мне положительно обещал патрон (5). А если не будет, то ни Плеханов, ни Аксельрод не помогут.

В заключение мне для статьи нужно: 1) выписки из газет о совещании 8 марта Совета Министров о конституции Алекс. II; у вас они есть; 2) Настоящее письмо Марины Никаноровны, чтобы мне не повторять; от нее я получил коротенькое письмо (вместе с Аксельродом), но она не излагает своего мнения. Я прошу ее ответить или категорически, или же прямо заявить, если она не знает, как поступить; 3) Трусов предлагает купить его типографию за $1^1/_2$—2 тысячи франков; по-моему, это *очень* выгодно, она, вероятно, стоит втрое больше; 4) переменить адрес Жаклера можно только *при случае*, но объясните ему, что посылаться будут *исключительно* печатные вещи и притом *легальные*, и посылаться будут от издания, в котором он сотрудничает. Следовательно, его соображения едва ли основательны, и из Питера более удобно посылать именно *ему*, сотруднику, чем человеку постороннему. Впрочем, я воспользуюсь первым же случаем предупредить патрона. До свидания *Ваш В. Долинский.*

P. S. Вот еще, Петр Лаврович. Может быть, согласитесь по существу с моим мнением о бесплодности уступок, и о том, что можно вести дело без компании *ех*-передельцев, найдете, однако, лично для себя неудобным принимать на себя ответственность за этот разрыв с ними, тогда, разумеется, можно будет устроить что-либо вроде вами предлагаемого. Но это уже будет дело другое, так сказать, больше для публики, и я против этого ровно ничего не имею. Только мне бы сперва хотелось *для себя* знать, сходимся ли мы в этом, т.-е. признаете ли вы основательность моих резонов, или сделаете только уступку. Вы все думаете, что у меня личное раздражение. Ей-богу, нет, хотя, конечно, Евгений, это—животное, самое ехидное. Но у меня вовсе не раздражение все-таки, а просто беру факты, каковы есть. Уступки хороши, когда они уместны. Но в данном случае они бесцельны, п. ч. только повредят, так что совершенно не из чего себя компрометировать и становиться под хлыст (6).

Сейчас получил известие, что вчера умер в Женеве *Франжоли*. Нужно отправляться на похороны. Хороший был когда-то человек, но в последнее время так мучился, так заживо сгнил, что уже, напротив—за него скорее можно порадоваться. Но жена (Завадская) будет, конечно, убиваться. Сколько лет жизни она на него убила, ходя за калекой... Хочу ее пригласить к себе, а то ей очень уж тоскливо будет. Вообще жаль ее, а не его.

В. Долинский.

ПРИМЕЧАНИЯ.

(1) Первоначально, по прочтении этой статьи Плеханова, Тихомиров вовсе не восстал против указанных им здесь мест, «хотя он и морщился по их поводу,—как сообщает Г. В.,—но все же сказал, что она приемлема». Изменил он свой взгляд на ее счет лишь после моего разговора с Марьей Никол. Ошаниной, которой я указал на эти места статьи Г. В. Тогда она заявила, что, в таком случае, статья эта не будет принята, чего мне и хотелось, чтобы мы могли ее сами выпустить в предпринятой нами тогда «Библиотеке Соврем. Социализма» (см. подробнее в моей статье: «О сближении и разрыве с народовольцами», «Прол. Рев.» № 8 (20), стр. 45—46).

(2) Просьбу сообщить ему мнение М. Н. Ошаниной и предоставление ей и Лаврову решение этого вопроса Тихомиров написал, конечно, из дипломатических соображений, так как ее мнение ему уже было хорошо известно: ему нужно было показать одурачиваемому им и Мариной Никаноровной старику, что они будто бы высказывают свой взгляд на статью Плеханова, независимо один от другого, не сговорившись. Как известно, им действительно удалось его одурачить.

(3) Все это—сплошная неправда: статью свою Плеханов нам предварительно прочел, иначе как мог бы я Марье Ник-не указать на вышеупомянутые неодобрительные отзывы его о партии «Нар. Воли»? «Нарочно» Георг. Вал. не вставлял ничего по той простой причине, что, когда писал эту статью, он еще не знал о возможном конфликте с народовольцами по поводу нашего заявления о присоединении к ним (см. цит. выше статью мою «О сближении» и пр.).

(4) Это чистейший вздор, к которому прибег этот иезуит, чтобы одурачить наивного старика и примирить его с отказом Плеханова и др. участвовать в «Вест. Нар. Воли».

(5) Кого он называл «патроном», доподлинно не знаю, но почти уверен, что это был Дегаев, который незадолго до того приезжал за границу: он единственный мог обещать Тихомирову снабжать его сведениями о России, составляя эти свои «корреспонденции», конечно, сообща с начальником петерб. охранки, знаменитым тогда Судейкиным.

(6) Подробные возражения на все заключающиеся в этих письмах выдумки я привел в цит. выше статье, помещенной в № 8 (20)«Прол. Рев.», но для удобства читателей, которым почему-либо она не попала в руки, воспроизвожу их здесь лишь с незначительными пропусками.

В этих письмах много противоречий, а также смешений были с небылицами. Обратимся сперва к его изображению наших будто бы неимоверных требований и неуступчивости. Между

тем мы всего-на-всего пожелали помещения сообщения о нашем, бывших старых чернопередельцев, присоединении. Умышленно совершенно умолчав об этом Лаврову, Тихомиров путем всевозможных выдумок старается восстановить его против всех нас вообще, а против меня в особенности: «Евгения» он изображает чем-то, вроде Мефистофеля, который делает с «Жоржем» все, что ему вздумается. Нужно ли доказывать, что это—чистейший вздор. Лица, имеющие какое-нибудь представление о независимом характере Плеханова, знают, что с самых юных лет он действовал самостоятельно, только на основании глубокого убеждения. Поэтому постоянные утверждения Тихомирова о моем будто бы зловредном влиянии как на Плеханова, так и на остальных моих друзей, являются его измышлениями для того, чтобы восстановить плохо разбиравшегося в таких кружковых вопросах Лаврова против меня.

Далее, сознательной неправдой являются такие его заявления, как: «что касается всяких прочих уступок»,—потому что, повторяю, весь сыр-бор загорелся из-за одного единственного нашего требования и больше ни единого. Затем, он заявляет, что «потерял охоту думать о способах соглашения, потому что потерял всякую веру в его возможность». Из этой фразы надо заключить, что он делал неоднократные усилия притти с нами к соглашению; между тем, как я уже сообщил, кроме одного единственного объяснения с нами, когда он сослался на их устав, запрещающий прием целых организаций, а допускающий принятие только отдельных лиц, и также на «российских товарищей»,—никаких других ни устных, ни письменных переговоров ни он, ни его единомышленники ни с кем из нас не вели, что неопровержимо доказывается моими письмами к Аксельроду.

Чистейшей неправдой является также утверждение Тихомирова, будто мы стремились «разорвать». Такого желания ни у кого из нас не было, как это тоже очевидно для всякого из моих писем к П. Б. Аксельроду от того времени. Мы только не хотели,—по верному определению Плеханова,—«разбиваться на атомы», чтобы быть поглощенными народовольцами, а, как группа, присоединиться мы искренно хотели. Поэтому огромной непоправимой ошибкой, если не сказать больше, явился отказ нам в этом со стороны Тихомирова, Ошаниной и их товарищей; произойди наше с ними объединение, несомненно, иною была бы дальнейшая судьба «Нар. Воли», а также, вероятно, русской соц.-дем. партии. Но возвратимся к этим замечательным письмам Тихомирова.

Его озлобление и ирония по поводу нашего отстаивания «групповых интересов», между тем как он будто бы преследовал обще-русские,—являлись только втиранием очков мало осведомленному в таких вопросах Лаврову. В действительности, как всем теперь известно, в описываемое мною время народовольцы также являлись тогда только небольшой группой, в среде

которой к тому же находился провокатор Дегаев, вершавший вместе с начальником охранки Судейкиным все затеи народовольцев. И вот эта «всесильная», «могущественная» партия требовала, чтобы Плеханов, Засулич, Аксельрод, Игнатов, я и др. бывшие чернопередельцы, склонив главы, прошли под ярмом quasi-победителей в русском революционном движении!

Издевательством над неосведомленным Лавровым являлись утверждения Тихомирова, будто бы их «уступчивость» нам «была чрезмерной», «положительно компрометировала» их и что ей «не видно было конца». Все это—сплошная неправда.

Едва ли затем сколько-нибудь беспристрастный человек согласился бы с заявлением этого правдивого столпа тогдашних народовольцев, будто бы приобретение «сотрудничества» Плеханова и нас, его товарищей, ценой наших «требований» являлось «нестоящим делом», отчего «журнал мог только пострадать».

Очевидной для всякого неправдой было также его сообщение Лаврову, будто «во всей загранице нет ни одного хорошо относящегося к нам человека».

Последствия показали, насколько оправдалась «надежда» этого пророка, что ему с его товарищами предстояло «служить нравственным центром действовавших в России революционеров»,—всем известно, как 5—6 лет спустя, закончил свою политическую карьеру этот вдохновитель террора и член «нравственного центра», припавший в 1889 г. к стопам одного из самых жестоких деспотов и ставший душителем всего честного, передового в России.

Л. Д.

ЮР. СЕРГЕЕВ.

УШЕДШИЕ.

Начиная с мая 1918 г., мы потеряли несколько близких нам лиц: мы имеем здесь в виду не Г. В. Плеханова и В. И. Засулич, так как они не забыты,—их имена хорошо известны современному поколению. Но кроме них в течение последних пяти-шести лет ушло от жизни не мало наших друзей и товарищей по работе, которые многие годы боролись и, вынося неимоверные страдания, отдавали все свои силы народному делу; когда же они преждевременно сошли в могилы, то никто, кроме тесного кружка друзей, не знал даже об этом, и смерть некоторых из них не вызвала в газетах хотя бы краткой заметки...

Этим тихо и незаметно ушедшим борцам и мученикам посвящаем мы теперь, хотя и с большим запозданием, немногие страницы.

Л. Д.

I.

И. И. Аксельрод.

Ида Исааковна Аксельрод, младшая сестра известного теоретика марксизма «Ортодокса», родилась в начале семидесятых годов в небольшом местечке Виленской губ., в строгой и патриархальной семье раввина. Дети работали чуть не с пятилетнего возраста и рано приучались к исполнению долга и нетребовательности к жизненным благам. Девочек по традиции никаким наукам не обучали, и Иде, не умевшей даже говорить по-русски, стоило больших трудов преодолеть препятствия со стороны родителей, чтобы удовлетворить своему желанию научиться хотя бы какому-нибудь ремеслу. Ей все-таки удалось поступить в швейную мастерскую, где она пробыла год.

Когда Иде минуло тринадцать лет, из дома родителей ушла, после борьбы с семьей, ее сестра Любовь Исааковна

(Ортодокс), к тому времени уже определившаяся революционерка.

В следующем году и Ида приобщилась к революции: поехав гостить на Украину, она благополучно провезла по указанию сестры большой тюк нелегальной литературы, которая предназначалась для полтавской группы, пропагандировавшей преимущественно среди нижних чинов полтавских воинских частей. Впоследствии, в списке лиц, привлекавшихся к дознанию по делу о полтавских и кременчугских преступных кружках за 1885 год, были упомянуты, как неразысканные, Ида и Люба Аксельрод.

Это первое конспиративное дело послужило толчком для развития впечатлительной девочки. Она стала очень усердно учиться, и прежде всего русскому языку. Увлекшись, не без влияния сестры, революционными идеями, Ида скоро начала посещать нелегальные кружки, что, конечно, не могло остаться незамеченным со стороны семьи и не встретить понятного противодействия. После недолгой внутренней борьбы она покинула родной дом и уехала в Мелитополь, где тогда проживала ее сестра. Несмотря на то, что Иде было только 16 лет, она быстро освоилась со своим положением, не замедлила завести революционные связи и энергично работала в народовольческих кружках. Вскоре сестра уехала в Петербург. Оставшись одна, Ида познакомилась и близко сошлась с работницей Чайкиной и вместе с ней, под влиянием романа Чернышевского «Что делать?», открыла швейную мастерскую.

В 1893 году, в связи с полицейскими репрессиями, Ида уехала за границу, куда уже раньше эмигрировала ее старшая сестра. В Женеве они встретились, после чего вскоре перебрались в Берн. Здесь Ида Исааковна поступила в университет, где училась, зарабатывая средства на пропитание шитьем, терпя всевозможные лишения и буквально хронически голодая. Тем не менее, в 1901 г. она защитила диссертацию по литературе и стала доктором философии.

К этому времени Ида Аксельрод вполне определилась, как последовательная соц.-демократка, и с жаром отдалась пропаганде революционного марксизма в Берне. Она неизменно являлась ярой последовательницей Плеханова, состояла в числе его лучших учеников, твердо стоявших на своих постах даже в периоды полного развала среди революционной интеллиген-

ции,—развала, вызывавшегося как ужасными политическими условиями тогдашней России, так и жизнью наших политических эмигрантов.

Незадолго до всемирной войны Ида Исааковна примкнула к течению партийцев, из которого впоследствии образовалась организация «Единство».

Примкнув к оборонцам, она в 1915 г. вместе с Плехановым и другими товарищами подписала известное воззвание к русским рабочим и ко всему русскому народу с призывом о защите России; затем приняла участие в парижском сборнике «Война» и сотрудничала в «Призыве», органе объединенных социалистов-оборонцев различных партий и течений.

В Россию Ида Исааковна попала незадолго до Октябрьского переворота, после чего стала в стороне от политической жизни страны.

Физические и нравственные потрясения последнего времени измучили ее организм, еще ранее подорванный лишениями эмигрантской жизни. В ночь с 14 на 15 мая 1918 г. Иду Исааковну нашли мертвой около линии трамвая в Лесном, вблизи Петрограда, где она жила вместе с сестрой. Умерла она от разрыва сердца на 44-м году. Гроб ее на еврейское кладбище сопровождала небольшая группа самых близких товарищей. У открытой могилы Л. Г. Дейч в немногих словах обрисовал характер и деятельность столь преждевременно при ужасных условиях умершей И. И. Он указал на необыкновенную искренность, беззаветную преданность, серьезность и скромность ее. Между тем как в России имя ее было почти неизвестно, в Германии Ида Аксельрод завоевала себе довольно заметное положение в качестве литературного критика с марксистской точки зрения. Она также принимала очень деятельное участие в социалистической литературе Швейцарии.

В 5-ю годовщину смерти И. Аксельрод под редакцией С. Я. Вольфсона и с его предисловием вышла в Минске в изд-ве «Белтреспечать» ее книжка «Литературно-критические очерки», которую усердно рекомендуем всем, интересующимся этой выдающейся женщиной.

II.

Б. А. Гинсбург (Д. Кольцов).

Борис Абрамович Гинсбург родился в 1863 году в глухой деревне Могилевского у.—По окончании в 1883 г. Кишиневской гимназии поступил в Петербургский университет на естественный, а потом на юридический факультет. Еще будучи гимназистом седьмого класса, Гинсбург примкнул к одесской группе народовольческой партии, а в студенческие годы уже играл видную роль в революционных кружках, занимавшихся в те времена главным образом самообразованием.

Зимою 1884 г. он был в первый раз арестован, но скоро выпущен и в следующем году уже работал в центральной петербургской народовольческой организации, в которую входил также казненный впоследствии А. Л. Гаусман, и после ареста последнего остался в Петербурге единственным членом центральной группы.

Увлекшись затем марксистскими идеями, Бор. Абр. сблизился на этой почве не только с кружком первых соц.-демократов, но и с А. И. Ульяновым и группой студентов, участвовавших впоследствии в покушении 1 марта 1887 г. на жизнь Александра III. Впрочем, уже и тогда он не разделял террористических увлечений этого кружка.

Вслед за мартовским террористическим актом Гинсбург был уволен из университета и выслан на родину, где в 1889 г. был снова арестован по старому народовольческому делу, хотя он давно уже был чужд народовольческих воззрений.

Все эти годы Борис Абрамович вел деятельную пропаганду марксизма среди интеллигенции и рабочих, а в 1893 году эмигрировал за границу. Там он стал вскоре во главе «Союза русских соц.-демократов», который с 1896 года совместно с группой «Освобождение Труда» начал издавать непериодический сборник «Работник». В этом сборнике Д. Кольцов поместил ряд пропагандистско-агитационных статей. Кроме того, он перевел для той же организации брошюры Шиппеля о професс. союзах Каутского и Бертрана—о кооперативах.

В период образования за границей группы «Искра» Борис Абрамович вместе с Ф. И. Даном редактировал «Рабочую Биб-

лиотеку», в которой было напечатано несколько его рассказов из истории французской революции.

Живя затем в Бельгии, Гинсбург принял в 1903 г. участие в подготовке 2-го партийного съезда, а после раскола партии примкнул к группе меньшевиков и, находясь в редакции «Искры», поместил в ней ряд статей на общеполитические темы.

Вернувшись в 1905 г. в Россию, он сотрудничал в газете «Начало» и в других меньшевистских изданиях и принимал в то же время деятельное участие в организации профессиональных союзов. После роспуска II Думы был арестован и заключен в «Кресты», но через месяц был освобожден.

В 1908 г. Гинсбург переселился в Баку, где пытался вместе со своими единомышленниками создать вновь рабочую прессу. Читал в рабочем клубе «Наука» лекции политического и экономического содержания, не прекращая в то же время своего сотрудничества в журнале «Наша Заря», заменив старый псевдоним «Д. Кольцов» новым—«Л. Седов».

В конце 1911 г. Борис Абрамович был арестован и, просидев восемь месяцев в бакинской тюрьме, ненадолго отпущен,—через два месяца его из Баку выслали.

В Бендерах, куда Гинсбург направился, его ждало из Петербурга предложение участвовать в меньшевистской газете «Луч». Там он оставался до самого разгрома рабочей прессы, когда был вновь арестован и приговорен к высылке в Енисейскую губ. Ехать в Сибирь ему не пришлось: помещенный вследствие болезни в клинику Вилье, он после сложной операции был отправлен в начале 1915 года в Астрахань, где и застала его февральская революция.

Исполн. Ком. Сов. Раб. и Солд. Деп. вызвал его в Петроград и поручил заведывание Отделом Труда. Вскоре он был назначен и комиссаром Труда, в должности которого оставался до октября.

Примыкая к группе меньшевиков-оборонцев, в органах которой сотрудничал и от которой его кандидатура выставлялась в Учредительное Собрание, Гинсбург после Октябрьского переворота совершенно отошел от политической деятельности. Ввиду выраженного желания быть членом Ком. имени Плеханова, была выставлена его кандидатура, но выборы не успели состояться.

Наступившие тяжелые условия жизни и моральные переживания гибельно отразились на здоровье Гинсбурга: летом 1919

года он вынужден был по совету врачей уехать из Петрограда. Он выбрал Уфу, где принял на себя заведывание местным революционным архивом.

Это был последний год его жизни. Вскоре Борис Абрамович почти лишился зрения. С большим трудом, он все же начал собирать материал для своих воспоминаний, пока развивавшаяся на почве истощения анемия мозга не положила конец работе.

Перевезенный в местную земскую больницу, Борис Абрамович Гинсбург 5 июля 1919 года там скончался на 57-м году.

III.

А. И. Любимов (тов. Марк).

В ночь на 10 декабря 1919 года скончался на 41 году жизни от мучительной болезни (нарыва в печени) Алексей Иванович Любимов, богато одаренный, необычайно чистой души человек, стойкий борец за народное дело, которому он был целиком предан в течение всей своей жизни.

Родился т. Марк 4 мая 1879 года в Москве, в семье владельца небольшой типолитографии. Семья была достаточно культурная для того, чтобы дать детям разностороннее образование. Алексей Иванович был помещен в московское реальное училище. Одновременно с занятиями в школе он брал уроки игры на скрипке у известного проф. консерватории Безекирского, до глубокой старости интересовавшегося судьбой своего талантливого ученика, который чрезвычайно любил и глубоко понимал музыку.

Окончив в 1896 году реальное училище, Любимов поступил в Московское Техническое училище, но окончить его ему не удалось, так как, будучи еще на первом курсе, он вступил в ряды активных борцов за торжество социализма и вскоре, как один из деятельных организаторов Московского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, подвергся аресту, а затем высылке из Москвы.

Пробыв некоторое время под гласным надзором в Камышине и Нижнем-Новгороде, Алексей Иванович поселился в Воронеже. Там продолжал он вести партийную работу в тесном кругу «поднадзорных» товарищей, трудился вместе с ними над выработкой марксистского своего мировоззрения и в то же время, не покладая рук, занимался подпольной организационной работой.

В 1900—1901 г.г. т. Марк создал Воронежский Комитет Р. С.-Д. Р. П. и вместе с В. А. Носковым организовал ее «Северный Союз». Находясь в то время в тесных сношениях с организацией «Искры», он с самого начала ее существования занимал враждебную по отношению к оппортунистам позицию.

По делу «Северного Союза» Любимов был вторично арестован, отправлен сперва в московскую тюрьму, а после восьмимесячного заключения возвращен в Воронеж. После 2-го съезда (в конце 1903 г.) Марк скрылся и, перешедши на нелегальное положение, вступил в Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. в качестве заведующего техническим бюро. Затем летом 1904 г. он был кооптирован в состав Ц. К. партии б-ков и принял активное участие в работах 3-го съезда Р. С.-Д. Р. П. под псевдонимом «Зомер».

Осенью 1905 года он состоял членом Одесского Комитета (б-ков). Там т. Марка в третий раз арестовали. Освобожденный после годичного заключения он скрылся из-под надзора и продолжал партийную работу в качестве члена и секретаря Московского Комитета до начала 1908 г., когда его в 4-й раз арестовали. После нескольких месяцев тюремного заключения его отправили в Одессу, где он раньше привлекался как член Одесского Комитета. По приговору одесского военно-окружного суда т. Марк был отправлен осенью 1908 года на поселение в с. Знаменку Верхоленского уезда (Иркут. губ.). Туда вскоре приехала жена его Ольга Александровна, с которой он повенчался в одесской тюрьме за несколько дней до приговора.

Деятельная натура Алексея Ивановича недолго выдержала бессодержательную жизнь в глухой сибирской деревушке: он решил бежать, чтобы снова отдаться любимому делу.

Предварительно уехала его жена, чтобы подготовить побег, а через несколько недель скрылся и т. Марк. Благополучно миновав границу, он в мае 1910 г. был в Париже.

Там начался новый период его жизни,—заграничного эмигранта. Снова он весь ушел в партийную работу. Состоя сперва в редакции «Пролетария» и будучи секретарем Ц. К., Алексей Иванович впоследствии разошелся по некоторым организационным вопросам с левым крылом партии, образовав с некоторыми единомышленниками группу большевиков-примиренцев. Сблизившись затем с Г. В. Плехановым, он вошел в группу партийцев, органом которой явилась газета «За Партию». В ней Алексей Иванович принял очень деятельное участие.

С самого начала империалистической войны, которая застала его в Швейцарии, т. Любимов стал на оборонческую точку зрения и, вернувшись в ноябре 1914 г. в Париж, порвал с теми членами группы примиренцев, которые заняли интернациональную позицию.

Алексей Иванович принял горячее участие в органе оборонцев «Призыв», и, кажется, не вышло ни одного номера этой газеты, в котором не было бы его статьи. Только сильное напряжение нервов давало ему возможность выдерживать столь тяжелую работу: ему одновременно приходилось добывать средства для поддержания своего и жены существования, а также и для газеты.

Так продолжалось до Февральской революции, когда Любимов деятельно принялся за организацию переправы эмигрантов-единомышленников на родину; с этой целью он образовал комитет и работал в нем, пока не переправил всех товарищей; только тогда он с женою вернулся в Петроград.

С августа 1917 г. А. И. является одним из наиболее деятельных сотрудников плехановской газеты «Единство»: он состоял членом ее редакции и входил в Ц. К. этой организации, в которой пользовался общим уважением и расположением. В последние месяцы ему сверх того было поручено заведывание администрацией газеты. По приезде в Россию Алексей Иванович поступил юнкером в Михайловское артиллерийское училище и таким образом осуществил свое давнишнее желание служить в рядах войск.

После Октябрьской революции т. Любимову, глубоко преданному интересам пролетариата, отдавшему всю свою жизнь делу борьбы за социализм, было очень тяжело чувствовать себя оторванным от рабочего класса в момент, когда эта борьба привела пролетариат к победе.

Свойственные т. Марку последовательность и неспособность к компромиссам удерживали его, ввиду несогласий с коммунистами по некоторым вопросам, от принятия непосредственного участия в последних моментах героической борьбы российского пролетариата. Но и в этот последний период вынужденного политического бездействия, вплоть до последних часов своей жизни, т. Марк жил одной лишь мыслью о деле, которому он отдал все свои силы...

В его лице российский пролетариат потерял одного из наиболее преданнейших, честных и самоотверженных борцов.

IV.

Н. В. Васильев.

18 апреля 1920 года в больнице Кауфманской общины в Петрограде после непродолжительной болезни скончался д-р Николай Васильевич Васильев.

Имя этого человека сравнительно мало известно русскому трудовому народу, которому он с ранней юности посвятил всю свою жизнь—почти 30 лет он вынужден был провести за рубежом,—но оно яркими буквами вписано в историю рабочего движения в Швейцарии, этой маленькой страны, которая играла большую роль в развитии социализма в России и социальных реформ во всей Европе.

Сын известного ученого-ориенталиста, Николай Васильевич рано приобщился к революции—уже в девятнадцатилетнем возрасте, в 1876 году, он был арестован за пропаганду социализма среди товарищей, студентов Ново-Александрийского сельскохоз. института.

Выпущенный из-под ареста, он вскоре снова попал в тюрьму по подозрению в организации, совместно с Плехановым, М. Поповым и др., известной забастовки на Новой бумагопрядильне на Обводном канале в Петербурге.

После непродолжительного заключения, Васильев был выслан в Холмогоры, но оттуда, переодевшись больной бабой, бежал при помощи своих преданных друзей (А. Герценштейна и З. Воскресенской) и снова появился в Петербурге.

Однако работу там пришлось скоро прекратить, так как «недреманое око» полицейского начальства угрожало новым арестом. Николай Васильевич решил на-время оставить Россию и перебраться за границу.

Очутившись в Швейцарии, он со свойственною ему решительностью и страстностью отдался пропаганде социалистических идей среди тамошнего пролетариата и одновременно продолжал заниматься самообразованием. Спустя четыре года. Васильев получил в Бернском университете за работы по физиологии ученую степень доктора медицины.

Из Швейцарии он через некоторое время переселился в Лондон, где продолжал свою революционную деятельность. Он полу-

чил там от К. Маркса лестное предложение помогать ему в изучении русской литературы по аграрному вопросу в России, которой великий экономист готовился посвятить один из своих трудов.

Англию Николай Васильевич скоро оставил и снова перебрался в Швейцарию, обосновавшись в Берне, где он занял новое в то время положение—рабочего секретаря.

В Берне памятником кипучей деятельности Васильева явился построенный доктором-революционером Volkshaus (Народный Дом). Кроме того, в швейцарском законодательстве, благодаря его необыкновенной энергии и настойчивости, был проведен первый закон о страховании от безработицы.

Вскоре после революции 1905 года Васильев вернулся на родину и поселился в Петербурге. Он основал на Выборгской стороне Рабочий клуб, в котором читал в 1905—1907 г.г. лекции по космогонии, истории эволюции животного и растительного царства, а также по истории социализма.

Наступившая во времена Столыпина реакция заставила его прекратить эту лекционную деятельность.

Новая революция 1917 года, казалось, открывала Николаю Васильевичу широкое поле деятельности. Однако судьба решила иначе.

Ставя на первый план настоятельные нужды русского трудового народа и будучи близко знаком с западно-европейским пролетариатом, он принял живое участие в органе своего друга и товарища Г. В. Плеханова. Отстранившись затем от политической работы, д-р Васильев поступил на службу в Союз потребительных товариществ.

Наступили голодные годы, и Николаю Васильевичу пришлось перенести все ужасы недоедания. Из писем к товарищам видно, как рвался он из голодного Питера в деревню, где думал служить, среди дорогого ему крестьянства, сельским учителем...

Но организм не выдержал испытаний—скоро пришлось лечь в больницу, в которой и скончался, оставив двух маленьких сирот, девочку 8 л. и мальчика 6 л.,—жена его умерла еще раньше.

Лица, знавшие Николая Васильевича, высоко ценили этого благородного деятеля, его искренность, преданность делу и неутомимость в работе.

V.

А. С. Зон.

Аркадий Семенович Зон родился в 1881 году в селе Шумском, Петроградской губ., где отец его был фельдшером. Лишившись десяти лет от роду своей матери, он в двенадцать лет потерял и отца. Вскоре он вынужден был уехать от оставшейся в доме мачехи и искать приюта у своего дяди-сапожника в Петербурге. Последний решил приучать своего племянника к портняжному делу. Но не эта работа увлекала мальчика: обнаруживая с раннего возраста интерес к грамоте и стремление к науке, он все свободные от ремесла часы отдавал чтению и самообразованию.

Вскоре затем он, оставив сапожную мастерскую, уехал в Ковно, где поступил в одну из газетных типографий. В это же время Зон сблизился с местной соц.-демократической организацией.

В 1899 г., восемнадцатилетним юношей, Аркадий Семенович был впервые арестован, но из пересыльной тюрьмы ему удалось бежать и с помощью друзей эмигрировать за границу.

После двухгодичного пребывания в Лондоне в качестве простого рабочего, Зон вернулся в Россию и, проживая под чужим именем в Вильно, продолжал партийную работу. Вынужденный скрываться от преследований жандармерии, он в 1905 г. приехал в Петербург, где был вскоре арестован при отправке нелегальной литературы. После непродолжительного пребывания в ковенской крепости, он по приговору суда был выслан на поселение в с. Знаменку, Иркутск. губ.

В 1911 г. Аркадий Семенович пытался бежать из ссылки, но в Иркутске был пойман, при чем, не желая сдаваться добровольно, произвел в себя выстрел,—пуля навсегда застряла где-то около сердца. По выздоровлении он был водворен опять в Знаменку. Предпринятый через короткое время новый побег был удачен.

Перебравшись через границу, Зон поселился в Цюрихе и, записавшись в соц.-демократическую организацию, работал в пролетарской среде, одновременно пополняя свое образование при помощи единомышленников-студентов. С целью облегчить свое материальное положение он сдал испытание на зубного техника.

До 1911 года Аркадий Семенович был бундистом, одно время большевиком, но в последние годы, вместе со своим другом А. И. Любимовым, которому он помог бежать из ссылки, примкнул к плехановскому течению.

Вернувшись в Россию после февраля 1917 года, он стал деятельным членом организации «Единство» и сотрудником ее органа того же наименования.

В 1918 году, оставив политическую работу, Зон прослужил некоторое время зубным техником в «Самопомощи» и секретарем професс. союза лечебников, потом заведывал складами дровяного кооператива и, наконец, был контролером заготовок. С марта 1920 года он перешел в «Производсоюз» и 1 мая того же года в числе других был арестован и препровожден в тюрьму. Там он заразился дизентерией и в ночь с 12 на 13 июля 1920 года скончался в тюремной больнице.

Спустя короткое время пришло распоряжение об его освобождении, но Зона не было уже среди живых.

Предсмертною просьбою Аркадия Семеновича было: «Похороните меня поближе к Плеханову».

Последний являлся для него образцом борца за народное дело.

Большая часть жизни покойного была связана с движением рабочего класса, к которому он принадлежал по рождению и воспитанию и в рядах которого был всегда честным, преданным и неустанным борцом.

VI.

Б. С. Цетлин (Г. Батурский).

Борис Соломонович Цетлин родился 1 января 1879 года в Смоленске. Среднее образование получил в Витебской гимназии, которую окончил с золотой медалью. Жажда общественной деятельности обнаружилась у него уже в юношеские годы, когда, будучи еще гимназистом, он принял деятельное участие в конспиративном кружке, поставившем себе целью оказание помощи стремившейся к самообразованию молодежи. В гимназии же начались серьезные занятия Цетлина по политической экономии и другим социальным наукам; тогда же он проштудировал «Капитал» К. Маркса.

В 1897 г. Б. С. Цетлин поступил на естественный факультет Московского университета, но на-ряду с естествознанием он продолжал заниматься политической экономией и историей рабочего движения и читал рефераты в студенческих кружках.

Приехав летом 1898 года в Витебск на каникулы, он сблизился с местной социал-демократической организацией, но работать с ней ему недолго пришлось, так как его вскоре арестовали. Выпущенный через семь месяцев из тюрьмы, он вскоре снова попал туда и просидел в заключении около года.

Партийная работа в промежутках между арестами и усиленные занятия по рабочему вопросу во время тюремного заключения настолько развили Цетлина политически, что рамки витебского рабочего движения, движения ремесленного пролетариата скоро оказались для него слишком узкими. В 1901 году он уехал на юг, где вместе с другими единомышленниками организовал и редактировал газ. «Южный Рабочий». Весною газета провалилась, и Борис Соломонович очутился в одесской тюрьме. Там он принял участие в одиннадцатидневной голодовке, после которой был препровожден в ломжинскую тюрьму, а затем в пятилетнюю ссылку в Бутурусский улус Якутской области, откуда был освобожден по амнистии 1905 года.

Вернувшись снова к партийной работе, Цетлин примкнул к меньшевистской фракции. После краткого пребывания на родине он направился в Екатеринослав, где работал в местном Комитете. Весною 1906 г. он был делегирован на Стокгольмский партийный съезд, как представитель екатеринославской организации.

С лета 1906 года Борис Соломонович поселился в Москве и всецело отдался любимому делу в качестве члена Объединенного Комитета; в то же время он принимал активное участие в профессиональных организациях и сотрудничал в профессиональной прессе (главным образом, в органе печатников) под псевдонимами «Георгий» и «Г. Смолин».

В 1907 г. Цетлин поступил в Московский университет, на юридический факультет, где все время не прекращал своих занятий по общественным наукам и, главным образом, по социальному страхованию и теории ценности.

Во время студенчества он два раза подвергался аресту, а затем был выслан из Москвы. Это, однако, не помешало ему, проживая в Москве нелегально, окончить в 1911 году университет.

При возникновении в меньшевистской организации т. наз. «ликвидаторского» течения Борис Соломонович примкнул к этому последнему и был сотрудником журнала «Возрождение».

В 1912 г., в связи с усилением в Москве полицейских строгостей по случаю столетия войны двенадцатого года, он переехал в Петербург и там под псевдонимом «Г. Батурский» сотрудничал в газете «Луч» и журнале «Страхование Рабочих», который им же был организован и выходил под его редакцией. Одновременно Цетлин работал и в думской меньшевистской фракции.

Во время войны Борис Соломонович был близок к оборончеству и играл видную роль в рабочей фракции Военно-промышленного Комитета.

После февральской революции Цетлин обнаружил кипучую политическую энергию, работал в Ц.К. меньшевиков, в редакции его центрального органа «Рабочая Газета», много писал и выступал на собраниях. Но в конце 1917 года, разойдясь с общей линией Ц.К., вышел из ее состава и с тех пор активного участия в политической работе не принимал. Когда летом 1918 г. возник Комитет по увековечению имени Г. В. Плеханова, Борис Соломонович был принят в число его членов и до отъезда являлся секретарем его.

В 1919 г., по причинам материального и семейного характера, он переехал в Витебск, где работал в разных учреждениях по статистике.

Осенью 1920 г. он был случайно арестован; его содержали в исключительно антигигиенических условиях, вследствие чего он заболел сыпным тифом и 5 декабря того же года скончался в военном госпитале, помещавшемся в здании б. гимназии, в которой он учился.

Из Москвы была получена телеграмма об его освобождении, но слишком поздно.

В похоронах Цетлина приняли участие тысячи витебских рабочих, среди которых покойный начал свою политическую деятельность и был очень популярен и любим.

Могила его находится рядом с жертвами октябрьских расстрелов 1905 года.

Л. ДЕЙЧ.

ТРИ СВЕЖИЕ МОГИЛЫ.

Один за другим сходят в могилу участники революционного движения прошлых времен: в течение короткого времени скончались три наших современника.

Траурное шествие открыла *Александра Ивановна Успенская*, старшая сестра Веры Ивановны Засулич; участница движения конца 60-х г.г., прикосновенная к Нечаевскому процессу 1871 г., А. И. была одной из последних, оставшихся в живых представителей той отдаленной эпохи.

Тяжелая жизнь выпала ей на долю: мужа, известного нечаевца, Петра Гавриловича Успенского, арестовали, когда она была в последнем месяце беременности. С грудным младенцем, при ужасных условиях ей пришлось отправиться вслед за ним, на Кару. Там, живя с маленьким ребенком в вольной команде, она терпела всевозможные невзгоды, — при чем, однажды, едва не была убита ночью забравшимся под кровать в ее отсутствие каторжанином. Затем, когда по распоряжению «либерального» диктатора, гр. Лорис-Меликова, была уничтожена вольная команда, ей с мальчиком пришлось возвратиться в Россию, где вскоре затем она получила страшное известие о смерти мужа, убитого на каторге его же товарищами, неосновательно заподозрившими его в предательстве. А там пошли бесконечные преследования со стороны царского правительства, продолжавшиеся почти вплоть до революции 1905 г., следовательно на протяжении 35 лет.

Сын ее, Виктор, странствовавший с матерью в места ее ссылок, ставший по окончании гимназии, а потом университета,—земским врачом, был единственной, в сущности, ее привязанностью, целью ее жизни: их связывала не только бесконечная любовь, но и беззаветная дружба, какую редко можно было встретить

даже между лицами одного возраста. Но в тяжелые годы нужды и лишений Виктор захворал, и в 1919 г. его не стало.

Каждый, полагаю, сам представляет себе, что после этого испытывала многострадальная А. Ив. Затем потянулась тяжелая жизнь одинокой больной старухи, страдавшей сердечными припадками и испытывавшей всевозможные лишения и невзгоды, вплоть до февраля 1923 г., когда ее поместили в Доме Отдыха имени «Ильича».

До болезни, сведшей в могилу А. И., она вполне сохранила память, что будет видно из ее замечаний по поводу посмертных записок сестры ее Веры Ивановны[1]), а также из помещенных ею в «Былом» собственных ее воспоминаний.

Умерла Александра Ивановна на 75-м году. Общ-во бывш. политических ссыльных и каторжан устроило торжественные похороны. Все свои книги, рукописи и вещи, имевшие историческое значение, Ал. Ив. завещала Музею Революции в Москве.

В конце августа, вдали от России скончался участник движения 70-х г.г. *Аарон Исаакович Зунделевич.*

В течение 45 лет меня с ним связывала тесная дружба. Познакомившись юношами в 1878 г. в Петербурге, мы потом жили вместе в Швейцарии, вновь встретились в Петербурге, а там в течение пятнадцати лет пробыли вместе на каторге, в вольной команде и опять — только уже стариками — за границей во время происшедшего в 1907 г. съезда нашей объединенной партии в Лондоне, где, проведши последние 16 л. своей жизни, он скоропостижно скончался, 30 августа мин. года.

Хотя по многим вопросам мы расходились, Зунделевич, тем не менее, был одним из наиболее дорогих, любимых мною людей. Да и не мною одним: решительно все, когда-либо встречавшиеся с А. И., единодушно признают, что это был чрезвычайно редко встречающийся по душевным качествам человек.

Всю свою жизнь вплоть до самой смерти, наступившей на 69-м году, А. И. отдавал ближним, независимо от того, к каким партиям или направлениям они принадлежали; решительно каждому, в чем-либо нуждавшемуся, приходил он на помощь, заботился о нем, исполнял как крупные, так и мелкие его пору-

---

[1]) Они появятся в следующем «Сборнике».

чения, не жалея ни времени, ни средств, какие имел или мог достать, для другого, отказывая себе в самом необходимом, совершенно не думая о себе, нисколько не щадя своих сил. И так всюду, куда ни забрасывала его судьба, — на нелегальном положении, в тюрьме, на каторге, поселении, в эмиграции.

Рядом с такими изумительными душевными свойствами, А. И. обладал также выдающимися умственными дарованиями и огромными практическими способностями. По общему признанию, Зунделевич являлся одним из самых крупных членов «Исполнительного Комитета» парт. «Нар. Воли». Он обладал большой инициативностью, энергией, выдержкой, настойчивостью и трудоспособностью. Каждое дело, за которое принимался А. И., он исполнял безукоризненно, чисто, аккуратно, дешево. Общественные средства он берег неимоверно, — до педантизма, стремясь не издержать буквально лишнего пятака. Да и вообще он был в высшей степени экономен, ригористичен.

Немного было среди наиболее выдающихся народовольцев членов, которые обладали столь разнообразными дарованиями, как Зунделевич, которые участвовали бы в таком большом числе предприятий, в каком пришлось А. И. Но об его роли и участии в террористической деятельности должны сообщить находящиеся в живых товарищи его по революционному движению, что, полагаю, они и исполнят. В свою очередь, я собираюсь поделиться подробными воспоминаниями о нем; поэтому пока ограничусь этими немногими строками.

Ровно три месяца спустя, — 30 ноября скончался в Харькове третий представитель отдаленного прошлого, — *П. А. Моисеенко*. Но не только от двух названных выше умерших, также и от многих здравствующих ветеранов Петр Анисимович резко отличался тем, что почти до последнего своего вздоха оставался на посту, продолжал быть непосредственным участником рабочего движения, активным борцом за лучшее будущее трудящихся масс.

Не на деятельности Моисеенко, не на биографии его намерен я остановиться: этим во время и после его похорон были переполнены все наши периодические издания. Мне хочется поделиться немногими моими о нем впечатлениями; предварительно расскажу, когда и при каких обстоятельствах я впервые услыхал его имя.

Это было зимой 1884—1885 г., когда в качестве каторжанина, подлежавшего отправке на Кару, я с другими ссылавшимися в Сибирь содержался в Бутырской тюрьме в ожидании весны.

Разные сведения, известия с воли, а то и газеты доходили и до нас, каторжан и поселенцев, помещавшихся в Пугачевской башне. И вот в газетах появились подробные сообщения о грандиозной Морозовской стачке, устроенной рабочим Петром Моисеенко.

Помещавшиеся вместе со мною ссыльные были все народовольцы, верившие больше в убедительность начиненной динамитом бомбы, чем в рабочее движение, в развитие классового сознания и т. п. Поэтому мне, как марксисту, не с кем было поделиться своими взглядами и настроениями, вызванными этой грандиозной стачкой, которую произвели непосредственно сами рабочие. Для меня она служила ярким подтверждением правильности взглядов сравнительно незадолго перед тем возникшей нашей группы «Освобождение Труда» на роль в России пролетариата, которому, известно, тогдашние вожди народовольчества не придавали большого значения. Мне поэтому пришлось лишь про себя радоваться Морозовской стачке и с чувством большой признательности мысленно произносить имя главного ее вдохновителя и организатора Петра Моисеенко. Это имя с тех пор крепко запечатлелось в моей памяти.

Такое же, как на меня, отрадное впечатление произвела эта стачка также и на находившихся за границей друзей моих, Г. В. Плеханова и В. И. Засулич, которые, как известно, посвятили ей статьи.

Ввиду исключительного моего положения, обстановки и сборов на каторгу, где в течение многих лет ко мне не могли доходить известия о развитии нашего рабочего движения, разразившаяся Морозовская стачка служила для меня не только подтверждением верности наших расчетов на рабочий класс, а не на кучку интеллигентов, мечтавших пустыми руками захватить власть, — она к тому же являлась прекрасным, — лучше любого словесного, — напутствием, более всякого иного, горячим искренним пожеланием преодолеть предстоявшие мне впереди испытания: эта стачка дала мне живое, конкретное представление о роли рабочих в предстоявшей тяжелой борьбе с господствовавшим в стране деспотизмом.

Находясь затем на каторге и поселении, я нередко вспоминал П. Моисеенко. Но имя его мне нигде не попадалось; я поэтому предполагал, что его уже нет в живых.

Но вот, когда весной мин. года, возвратившись из-за границы, я поселился в Доме Отдыха имени «Ильича», то к большому моему изумлению моим соседом по комнате оказался давно считавшийся мною ушедшим в вечность Петр Анисимович.

Я, понятно, чрезвычайно этому обрадовался. Встретились мы как добрые знакомые, хотя лично раньше не виделись. Мы обменялись только немногими воспоминаниями: в отличие от других подобных встреч, недолго остановились мы на отдаленном прошлом, а вскоре перешли к настоящему.

Меня в нем сразу поразили большая подвижность, бодрость и веселость.

Несмотря, однако, на упомянутое наше соседство по комнатам, нам не особенно часто удавалось беседовать, так как Моисеенко редко бывал у себя: он вечно был в разъездах по митингам здесь, в Москве, в Орехово-Зуеве, Петрограде, Харькове. Все же в те немногие дни, которые он проводил в нашем убежище, мы обменивались с ним взглядами, точнее, я каждый раз расспрашивал его о вынесенных им впечатлениях из его поездки, — о его выступлениях, о темах произнесенных им речей и пр. Он с увлечением излагал все, что меня интересовало. Из этих поездок, предпринимаемых всегда в сопровождении своей неразлучной «бабушки», как Моисеенко называл нежно любимую старую жену свою, он возвращался в приподнятом, очень веселом настроении; впрочем, до обострившейся у него летом болезни я никогда не видал его в ином состоянии.

Хорошо помню его подробный рассказ по возвращении из любимого им Орехово-Зуева, где, ввиду торжеств по случаю закладки памятника Морозовской стачки, он провел много времени. В ответ на мой вопрос, что его так долго задержало, он каким-то особенно веселым голосом сказал: «Мужички задерживали, — все приставали: растолкуй это да объясни то, — с ними все возился».

Этот ответ меня очень заинтересовал, — поэтому, уподобившись неизвестным мне «мужичкам», я, в свою очередь, попросил его «растолковать» и «объяснить» мне, что именно интересовало его орехово-зуевских собеседников.

Как и всегда, Петр Анисимович охотно начал передавать содержание своих бесед с «мужичками», под которыми имел в виду крестьян окрестных Орехово-Зуеву деревень: он объезжал эти деревни и вступал в беседы с их жителями. Они-то к нему и обращались с разными вопросами насчет современных условий, — с жалобами на свое тяжелое положение и с просьбами растолковать, почему это происходит. Моисеенко приводил данные им ответы и объяснения, которые, по его заявлению, вполне удовлетворяли мужичков. По всей вероятности, так оно и было в действительности, потому что вид белого, как лунь, старого борца, проникнутого глубокой верой и энтузиазмом, к тому же говорившего вполне понятным языком, должен был производить на них сильное впечатление.

Моисеенко являлся незаменимым агитатором и разъяснителем преимуществ нового строя, в особенности, среди крестьян, между которыми, как он говорил, немало еще скептиков и противников современных новшеств. Но он не сомневался, что с течением времени также и эти «Фомы неверующие» перейдут на сторону коммунистов. В Моисеенко превосходно сочетались все данные, благодаря которым возможно убеждать крестьян: его возраст, происхождение, продолжительная в прошлом борьба за интересы трудящихся масс и проникнутая горячей верой в справедливость защищаемых им взглядов речь его.

Редкий пропагандист и агитатор, даже вышедший из народной среды, умеет давать ответы и объяснения такими понятными и убедительными для крестьянина словами, к тому же проникнутыми такой искренностью и верой, как это делал Петр Анисимович Моисеенко.

Поэтому с его смертью не только рабочие, но, что особенно важно, «мужички» - хлебопашцы потеряли незаменимого «разъяснителя» глубоко волнующих крестьянские массы вопросов.

Л. ДЕЙЧ.

СМЕРТЬ ЛЕНИНА.

Более месяца прошло с тех пор, как все рукописи этого Сборника были сданы в Госиздат, когда получилось известие о смерти Ленина. Отчасти поэтому не могу теперь подробно остановиться на ней. Со временем мне, быть может, удастся поделиться имеющимися у меня сведениями о Владимире Ильиче: они относятся к той поре, когда он, сообща с Мартовым и А. Н. Потресовым, соединился с группой «Освобождение Труда» и начал редактировать знаменитые «Искру» и «Зарю».

Читая переполненные статьями о Ленине газеты в дни пребывания его тела в Доме Союзов и затем похорон, я невольно переносился мысленно за 23 года в Мюнхен, где мне, после побега из Сибири, впервые пришлось встретиться с Лениным и его товарищами: мне вспомнились все мельчайшие детали того отдаленного времени; перед моими глазами, одна за другой, стали проходить разные сцены, встречи, эпизоды. То был один из лучших моментов в моей жизни; кажется, также и в жизни Владимира Ильича, так как это была, если не заря, так утро его революционной деятельности, когда он развивал заложенные в нем огромные силы, готовился к борьбе за свои взгляды и планы.

Тогда-то буквально на моих глазах он писал свою первую и наиболее сильную организационную и вместе агитационную брошюру «Что делать?», имевшую, как известно, решающее значение для нашей марксистской партии, по какому пути должна она итти в организационном и в тактическом отношении, чтобы русский пролетариат мог достигнуть победы.

Тогда, при мне же, шла разработка проекта программы нашей партии, принятой затем II Съездом, и я прекрасно помню роль Вл. Ильича в этой важнейшей предварительной работе.

По его предложению, я вступил вместе с Надеждой Константиновной и затем Литвиновым в число членов администрации так наз. «Заграничной Лиги русс. соц.-дем.», почему мне приходилось часто встречаться как с Н. К., так и с Вл. Ил.

Ленин также настоял на том, чтобы я от «Искры» вошел в число членов заграничного Отдела Организационной Комиссии по подготовке II Съезда партии, ввиду чего мне тоже нужно было беседовать с ним.

Он знакомил меня со своим проектом Организационного устава, послужившим потом поводом к возникшим разногласиям, которые привели, как известно, к распадению, казалось, прочной, единой организации «Искры».

На состоявшемся, после нашей с Лениным двухлетней солидарной совместной деятельности, Съезде пути наши, к сожалению, разошлись: он положил начало организации большевиков, я примкнул к меньшевикам. Но, хотя мы оказались в разных фракциях, не прекращались наши товарищеские отношения. Только всемирная война, а затем революция нас резко поделили.

Е. Н. КОВАЛЬСКАЯ.

ПЕЧАЛЬНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ.

(по поводу вступительной статьи т. Аптекмана.)

Собираясь писать о «Черном переделе», я до сих пор молчала о вступительной статье т. Аптекмана к книжке «Черный передел». Болезнь задерживает мою работу, а потому я ограничусь пока краткими возражениями.

Т. Аптекман говорит, что никакой серьезной причины для раскола общества «Земля и Воля» не было, что все были охвачены одним настроением «мстить», «посчитаться с этим правительством во что бы то ни стало», что «деревенщики незаметно для себя заражались мало-по-малу террористическим настроением».

Но откуда же в таком случае раскол?

А вот (по мнению т. Аптекмана) «Об-ство «З. и В». приказало долго жить, потому что не поладили между собою члены редакционной группы «З. и В.» из-за «сугубой аллилуии», которая потом ввела в соблазн и остальных товарищей по «З. и В.», порешивших с болью в сердце разбрестись врозь...»

На стр. 63 т. Аптекман говорит еще лучше: «Звезда Тихомирова, как идеолога революции, поднималась все выше и выше, его весьма охотно слушали, читали, преклонялись перед ним... Плеханов же, собственно, только стал выдвигаться, набираться сил, расправлять свои крылья и — вдруг на пути Тихомиров: соревнование сначала скрытое, а потом и явное прорвалось таки, inde — неприязнь, антипатия и прочие всяческие трения, омрачившие редакцию «З. и В.», и это передалось (по словам т. Аптекмана) всем товарищам так, что они вдруг порешили поделиться на две почти равные части. Выходит чрезвычайно просто: Иван Иванович с Иваном Никифоровичем поссорились из-за гусака. Молодой петушок Плеханов не стерпел победоносного петуха Тихомирова, а потому... все товарищи землевольцы разделились на две стены, как на петушиных боях.

На стр. 90 той же статьи т. Аптекман говорит уже иначе: «ни тогда, ни сейчас, 43 года спустя, я не могу себе с достаточной ясностью выяснить ближайшие мотивы этого отнюдь не неизбеж-

ного раскола. Меня тогда во время раскола в Петербурге *не было* (курсив *Е. К.*), подробностей я не знаю, а без них и разобраться-то нелегко. Кто собственно обострил отношения — террористы или «деревенщики» (как же так, ведь, по словам т. Аптекмана, все вышло из-за «сугубой аллилуии»... *Е. К.*), мне не удалось и тогда установить, а сейчас тем более трудно».

Как же можно с таким собственным признанием смело, категорично говорить, что все вышло из-за самолюбия Плеханова и Тихомирова?

Т. Аптекман не был в Петербурге в момент раскола, но никак не мог не знать, до чего доходило у некоторых народников непримиримое отношение к убийству Александра II, — и это не у Плеханова, якобы заразившего остальных, а у М. Р. Попова, который после предложения Соловьева заявил, что он, Попов, этого не допустит.

Далее т. Аптекман говорит: «Тихомиров не раз пытался перетянуть меня в свою фракцию (народовольцев), но всегда получал один и тот же ответ: «если товарищи отпустят — пойду». Выходит, по словам Аптекмана, все рвались в «Народную Волю», в том числе и сам Аптекман. Но кто же не пускал? Сколько мне известно, как члену «Черного Передела», мы, вступая в партию, не произносили клятв на кандалах, и наш устав не имел параграфа, запрещающего выход. И как он мог давать такой ответ в то время, когда он, Аптекман, писал («Письмо к товарищам в 1 ном. «Чер. Пер.», находящееся в той же книге «Чер. Пер.»):

«Вы выступили в вашем органе (в «Нар. Воле».—*Е. К.*) *с пропагандой новых принципов и новых способов борьбы*» (курсив *Е. К.*). «Вы предлагали политическую борьбу на первом плане, мы — экономическую»... Мне кажется весьма странной, чтобы не сказать больше, ваша уверенность в необходимости в данный момент политического переворота в России», «критика современного общества убедила людей науки, что в основе его лежат, главным образом, отношения экономические, которыми, по преимуществу, и определяются остальные отношения: государственные, юридические, нравственные и проч. А потому понятно, что каждая живая партия должнм избрать точкою приложения своих сил базис данного общества — его экономические отношения», «идеалы политической свободы, верховное право народа, всеобщее избирательное право — во имя которых еще так недавно совершились политические революции, в настоящее время потеряли всякую силу и обаяние...». Думаю, этого достаточно.

Перехожу к оценке членов «Черн. Пер.», сделанной т. Аптекманом. За очень немногим исключением, члены «Ч. П.» окончили свой жизненный путь. Я не думаю, что о покойниках надо — aut bene aut nihil,—история должна быть, насколько это в человеческой власти — беспристрастна, объективна в оценке как событий, так и лиц. К умершим, не могущим защищаться, мемуаристы должны быть особенно внимательны, осторожны. Новые

поколения будут судить о лицах по записям людей, лично знавших погибших. Всякая неправильная характеристика ложится светлым или темным пятном на беззащитных.

Как оценивает т. Аптекман всех чернопередельцев *огулом*? На стр. 7 он говорит о народовольцах: *в эту партию вошли: «все смелые, стойкие, сильные волей, самоотверженные», «лучшие силы тогдашней революционной среды, отбор самых испытанных»* (курсив *Е. К.*).

Для всякого читателя из этого ясен, неизбежен вывод: раз так, значит в «Черн. Пер.» отошли худшие силы, то, что французы называют «quantité negligeable». Другого вывода быть не может.

Имел ли право т. Аптекман так отнестись к старым своим товарищам по партии «Чер. Пер.»?

1) *Плеханов* — ко времени вступления в «Черн. Пер.» уже имел прошлое: выступление на Казанской площади, агитацию во время стачек на петербургских заводах, работу среди казаков на Дону, пропаганду между рабочими в Саратове. Был одним из редакторов «Земли и Воли», автором напечатанных уже статей и пр.

2) *В. И. Засулич*—привлекалась, сидела в тюрьме и была сослана по нечаевскому делу. Затем — выстрел в Трепова. Вот что сам т. Аптекман в той же статье (рассказав, что месть Трепову готовилась помимо Засулич) прибавляет: «Правда, здесь не было бы того ореола индивидуального величия и благородства, которым был окружен поступок Засулич, не было бы взрыва того *общественного* сочувствия к этому акту, стало быть косвенно и сплошного, открытого осуждения правительственной системы, и, дальше, хотя бы временного освежения и очищения затхлой до того общественной атмосферы. Это верно, и в этом, помимо личного героизма Засулич, великое значение ее поступка, *общественное значение его*».

3—4) *Стефанович, Дейч*—Чигиринское дело. Хождение в народ. Побег обоих из киевской тюрьмы и пр.

Там же т. Аптекман говорит об этом деле (стр. 58): «Какие достоинства этого дела? — Несомненно, первый почин построения народной организации, ум и талант, вложенные в это дело, серьезно задуманное и в совершенстве, поскольку это обстоятельства позволяли, выполненное».

5) *Павел Аксельрод* — тогда уже известный революционер, с начала 70-х годов писавший в различных революционных изданиях.

6) *Мария Константиновна Крылова* — привлекалась по каракозовскому делу, затем была в ссылке по нечаевскому делу, работала почти безвыходно в тайных подпольных типографиях в продолжение многих лет и т. д.

7) *Попов, М. Р.* — видный член «З. и В.», работавший в народе с 1874 года, спокойно выполнивший террористический акт

по поручению партии «З. и В.». Впоследствии выдержавший более 20 лет кошмарного заключения в Шлиссельбурге.

8) *Преображенский*, *Георгий* — образованный, известный член «Земли и Воли», погиб в тюрьме.

9) *Пьянков* — просидевший 4 года в предварительном заключении по процессу 193; сосланный, бежал из ссылки незадолго до вступления в «Черн. Пер.», нелегальный.

10) *Хотинский*, *Александр* — работал в народе, затем участник в освобождении Преснякова, погиб в эмиграции.

11) Сам *Аптекман* — работавший в народе с 1874 года.

Не говорю о многих еще других. Не все народовольцы в момент раздела имели такой стаж, как перечисленные мною чернопередельцы. Неужели это *отбросы* после *отбора* в «Народную Волю»? Непозволительно было со стороны т. Аптекмана, дав такую характеристику бывшим своим товарищам, народовольцам, ни слова не сказать о том, как проявили себя в дальнейшем своем жизненном пути эти неудостоившиеся лучшей характеристики т. Аптекмана члены «Черн. Пер.». Ни слова—о кошмарном пребывании в Шлиссельбурге Попова и Щедрина, ни слова о том, что Щедрин выдержал два смертных приговора и не только не покаялся в продолжение 16-летнего сидения в Шлиссельбурге, но продолжал громко и там протестовать, за что был лишен прогулки, из боязни, что его речи против царя могли ввести в соблазн солдат конвоя.

Разве это не стойкие, не сильные волей?

Член бывшей организации «Черный Передел»,

Елизавета Ковальская.

С. Я. ВОЛЬФСОН.

ВОКРУГ ПЛЕХАНОВА.

(ПЛЕХАНОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА 1923 ГОД.)

Если изучение Плеханова надлежащим образом началось в 1922 году, то в 1923 году оно продолжалось с возрастающей интенсивностью.

В актив плехановской литературы за 1923 год следует раньше всего отнести многочисленные издания сочинений Г. В. Истекший год принес нам первые томы предпринятого институтом Маркса и Энгельса собрания сочинений Плеханова, издание которого является основной материальной предпосылкой для изучения Плеханова. Далее был издан ряд сборников, объединивших статьи Г. В., посвященные одной какой-либо теме (искусство, литература, религия и др.); выпущены отдельные сочинения Плеханова, в которых ощущался недостаток на рынке, при чем некоторые из них выпущены таким образом, чтобы сделать их по возможности более доступными современному читателю (редакция, примечания, комментарии и т. д.). Наконец опубликованы и некоторые новые статьи и наброски Г. В. Подробные сведения обо всех этих изданиях читатель найдет ниже— в соответствующем указателе.

Согласно произведенному мною подсчету, в Советском Союзе выпущено в течение 1923 года до 160.000 томов сочинений Плеханова, составляющих без малого три миллиона печатных листков. Эти цифры—лучший показатель того внимания, которое привлекает к себе в настоящее время Плеханов.

Этот же интерес нашел свое выражение и в многочисленных работах и статьях, посвященных оценке личности и творчества Плеханова, опубликованных в истекшем году. Большинство из этих работ чисто компилятивного характера, но встречаются среди них и такие, которые являются ценными вкладами в литературу об основоположнике русского марксизма. Среди работ о Плеханове за 1923 год следует выделить воспоминания о нем, дающие новые штрихи для характеристики Г. В. и уясняющие его отношение к различным вопросам общественности и политики (Дейч, Федорченко, Семашко). Далее следуют работы, посвя-

щенные общей характеристике места Плеханова в истории русского социализма, русской общественной мысли (Горев, Заславский). В-третьих, я бы назвал статьи, посвященные отношению Плеханова к отдельным проблемам теории и практики (Ваганян, Вольфсон, Сарабьянов и др.). Наконец следует назвать библиографические указатели по Плеханову (Ваганян, Вольфсон).

В минувшем году исполнилось пятилетие со дня смерти Г. В. На эту дату откликнулись некоторые марксистские органы—выпуском номеров, посвященных Плеханову («Под знаменем марксизма», «Спутник коммуниста», «Каторга и ссылка»). По предложению Ц. К. Комсомола во всех организациях К. С. М. были поставлены доклады, посвященные памяти Плеханова. Научное Общество при Белорусском государственном университете посвятило пятилетию смерти Г. В. торжественное заседание, на котором был сделан ряд докладов о Плеханове.

В этом же году—18 марта—состоялось открытие на Волковом кладбище на могиле Плеханова памятника Г. В.—работы скульптора И. Я. Гинцбурга.

Повышенный интерес к замечательной личности родоначальника русского марксизма захватывает все более широкие слои. Мы вступаем в полосу внимательного изучения и исследования его духовного наследства, таящего в себе неисчерпаемые богатства.

I. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ О ПЛЕХАНОВЕ ЗА 1923 ГОД.

Лев Дейч. Из отношений Г. В. Плеханова к народовольцам. «Каторга и ссылка». Книга седьмая. Стр. 9—20.

Рассматриваемые воспоминания представляют собою очередной очерк из серии воспоминаний о Г. В. Плеханове, публикуемых в течение двух последних лет Л. Г. Дейчем. Очерк охватывает время от первых разногласий Плеханова с террористами до намечавшегося в 1882 году соглашения между чернопередельцами и народовольцами.

Тов. Дейч указывает, что в момент зарождения среди народников террористических идей, эти идеи разделялись и Плехановым. Плеханов был не только горячим сторонником «дезорганизации» правительства, но и «сам в любой момент» был готов выступить в качестве террориста.

Мало-по-малу у Плеханова назревает, однако, реакция против крайнего увлечения народников террором. Он убеждается в том, что террористические лозунги нередко заслоняют от народников партийную программу. Уже к моменту задуманного Соловьевым покушения на царя Александра у Плеханова обнаруживаются серьезные разногласия с его товарищами по вопросу о терроре. После Воронежского съезда, на котором Плеханов порвал с «Землей и Волей»—до раскола организации на «Народ-

ную Волю» и «Черный Передел»,—Г. В., как известно, некоторое время находился вне всякой организации. В течение этого периода он все же принимал деятельное участие в прениях и спорах, беспрестанно происходивших среди «деревенщиков»—противотеррористической группы «Земли и Воли». Характеризуя манеру выступлений Плеханова в этот момент чрезвычайно острой фракционной борьбы, тов. Дейч говорит: «Плеханов во время этих наших собраний не вносил ни малейшего личного элемента в отношение к своим политическим противникам, террористам. Правда, по их адресу он отпускал насмешки, остроты, сарказмы, но делал он это скорее с добродушной, тихой усмешкой, чем серьезно, со злобой. Помню, как в описываемое время он донимал однажды на тесном собрании А. Михайлова, вздумавшего, для доказательства возможности путем цареубийства, добиться изменения политического строя, ссылаться на древнюю историю Египта. Прекрасно осведомленный о круге исторических и всяких других познаний Михайлова, Плеханов, не возражая ему по существу, стал, путем вопросов, допытываться у него подробностей сделанной им ссылки и таким приемом поставил своего собеседника в безвыходное положение: Михайлов под конец должен был признать, что ему неизвестны подробности указанного им факта, чего, конечно, и хотел Плеханов, закончивший с добродушной усмешкой: «Небось, сами теперь видите, что ваши познания в истории Египта недостаточны, чтобы путем ссылок на нее защищать целесообразность цареубийства». Произнесено это было таким тоном, который невольно вызвал у многих смех. Михайлов же, не отличавшийся ни большими познаниями в науках ни диалектическими способностями, что не было секретом для нас, его товарищей, почувствовал себя очень задетым этой совершенно невинной в сущности заключительной фразой Плеханова и обидчивым тоном произнес, по обыкновению заикаясь: «Вы-вы-вы всегда-а так: пред-ста-а-вите друго-го в смешно-о-о-м виде». На это, никогда не любивший предоставлять последнее слово противнику, Плеханов сказал: «А вам зачем вздумалось прибегнуть к гимназическому учебнику Иловайского», чем вновь вызвал смех; после этого вечера Михайлов и его единомышленники говорили: «Какой невозможный спорщик Жорж! Какой неприятный тон у него!».

Когда по истечении некоторого времени, прошедшего в бесконечных дебатах, представители обеих фракций пришли к убеждению в неизбежности разделения организации, то раздел совершился, по указанию тов. Дейча, полюбовно. Рессурсы, которыми обладала организация, были разделены вполне миролюбиво. Было решено избегать лишней страстности при взаимных спорах и т. д. Интересно отметить, что чернопередельцы опасались при этом, как бы Плеханов не обнаружил чересчур большой горячности и тем самым обострил отношения с народовольцами. Так, например, когда надо было послать делегата на юг

с целью ознакомления тамошних организаций с происшедшим расколом, то чернопередельцы решили направить туда не Плеханова, а Дейча, Плеханов, считали они, приведет к ненужному обострению отношений. Точно так же изложить в печати мотивы происшедшего распадения «Земли и Воли» на две части было поручено не Плеханову, а Аптекману. Та осторожная тактика, которой придерживались чернопередельцы, не вполне, очевидно, разделялась Г. В. «Плеханову,—говорит тов. Дейч,—вероятно, более пришлось бы по вкусу, если бы, наоборот, мы выбрали боевую воинственную тактику: тогда можно было бы устраивать бурные сходки и писать горячие, страстные статьи в опровержение ошибочных взглядов наших противников и пр. Но, насколько могу теперь припомнить, он беспрекословно подчинялся общему настроению и принятым решениям».

Эмигрировав из России, Плеханов продолжал держаться того же отрицательного, что и раньше, отношения к террористическому методу борьбы. С течением времени отношения Г. В. к народовольцам несколько смягчились. Он стал ценить их борьбу за политическую свободу и весной 1882 года был близок от вступления в редакцию затеянного народовольцами печатного органа.

Об интересных перипетиях, относящихся к этому моменту, тов. Дейч рассказывает уже в другом из своих очерков.

Лев Дейч. О сближении и разрыве с народовольцами. «Пролетарская Революция» № 8 (24). Стр. 5—54.

Охарактеризовав настроения членов группы «Черного Передела» в первые два года их пребывания за рубежом, тов. Дейч останавливается на одном, до сего времени совершенно не бывшем еще освещенным в нашей литературе, эпизоде.

Эпизод этот связан с письмом, которое Исполнительный Комитет «Народной Воли» адресовал группе чернопередельцев, информируя ее о своем намерении захватить власть и запрашивая членов группы, не согласятся ли они на тех или иных условиях примкнуть к «Народной Воле». Письмо, которое тов. Дейч характеризует, как «смесь бланкизма со всевозможной отсебятиной, наивный, бессвязный и противоречащий лепет», было получено за границей в феврале 1882 года.

Плеханов, ознакомившись с обращением Исполнительного Комитета, сразу отнесся к нему очень определенно... «Ведь это совершеннейшая бессмыслица, на которую невозможно ответить»!—воскликнул он. Однако Дейч и Засулич считали, что Исполнительному Комитету должен быть дан корректный и, так сказать, дипломатический ответ. В этом направлении они и постарались повлиять на Г. В. На собравшемся для обсуждения того, как реагировать на письмо, совещании его ближайшие товарищи убеждали Плеханова составить ответ в примирительном тоне,

«Он сдался, скрепя сердце, на наши доводы,—рассказывает Дейч, — и, забрав с собою письмо Исполнительного Комитета, а также письменные принадлежности, удалился в другую комнату с тем, чтобы составить ответ в том духе, как мы наметили. Мы же пока обменивались взглядами по поводу нелепостей, которыми было переполнено письмо страшного комитета, державшего, по известному выражению Маркса и Энгельса, всероссийского самодержца в Гатчине в качестве пленника.

«Спустя очень короткое время, дверь из комнаты, в которую удалился Георгий Валентинович, открылась, и он появился с бумажкой в руке.

«Нет, не могу. Как хотите! Это выше моих сил,—воскликнул он, кладя на стол листок почтовой бумаги.

«Заглянув в него, мы увидели, что на нем было написано несколько строк, затем они были зачеркнуты, над ними вновь были какие- то фразы, обрывавшиеся на полуслове.

«—Как же быть?—в недоумении спрашивали мы.—Ведь надо же ответить: простая вежливость требует этого.

«—А по-моему написать им, что мы с ними сговориться не можем, так как они не имеют элементарных понятий о современном социализме и западно-европейском рабочем движении».

Из участников совещания В. Н. Игнатов солидаризовался Плехановым, Дейч же, Засулич и Р. М. Плеханова продолжали настаивать на «дипломатическом» ответе. В конце-концов, Дейчем и был составлен такой ответ, удовлетворивший всех участников совещания, в том числе и Г. В. Однако далеко не все из эмигрантов, близких к членам «Черного Передела», согласились содержанием ответа, когда он стал им известен. Некоторые же, как, например, Кравчинский, выступили с энергичным протестом против «медоточиво-ласкового, нерешительного» тона ответа.

После ответа, полученного Исполнительным Комитетом, начали было завязываться деловые связи между И. К. и чернопередельцами, но последовавший полицейский разгром оборвал их.

Вскоре после разгрома за границу прибыли наиболее видные члены Исполнительного Комитета—М. Н. Ошанина и Лев Тихомиров. Тихомиров довольно быстро сблизился с Плехановым, который возлагал большие надежды на приобщение Тихомирова к марксизму.

Когда народовольцами была получена возможность приступить к изданию своего центрального органа, то в редакцию его, как известно, был приглашен и Плеханов. Дело сближения народовольцев с чернопередельцами подвигалось вперед быстрыми шагами. Однако, как мы знаем, на пути этого сближения вскоре обнаружились препятствия, оказавшиеся непреодолимыми. Из таких препятствий, приведших к окончательному разрыву,—

помимо уж ранее известных,—тов. Дейч особенно подчеркивает одно: инцидент с сокрытием письма, посланного ему Стефановичем, после осуждения последнего на каторгу. Решив по некоторым признакам, что письмо попало в руки Тихомирова, Дейч потребовал возвращения ему такового. Лишь после длительных переговоров с ним и Ошаниной и угрозы товарищеским судом Тихомиров возвратил письмо. «Но прежде, чем возвратить его мне,—вспоминает тов. Дейч,—Тихомиров потребовал от меня, Г. В., Веры Ивановны и присутствовавшего при этом П. Б. Аксельрода дать расписку в получении его и в неимении никаких больше претензий.

«Тогда с Георгием Валентиновичем произошло нечто совершенно неожиданное и неслучавшееся с ним ни до ни после этого; он весь затрясся, стал совершенно неузнаваем, раскричался на Тихомирова, что он бесчестный человек, и чтобы он немедленно убирался вон.

«Мы все, стараясь его успокоить, начали доказывать ему, что нельзя же так резко обращаться с пришедшим в качестве посредника Тихомировым. Однако он не только не согласился с нами, но, наоборот, возмутился тем, как мы можем вступать в разговор с такими «господами», которые, подобно агентам тайной полиции, перехватывают чужие письма и возвращают их вскрытыми, к тому же только спустя много месяцев и после угроз разоблачения их через товарищеский суд.

«—Но вы ведь это давно уже знали,—говорили мы ему.

«—Нет, я все же до сих пор не верил, что эти господа так низко пали,—закричал он и быстро вышел из комнаты, хлопнув дверью».

Касаясь мотивов, которые заставили Тихомирова и его друзей прибегнуть к такому акту, как задержание чужого письма, тов. Дейч предполагает, что Тихомиров решился на этот поступок из-за той нелестной характеристики, которую письмо содержало касательно самого Тихомирова.

Но так или иначе, инцидент с письмом оказался, по мнению автора воспоминаний, решающим для дальнейших отношений группы чернопередельцев с народовольцами:

«После сцены, имевшей место в квартире Плеханова при получении принесенного Тихомировым и Полиным письма, не могло уже быть более речи о какой-либо совместной нашей работе с народовольцами. Этот грустный факт был последней каплей, переполнившей чашу: никто из нас не желал иметь никаких отношений к «Вестн. Нар. В.», на возникновение которого нами положено было столько усилий.

«Но, уничтожив в нас последнюю надежду на возможность какой-либо совместной работы с народовольцами, этот факт заставил нас, не откладывая более вдаль, немедленно выступить в качестве марксистской группы».

Воспоминания Дейча содержат и интересные штрихи для характеристики личности Плеханова, его душевного и морального облика.

В целом воспоминания эти явятся в высокой степени ценными документами для всякого исследования эпохи.

Л. С. Федорченко (Н. Чаров). Г. В. Плеханов. «Каторга и ссылка». Книга седьмая. Стр. 21—32.

Воспоминания тов. Федорченко относятся к эпохе, гораздо более поздней, нежели очерки тов. Дейча: к 1902—1904 годам.

Автор воспоминаний, попав в эмиграцию, находился под обаянием замечательного таланта основоположника русского марксизма, с которым он был знаком по его литературным выступлениям. Личное соприкосновение с Г. В. это обаяние только увеличило в высокой степени.

В воспоминаниях Федорченко содержатся кое-какие штрихи, любопытные для характеристики Плеханова.

Как одну из характеризующих Г. В. черт Федорченко отмечает его большую дисциплинированность, его уменье распоряжаться своим временем,—«эльвизм», употребляя термин наших дней:

...У Плеханова, несмотря на то, что его постоянно влекло к людям, дисциплина сквозила во всем строе и складе его жизни. У него ни одной минуты в дне не проходило даром. День был у него распланирован, и каждый час был непременно наполнен определенным содержанием. Даже отдых после обеда у него никогда, если он был здоров, не был посвящен лежанию на кровати. В послеобеденное время Г. В. Плеханова можно было видеть шагающим по аллеям университетского скверика, находившегося против его квартиры, и читающим на ходу какую-нибудь беллетристику, преимущественно на французском языке. Любимым чтением Г. В. был в эти часы Мопассан, либо Э. Золя... Во всем он любил краткость, ясность и определенность. Расхлябанность российского интеллигента и его «исповеди» tête à tête всегда выводили его из себя, а многих эта черта характера Г. В. отшатывала от него, чему, впрочем, он был всегда несказанно рад. Всякие витиеватые речи своих собеседников Г. В. превращал часто в шутку. «Заумные» разговоры, которые с ним любили вести его собеседники, во что бы то ни стало памятуя, что они говорят с Плехановым, его настраивали всегда на иронический лад, ибо Плеханов обладал завидной чертой с двух-трех слов угадывать психическую консистенцию своего собеседника.

Но иначе держался Г. В. Плеханов с теми, которые на его взгляд действительно были преданы тому делу или вопросу, которые они возбуждали в разговорах с ним. Здесь Г. В. Плеханов открывался собеседнику и давал массу нового, сравнительно даже с тем, что давал он в своих статьях. Сколько минут истинного наслаждения он дарил в таких беседах.

С представителями различных партий, находившимися в эмиграции, у Плеханова отношения были довольно натянутые. Полемические выступления Г. В. встречались противниками весьма враждебно. Были, по указанию тов. Федорченко, случаи, когда группа кавказских анархистов обструкцией срывала лекции Плеханова... Особенно много энергии отдавал в это время Плеханов борьбе с эс-эрами, критике программы и тактики которых он посвящал реферат за рефератом. К старым эмигрантам из бывших землевольцев относился скептически, считал их интеллигентами, находящимися во власти всяких предрассудков. Бундовцев рассматривал, как идеологов ремесленничества и считал их уклон в сторону рабочедельцев вполне логическим: «рыбак рыбака видит издалека».

Как и все, соприкасавшиеся с Плехановым, Федорченко останавливается на удивительном мастерстве личных характеристик, которые давал Плеханов своим товарищам по революционному делу. Как живые, вставали в его мастерских художественных отображении фигуры: А. Желябова, П. Кропоткина, Софьи Перовской, А. Михайлова, Веры Фигнер, Г. Лопатина, Кравчинского... Про старую эмиграцию и в том числе и о Петре Лаврове, Ткачеве, также много интересного и нового пересказал нам Г. В. в эти немногие вечера своего отдыха. И эти его рассказы были настоящими блестящими характеристиками ушедших революционных поколений. «Вот бы вам, Г. В.,—сказал я ему тогда,— все это записать, ведь это же ценнейшие были бы мемуары», в ответ на что Г. В. ответил мне: «Придет время, когда я надену туфли и халат, тогда и засяду за свои мемуары, теперь же не время».

Н. Семашко. О детских годах Г. В. Плеханова. «Каторга и ссылка». Книга седьмая. Стр. 33—36.

Н. А. Семашко, близкий родственник Плеханова, продолжает делиться сведениями о детских годах Г. В., которые он почерпает в семейной среде.

Со слов близких тов. Семашко дает следующую характеристику родителей Плеханова:

«Отец Г. В., Валентин Петрович, был человеком большой энергии, трудоспособности (он своим трудом и хозяйственностью содержал свою громадную семью) и в то же время человек «крутой», деспотичный, вспыльчивый, с сознанием собственного достоинства. Крепостные его боялись, как огня, ибо в гневе он был «борз на руку». Окружающие помещики его также не долюбливали, ибо он спуску не давал никому и правду-матку резал в глаза прямо всякому, независимо от «чина». Его справедливо все побаивались, как «революционера», «анархиста», хотя по политическим убеждениям он был вовсе не революционер, но всякое резкое независимое слово в тогдашней обстановке уже производило целую революцию. Что Валентин Петрович обладал

резкой нервной чувствительностью и, повидимому, хроническим чувством неудовлетворенности своей жизнью, показывают рассказы матери о том, что временами на него нападала «черная меланхолия», он запирался в свой кабинет, спускал шторы в окнах, никого не впускал и так проводил, отрешившись от внешнего мира, целые дни и недели.

«Полной противоположностью ему была его вторая жена Мария Федоровна. Это была женщина с нежно любящим сердцем, кроткая, незлобивая, болезненная. Она была вечной заступницей перед своим гневным мужем за крепостных; она сдерживала его резкие выходки в семейной жизни. Но, вместе с тем,—замечательная черта—это была вовсе не сантиментальная, овечья душа: с крайней нервностью и деликатностью она, видимо, сочетала революционную искру. Мать рассказывала, что она часто заставала Марию Федоровну за рассказами Жоржу «ужасно революционных» вещей—о боге, о царе, помещиках и т. д. И когда она как старшая сестра обращалась к Марии Федоровне: «Мамаша, разве можно рассказывать ребенку такие вещи?»,—га неизменно отвечала: «Пусть, Машенька, Жорж знает всю правду».

Влияние, оказанное на Г. В. его матерью, тов. Семашко считает чрезвычайным. Он называет Марию Федоровну «первым учителем революции у Георгия Валентиновича».

Несколько останавливается Семашко и на гимназических годах Плеханова:

«...Уже в гимназии он поражал своими способностями и, как передавала мать, особенно выделялся литературным талантом («искусно писал сочинения»). «Хорошо писать сочинения» — в те времена считалось верхом «революционной испорченности» и «свободомыслия». И если даже человечки в военном футляре (Г. В. учился в воронежской военной гимназии), который всегда крепче и непроницаемее гражданского, должны были склониться перед таким признанием—значит, он стоял значительно выше общего уровня.

«Но Г. В. вовсе не был излюбленным тогда типом «первого ученика», т.-е. зубрилы, сидящего с книжкой в углу и послушного велениям начальства. Кипучий характер постоянно подталкивал его на драку с товарищами, которые нападали на него, на выдумывание разных игр, а иногда и проказ. И тем не менее, даже блюстители военного «благочиния» должны были прощать это ему ради его способностей: он слыл «успевающим» учеником».

Б. И. Горев. Первый русский марксист — Г. В. Плеханов. Изд. «Красная Новь». М. Стр. 53.

Д. Заславский. Г. В. Плеханов. Изд. «Радуга». П. Стр. 88.

В 1923 году вышли две брошюры, представляющие собой краткие очерки жизни и творчества Плеханова, — названия их приведены выше.

Брошюра Б. И. Горева написана хорошим, ясным языком. Изложение повсюду популярное. В доступной и простой форме читатель — развитой рабочий и крестьянин — знакомится с главными моментами жизни и творчества Плеханова. Надлежащее место отведено характеристике эпохи. Выявлена та социальная атмосфера, в которой мыслил и боролся родоначальник русского марксизма.

Имеются в брошюре пропуски: в числе учредителей группы «Освобождение Труда», напр., незаслуженно пропущено имя В. Н. Игнатова. Имеются в ней и спорные места, как, напр., утверждение, что «Аксельрод и отчасти Плеханов могут считаться родоначальниками меньшевизма как особого вида социал-демократической тактики» (стр. 40). Если П. Б. Аксельрод действительно является классическим представителем идеологии меньшевистской, то Плеханов, думается нам, отнюдь не может быть отнесен к типичным идеологам меньшевизма. Момент «якобинства» был силен в Плеханове и от меньшевистской идеологии он был чрезвычайно далек.

Несмотря на отдельные промахи, брошюра тов. Горева может быть отнесена к лучшим среди немногих, имеющихся у нас популярных работ общего характера о Плеханове.

Что касается брошюры Заславского, то она не относится к популярной литературе. Это — довольно талантливо набросанный эскиз деятельности отца русского марксизма. Этот эскиз предназначается для интеллигента, достаточно знакомого с ролью Плеханова в нашем революционном движении и в истории русской общественной мысли. Что касается рабочего, которому в руки попадет рассматриваемая книжка, то ему она даст очень мало. Автор часто говорит намеками, полусловами. Язык несколько претенциозный, в некоторых местах сбивается даже на фельетонный.

Имеется в брошюре много неверного, искажающего облик великого марксиста. На некоторые такие неправильности в освещении личности Плеханова укажем.

Неверно, что воспоминания Г. В. о его первых встречах с питерскими рабочими — «это воспоминания лектора, учителя, библиотекаря». Воспоминания, о которых говорит тов. Заславский, — подлинные воспоминания революционера, активного участника рабочей борьбы. Еще более неверны другие утверждения автора брошюры, что «бунтарство П—ва—это дань его молодости, а молодым он был недолго», слова о «холодном темпераменте» Г. В., о том, что борьбу он всегда вел «у письменного стола» и т. д. Здесь мы сталкиваемся с вопиющим противоречием по отношению к тому, что имело место в действительности. Разве допустимо говорить о «холодном темпераменте» Плеханова, одной из отличительных черт которого была страстность в борьбе и вся психика которого была психикой «человека экстремы», употребляя известное выражение Герцена о Белинском. Пле-

ханов был «молодым», вопреки тому, что думает Заславский, долго, очень долго. До последних дней сохранил Г. В. молодую душу.

Далее, нельзя согласиться с Заславским, когда он провозглашает, что Плеханов «не принадлежит к числу тех писателей и мыслителей, которые будят и тревожат мысль и сообщают ей вечное беспокойство и неумирающую пытливость. Он давал истину рожденную, оформленную, разъясненную и требовал принятия этой истины целиком и полностью» (стр. 37). Изображение Плеханова каким-то догматиком, с жреческим самодовольством изрекающим священные формулы и навязывающим эти формулы «исповедания философского материализма» своим поклонникам, обнаруживает лишь непонимание автором брошюры живого духа плехановского творчества, из которого ключом бьет непрестанное искание истины, которое целиком овеяно мощью марксовой диалектики. Вольно или невольно, но Заславский в некоторых местах своей брошюры изобразил Плеханова каким-то околоточным надзирателем по части пресечения и усекновения всяких неблагонадежностей по марксизму. Он, видите ли, «строго регламентировал весь духовный обиход марксиста», он жестоко карал всякое отступление от ортодоксии. «Vademecum» Плеханова—это даже не полемика... а нечто вроде уголовного расследования...» (стр. 49). Плеханов окружил себя свитой из «твердокаменных и твердодубинных марксистов, прилагавших с безнадежным самодовольством шаблон формулы» (стр. 41). Соберите все эти и множество им подобных фраз из брошюры Заславского — пред вами будет, конечно, не образ Г. В. Плеханова, а жалкая карикатура на него.

Когда Заславский повествует о борьбе П—ва с ревизионистами и «экономизмом»,—его симпатии явно на стороне противников Г. В. Для него нет сомнения в том, что «Бернштейн подметил и верно оценил чрезвычайно важные и серьезные тенденции в социалистическом движении». «В огне войны и революций,—вещает автор брошюры,—происходил и этот пересмотр понятия марксизма, на котором почти 25 лет назад настаивал Бернштейн...» (стр. 46). Ссылаясь на примеры того, что происходит в современной германской социал-демократии, Заславский не понимает элементарно-ясного факта: этот пример говорит не о том, что марксисты признали правоту бернштейновской ревизии, а о том, что многие немецкие марксисты, подобно Бернштейну, ушли в лагерь оппортунизма. Плеханову, жестоко обрушившемуся на Бернштейна, Заславский противопоставляет Каутского. «Каутский знал,—пишет он,—что в словах Бернштейна есть отражение подлинной жизни, и за Бернштейном стоит профессиональное рабочее движение, стоит значительная часть партии...» (стр. 47). Последний, наконец, образчик того же рода. Через четверть века после того, как Плеханов завершил свой победоносный поеди-

нок с «экономистами», сердце Заславского сжимается при воспоминании о том, как жестоко действовал П. по отношению к «рабочедельцам». «Рабочее дело» имело, мол, неосторожность выступить в тот момент, когда всякая осторожность была взята «под подозрение». «В рабочедельстве,—иронизирует автор брошюры,—была усмотрена преступная связь с российским отражением бернштейнианства, с «экономизмом» (стр. 53). Как же Заславскому не сокрушаться по поводу того, что произошло: «рабочедельству» во всех его видах был объявлен крестовый поход. Во главе его шел Плеханов. Первые ростки рабочей демократии... были растоптаны во имя революции... Объединение с.-д. организаций в российскую с.-д. партию произошло через разгром ряда сложившихся кружков, где воспитывались возможные русские рабочие—руководители профессионального и культурного рабочего движения» (стр. 54). Комментировать этих слов нет надобности: они хорошо говорят сами за себя.

Если я указывал выше, что вряд ли передовой рабочий получит пользу от брошюры Заславского в целом, то некоторые ее места принесут ему несомненный вред.

«Под знаменем марксизма». №№ 6—7.
«Каторга и ссылка». Книга седьмая.
«Спутник коммуниста». № 24.

Три указанных выше журнала откликнулись на исполнившееся в 1923 г. пятилетие со дня смерти Г. В. выпуском номеров, посвященных Плеханову.

«Под знаменем марксизма» дало в своем плехановском номере статьи: М. Н. Покровского—«Плеханов, как историк России», В. Румия—«Плеханов и террор», В. Полянского—«Плеханов о Толстом», С. Кривцова—«Плеханов, как социалог» и В. Ваганяна—«Плеханов и Белинский». Кроме того, в номере приведен доклад Плеханова и Засулич Брюссельскому конгрессу 1893 года, письмо Г. В. в редакцию «Mouvement Socialiste» о русско-японской войне, речи и реплики Плеханова на II съезде лиги революционной социал-демократии и три письма Плеханова к Максиму Горькому. В номере приведены автографы двух писем Плеханова—к В. И. Ленину и В. И. Засулич.

Из статей, помещенных в журнале, наибольшего внимания заслуживает статья тов. М. Н. Покровского.

Центральным пунктом статьи М. Н. Покровского является утверждение, что к «Истории русской общественной мысли» Плеханов приступил тогда, когда он переставал уже быть марксистом».

М. Н. Покровский рассматривает «Историю», как упадочное произведение, вышедшее из-под пера человека, *бывшего* идеологом пролетариата и *ставшего* идеологом технической интеллигенции, услужающей капиталу, идеологом образованных слуг класса

предпринимателей. «Этому слою нужен был свой идеолог, и он нашел его в лице *Плеханова после 1905 года»* (подчеркнуто мною. *С. В.)*. Мне думается, что, так говоря, тов. Н. М. Покровский жестоко ошибается. Говорить *о Плеханове после 1905 года* как о *бывшем* идеологе пролетариата—недопустимо. Разве Плеханов не *после 1905 года* вписал в историю своей жизни героическую страницу борьбы с ликвидаторами за партию рабочего класса, разве не *после 1905 года* был он «певцом подполья»? Разве не *после 1905 года* выступал Плеханов, как убежденный защитник заветов революционного марксизма на конгрессах Интернационала (Штуттгарт, Копенгаген)? Разве, наконец, не *после 1905 года* Плеханов выступал, как один из самых выдающихся в международном рабочем движении знаменосцев воинствующего материализма—страстный борец со всякими философскими, религиозными и иными искажениями марксизма?.. Стоит читателю вспомнить о множестве фактов из деятельности Г. В. Плеханова *после 1905 года* для того, чтобы иметь веские основания не согласиться с. М. Н. Покровским, когда он говорит, что после 1905 года Плеханов обосновывал «не наступательные стремления пролетариата, а оборонительные со всех сторон стремления того общественного слоя, который командовал пролетариатом от имени капитала, но не прочь был стать командиром и от своего собственного имени». «Историю русской общественной мысли» П. писал *как раз в то время*, когда он находился «под градом пуль», которыми его осыпали из оппортунистического лагеря...

Из других статей интересна статья В. Румия, ярко обрисовывающая отношение Плеханова к террору. Статья дает яркие штрихи для характеристики Плеханова.

«Каторга и ссылка» в своем плехановском номере поместила воспоминания о Плеханове Дейча, Федорченко и Семашко. На всех этих статьях мы подробно останавливались уже выше. Кроме того, в номере приведена первая печатная статья Плеханова «Об чем спор». Статья представляет исторический интерес для исследователя Плеханова и снабжена пояснениями Козьмина.

«Спутник коммуниста» откликнулся на пятилетие смерти Плеханова большой серией статей: В. Сарабьянов—«Плеханов как философ», М. Баскин—«Плеханов в борьбе против богдановщины», Сергей Г.—«Незавидное счастье», В. Астров—«Плеханов в борьбе с экономистами», С. Гиринис—«Плеханов в борьбе против ревизионизма», А. Слепков—«Плеханов в эпоху борьбы «Правды» с ликвидаторством», И. Агол—«Плеханов и религиозная реакция», К. Молотов—«Плеханов и искусство», С. Бессонов—«Плеханов как экономист».

Весь свой плехановский номер редакция «Спутника коммуниста» посвятила выявлению одной стороны многогранной личности Плеханова и его разностороннего творчества. Эта сторона—та борьба с различными группировками и течениями, явно или тайно враждебными марксизму, которую Плеханов неустанно

вел. Сама редакция так определила цель, которую она преследовала выпуском номера:

> На почве российской действительности Плеханов положил первые краеугольные, фундаментальные камни того здания революционного марксизма, которое—сперва в России, а потом и во всем мире — получило название большевизма. 40 лет тому назад Плеханов начал ковать революционную мысль пролетариата, в те годы он, поистине, был «властителем дум» авангарда рабочего класса. Поэтому Плеханов является предтечей III Интернационала, который теперь продолжает его дело, граня волю мирового революционного пролетариата, куя острейшее его теоретическое оружие—революционный марксизм.
>
> Подбором статей для этой книжки журнала, мы хотели дать читателям опыт характеристики этой стороны деятельности Плеханова, отграничив в его творчестве те черты, благодаря которым он стал признанным вождем II Интернационала, и выделив те стороны его творчества, которые вошли в «железный инвентарь» мощи III Интернационала.

Все почти статьи, помещенные в номере,—чисто компилятивного, а некоторые из них даже школьнически-компилятивного характера. Выделяются—в выгодную сторону—статьи тов. Сарабьянова и тов. Бессонова.

II. НОВЫЕ СТАТЬИ, НАБРОСКИ И ПИСЬМА ПЛЕХАНОВА.

Наш обзор плехановской литературы, вышедшей в 1923 году, мы хотели б закончить, коснувшись новых материалов, принадлежащих Г. В., которые в этом году были впервые опубликованы вообще, или же впервые появились на русском языке.

Из этих материалов наибольшую ценность имеет статья «О былом и небылицах», представляющая собой возражения Плеханова, сделанные им в беседе с Л. Г. Дейчем, по поводу воспоминаний Н. А. Морозова (о Воронежском съезде), Саратовца и Акимова-Махновца. Наброски были сделаны под диктовку Г. В. тов. Дейчем еще в 1908 году, но опубликованы лишь теперь. Статья представляет собою крупный интерес для всякого занимающегося историей революционного движения.

Особенно важны сведения, сообщаемые Плехановым касательно его разрыва с народовольцами на Воронежском съезде, рассеивающие ряд неверных представлений, укоренившихся в нашей литературе с легкой руки Морозова.

«Морозов, как нельзя более, ошибается,—говорит Плеханов,—воображая, что я ехал на Воронежский съезд с уверенностью в победе. Нет, этой уверенности у меня тогда не было: я слишком хорошо знал наших народников. Позиция «дезорганизаторов» была сильна именно своей односторонностью... Наши народники не отличались такой односторонностью. Но беда их в том и заключалась, что их тактическая многогранность была совершенно эклектической: они признавали и террор и агитацию в народе, совершенно не замечая того, что при данных условиях надо было выбирать или агитацию в народе или террор, который грозил поглотить все наши силы и средства. Я видел этот тактический эклектизм наших народников и понимал, что при его наличности нечего и думать о том, чтобы привезти из Воронежа решительное осуждение террора. Вопрос для меня сводился лишь к тому, чтобы свести до возможного минимума затрачиваемые на него силы и средства... Повторяю, я был вполне готов к поражению. Самая сильная опасность для нашей старой тактики заключалась, по моему тогдашнему мнению, не в том, что могли

возразить против нас «дезорганизаторы», а в том, что большинство народников совершенно не понимало, какие решения должны быть приняты на съезде для защиты этой тактики. Если память меня не обманывает, то я еще до приезда террористов из Липецка решил, что я выйду из «Земли и Воли», если народники не откажутся в Воронеже от своего вредного эклектизма. Положение дел было таково, что надо было отказаться или от террора, или от агитации в народе. Террористы поняли это и потому отказались от агитации. Народникам тоже следовало понять это и отказаться от террора. Но они этого не понимали и потому продолжали «признавать» и террор, и агитацию. Именно потому они не решались осудить мысль Морозова о том, что «террор есть революция в действии». Но как бы там ни было, а мысль о выходе из «Земли и Воли» вовсе не явилась в моей голове так внезапно, как это можно подумать на основании воспоминаний Морозова. Выход этот был для меня заранее обдуманным средством подтолкнуть народников к более решительной борьбе с террористами, и дальнейшие события показали, что этот мой расчет не был ошибочен».

Опубликованный «Под знаменем марксизма», «Доклад, представленный редакцией русского журнала «Социал-Демократ» Международному Рабочему Социалистическому Конгрессу в Брюсселе, в августе 1891 г.»—на русском языке появляется впервые.

Доклад составлен Г. В. Плехановым, подписан им и В. И. Засулич. Доклад ставил своей целью ознакомить западных социалистов с состоянием русского революционного движения,—он указывает на разногласия первых русских марксистов с народовольцами и резко обрушивается на Бакунина с его приверженцами.

«Мы не доктринеры,—говорят авторы доклада,—готовые принести практические успехи революционного движения в жертву теории. Мы умели бы молчать, если бы мы могли думать, что успех революционной борьбы в России хоть сколько-нибудь зависит от сохранения бакунистских предрассудков. Но тяжелый опыт доказал нам обратное. Мы должны были убедиться, что бакунизм был источником слабости нашего движения, и мы боролись с бакунизмом именно для того, чтобы укрепить наши силы».

Доклад требовал от западных социалистов проникнуться пониманием всей важности появления в России рабочего класса, готового бороться за свое раскрепощение:

«Европейский пролетариат не может больше продолжать смотреть на Россию, как на страну, фигурирующую на международном рынке только сырыми продуктами земледелия. Недалеко уже то время, когда русская промышленность будет сильно конкурировать с западно-европейской промышленностью на рынках Востока. *И поэтому жизненные интересы социал-демократии всего мира тесно связаны с прогрессом русского рабочего движения*».

В заключение доклад подчеркивал, что в России, как и во всем мире, рабочее движение может завершиться победой лишь под знаменем научного социализма.

Письмо в редакцию «Mouvement Socialiste» представляет собой ответ на анкету журнала, произведенную по поводу русско-японской войны.

Плеханов заявил в своем ответе, что при рассуждениях о русско-японской войне отправной точкой для него следует положение, установленное Цюрихским конгрессом: войны будут иметь место до тех пор, пока будет существовать капитализм. Обрисовав настроение широких народных масс на фоне войны и революционное брожение среди рабочих, вызванное ею, Г. В. писал:

> Как вы видите, товарищи, наши организованные рабочие проникнуты ясным сознанием; им остается только неутомимо продолжать свою пропаганду и агитацию, чтобы нанести сокрушающий удар издыхающему царизму. И не сомневайтесь, социалисты, этот удар будет нанесен, ибо русские пролетарии сумеют выполнить свой долг.
>
> С падением царизма или значительным его ослаблением, не водворится еще всеобщий мир, эра которого наступит только с крахом *капитализма*, но иссякнет один из важных источников войны и реакции, сделан будет огромный шаг по пути к окончательному освобождению. Нам, русским социалистам, останется лишь торжествовать, и вместе с нами социал-демократии обоих полушарий.

Максим Горький доставил редакции «Под знаменем марксизма» три письма, полученных им от Г. В. Плеханова: от 21 декабря 1911 года, 2 июля 1913 года и 3 сентября 1913 года.

В одном из писем Г. В. пишет Горькому: «Я видел много людей, но редко я выносил из встреч с ними такой запас бодрости, какой вынес я из последней встречи с Вами. Будьте здоровы, это все, чего можно пожелать Вам,—все остальное у Вас есть: талант, образование, энергия, светлая вера в будущее и прочие, этим подобные, неоцененные блага. Живите еще долго и долго и обогащайте нашу художественную литературу Вашими произведениями».

Очень интересен отзыв, который Плеханов дает о горьковском «Кожемякине».

> Пушкин, прочитавши принесенную ему Гоголем рукопись «Мертвых Душ» в первом наброске, воскликнул: «Боже, как, однако, грустна Россия!». То же должен будет сказать про себя каждый серьезный читатель, вдумавшись в «Кожемякина»: «Грустна Россия». И это впечатление грусти, глубокой, захватывающей грусти, долго не исчезнет по прочтении книги. По крайней мере, оно долго не оставляло меня. И теперь, когда я вспоминаю «Кожемякина», я повторяю: «Грустна Россия». Но это впечатление грусти, разумеется, не вина автора, а его большая заслуга: ведь как нельзя более грустен тот предмет, за изображение которого он взялся. В его книге мы имеем дело все с той же мрачной средой, все с тем же «темным царством», которое изображал еще Островский. Добролюбов думал, что уже конец пришел этому темному царству, а оно просуществовало 50 лет после его смерти, да и теперь продолжает существовать, вися, как тяжелая гиря, на ногах русского народа. Но история не оставляет в покое этого царства, она подсылает в него микробы мысли, которые вызывают в нем брожение и разложение. В «Кожемякине» именно и изображен процесс такого брожения, и изображен мастерской рукой. Кто захочет ознакомиться с этим процессом, тот должен будет прочитать «Кожемякина», как должен прочитать некоторые сочинения Бальзака тот, кто хочет ознакомиться с психологией французского общества времен реставрации и Луи-Филиппа. Раз это так,—а я уверен, что это так,—то автор может гордиться своим делом. В № 11—12 «Под знаменем марксизма» приведены десять писем Г. В. к Энгельсу от марта 1893 г. до смерти последнего и шесть открыток к Р. Фишеру.

III. ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ПЛЕХАНОВА ЗА 1923 ГОД.

1. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Библиотека научного социализма под редакцией Д. Рязанова. *Г. В. Плеханов*: Сочинения. Том. I. Стр. 364. Тираж 10.000 экз.

Содержание: Предисловие редактора. Предисловие к первому тому первого издания Собрания сочинений. Корреспонденции. Каменская станица. Письмо первое. Каменская станица. Письмо второе. С Новой Бумагопрядильни. С бумагопрядильной фабрики Кенига. Волнения в среде фабричного населения. Закон экономического развития общества и задачи социализма в России. Поземельная община и ее вероятное будущее. Статьи из «Черного Передела». От редакции «Черный Передел». Передовая «Черн. Пер.» № 1. Передовая из «Черн. Пер.» № 2. От редакции (по поводу Чигиринского дела). Заявление прежних издателей «Черного Передела». Письмо Г. В. Плеханова в редакцию «Черного Передела». Об издании Русской социально-революционной библиотеки. Предисловие к русскому изданию «Манифеста Комм. Партии». Воспоминание об А. Д. Михайлове. Новое направление в области политической экономии. Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягецова.

2. То же. Том II. Стр. 404.

Содержание: Предисловие редактора. Приветствие немецкой социал-демократии в Копенгагене. А. П. Щапов. Об издании «Библиотеки современного социализма». Социализм и политическая борьба. Наши разногласия.

3. То же. Том III. Стр. 428.

Содержание: Предисловие редактора. От редакции. Как добиваться конституции. Неизбежный поворот. Лев Тихомиров. Почему я перестал быть революционером. Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова. Политические задачи русских социалистов. Политическое социально-революционное обозрение. Предисловие к речи Алексеева. Еще раз о принципах и тактике русских социалистов. Русский рабочий в революционном движении. Предисловие к четырем речам рабочих. Внутреннее обозрение («Социал-Демократ», книги I, II и III). Всероссийское разорение. О задачах социалистов в борьбе с голодом в России. Приложение. Недоразумения между рабочими и администрацией на Новой Бумагопрядильной фабрике. Конец забастовки рабочих на Новой Бумагопрядильной фабрике. Еще о забастовке на Новой Бумагопрядильне. Результаты забастовки на Новой Бумагопрядильне. Стачка рабочих на Новой Бумагопрядильной фабрике в С.-Петербурге.

4. То же. Том IV. Стр. 333.

Содержание: Предисловие редактора. Фердинанд Лассаль. Речь на международном рабочем социалистическом конгрессе в Париже. Столетие Великой Революции. Иностранное обозрение. (Рабочие конгрессы 1890 г.) Рабочее движение в 1891 г. 1-е мая 1890 г. Ежегодный праздник и восьмичасовой рабочий день. Военный вопрос на конгрессе в Цюрихе. Анархизм и социализм. Сила и насилие. Библиографические заметки из сборника «Социал-Демократ». Книги первая, третья, четвертая. Французское правосудие и русское шпионство. Шпионские забавы. Приложение. Доклад и заключительное слово Плеханова на Цюрихском конгрессе.

5. То же. Том VII. Стр. 331.

Содержание: Предисловие редактора. О книге Л. И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки». К шестидесятой годовщине смерти Гегеля. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Приложение: Л. Мечников (некролог).

6. То же. Том VIII. Стр. 411.

Содержание: Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории. Очерки по истории материализма. Несколько слов в защиту экономического материализма. Нечто об истории. О материалистическом понимании истории. К вопросу о роли личности в истории. Приложение: Ф. Энгельс «Людвиг Фейербах», в переводе Г. В. Плеханова с его предисловием и примечаниями.

7. То же. Том. X. Стр. 422.

Содержание: Предисловие редактора. Литературно-критические статьи (1888—1903). Народники-беллетристы: Гл. Успенский, С. Каронин, Н. Наумов. Пессимизм, как отражение экономической действительности (пессимизм П. Я. Чаадаева). Судьбы русской критики: Волынский—«Русские критики». Литературные очерки: Белинский и разумная действительность. Литературные взгляды Белинского. «История новейшей литературы» Скабичевского. Белинский (речь). 14 декабря 1825 г. (речь). Некрасов (речь). Приложения: «Об чем спор?» Реакционные жрецы искусства и г. А. В. Стерн.

8. То же. Том XI. Стр. 398.

Содержание: Предисловие редактора. Статьи против Бернштейна: а) «Бернштейн и материализм»; б) «За что нам его благодарить?»; в) «Cant против Канта»; г) «Возможен ли научный социализм?» (Предисловие к «Развитию научного социализма» Ф. Энгельса). Статьи против К. Шмидта:

а) «К. Шмидт против Маркса и Энгельса»; б) «Материализм или кантианизм»; в) «Еще раз материализм». Статьи против П. Струве: Статья 1, статья 2, статья 3. «Историческое развитие учения о классовой борьбе» (предисловие к «Коммунистическому манифесту»). Критические заметки (1899—1902).

Выпуск собрания сочинений Плеханова, начатый в 1923 году, является большим событием в литературной жизни страны. Можно рассчитывать, что в скором времени Советская Республика будет обладать хорошим изданием всего того, что вышло из-под пера основоположника русского марксизма.

Издание осуществляется—с небольшими отклонениями—по тому плану, который был опубликован в 1922 году Институтом Маркса и Энгельса.

Издание и технически, и редакционно на высоте той задачи, которую ему приходится разрешать.

Редакцией, по нашему мнению, допущена, однако, при выпуске издания одна серьезная ошибка: отсутствие каких бы то ни было примечаний, поясняющих текст. Тов. Рязанов вполне прав, говоря, что иногда примечания грозят превратиться в «старый подстрочный комментарий к латинскому или греческому автору, предназначенный для школяров». Избегая этой крайности, редакция, однако, напрасно впала в другую: не дала *никаких* примечаний. Краткие пояснительные примечания вроде тех, которыми снабжено собрание сочинений Ленина, вне сомнения увеличили бы ценность издания. Они не только уместны, но и необходимы для середняка-читателя сочинений Плеханова.

9. *Г. В. Плеханов.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Издание под редакцией С. Я. Вольфсона. Белтрестпечать. Минск. Стр. XVI + 302. Тираж 5.000 экз.

В предисловии к изданию редактор отмечает те препятствия, которые создает для современного читателя полемический характер «К вопросу о развитии» и говорит:

«Считая необходимым преодолеть это серьезное препятствие, ставшее на пути усвоения современным читателям этого классического произведения марксистской литературы, я пытался отделить в книге научный материал от полемических мест и уже в таком виде предлагал ее студентам. Многократно повторенный опыт дал вполне удовлетворительные результаты.

Таким образом у меня возникла мысль, ныне реализованная Государственным трестом издательского отдела Белоруссии, выпустить книгу Плеханова изданной в соответствии с указанным опытом, т.-е. напечатать ее двумя шрифтами—крупным и мелким.

Читатель, впервые приступающий к чтению произведения, может ограничиться лишь крупным шрифтом. Этого будет достаточно для того, чтобы он усвоил тот научный материал, который таится в работе Плеханова и который обогатит его основными знаниями в области исторического материализма. Читатель же, который пожелает постичь историческую ценность выступления Плеханова, который пожелает изучить это мастерское выступление таким, каким оно вышло из-под пера автора, будет читать книгу целиком».

10. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Популярная серия. Вып. II. *Г. В. Плеханов.* Основные вопросы марксизма. Под редакцией и с предисловием Д. Рязанова. Изд. 3-е. Гос. Издательство. М.—Стр. 126. Тираж 10.000 экз.

11. *Г. В. Плеханов.* Основные вопросы марксизма. Орловское отделение Государственного издательства. Орел. Стр. 174.

12. *Г. В. Плеханов.* Литература и критика. Сборник статей. Т. I. Изд. «Новая Москва». Стр. 374. Тираж 5000 экз.

Выпущенный издательством «Новая Москва» сборник литературно-критических статей Г. В. как бы примыкает к выпущенному в прошлом году тем же издательством сборнику статей Плеханова, посвященных проблеме искусства.

Настоящий сборник заключает в себе следующие работы Плеханова: «Судьбы русской критики» (Волынский. Русские критики. В. Г. Белинский. Белинский и разумная действительность. Литературные взгляды В. Г. Белинского). «Наши беллетристы-народники» (Г. И. Успенский, Н. И. Наумов, С. Каронин, Н. А. Некрасов).

13. *Г. В. Плеханов.* Искусство и общественная жизнь. Издание Московского института журналистики. М. Стр. 68.

Книжка является повторным изданием выпущенной в 1922 году Институтом Журналистики статьи *Г. В.*, напечатанной в свое время в «Современнике» и представляющей из себя изложение реферата, читанного Плехановым в 1912 г. в Льеже и в Париже.

14. *Г. В. Плеханов.* О религии. Изд. «Красная Новь». Главполитпросвет. М. Стр. 136. Тираж 10.000 экз.

15. *Г. В. Плеханов.* Статьи о религии. Государственное издательство Украины. Киев. Стр. 132. Тираж 10.000 экз.

Статьи Г. В. по вопросам религии, написанные в эпоху религиозной реакции 1908—1910 годов, хранят свое большое значение вплоть до наших дней. Между тем они до последнего времени были почти недоступны рядовому читателю. Их приходилось отыскивать в толстых журналах, где они печатались в свое время. Сборник же «От обороны к нападению», в который некоторые из них были включены Г. В., представляет собою почти библиографическую редкость.

Два сборника, названия которых выписаны выше, удовлетворят потребность читателя в знакомстве со статьями Плеханова, посвященными проблеме религии.

В сборник «Красной Нови» включены три статьи: 1) «О религии» (О генезисе религии). 2) «Еще о религии» (Критика религиозного новаторства современности). 3) «О так называемых религиозных исканиях в России» (критика «Евангелия от декаданса»).

Сборник Украинского Госиздата заключает в себе лишь две из указанных выше статей, но зато еще дает 5 отзывов Г. В. о книгах, посвященных проблеме религии — Лютгенау, Пфлейдерера, Паннекука, Бутру и Гюйо.

Приходится пожалеть, что, таким образом, ни один из сборников не дает *всего* написанного Плехановым по вопросам религии. Между тем сделать это было и возможно, и нужно.

Оба сборника снабжены небольшими предисловиями. К украинскому приложен, кроме того, указатель литературы по религиозным вопросам.

Технически значительно лучше издан сборник московский.

16. *Г. В. Плеханов.* В Амстердаме. (Мысли и заметки о II Интернационале.) С предисловием и примечаниями Н. Н. Попова. Изд. «Красная Новь». Главполитпросвет. М. Стр. 48. Тираж 10.000 экз.

17. *Г. В. Плеханов.* Русский рабочий в революционном движении. (По личным воспоминаниям.) Издательство «Більшовик». Киев. Стр. 75. Тираж 10.000 экз.

18. *Г. В. Плеханов.* Очерки по истории русской общественной мысли XIX века. Рабочее кооперативное издательство «Прибой». П. Стр. 312. С портретом. Тираж 10.000 экз.

В сборник вошли следующие работы Г. В.: 1) 14 декабря 1825 года. 2) Пессимизм П. А. Чаадаева. 3) М. П. Погодин и борьба классов. 4) В. Г. Белинский (статья из «Истории русской литературы XIX века»). 5) Герцен-эмигрант. 6) А. И. Герцен и крепостное право. 7) Философские взгляды А. И. Герцена. 8) Освобождение крестьян. 9) Н. Г. Чернышевский (статья из «Истории русской литературы XIX века»). 10) Предисловие к книге Туна «История революционного движения в России».

Настоящее издание сослужит хорошую службу всякому, знакомящемуся с Плехановым, как историком русской общественной мысли. Оно явится как бы продолжением плехановской «Истории».

В подборе материала с редакцией всецело нельзя согласиться. Белинскому и Чернышевскому, которые занимали центральное место в работах Г. В. по истории русской общественной мысли, уделено всего по одной статье,—и то не самые яркие из написанных Плехановым. Надо было или совершенно отослать читателя к исследованию о Чернышевском и сборнику статей о Белинском, или же уделить этим мыслителям, на которых с особой любовью и вниманием останавливается Плеханов, больше места. Напрасно также опущена статья о Добролюбове, напечатанная в «Студии» в 1911 году. Она совершенно необходима в настоящем сборнике и была бы гораздо более уместна, нежели предисловие к русскому изданию Туна.

Техника издания хороша.

19. *Г. В. Плеханов.* В. Г. Белинский. Изд. «Основа». Иваново-Вознесенск. Стр. 54.

20. *Г. В. Плеханов.* В. Г. Белинский. Сборник статей с предисловием В. Ваганяна. Государственное издательство. М. — П. Стр. 5—330. Тираж 10.000 экз.

Сборник включает в себе следующие статьи: 1) В. Г. Белинский (статья из «Истории русской литературы XIX века»). 2) В. Г. Белинский (речь по случаю пятидесятилетия со дня смерти). 3) Белинский и разумная действительность. 4) Литературные взгляды В. Г. Белинского. 5) О Белинском. 6) Виссарион Белинский и Валериан Майков. 7) О книге С. Ашевского.

Идея Государственного издательства — выпустить к семидесятипятилетию со дня смерти Белинского сборник, включающий в себе все, что было написано Плехановым о родоначальнике русских просветителей, заслуживает всяческого одобрения. Благодаря этому сборнику, русский читатель получил первую большую марксистскую книгу, достойную Белинского. То, что эта книга не монография, не цельное исследование, а собрание статей, часто и неизбежно повторяющих одни мысли, конечно, наносит ей некоторый ущерб, мешая цельности впечатления, получаемого читателем.

Несмотря на этот маленький—объективный—дефект, Госиздат хорошо, очень хорошо сделал, что выпустил эту полезную книгу.

21. *Г. В. Плеханов.* Ответ г. А. Богданову. Изд. «Пролетарий». Харьков. Стр. 158.

22. *Н. Ленин* и *Г. Плеханов.* Против А. Богданова. Изд. «Красная Новь». М. Стр. 168. Тираж 10.000 экз.

Рецензии: «Под знаменем марксизма» № 8—9; «Книга и революция» № 3 (27).

Харьковский сборник содержит известные статьи Плеханова, направленные против богдановских искажений марксизма. В сборник «Красной Нови» включена, кроме того, последняя глава книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Последнему сборнику предпослано небольшое предисловие Я. Я., в котором указывается на необходимость восстановить взгляды Плеханова и Ленина на философские взгляды Богданова пред лицом величайшего движения рабочего класса по пути к овладению знанием.

23. *Г. В. Плеханов.* От идеализма к материализму. Изд. «Пролетарий». Харьков. Стр. 58. Тираж 10.000 экз.

* * *

Впервые опубликованные статьи и письма Г. В. Плеханова.

1. О былом и небылицах (с дополнением Л. Г. Дейча). «Пролетарская революция» № 3. Стр. 29—45.
2. Об чем спор. «Каторга и революция». Книга седьмая. Стр. 46—53.
3. Доклад Брюссельскому Международному Социалистическому Конгрессу (с вступительными замечаниями Д. Рязанова). «Под знаменем марксизма» № 6—7. Стр. 78—89.
4. Письмо в редакцию «Mouvement Socialiste». «Под знаменем марксизма» № 6—7. Стр. 89—95.
5. Три письма к Максиму Горькому. «Под знаменем марксизма» № 6—7. Стр. 109—112.

IV. УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ О ПЛЕХАНОВЕ ЗА 1923 ГОД.

Агол, И. Плеханов и религиозная реакция. «Спутник коммуниста» № 24. Стр. 225—243.

А. З. Г. В. Плеханов. Биографический очерк. Баку.

Аксельрод, Ида. Г. В. Плеханов и искусство. Статья в сборнике «Литературно-критические очерки» под ред. С. Я. Вольфсона. Минск.

Астров, В. Плеханов в борьбе с «экономистами». «Спутник коммуниста» № 24. Стр. 189—205.

Баскин, М. Плеханов в борьбе против «богдановщины». «Спутник коммуниста» № 24. Стр. 172—178.

Бессонов, С. Плеханов как экономист. «Спутник коммуниста» № 24. Стр. 263—289.

Ваганян, В. Опыт библиографии Г. В. Плеханова с предисловием Д. Рязанова. Государственное издательство. М.—П. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Стр. 118.

Рецензии: Ст. Кривцова. «Под знаменем марксизма» № 6—7.

Ваганян, В. Дополнение к опыту библиографии Г. В. Плеханова. «Под знаменем марксизма». № 6—7. Стр. 267—270.

Ваганян, В. Г. В. Плеханов: I. «От народничества к марксизму». «Под знаменем марксизма» № 2—3. Стр. 153—192.

Ваганян, В. Г. В. Плеханов: II. Плеханов и группа «Освобождение Труда». «Под знаменем марксизма» № 8—9. Стр. 21—53.

Ваганян, В. Г. В. Плеханов: III. Социализм и политическая борьба. «Под знаменем марксизма» № 10. Стр. 18—39.

Ваганян, В. Плеханов и Белинский. «Под знаменем марксизма» № 6—7. Стр. 59—77.

Вольфсон, С. Я. Вокруг Плеханова (плехановская литература за 1922 год.). Изд. «Белтрестпечать». Стр. 100. С приложением портрета молодого Плеханова.

Рецензии: «Книгоноша»—№ 3; «Коммунистическая революция»—№ 13—14; «Книга и революция»—№ 3 (27); «Вперед» (Минск)—№ 3.

Вольфсон, С. Я. Г. В. Плеханов и вопросы искусства. «Красн. Н.». Книга 5.

Рецензия: «Коммунист» (Харьков) от 29 октября 1923 г.

Вольфсон, С. Я. Плеханов-народник. «Труды Белорусского Государственного Университета» № 4—5.

Вольфсон, С. Я. Великий социалист. Переиздано Калужским Губкомом Р. К. П.

Рецензии о настоящем и предыдущих изданиях, данные в 1923 г.: «Пролетарская революция»—№ 3—15; «Правда»—№ 42; «Книга и революция»—№ 3 (27); «Вперед»—№ 3.

Вольфсон, С. Сявец. марксызму. «Полымя» (на белорусском языке) № 5—6.

Воронский, А. На стыке. Литературные силуэты. Государственное издательство. М.—П. Г. В. Плеханов. Стр. 277—285.

Гиринис, С. Плеханов в борьбе против ревизионизма. «Спутник коммуниста» № 24. Стр. 206—218.

Горев, Б. Первый русский марксист Г. В. Плеханов. Изд. «Красная Новь». Главполитпросвет. М. 1923. Стр. 54.

Рецензии: «Под знаменем марксизма» № 2—3. (Ответ тов. Горева на эту рецензию и возражения рецензента—в том же журнале № 6—7.)

Дейч, Л. Г. О литературном наследстве Г. В. Плеханова и В. И. Засулич. «Пролетарская революция». 1923. № 1—(13).

Дейч, Л. Г. О сближении и разрыве с народовольцами. «Пролетарская революция». № 8. Стр. 5—55.

Дейч, Л. Г. Из отношений Г. В. Плеханова к народовольцам. «Каторга и ссылка». Книга седьмая. Стр. 9—20.

Заславский, Д. Г. В. Плеханов. Изд. «Радуга». Петроград—Москва. Стр. 88.

Звенцов А. И. Плеханов, пролетариат и искусство. «Ключ Творчества» № 2. Уфа, май 1923.

И-ев, Т. Г. В. Плеханов. «Уральский Рабочий» № 58.

Коваленко, М. Г. В. Плеханов «Красн. Журн. для всех» № 3—4.

Ковпатор, Р. Г. В. Плеханов. Изд. Архан. Губ. Сов. парт. школы. Стр. 19.

Козьмин, Б. Один из первых литературных опытов Г. В. Плеханова. «Каторга и ссылка». Книга седьмая. Стр. 40—45.

Кривцов, С. Плеханов как социолог. «Под знам. маркс.» № 6—7. Стр. 45—59.

Луначарский, А. В. Революционные силуэты. Изд. «Девятое января». М. Георгий Валентинович Плеханов. Стр. 35—45.

Молотов, К. Плеханов и искусство. «Спутник коммуниста» № 24. Стр. 244—261.

Подольский Б. Эстетическое воззрение Плеханова. «Силуэт» №№ 12 и 13. Одесса. Май 1923.

Полянский, В. Плеханов о Толстом. «Под знаменем марксизма» № 6—7. Стр. 37—45.

Плотников, А. Е. Плеханов и о Плеханове. «Книга и революция» № 3 (27). Стр. 6—12.

Поссе, В. А. Воспоминания (1905—17). Изд. «Мысль». П. Стр. 90—93.

Покровский, М. Г. В. Плеханов как историк России. «Под знаменем марксизма» № 6—7. Стр. 5—18.

Розанов, Я. Г. В. Плеханов. Газета «Звезда» (Минск). № 129.

Румий, В. Плеханов и террор. «Под знаменем марксизма» № 6—7. Стр. 19—37.

Сарабьянов, В. Плеханов-философ. «Спутник коммуниста» № 24. Стр. 125—172.

Сергей, Г. Незавидное счастье (пророчество Плеханова о Богданове). «Спутник коммуниста» № 24. Стр. 179—189.

Слепков, А. Плеханов в эпоху борьбы «Правды» с ликвидаторством. «Спутник коммуниста». № 24. Стр. 218—226.

Семашко, Н. А. О детских годах Г. В. Плеханова. «Каторга и ссылка». Книга седьмая. Стр. 33—36.

Сафаров, Г. Предтеча большевизма. Статья в сборнике «Вождь пролетариата—Р. К. П.». Изд. «Прибой». П. Стр. 138—142. (Первоначально напечатано в «Петроградской Правде» № 61 от 18 марта 23 г.)

Федорченко, Л. (Н. Чаров). Г. В. Плеханов (из воспоминаний). «Каторга и ссылка». Книга седьмая. Стр. 21—32.

Чернышев, В. Р. Г. В. Плеханов как экономист. «Вестник Социалистической академии». Книга шестая.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Просьба ко всем лицам, имеющим какие-либо материалы (документы, заметки, воспоминания), относящиеся к членам группы «Освобождение Труда» и их близким знакомым, направлять таковые в Государств. Издательство: Москва, угол Рождественки и Софийки, д. № 4/8, комн. 22 (телеф. 1-69-69), для редакции Сборников группы «Освобождение Труда».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

СОДЕРЖАНИЕ.

ФОТОГРАФИИ: группа «Осв. Тр.», портреты В. Н. и Е. Н. Игнатовых и факсимиле письма Фр. Энгельса.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.

От декабристов до свержения царизма.

Волков, Е. З. Среди моряков и речников торгового и военного флота. (1908—1914 г.г.). Ц. 2 р.

Восстание на броненосце „Потемкин Таврический“. Ред. и вступ. статья В. И. Невского. Ц. 3 р.

Генкин, И. Из воспоминаний политического каторжанина. (1908—1914 г.г.) Ц. 25 к.

Горев, Б. И. Из партийного прошлого. Воспоминания. 1895—1905 г.г. Ц. 50 к.

Дневник П. А. Кропоткина. Ц. 1 р. 50 к.

Каменев, Л. Меньшевики в первой русской революции. Ц. 25 к.

К 25-летию первого съезда партии (1898—1923 г.г.) Ц. 1 р. 10 к.

Колпенский, В. Якутская ссылка и дело романовцев. Ц. 15 к.

Кон, Феликс. Сорок лет под знаменем революции. Воспоминания. Ц. 80 к.

Новорусский, М. В. Записки шлиссельбуржца (1887—1905 г.г.) Ц. 40 к.

Его же. Путеводитель по Шлиссельбургу. Ц. 50 к.

Ольминский, М. Из прошлого. Ц. 25 к.

Его же. Три года в одиночной тюрьме (1896—1898 г.г.) Ц. 60 к.

Памятники агитационной литературы Росс. Соц.-Демокр. Раб. Партии. Т. VI (1914—1917 г.г.). Период войны. Ц. 2 р.

Раевский, А. История первого мая в России.

Революция и Р. К. П. в материалах и документах. Том II. Ц. 3 р. 50 к.

То же. Том V. Ц. 3 р. 25 к.

Тахтарев, К. М. Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов. Ц. 30 к.

Троцкий, Л. Туда и обратно. Ц. 6 к.

Центрархив. Политические процессы шестидесятых годов. Ц. 80 к.

Шелгунов, Н. В. Воспоминания. Ц. 1 р. 75 к.

От свержения царизма до наших дней.

Авдеев, Н. Революция 1917 года. (Хроника событий.) Том I. Январь-апрель. Ц. 70 к.

Его же. То же. Том II. Ц. 2 р. 50 к.

Антанта и Врангель. Сборник статей. Выпуск I. Ц. 90 к.

Борьба за Петроград. 15 октября — 6 ноября 1919 года Ц. 2 р.

Бройде, С. В советской тюрьме. С предисл. Н. Мещерякова. Ц. 80 к.

Владимирова, В. Революция 1917 года. Т. III. Июнь—июль. Ц. 3 р. (продолж. хроники Авдеева.)

Гуль, Р. Ледяной поход (с Корниловым). Предисл. Н. Л. Мещерякова. Ц. 25 к.

Двадцать лет рабочей организации Р. С.-Д. Р. П. (Р. К. П.) Муром, Кулебаки, Выкса. Ц. 2 р.

Зиновьев, Г. История Р.К.П. (большевиков). Ц. 75 к.

Его же. Об антисоветских партиях и течениях. Ц. 20 к.

Керженцев, П. М. К новой культуре. Ц. 10 к.

Луначарский, А. Бывшие люди. Очерк истории партии эс-эров. Ц. 20 к.

Майский, И. Демократическая контр-революция. Ц. 1 р. 10 к.

Максаков, В. и Нелидов, Н. Хроника революции. Выпуск I. 1917 г. Ц. 50 к.

Мартынов, А. Мои украинские впечатления и размышления. Ц. 20 к.

Пионтковский, С. Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход. Ц. 1 р. 50 к.

Троцкий, Л. Война и революция. Том I. Ц. 2 р. 50 к.

Его же. Война и революция. Том II. Ц. 3 р.

Его же. Между империализмом и революцией. Ц. 30 к.

Шляпников, А. Канун семнадцатого года. Часть I. Ц. 1 р. 20 к.

Его же. Канун семнадцатого года. Часть II. Ц. 85 к.

Его же. Семнадцатый год. Книга первая (Январь, февраль, и три дня марта.) Ц. 1 р.

Ярославский, Ем. Жизнь и работа В. И. Ленина. Ц. 1 р. 30 к.
